

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

АСТА

39 166

ET

COMMENTATIONES

IMP. UNIVERSITATIS JURIEVENSIS

(OLIM DORPATENSIS).

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена

1912.

Отъ редакціи.

Редакція „Ученыхъ Записокъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета“ взаменъ особыхъ извѣщеній симъ имѣетъ честь предложить всѣмъ учрежденіямъ, редакціямъ и лицамъ, съ коими она состояла въ обменѣ изданіями въ прошломъ 1911 году, продолжать этотъ обменъ и въ текущемъ 1912 году.

Редакторъ Д. Кудрявскій.

1912.

Годъ 20.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

№ 2.

ЮРЬЕВЪ.

Типографія К. Маттисена

1912

Печатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Юрьевскаго
Университета.

Юрьевъ, 10 марта 1912 г

№ 1132.

За Ректора Проректоръ Протоіерей А. Царевскій.

СОДЕРЖАНИЕ.

Официальный отдѣлъ.

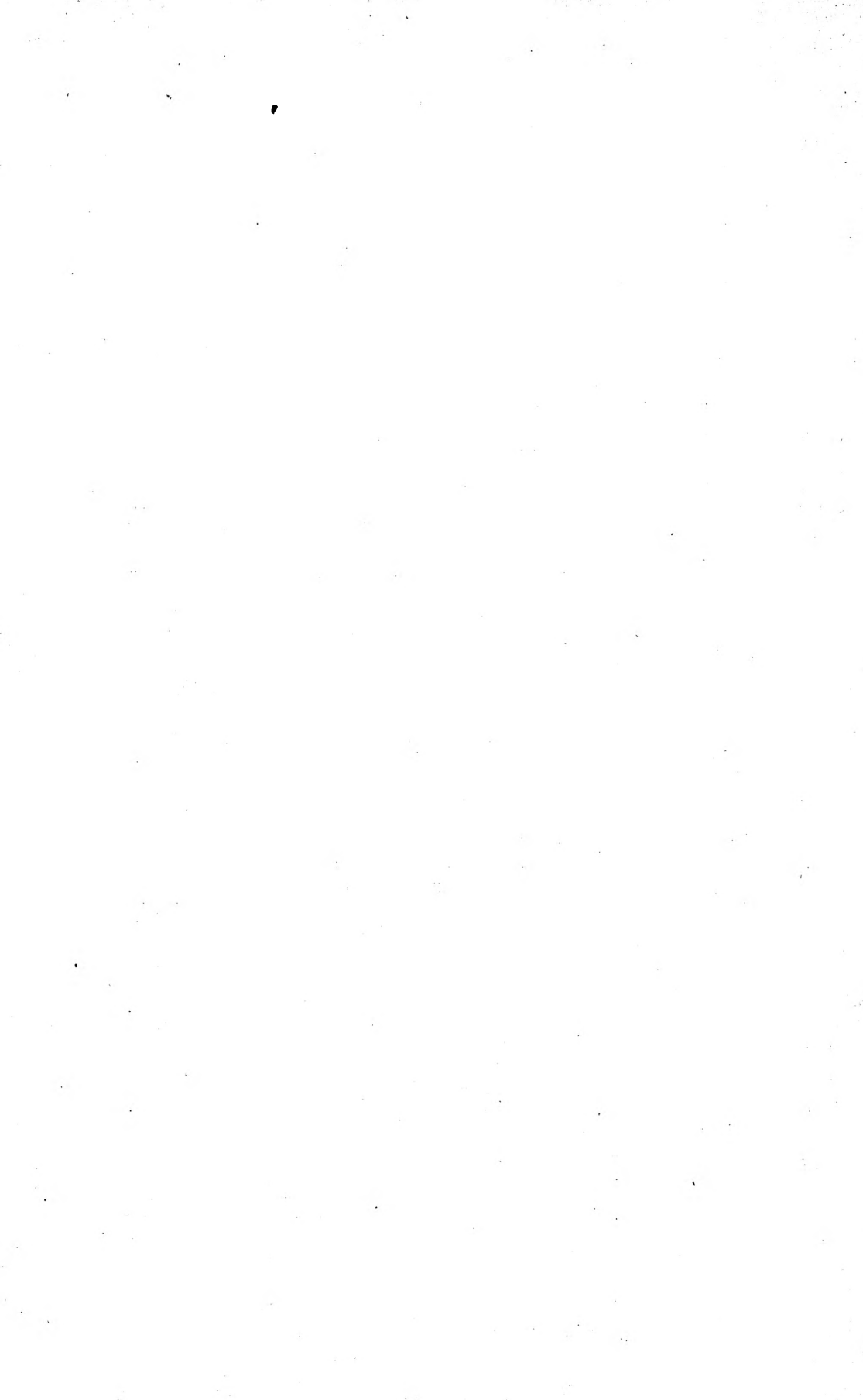
	Стр.
Краткій отчетъ Императорскаго Юрьевскаго Университета за 1911 годъ	1— 44
Проф. К. К. Сентъ-Илеръ. Отчетъ объ экскурси студентовъ-естественниковъ Императорскаго Юрьевскаго Университета на Бѣлое море лѣтомъ 1911-го года	1— 24

Научный отдѣлъ.

И. Кондаковъ и И. Шиндельмейзеръ. Къ химіи изолауролена	1— 9
---	------

Приложенія.

А. Мейе, профессоръ Collège de France. Введеніе въ сравнительную грамматику индо-европейскихъ языковъ. Переводъ проф. Д. Кудрявскаго, просмотрѣнный и дополненный авторомъ	97—160
Проф. Е. В. Пѣтуховъ. Русская литература, историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода	1— 48
Проф. И. И. Лаппо. Великое княжество литовское во второй половинѣ XVI столѣтія	1— 80

БРАТКІЙ ОТЧЕТЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Юрьевскаго Университета

ЗА 1911 ГОДЪ.

На предложенную богословскимъ факультетомъ тему: „Anselms Versöhnungslehre und ihr Verhältniss zur Lehre Augustins vom Werke Christi“ была представлена одна работа подъ девизомъ „Redemptionis causa sola fuit dilectio tua“.

Авторъ сочиненія подъ этимъ девизомъ доказываетъ способность связно излагать свои мысли. Подлежащіе источники ему хорошо знакомы, и онъ въ первой части удачно сьумѣлъ ими воспользоваться. Впрочемъ нельзя не отмѣтить того недостатка, что языкъ автора подчасъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ требованіямъ, предъявляемымъ къ научной работѣ.

Въ виду этого бог. фак. присудилъ сочиненію подъ девизомъ „Redemptionis causa sola fuit dilectio tua“

серебряную медаль.

Конвертъ съ этимъ девизомъ содержалъ фамилію: Густавъ Шаурумъ.

На тему „Die Theologischen Ergebnisse der Religionspsychologie des letzten Dezenniums“ была представлена работа подъ девизомъ „Quid est, quod amo, quum te amo“.

Авторъ сочиненія подъ этимъ девизомъ доказываетъ самостоятельность научнаго сужденія, равно какъ и обширную начитанность по литературѣ предмета. Главныя типы современной психологіи религіи имъ изложены самымъ нагляднымъ образомъ. Высказанныя до сихъ поръ мнѣнія авторъ подвергаетъ разумной критикѣ, не менѣе удачнымъ является у него и сочетаніе добытыхъ пока обоснованныхъ результатовъ.

Въ виду изложеннаго бог. фак. присудилъ автору сочиненія подъ девизомъ „Quid est, quod amo, quum te amo“

золотую медаль.

Конвертъ съ этимъ девизомъ содержалъ фамилію: Вернеръ Грюнъ.

На предложенную юридическимъ факультетомъ тему „Служба гражданская по законодательству Петра Великаго“ была представлена работа подъ девизомъ „Азь бо есмь въ чину учимыхъ и учащихъ мя требую“.

Авторъ сочиненія подъ этимъ девизомъ изучилъ обширный законодательный матеріалъ вполне добросовѣстно и весьма тщательно. Въ массѣ ссылокъ на №№ П. С. З. мнѣ удалось найти всего нѣсколько случаевъ неточныхъ или неправильныхъ по существу ссылокъ. Таковыя ссылки на стр.: 4 (п. с. з. 3695), 5 (№ 3978), 110 (№ 2494), 121 (№ 3702), 133 (№ 1835), 297 (3949), 302 (№ 3877), 169 (№ 3764, 3856). Изученъ матеріалъ основательно, что дало автору возможность извлечь данные о службѣ гражданской изъ цѣлага ряда указовъ, не посвященныхъ специально послѣдней и касающихся отдѣльныхъ сторонъ ея лишь мимоходомъ въ связи съ другими вопросами. — На основаніи изученнаго матеріала авторъ далъ исчерпывающее ученіе о службѣ гражданской какъ со стороны обособленія ея отъ службы военной, такъ и со стороны регламентаціи различныхъ моментовъ прохожденія службы, равно обязанностей отвѣтственности и правъ служащихъ. Авторъ съумѣлъ повсюду уловить юридическую сторону вопроса и при этомъ съумѣлъ удержаться отъ навязыванія прошлому современныхъ намъ правовыхъ представленій. Таковы достоинства работы. Недостатки ея заключаются въ отсутствіи строго логической послѣдовательности и стройности изложенія отдѣльныхъ ея частей, въ нѣкоторой растянутости и многословіи всего изложенія, наконецъ, въ тяжеломъ и не обработанномъ съ литературной стороны слогѣ автора. Противъ логической послѣдовательности и стройности грѣшитъ I глава работы, въ которой сваленъ въ кучу рядъ вопросовъ съ нарушеніемъ нерѣдко внутренней связи между ними и безъ соблюденія пропорціи въ разработкѣ отдѣльныхъ частей. Растянутость и многословіе присущи, къ сожалѣнію, почти всѣмъ частямъ работы. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что это недостатокъ весьма распространенный среди начинающихъ. Умѣніе концентрировать мысль и излагать ее сжато пріобрѣтается лишь многолѣтнимъ трудомъ. Тяжелый и необработанный слогъ весьма неприятно поражаетъ читателя. Не могу, однако, не указать на то обстоятельство, что при краткости конкурснаго срока и обилии продѣланной работы у автора, очевидно, не могло оставаться свободного времени для специальной литературной отдѣлки сочиненія. — Всѣ отмѣченные недостатки всецѣло искупаются достоин-

ствами работы. Можно безусловно признать, что авторъ выполнил поставленную факультетомъ задачу въ полномъ согласіи съ требованіями научнаго метода и вполне успѣшно.

Юридическій факультетъ присудилъ автору

золотую медаль.

Конвертъ съ девизомъ „Азъ бо емь и т. д.“ содержалъ фамилію: Георгій Рощицкій.

Авторъ другого сочиненія на ту же тему подъ девизомъ: „Только тотъ не ошибается, кто ничего не дѣлаетъ“, несомнѣнно, изучилъ весь законодательный матеріалъ эпохи, но, къ сожалѣнію, не сумѣлъ въ достаточной мѣрѣ приспособиться къ его особенностямъ. Послѣднія заключаются въ томъ, что приблизительно до 1718 г. отдѣльныя положенія о службѣ гражданской устанавливались какъ бы мимоходомъ въ отдѣльныхъ указахъ, не посвященныхъ специально службѣ гражданской; болѣе или менѣе систематическая регламентація послѣдней имѣла мѣсто лишь въ послѣдніе годы царствованія. Авторъ исчерпалъ спеціальныя регламентаціонныя указы послѣднихъ лѣтъ. Что же касается разрозненнаго матеріала отдѣльныхъ указовъ болѣе ранняго времени, то этотъ матеріалъ использованъ авторомъ недостаточно. Матеріалъ, положенный въ основу изложенія, изслѣдованъ въ высшей степени тщательно, и все цитаты автора отличаются безусловной точностью. При обработкѣ матеріала авторъ впадаетъ въ двоякаго рода ошибку: въ отдѣльныхъ случаяхъ онъ выхватываетъ изъ законодательныхъ актовъ отрывочныя положенія и фразы, придаетъ имъ значеніе самодовлѣющихъ догматическихъ текстовъ и дедуцируетъ изъ нихъ формально-логическіе выводы, — не считаясь съ эмпирическимъ характеромъ и содержаніемъ источника; въ большинствѣ же случаевъ авторъ ограничивается дословнымъ воспроизведеніемъ или прямымъ пересказомъ законодательныхъ актовъ, не задаваясь цѣлью истолковать ихъ и тѣмъ менѣе извлечь изъ нихъ лежащіе въ ихъ основѣ руководящіе юридическіе принципы. Первая ошибка грѣшитъ противъ позитивной исторической методологіи, вторая — противъ требованія юридическаго анализа и конструкціи, неизбѣжныхъ въ изслѣдованіи историко-юридическомъ. Вообще юридическая сторона отношеній гражданской службы проанализована у автора недостаточно. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ вовсе не выяснилъ себѣ юридическаго момента,

какъ это особенно замѣтно въ главѣ о поступленіи на службу и въ отдѣлѣ объ отвѣтственности служащихъ. Настоящей работы нельзя, поэтому, признать вполне успѣшнымъ выполнениемъ поставленной факультетомъ задачи. Языкъ у автора не всегда правильный, и слогъ обнаруживаетъ стремленіе къ „высокому штилю“ въ ложноклассическомъ духѣ. Наряду съ отмѣченными недостатками въ работѣ имѣются несомнѣнныя и немалыя достоинства. Таковы: проявленныя авторомъ трудолюбіе и старательность, тщательное изученіе законодательнаго матеріала и литературы, безукоризненность цитатъ и ссылокъ. Нѣкоторыя стороны темы получили въ работѣ обстоятельную и законченную разработку именно, — воспитаніе гражданскихъ чиновниковъ, надзоръ за ними, обязанности гражданскихъ чиновниковъ (въ значительной мѣрѣ). Хотя работа автора и не можетъ быть признана лучшимъ выполнениемъ задачи, тѣмъ не менѣе въ виду указанныхъ достоинствъ она вполне заслуживаетъ награды.

Юридическій факультетъ присудилъ автору

серебряную медаль.

Конвертъ съ девизомъ „Только тотъ не ошибается и т. д.“ содержалъ фамилію: Христофоръ Людвиговичъ Мазингъ.

На предложенную медицинскимъ факультетомъ тему „Строеніе слизистой оболочки тонкой кишки вообще или въ частности“ была представлена работа подъ девизомъ „Habent sua fata libelli“, озаглавленная: „Зернистыя клѣтки эпителія слизистой оболочки тонкой кишки“.

Работа эта соотвѣтствуетъ по своему существу заданной темѣ и имѣетъ своимъ предметомъ зернистыя клѣтки въ эпителии слизистой оболочки тонкой кишки. Уже давно извѣстны были зернистыя клѣтки Paneth'a, но только недавно обратили вниманіе на нихъ и занялись изслѣдованіемъ ихъ сущности. До нѣкоторой степени было выяснено ихъ происхожденіе и значеніе. Въ настоящей работѣ авторъ занялся изслѣдованіемъ тоже зернистыхъ клѣтокъ, но отличныхъ отъ клѣтокъ Paneth'a, встрѣчающихся среди клѣтокъ эпителія какъ ворсинокъ, такъ особенно кишечныхъ железъ. Онъ въ совершенствѣ овладѣлъ методами изслѣдованія своихъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ и кромѣ того усовершенствовалъ эти методы и съ помощью ихъ получилъ данныя, съ помощью которыхъ могъ съ большей точностью установить

самостоятельность особенныхъ зернистыхъ клѣтокъ — ацидофильныхъ у однихъ животныхъ и хромофильныхъ у другихъ, совершенно отличныхъ отъ клѣтокъ Paneth'a. Авторъ показалъ умѣніе въ разработкѣ вопроса, умѣнье въ пользованіи специальной литературой. Приложенныя къ работѣ иллюстраціи въ видѣ микрофотографіи и таблицы рисунковъ показываютъ, что авторъ овладѣлъ микрофотографіей, безъ которой теперь невозможно обойтись въ естественно-историческихъ изслѣдованіяхъ, и умѣетъ изображать видимое въ препаратѣ. Всѣ эти данныя такого рода, что авторъ достоинъ высшаго поощренія за свой представленный трудъ, поэтому ф-тъ удостоилъ автора награжденія

золотой медалью.

Конвертъ съ девизомъ „Habent sua fata libelli“ содержалъ фамилію: Гарри Юльевичъ Куллъ.

На тему „Вліяніе лѣкарственныхъ веществъ на способность вырѣзанной печени задерживаетъ яды“ была представлена работа подъ девизомъ „Usus magister est“.

Въ работѣ описываются опыты автора, поставленные съ цѣлью выяснитъ вопросъ о вліяніи различныхъ лѣкарственныхъ веществъ на способность вырѣзанной печени задерживать яды, циркулирующіе черезъ нее вмѣстѣ съ питательнымъ растворомъ Рингеръ-Локка. Задерживающая способность печени изслѣдовалась авторомъ по отношенію къ кураре, мускарину, рицину, этиловому алкоголю и атропину. Таковая способность опредѣлялась и при пропусканіи черезъ печень нормального выше указаннаго питательнаго раствора, и при пропусканіи черезъ нее вмѣстѣ съ этимъ растворомъ хинина, фенола, сулемы, салициловоксилаго натрія, фтористаго натрія и лецитиновъ. Кромѣ того авторъ изслѣдовалъ разсматриваемую способность печени при хроническомъ отравленіи животныхъ этиловымъ алкоголемъ, сулемою и желтымъ фосфоромъ.

Опыты произведены съ печенью кроликовъ, всего въ количествѣ 52-хъ.

Изъ опытовъ автора слѣдуетъ, что вырѣзанная печень кроликовъ весьма резистентна по отношенію къ хинину (— при разведеніяхъ отъ 1:5000 до 1:1000), фенолу (при разведеніяхъ отъ 1:5000 до 1:1000), сулемѣ (при разведеніяхъ 1:50000 до 1:2000), фтористому натрію (— 1:10000—1:5000); по отно-

шенію къ салициловокислomu натрію печень болѣе чувствительна. Интересно, что лецитины повышаютъ задерживающую способность печени.

Итакъ, вырѣзанная печень, какъ и живая, стоящая въ нормальной связи со всѣмъ организмомъ, довольно резистентна по отношенію къ различнымъ протоплазматическимъ ядамъ.

Экспериментальная часть работы выполнена вполне удовлетворительно. Литературная часть труда обработана толково и полно. Работа написана хорошимъ литературнымъ языкомъ.

Въ работѣ встрѣчаются различныя ошибки, она не лишена и другихъ недостатковъ, въ общемъ-же производитъ хорошее впечатлѣніе, какъ весьма добросовѣстная и умѣло выполненная.

Медиц. ф-тъ присудилъ автору ея

золотую медаль.

Конвертъ съ девизомъ „*Usus magister est*“ содержалъ фамилію: Аронъ Рувиновичъ Лейбовичъ.

На тему „Морфологическія и біологическія особенности холероподобныхъ бактерій“ была представлена работа подъ девизомъ „*Omnis cellula e cellula*“.

Настоящее заданіе авторъ старается рѣшить на основаніи изученія свойствъ 29 вибрионовъ, выдѣленныхъ частью изъ рѣки Эмбаха, частью полученныхъ изъ Петербурга и выдѣленныхъ тамъ изъ невской воды; третья часть вибрионовъ взята изъ коллекціи лабораторіи Гигіеническаго Института. Изъ числа этихъ вибрионовъ два несомнѣнно холерныхъ и два сомнительныхъ.

Всѣ перечисленные микроорганизмы авторъ подвергаетъ тщательному изслѣдованію прежде всего со стороны ихъ морфологіи, а затѣмъ и со стороны роста на различныхъ питательныхъ средахъ. — Желатинъ на „пластинкахъ“ и „уколомъ“, на агарѣ, пептоновой водѣ, бульонѣ, молокѣ, картофелѣ — и вполне объективно и наглядно излагаетъ результаты этихъ изслѣдованій. Такимъ образомъ оказывается, что всѣ взятые для изученія вибрионы по микроскопическому виду чрезвычайно сходны между собою. Для отличія нѣкоторыхъ изъ нихъ могли бы служить лишь жгутики, появляющіеся у нѣкоторыхъ видовъ въ одномъ, а у другихъ во множественномъ числѣ. Ростъ на желатиновыхъ пластинкахъ даетъ нѣсколько болѣе опорныхъ пунктовъ для отличія отдѣльныхъ видовъ. Еще болѣе разнятся вибрионы по росту на

желатинѣ „уколомъ“. Агаровыя пластинки и культуры на косомъ агарѣ даютъ очень похожія картины и лишь присмотрѣвшійся глазъ способенъ найти нѣкоторыя варіаціи. Всѣмъ вибрионамъ свойственна способность давать шагреновую зернистость на пластинчатомъ агарѣ. Нѣкоторыя различія можно замѣтить и при посѣвахъ вибрионовъ на бульонѣ и пептоновой водѣ. Два вида изъ всѣхъ взятыхъ для опыта вибрионовъ росли безъ образованія пленки и помутнѣнія. Нѣкоторые холероподобные вибрионы свертываютъ молоко, но далеко не всѣ. Холерные не измѣняютъ его.

Далѣе авторъ опредѣляетъ рядъ біологическихъ свойствъ у изслѣдуемыхъ вибрионовъ, а именно: температурный optimum роста, движеніе, вліяніе на ростѣ реакція среды, способность выработать индолъ, разжижать желатину, способность образованія газа изъ фецеъ, содержащихъ виноградный сахаръ, гемолизинновъ, протеолитическаго фермента, липазы и амилазы. Результаты этихъ изслѣдованій интересны въ томъ отношеніи, что показываютъ, насколько различны могутъ быть біологическія свойства вибрионовъ, по морфологическимъ признакамъ и по росту на питательныхъ средахъ сходныхъ б. или м. между собою. Между прочимъ оказывается, что не всѣ холероподобные вибрионы гемолизуютъ кровь, нѣкоторые вырабатываютъ амилазу, другіе — липазу, одинъ разлагаетъ виноградный сахаръ съ образованіемъ газа, восемь не вырабатывали никакихъ ферментовъ, на которые производилось изслѣдованіе.

Наиболѣе интересны опыты съ специфически агглютининами. Эта, довольно сложная, работа выполнена авторомъ прекрасно и дала цѣнныя указанія на то, что среди т. н. холерноподобныхъ вибрионовъ существуетъ много обособленныхъ видовъ (на что отчасти указываетъ и изученіе біологическихъ свойствъ вообще). Изъ 25 нехолерныхъ вибрионовъ только три можно было считать совершенно тождественными на основаніи агглютинаціи.

Авторъ обходитъ молчаніемъ вопросъ о принадлежности къ холернымъ вибрионамъ многожгутиковаго вида „v. 11 фильтр“, агглютинируемаго холерными сыворотками. Очевидно, для разрѣшенія противорѣчій, связанныхъ съ этимъ видомъ, требуются спеціальныя изслѣдованія.

Въ заключеніе авторъ даетъ въ краткомъ видѣ очень интересные наблюденія относительно измѣненія агглютинируемости, способности разжижать желатину и вырабатывать гемолизины у

холерныхъ и холероподобныхъ вибрионовъ подѣ влияніемъ ежедневныхъ пересѣвовъ ихъ на агарѣ.

Литературныя ссылки авторъ ограничиваетъ главнѣйшими данными, основательно не желая загромождать работы массою не всегда пригоднаго матеріала.

Несмотря на то, что изслѣдованіе автора касается всего 3-хъ десятковъ вибрионовъ, работа, произведенная имъ, огромна и выполнена тщательно. Она обнаруживаетъ въ немъ способность наблюдать, подмѣчать особенности и обозначать ихъ точно и характерно. Главнѣйшій выводъ, къ которому она приводитъ, даетъ ясное представленіе о многообразности видовъ вибрионовъ, при поверхностномъ наблюденіи очень сходныхъ между собою, и о специфичности каждаго изъ нихъ. Она показываетъ, насколько тщетно стремленіе отождествлять холерные и холероподобные вибрионы съ тенденціозною цѣлью объяснить темныя стороны эпидемиологіи холеры.

Крупныхъ недостатковъ въ работѣ нѣтъ. Нѣкоторыя упущенія главнѣйшимъ образомъ редакціоннаго характера произошли, вѣроятно, вслѣдствіе спѣшности при составленіи текста.

Работа вполне заслуживаетъ награды, поэтому ф-тъ удостоилъ автора ея награжденія

золотою медалью.

Конвертъ съ девизомъ „*Omnis cellula e cellula*“ содержалъ фамилію: Михаилъ Экземплярскій.

На тему „Собрать данныя о фабрикаціи эфирныхъ маселъ въ Россіи съ указаніемъ примѣняемыхъ при этомъ пріемовъ производства“ была представлена работа, озаглавленная „Производство эфирныхъ маселъ въ Россіи“, подѣ девизомъ „*Per aspera ad astra*“.

За послѣднія двадцать пять лѣтъ изученіе эфирныхъ маселъ сдѣлало до того колоссальныя успѣхи, что въ настоящее время этотъ отдѣлъ органическихъ соединеній составляетъ одинъ изъ самыхъ разработанныхъ какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ, а многочисленныя иностранныя сочиненія, посвященныя спеціально этимъ соединеніямъ, до того обширны, что нѣкоторыя изъ нихъ содержатъ до 3000 страницъ, какъ напр. четырехтомное сочиненіе Землера.

На рускомъ языкѣ такихъ подробныхъ сочиненій, которыя

удовлетворяли-бы при томъ и требованіямъ современнаго положенія этого вопроса, не существуетъ. Единственное, достаточно обширное сочиненіе, заключающее 300 страницъ, Базарова и Монтеверде „Душистыя растенія и эфирныя масла“, вышедшее вторымъ изданіемъ въ 1899 году (первое изданіе 1894—1895 г.), давно уже распродано и составляетъ такую библиографическую рѣдкость, что его найти въ продажѣ почти невозможно.

При всѣхъ своихъ достоинствахъ это сочиненіе, вышедшее больше десяти лѣтъ тому назадъ, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ уже устарѣло и кромѣ того въ немъ мало мѣста отведено собственно производству эфирныхъ маселъ въ Россіи.

О другомъ весьма интересномъ сочиненіи Тищенко „Скипидаръ и канифоль“, изданномъ въ 1895 году, приходится сказать почти тоже самое, что и о первомъ.

Работа, представленная подъ девизомъ „Per aspera ad astra“, дополняетъ только что упомянутыя два сочиненія, а какъ посвященная спеціально вопросу о фабрикаціи эфирныхъ маселъ въ Россіи, является трудомъ совершенно оригинальнымъ.

Это сочиненіе, составленное на основаніи литературныхъ данныхъ, разбросанныхъ въ многочисленныхъ различныхъ, подчасъ трудно доступныхъ изданіяхъ, составляетъ первую систематизацію всей литературы, имѣющей по данному вопросу.

Для составленія разбираемаго сочиненія автору пришлось прочесть не менѣе 500 отдѣльныхъ статей, брошюръ и книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя содержатъ сотни и тысячи страницъ.

Пробѣлы, обнаруженные имъ при теченіи всей этой литературы, авторъ сочиненія рѣшилъ дополнить личной перепиской съ заводчиками, фабрикантами и съ лицами, торгующими эфирными маслами. Путемъ такихъ опросовъ онъ почерпнулъ не мало полезныхъ и интересныхъ данныхъ, хотя, къ сожалѣнію, вслѣдствіе подозрительности и недовѣрія опрашиваемыхъ лицъ многое все же осталось неразъясненнымъ.

Сверхъ того авторъ сочиненія приводитъ собственные опыты подсочки хвойныхъ въ лифляндской губерніи и излагаетъ данныя изслѣдованія самимъ имъ полученнаго терпентина.

Къ недостаткамъ сочиненія надо отнести отсутствіе рисунковъ описанныхъ авторомъ въ текстѣ приборовъ для перегонки эфирныхъ маселъ и другія мелкія легко исправимыя неточности. Положительныя достоинства сочиненія подъ девизомъ „Per aspera

ad astra“ столь значительны, что оно вполне достойно высшей награды, и поэтому ф-ть удостоилъ автора награждения

золотой медалью князя Суворова.

Конвертъ съ этимъ девизомъ заключалъ фамилію: Янъ Карловичъ Майзитъ.

На тему „Обработать ученіе о человѣческихъ пигмеяхъ съ историко-критической точки зрѣнія и обосновать его увеличеніемъ фактическихъ данных“ была представлена работа подъ девизомъ „The proper study of mankind is man“.

Авторъ работы о человѣческихъ пигмеяхъ былъ, при выполненіи своей задачи, тотчасъ-же поставленъ въ необходимость ввести въ кругъ своихъ изслѣдованій важный вопросъ о происхожденіи человѣка и разобраться въ обширной литературѣ, которая со временемъ возникла въ этой области. Существуетъ теорія, по которой все человѣчество производятъ отъ пигмеевъ, скелеты которыхъ найдены въ могилахъ нѣкоторыхъ мѣстностей.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта работа представляла неопреодолимая трудности. Теперь-же особенно благодаря важнымъ изслѣдованіямъ Германа Клаача, обстоятельства болѣе благопріятны. Краткое изложеніе главныхъ результатовъ этого автора существенно облегчаетъ пониманіе разбираемой работы, поэтому умѣстно сначала принять во вниманіе эти результаты, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя другія теоріи ими безъ всякаго затрудненія опровергаются и такимъ образомъ получаютъ иное отношеніе къ вопросу о пигмеяхъ.

Филогенетическій путь, доводящій до обезьянъ, никоимъ образомъ, какъ доказываетъ Клаачъ, не приводитъ къ человѣку, а, напротивъ удаляется въ прямомъ направленіи отъ человѣка. Этимъ окончательно устраняется т. н. ученіе о происхожденіи отъ обезьянъ, которое послужило поводомъ ко многимъ безпокойствамъ. Человѣкъ имѣетъ въ своемъ морфологическомъ строеніи признаки, которые онъ къ своему счастью не потерялъ, но, напротивъ, сохранялъ. Этотъ филогенетическій путь представляетъ намъ со всею возможной рѣзкостью въ развитіи человѣческой руки, между тѣмъ какъ рука потеряла эти примитивные признаки. Если мы себѣ представимъ значеніе человѣческой руки для культуры, то мы тотчасъ поймемъ доведенныя до крайности выраженія: безъ человѣческаго большого пальца нѣтъ

человѣческой культуры. Уже древніе эллины называли большой палець противорукою (*ἀντίχειρ*). Мы также понимаемъ, почему Клаачъ не называетъ человѣка вѣнцомъ творенія, именно изъ-за сохранившихся примитивныхъ признаковъ. Человѣкъ такимъ образомъ соединяетъ въ себѣ древнѣйшія качества съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ приобрѣтеній. Онъ не имѣетъ тѣхъ качествъ, общихъ предку человѣка съ предками млекопитающихъ и живущихъ на сушѣ позвоночныхъ первичнаго періода. Рука человѣка — остатокъ отдаленнаго времени. „Зубы и скелеть произошли на еще болѣе древнихъ стадіяхъ“. Отъ общаго ствола отдѣляются боковыя вѣтви и переобразуются такъ, что не допускаютъ возможности происхожденія человѣка; туда относятся обезьяны. „Безъ удивительной комбинаціи приспособленной къ хватанію съ поставленными впередъ глазами путь къ человѣку былъ отрѣзанъ“. Симіація (обобезьяненіе) состояла въ удлиненіи верхней конечности и обратномъ образованіи большого пальца и образованіи большихъ клыковъ, гоминація (очеловѣченіе), напротивъ, состояла въ дальнѣйшемъ развитіи древняго зачатка и въ преобразованіи ноги для хватанія въ ногу для лазанія и опоранія съ увеличеніемъ непротивопоставляемаго большого пальца, въ поднятіи туловища, въ уравновѣшаніи головы и увеличеніи мозга.

Изъ этого видно, что сохраненіе примитивныхъ признаковъ выгодно, потеря, напротивъ, можетъ быть невыгодной, но нельзя заключать, что человѣкъ вслѣдствіе сохраненія нѣкоторыхъ примитивныхъ признаковъ будетъ находиться на болѣе низкой ступени, чѣмъ при потерѣ ихъ.

Авторъ сочиненія на соисканіе медали, конечно, долженъ считаться съ этими новыми взглядами и по существу къ нимъ присоединиться, между тѣмъ какъ онъ съ другими выводами Клаача не согласенъ, напр. съ его предположеніемъ полифилетическаго происхожденія человѣка, также онъ относится съ обоснованной сдержанностью къ нѣкоторымъ положеніямъ о строеніи человѣческаго черепа.

Какъ относится ученіе о гоминаціи Клаача къ человѣческимъ пигмеямъ и къ народу пигмеевъ? какъ ихъ противоположность — великаны? Очевидно, что для отвѣта на вопросъ о значеніи нормальныхъ человѣческихъ пигмеевъ изслѣдованія не должны ограничиться человѣкомъ, но должны и распространяться на все животное царство, весьма обширное и глубокое обстоятель-

ство. Этого не довольно: вѣдь имѣется въ громадномъ числѣ видовъ растеній карликовыя и гигантскія формы, которыя какъ вверхъ, такъ и внизъ далеко превышаютъ встрѣчающіяся колебанія въ животномъ царствѣ. Такимъ образомъ разсмотрѣніе и растительнаго царства вполнѣ относится къ настоящему вопросу. Но пока авторъ долженъ былъ отказаться отъ разсмотрѣнія пигмеевъ и великановъ среди растеній за неимѣніемъ времени. Вѣдь уже изслѣдованіе животнаго царства относительно карликовыхъ формъ едва преодолимый матеріалъ.

Были-ли первые люди малаго или большого роста? Авторъ склоненъ на основаніи сравнительныхъ изслѣдованій къ тому взгляду, что они были низкаго роста, но имѣли, кромѣ выше упомянутыхъ, и другіе примитивныя признаки.

Этимъ данъ поводъ ближе ознакомиться съ работою автора какъ въ цѣломъ, такъ и въ частности.

Она состоитъ изъ 6-ти частей, съ разными подраздѣленіями.

Первая часть даетъ введеніе историческаго содержанія (стр. 1—31), описываетъ ходъ предполагаемаго изслѣдованія и устанавливаетъ имѣющіяся задачи. Разсмотрѣніе роста, какъ расоваго признака. Изслѣдованіе отношенія нормальныхъ карликовъ къ патологическимъ карликамъ. Въ подотдѣлахъ описываются потомъ африканскіе пигмеи, именно центрально-африканскіе и бушмены (стр. 32—143). Слѣдуютъ азіатскіе и меланезійскіе пигмеи (стр. 144—208). Къ этимъ присоединяются американскіе пигмеи (стр. 209—226). Наконецъ, слѣдуетъ европейскіе (стр. 227—281).

Во второй части изслѣдуется отношеніе пигмеевъ къ ученію о происхожденіи человѣка: она имѣетъ 2 подраздѣленія:

- а) Разсмотрѣніе пигмеевъ какъ примордіальной расы (стр. 282—335) Теорія Кольмана. Авторъ устанавливаетъ по отношенію этой теоріи, что не возможно, чтобы пигмеи были по соматическимъ признакамъ примитивны; онъ находитъ, что К. ошибочно утверждаетъ примитивный характеръ на основаніи дѣтскаго характера изслѣдованныхъ имъ череповъ пигмеевъ.
- б) Изслѣдованіе вопроса, долженъ-ли необходимо первичный человѣкъ быть пигмеемъ (стр. 336—354). Авторъ провѣряетъ такъ называемый законъ объ увеличеніи роста въ теченіе филогенетическаго развитія различныхъ классовъ животныхъ. Оказывается, что въ общемъ этотъ законъ вѣренъ; маленькія формы

стоять вначалѣ, большія на концѣ. Въ частности-же имѣются значительныя исключенія.

Третья часть даетъ резюме главнѣйшихъ положеній выводовъ предыдущихъ частей. Также мненія другихъ авторовъ, высказавшихся по вопросу пигмеевъ, вкратцѣ повторяются и критикуются, такъ что читатель въ этой 3-ей части получаетъ хорошее обзорнѣе всего изслѣдованія.

По взгляду автора пигмеи не самостоятельная раса, а под-раса негровъ.

Онъ предполагаетъ первичную расу негровъ, отъ которой произошли бушмены, центрально-африканскіе пигмеи, азіатскіе пигмеи (именно андаманцы, семанги и негритосы). Опредѣленіе меланезійскихъ пигмеевъ пока еще не надежно, такъ какъ матеріалъ изслѣдованій еще весьма незначителенъ. Отъ первичнаго негра (*homo niger primordialis*) происходятъ далѣе великорослыя племена негровъ Африки, не принадлежащія къ пигмеямъ, такъ же, какъ и меланезійцы. Первичные австралійцы, дравиды и ведды не могутъ быть принимаемы за пигмеевъ. Существованіе пигмеевъ въ Европѣ невѣроятно. Индивидуумы, которыхъ Кольманъ причисляетъ къ нимъ, отличаются отъ великорослыхъ только маленькимъ ростомъ. Ростъ одинъ-же не есть расовый признакъ. Форма мозговой части и лицевой части черепа, строеніе волосъ, цвѣтъ кожи должны быть разсматриваемы какъ главные различительныя признаки расы.

Четвертая часть работы даетъ указатель литературы (стр. 355—395). Приведено болѣе 660 номеровъ, изъ которыхъ только 47 или совсѣмъ не разсмотрѣны или разсмотрѣны въ рефератахъ.

Пятая часть даетъ рисунки и ихъ объясненія: 35 табл. морфологическаго содержанія, затѣмъ слѣдуютъ картографическія чертежи этнологическаго содержанія. Часть рисунковъ — удачно выбранныя копія, ббольшая-же часть оригиналы и наглядно конструированы.

Настоящая работа на соисканіе медали заслуживаетъ какъ по экстенсивной такъ и по интенсивной сторонѣ высокой похвалы. Вопросы поставленныя въ темѣ оказываются, насколько факты и имѣющаяся литература это позволяютъ, или вполнѣ разрѣшены или-же близко приведены къ рѣшенію.

Какъ серьезно авторъ относится къ дѣлу, кромѣ работы, доказываютъ еще два обстоятельства, о которыхъ слѣдуетъ упо-

мянуть. Чтобы болѣе свободно ориентироваться въ области палеонтологіи, чтобы имѣть возможности самостоятельнаго сужденія, онъ слушалъ лекціи по палеонтологіи. Чтобы узнать мнѣніе одного выдающагося анатома и антрополога въ личной бесѣдѣ съ нимъ, онъ предпринялъ поѣздку за границу и пробылъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Настоящая работа заслуживаетъ высшей награды, и поэтому ф-тъ удостоилъ автора ея награжденія

золотой медалью.

Конвертъ съ девизомъ „The proper study etc.“ содержалъ фамилію: Густавъ Густавовичъ Михельсонъ.

На предложенную историко-филологическимъ факультетомъ тему для соисканія преміи имени Н. А. Лавровскаго („Новѣйшія теченія русской педагогикѣ“) подано для сочиненія, одно подъ девизомъ: „Воспитаніе можетъ много, но не все“ (Ушинскій), другое подъ девизомъ: „Ребенокъ знаетъ душу свою, она дорога ему . . .“ (Толстой).

Сочиненіе первое посвящено вопросу о „свободномъ“ воспитаніи въ Россіи съ небольшими экскурсами въ область этого вопроса въ Западной Европѣ. Авторъ стремится представить въ извѣстной системѣ выработанныя новымъ теченіемъ положенія. Нельзя отказать автору въ умѣннн наглядно и живо представить передъ читателемъ картину вопроса. Авторъ добросовѣстно изучилъ довольно большую литературу, ознакомившись съ русскими оригинальными и переводными трудами представителей „свободнаго“ воспитанія и ихъ противниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы не видимъ въ этомъ трудѣ оцѣнки литературы, оцѣнки того или другого положенія, того или другого рѣшенія педагогической проблемы. Было бы болѣе цѣнно, если бы авторъ не ограничился только своего рода сводкой и приведеніемъ въ систему имѣющагося матеріалъ, но и далъ бы носильную критику какъ всей системы свободнаго воспитанія, такъ и отдѣльныхъ частныхъ, если бы онъ сравнилъ и болѣе подробно сопоставилъ и разногласія въ рассматриваемомъ теченіи.

Автору работы подъ девизомъ „Воспитаніе можетъ много, но не все“ факультетъ присудилъ

серебряную медаль имени Н. А. Лавровскаго.

Конвертъ съ этимъ девизомъ содержалъ фамилію: Іога-
несъ Андреевичъ Торкъ.

Второе сочиненіе посвящено разсмотрѣнію слѣдующихъ во-
просовъ: 1) экспериментальная педагогика, ея методы и задачи,
2) экспериментальное изслѣдованіе памяти, 3) умственное утомле-
ніе, 4) половое воспитаніе дѣтей. Авторъ даетъ не только изло-
женіе литературы затронутыхъ вопросовъ, но и критическую
оцѣнку этой литературы, критическую оцѣнку разнообразныхъ
взглядовъ. Особенно обстоятельнымъ представляется изложеніе во-
проса о половомъ воспитаніи дѣтей. Въ другихъ же отдѣлахъ
болѣе ярко сказываются крупныя недостатки сочиненія. У ав-
тора какъ то не обнаруживается желанія войти вглубь нѣкото-
рыхъ вопросовъ, по которымъ онъ высказываетъ то или иное мнѣ-
ніе, онъ пользуется сообщеніями изъ вторыхъ рукъ, хотя могъ
бы имѣть полную возможность обратиться и къ первоисточникамъ,
сама литература вопросовъ не представляется исчерпанной. Не-
смотря на эти недостатки, автору удается въ нѣкоторыхъ
случаяхъ дать рельефную и въ общемъ вѣрную характеристику
того или другого положенія, въ другихъ же случаяхъ получается
крайне ошибочное освѣщеніе (напр. въ характеристикѣ отношенія
между старой и новой педагогикой, въ переоцѣнкѣ результатовъ
экспериментальной педагогики и пр.).

Автору сочиненія подъ девизомъ „Ребенокъ знаетъ душу
свою, она дорога ему“ факультетъ присудилъ

серебряную медаль имени Н. А. Лавровскаго.

Конвертъ съ этимъ девизомъ содержалъ фамилію: Влади-
миръ Барщевскій.

На тему „*Λόγος ἐπιτάφιος*“ представлено одно сочиненіе
на латинскомъ языкѣ, подъ № 1, съ девизомъ: *ἀ δ' ἐστὶν ἀφανῆ,
ἀνάγκη τοῖς διδάσκοντασ τεκμηρίοισ καὶ τοῖσ εἰκόσι ζητεῖν.*

Сочиненіе раздѣляется на краткое praefatio, въ которомъ
авторъ выясняетъ цѣли предпринятой имъ работы, на изслѣдо-
ваніе о *λόγος ἐπιτάφιος*, распадающееся на 8 главъ, и на arpen-
dix, въ которомъ сопоставляются всѣ loci communes, встрѣчающіеся
въ литературныхъ памятникахъ „надгробной рѣчи“. Въ двухъ
первыхъ главахъ дается краткій, но довольно полный обзоръ
всѣхъ обычаевъ, имѣвшихъ мѣсто при погребеніи, а также отмѣ-

чаются и тѣ подробности этихъ обычаевъ, которыя такъ или иначе отразились на *λόγος ἐπιτάφιος*. Далѣе авторъ устанавливаетъ наличность двойкаго рода „надгробныхъ рѣчей“, а именно, рѣчей частнаго характера (*orationes funebres privatae*) и рѣчей официальныхъ, произносившихся въ Аѳинахъ по порученію государства надъ воинами, павшими при защитѣ отечества (*orationes funebres publicae*). Ввиду того, что только послѣднія рѣчи, какъ особый видъ прозаической литературы, могутъ служить предметомъ изслѣдованія, авторъ и останавливается исключительно на нихъ. Но предварительно, на основаніи кое-какихъ литературныхъ данныхъ, имъ дается общая характеристика надгробной рѣчи частнаго характера, а также затрогиваются вопросы о томъ, когда установился въ Аѳинахъ обычай произнесенія официального *λόγος ἐπιτάφιος*, какими подробностями этотъ обычай сопровождался и какіе прецеденты были выработаны затѣмъ ораторской техникой для подобнаго сорта декламаций.

Всѣ эти вопросы рассмотрѣны авторомъ довольно хорошо и съ достаточной подробностью; въ особенности же наглядно и удачно разобранъ вопросъ объ установленіи для *λόγος ἐπιτάφιος* ряда риторическихъ правилъ, причемъ авторъ показываетъ здѣсь хорошее знакомство съ сочиненіями Діонисія Галикарнаскаго, Гермогена и Менандра ритора.

Вслѣдъ за выясненіемъ послѣдняго вопроса, наиболѣе важнаго и существеннаго, авторъ переходитъ къ разбору дошедшихъ до насъ *λόγοι ἐπιτάφιοι*, причемъ, согласно даннымъ ему указаніямъ, ограничиваетъ этотъ разборъ шестью „надгробными рѣчами“, относящимися къ классическому періоду греческой литературы, а именно, рѣчами Горгія, Фукидида, Платона, псевдо-Лисія, Гиперида и псевдо-Димосеена. Такимъ образомъ, всѣ остальные шесть главъ работы посвящены рассмотрѣнію этихъ рѣчей, которыя авторъ и разбираетъ въ порядкѣ хронологической послѣдовательности.

Что касается до этого разбора, то въ общемъ его слѣдуетъ признать удачнымъ. Правда, иногда авторъ слишкомъ уже долго останавливается на вопросахъ, давно рѣшенныхъ, да къ тому же не имѣющихъ большого отношенія къ его темѣ (ср. его длинную характеристику особенностей Горгіевского стиля) или же, наоборотъ, бываетъ слишкомъ кратокъ тамъ, гдѣ вопросъ требуетъ какъ разъ болѣе внимательнаго разслѣдованія (ср. разборъ вопроса о псевдо-лисиевскомъ эпитафій). Но эти недостатки иску-

паются рядомъ дѣйствительно тонкихъ наблюдений, показывающихъ и умѣніе автора разбираться въ матеріалѣ и его хорошее знакомство съ послѣднимъ (особенно хороша, напр., характеристика Гиперида). Такъ къ числу достоинствъ автора надо отнести его стремленіе подмѣтить и, поскольку это возможно, отмѣтить всѣ наиболѣе характерныя черты каждой отдѣльной рѣчи. Благодаря этому мы дѣйствительно видимъ все то новое, что вносится тѣмъ или другимъ ораторомъ въ составляемый имъ *λόγος ἐπιτάφιος*, хотя бы этотъ *λόγος* и строился въ общемъ по одной и той-же схемѣ, по однимъ и тѣмъ-же правиламъ, выработаннымъ еще Горгіемъ. Такимъ образомъ, у насъ получается довольно ясная картина постепеннаго развитія „надгробной рѣчи“, и мы безъ особаго труда можемъ уловить какъ тѣ варіаціи, которымъ она подвергалась, такъ и тѣ основныя черты, безъ которыхъ ни одинъ „эпитафій“ немислимъ. Ясности картины помогаетъ еще и то обстоятельство, что авторъ при разсмотрѣніи каждой рѣчи даетъ краткую схему послѣдней, схему, изъ которой, по сравненіи ея съ другими подобными ей схемами, можно видѣть, чѣмъ и въ чемъ данная рѣчь отличается отъ другихъ, ей подобныхъ. Жаль только, что всѣ эти наблюденія автора не сгруппированы вмѣстѣ въ особой главѣ. Тогда они представили бы собой опредѣленный, подчеркнутый выводъ. Теперь же ихъ приходится группировать самому читателю, ибо они раскинуты по отдѣльнымъ главамъ! Наконецъ, что касается до *аррeндix*'а, то польза его безусловна, ибо въ немъ собраны и расположены по рубрикамъ всѣ тѣ *loci communes*, которыя встрѣчаются у авторовъ „надгробныхъ рѣчей“ и которыя показываютъ тамъ, что, помимо общности композиціи, „надгробныя рѣчи“ схожи другъ съ другомъ въ подборѣ нѣкоторыхъ словъ, выраженій и даже отдѣльныхъ мыслей.

Подводя итогъ всему вышеизложенному, мы можемъ сказать, что въ общемъ работа № 1 представляетъ собой хорошей, съ достаточной вдумчивостью и знаніемъ дѣла составленный трудъ, который показываетъ, что авторъ умѣетъ толково работать, умѣетъ не теряться въ матеріалѣ, подлежащемъ изслѣдованію, умѣетъ приходитъ къ оригинальнымъ наблюденіямъ и, наконецъ, вполне хорошо владѣетъ литературой предмета. Къ сожалѣнію всѣ эти свѣтлыя стороны работы портитъ неуклюжій латинскій языкъ, избыточній шероховатостями и нежелательными просмотрами, въ силу сего работа читается съ большимъ трудомъ и не разъ теряетъ въ ясности изложенія.

Ввиду всего этого авторъ работы подѣ девизомъ: *ἄ δ' ἔστιν ἀφαιρῆ, ἀνάγκη τοῖς διδάσκοντασ τεκμηρίοισ καὶ τοῖσ εἰκόσι ξητεῖν* признанъ факультетомъ достойнымъ награжденія

золотой медалью.

Конвертъ съ этимъ девизомъ заключалъ фамилію: Вильгельмъ Карловичъ Шлау.

На предложенную физико-математическимъ факультетомъ тему „Флористическій и ботанико-географическій очеркъ провинціи Х. Д. Кавказскаго края“ была представлена работа подѣ девизомъ „*Duris cautibus horrens Caucasus (Virgilius)*“.

Представленный подѣ вышеуказаннымъ девизомъ трудъ о провинціи Х. Д. Кавказскаго края представляетъ солидный трудъ относительно одной изъ самыхъ интересныхъ провинцій Кавказскаго края, провинціи Х. Д. или Нагорнаго Дагестана. Относительно пров. этой мною въ прошломъ году была выпущена въ свѣтъ особая статья, отпечатанная въ Изв. И. Р. Г. Общ., подѣ заглавіемъ „Нагорный Дагестанъ и значеніе его въ исторіи развитія Флоры Кавказа“, въ которой я въ кратцѣ собралъ всѣ свѣдѣнія, имѣющіяся въ литературѣ относительно этой ботанико-географической провинціи, и указалъ мѣсто и значенія ея въ исторіи развитія флоры Кавказа.

Авторъ представленнаго на соисканіе наградъ сочиненія подѣ вышеуказанномъ девизомъ даетъ въ сочиненіи своемъ прежде всего полный списокъ встрѣченныхъ до сихъ поръ въ Дагестанѣ растений, на основаніи литературныхъ данныхъ, разбросанныхъ въ разныхъ научныхъ изданіяхъ. Необходимость такого списка чувствовалась уже давно, ввиду того значенія, какое провин. Х. Д. имѣетъ въ исторіи развитія флоры Кавказа. Списокъ составленъ весьма тщательно и умѣло, съ использованіемъ всей литературы предмета, которая и указывается имъ въ началѣ передѣ спискомъ. Остался неиспользованнымъ лишь нынѣ издаваемый трудъ мой (съ сотрудниками): „*Flora caucasica critica*“, по вполне однако понятной причинѣ: Трудъ этотъ далеко не законченъ еще печатаніемъ и при томъ настолько измѣняетъ представленія наши о флорѣ Кавказа, что если бы авторъ воспользовался имъ для семействъ уже обработанныхъ, то онъ не могъ бы съ тѣмъ же масштабомъ подойти къ остальнымъ сем., еще не обработаннымъ. Поэтому, составляя списокъ дагестанскихъ растений, авторъ пред-

ставленного сочинения вполне правильно сдѣлалъ, воспользовавшись всей литературой, за исключеніемъ „Flora caucasica critica“.

Въ списокѣ дагестанскихъ растеній автора приводится 1556 видовъ дагестанскихъ растеній, согласно имѣющимся литературнымъ даннымъ. При каждомъ видѣ указываются извѣстные въ литературѣ мѣстонахожденія видовъ въ Дагестанѣ, литературныя ссылки и *Ag. Geogr.* Списокъ расположенъ по новѣйшей системѣ Энглера и представляетъ весьма цѣнную сводку современныхъ свѣдѣній нашихъ о флорѣ страны. Онъ занимаетъ 201 стр. убогистаго письма + 2 стр. перечня использованной литературы по флорѣ Дагестанѣ.

Этому списку предшествуетъ анализъ списка на 35 стр. Анализъ этотъ хотя помѣщенъ въ рукописи передъ спискамъ, но конечно представляетъ дальнѣйшую работу, именно разборъ всѣхъ растеній списка по ихъ происхожденію. Въ первой рубриктѣ приводятся виды эндемичные для Дагестана, въ 2-й рубриктѣ эндемичные для Кавказа, въ 3-й — характерные для флоры Востока, въ 4-й виды европейскіе, въ 5-й виды азиатскіе, въ 6-й — встрѣчающіеся и въ Америкѣ, въ 7-й тѣ дагестанскіе виды, которые свойственны лишь альпійской области и наконецъ въ 8-й виды средиземноморскіе. Конечный результатъ этой работы весьма интересенъ, а именно изъ 1556 дагестанскихъ растеній — 195 — эндемичны для Дагестана, 283 — эндемичны для Кавказа, 590 видовъ характерныхъ для флоры Востока, 836 общихъ съ Европой 471 съ Азіей, 129 вид. встрѣчаются еще въ Америкѣ и средиземноморскихъ видовъ всего 228. Высокогорно-альпійскихъ авторъ насчитываетъ всего 252 вида, такъ что для пров. X. Д. собственно въ его списокѣ приводится 1300 видовъ.

На основаніи подсчета, сдѣланнаго мною въ свое время въ работѣ моей „Къ статистикѣ флоры Кавказа“ — опиравшейся на монографическое изученіе $\frac{1}{10}$ флоры Кавказа (*Fl. cauc. critica*), можно было для всей флоры Нагорнаго Дагестана ожидать около 1060 видовъ, авторъ приводитъ таковыхъ 1300 видовъ. Эндемичныхъ кавказскихъ видовъ для Нагорнаго Дагестана можно ожидать около 300, авторъ приводитъ таковыхъ 283, исключительно дагестанскихъ можно было ждаты около 70, авторъ насчитываетъ однако 195 эндемичныхъ видовъ. Такимъ образомъ подсчеты, данные авторомъ работы, еще болѣе усиливаютъ выводъ, сдѣланный уже ранѣе, что Нагорный Дагестанъ — крупный видообразовательный центръ на Кавказѣ. Изъ полученныхъ авторомъ

цифръ заслуживаетъ вниманія крупная цифра видовъ европейскихъ въ флорѣ Дагестана — 836 и небольшое количество видовъ средиземноморскихъ — всего 228, что вполне гармонируетъ съ значеніемъ страны этой въ исторіи развитія флоры Кавказа.

И списокъ, впервые составленный авторомъ разбираемой работы, и анализъ этого списка, имъ произведенный, даютъ, хотя и приближенные, но интересныя и новыя научныя данныя для пониманія характера флоры страны. Можно пожалѣть только, что авторъ не воспользовался своими аналитическими данными для нѣкоторыхъ обобщеній и не сравнилъ данныя эти съ подобными же данными, но полученными частичнымъ изученіемъ флоры всего Кавказа, въ работахъ моихъ, Буша, Омина, т. е. что, закончивъ анализъ своего списка, онъ не сравнилъ результаты анализа съ данными Fl. cauc. crit. Здѣсь обращеніе къ этому источнику было бы вполне уместно. Конечно незнакомствомъ съ сочиненіемъ этимъ объяснить этого нельзя, ибо въ разбираемомъ трудѣ автора вышеуказаннымъ девизомъ имѣется глава „Plantae Caucasi, quos H. v. Oettingen anno 1907 in Daghestania legit“, при составленіи которой авторъ широко воспользовался Fl. cauc. crit. и цитируетъ это сочиненіе. Упоминаемая здѣсь глава обнаруживаетъ въ авторѣ умѣніе не только справляться съ данными литературы, но и умѣніе лично обрабатывать гербарныя данныя, что дѣлаетъ изъ труда автора не только компіляцію, но и самостоятельный научный трудъ значительнаго достоинства. Авторъ лично изучилъ по гербарію Эттингена 305 видовъ растеній дагестанской флоры.

Наконецъ 1-ая глава работы представляетъ ботанико-географическій очеркъ Дагестана. Этотъ очеркъ является б. ч. рефератомъ моей сводной работы: „Нагорный Дагестанъ и значеніе его въ исторіи развитія флоры Кавказа“, и конечно трудно было ожидать отъ начинающаго автора, чтобы онъ черезъ годъ послѣ появленія моей работы о Дагестанѣ могъ написать что либо выдающееся новое. Тѣмъ не менѣ кое-что новое и здѣсь имѣется. Во первыхъ авторъ даетъ болѣе подробно маршруты нѣкоторыхъ дагестанскихъ изслѣдователей и наноситъ ихъ, каждый маршрутъ отдѣльно, на карты. Цѣлымъ рядомъ новыхъ фактовъ освѣщенъ маршрутъ Эттингена, о которомъ въ моей работѣ говорится лишь вскользь, и эти новые факты добыты обработкой гербарія Эттингена, произведенной авторомъ самостоятельно. Далѣе въ моей работѣ почти не упоминаются маршруты Беккера и

мало сказано о маршрутахъ Дегги. Авторъ болѣе подробно, на основаніи литературныхъ данныхъ, останавливается на этихъ маршрутахъ, иллюстрируя ихъ картами. Наконецъ, авторъ приводитъ и свой собственный маршрутъ по Дагестану лѣтомъ этого года и сообщаетъ нѣкоторыя интересныя данныя, полученные имъ личнымъ изученіемъ Дагестана. Къ работѣ приложены интересныя фотографіи, снятыя авторомъ съ растительныхъ типовъ Дагестана.

Въ разбираемой работѣ авторъ доказалъ, что онъ умѣетъ хорошо справляться съ литературой предмета и, кропотливо собирая литературу, получаетъ новыя данныя, въ научной литературѣ не опубликованныя; что онъ умѣетъ обрабатывать гербарные матеріалы самостоятельно и что онъ умѣетъ дѣлать лично наблюденія въ природѣ.

Къ недостаткамъ работы относятся — шероховатость языка, мелкіе промахи въ спискѣ, вполне извинительные для начинающаго, и нерѣшительность въ обобщеніяхъ, тоже недостатокъ, который скорѣе объясняется еще тѣмъ, что авторъ очевидно начинающій ботаникъ, а не зрѣлый ученый, и я даже поставилъ бы этотъ послѣдній недостатокъ въ +, а не въ — автору. Но фактическая сторона работы указываетъ на тщательность, добросовѣстность и точность автора, а это для начинающаго по моему мнѣнію огромный +.

На основаніи всего вышеизложеннаго факультетъ призналъ автора разбираемаго сочиненія подъ девизомъ „*Duris cautibus, horrens Caucasus*“ безусловно достойнымъ награжденія

золотой медалью.

Конвертъ съ этимъ девизомъ заключалъ фамилію: Петръ Петровичъ Поповъ.

На тему „О существующихъ способахъ предвидѣнія погоды на долгое время впередъ въ примѣненіи къ условіямъ Европейской Россіи“ была представлена работа подъ девизомъ „*Meteorology a very closely allied but difficult branch of solar physics*“ (Prof. W. Moore).

Мною была предложена для соисканія медали въ текущемъ году тема: о научныхъ основаніяхъ предвидѣнія погоды на долгое время впередъ, вообще и въ частности примѣнительно къ условіямъ Европ. Россіи. При объяснительномъ чтеніи я указалъ на

связь этихъ вопросовъ съ читаемымъ мною курсомъ метеорологіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ перечислить, наряду съ успѣшными предсказаніями муссоновъ въ Индіи, попытки европейскихъ ученыхъ, примѣнить тѣ же основныя положенія о центрахъ дѣйствія атмосферы къ объясненію замѣченныхъ закономерностей въ распределеніи сезонныхъ аномалій погоды. Я указалъ на жгучій интересъ, который возбудилъ въ Россіи метеорологъ Главной Физической Обсерваторіи С. Д. Грибоѣдовъ своею одушевленною и увѣренною пропагандою найденныхъ имъ основъ предвидѣнія урожаевъ. Жгучесть вопроса высказалась собственно въ томъ, что Академія Наукъ оказала могущественную моральную поддержку изобрѣтателю и воспользовалась произведеннымъ имъ впечатлѣніемъ для исходатайствования щедрыхъ ассигнованій на Гл. Физическую Обсерваторію, между тѣмъ, какъ спеціалисты почти единогласно высказались отрицательно къ построеніямъ г. Грибоѣдова. Грубый эмпиризмъ, логическая необоснованность положеній, неуспѣшность большинства предсказаній заставляли отнестись съ недоувѣріемъ къ научнымъ основаніямъ новаго метода, между тѣмъ какъ стройность конечныхъ формулъ заставляла желать искать условій, при которыхъ онѣ оправдывались бы. Однако никакого участія къ разработкѣ вопроса нельзя было принять, такъ какъ г. Грибоѣдовъ не показывалъ никому того богатаго табличнаго и картографическаго матеріала, который онъ разработалъ въ теченіи почти 15 лѣтъ, видимо желая сохранить за собою всѣ преимущества при достиженіи конечнаго успѣха, могущаго сдѣлать эру въ научной и практической метеорологіи.

Увлекаясь сомнѣніями и споромъ, въ который я вступилъ съ г. Грибоѣдовымъ, я не считалъ однако возможнымъ втягивать молодыхъ людей въ критику его системы, предостерегая ихъ о массѣ работы, которую нужно было бы выполнить, чтобы достигнуть его компетентности. Но одно основное положеніе мнѣ показалось настолько интереснымъ съ чисто-научной точки зрѣнія, и вмѣстѣ съ тѣмъ шаткимъ, что провѣрку его я нашелъ возможнымъ рекомендовать; именно положеніе о существованіи двухъ, и только двухъ, противоположныхъ режимовъ зимы: нормальнаго и аномальнаго, одного съ холоднымъ антициклономъ и теплымъ циклономъ, другого — съ теплымъ антициклономъ и холоднымъ циклономъ. Изученіе высшихъ слоевъ атмосферы давало поддержку этой классификаціи. Изслѣдованныя мною и моими учениками волны холода складывались въ циклоническія струи, также, какъ

будто, въ подкрѣпленіе типичности аномальнаго режима Грибоѣдова. Но для двухъ его режимовъ правила предсказаній діаметрально противоположны, и я не могъ имъ вѣрить, такъ какъ нигдѣ въ явленіяхъ атмосферы, за исключеніемъ муссоновъ и состоянія неба, не находилъ противоположныхъ типовъ, а находилъ только противоположныя крайности. Циклоны и антициклоны также не типы, т. к. промежуточныя формы представляютъ гораздо большую повторяемость чѣмъ они.

Мой совѣтъ пришелся по душѣ одному изъ слушателей, и въ результатѣ появился весьма объемистый трудъ, представленный для соисканія медали подъ девизомъ на англійскомъ языкѣ изъ В. Мура: „метеорологія есть вѣтвь космической физики, тѣсно связанная съ нею, но болѣе сложная“.

Соискатель медали не остановился предъ выполненіемъ огромнаго труда, необходимаго для сознательнаго рѣшенія вопроса о зимнихъ режимахъ, и представилъ подавляющее множество таблицъ и картъ, имѣющихъ за собою по крайней мѣрѣ то значеніе, что каждый интересующійся можетъ теперь судить о разнообразіи типовъ зимней погоды, бывшихъ послѣдніе 35 лѣтъ въ Европѣ и Сѣверной Азіи.

Просмотръ этого матеріала и объясненій къ нему показали мнѣ, что авторъ работалъ систематично, съ знаніемъ дѣла и продуктивно, соблюдая всѣ установленныя правила предосторожности, не забывая даже поправки температуры для приведенія къ истиннымъ суточнымъ среднимъ. Для 58 станцій, разбѣянныхъ на пространствахъ всей Имперіи, онъ даетъ, послѣ разбора данныхъ о барометрахъ, ихъ поправкахъ и высотахъ надъ уровнемъ моря температуры и давленія воздуха за 3 зимнихъ мѣсяца многолѣтнія ихъ нормы и ежегодныя отклоненія отъ нормы. За таблицами слѣдуютъ 158 картъ; 35 изобарныхъ картъ, 18 картъ „динамическихъ аномалій“ по Грибоѣдову, 70 картъ термическихъ аномалій, 35 картъ аномалій осадковъ.

Разсмотрѣніе картъ показываетъ, что двухъ определенныхъ режимовъ зимы не существуетъ, и что разнообразіе наличныхъ комбинацій настолько велико, что безъ участія произвола невозможно подобрать группъ зимъ, подходящихъ къ типическимъ, по Грибоѣдову, зимамъ 1881 и 1891 годовъ. При попыткѣ составить такія группы самостоятельно, съ неизбежными натяжками въ пользу теоріи Грибоѣдова, нашъ авторъ сошелся съ послѣднимъ въ опредѣленіи режима лишь

8 зимъ изъ общаго числа 35; въ 2 случаяхъ получилось противорѣчiе; въ 6 случаяхъ нашъ авторъ не могъ дать опредѣленiя, для 9 зимъ не дано опредѣленiя у Грибоѣдова.

Столь рѣзкаго опроверженiя фактами теорiи Грибоѣдова самъ авторъ никакъ не ожидалъ. Осталась всего половина зимъ, по которымъ авторъ могъ строить, по Грибоѣдову, „нормы нормальныхъ и аномальныхъ“ зимъ и по нимъ вычислять такъ назыв. „динамическiя аномалiи“. Эти послѣднiя должны были, по утверженiямъ Грибоѣдова, расходиться въ меридiональномъ направлении; нашъ авторъ обнаружилъ, что ихъ контрасты чаще замѣчаются по долготѣ. Ожидавшихся аналогiй между „динамическими аномалiями“ и температурами и осадками лѣтнихъ мѣсяцевъ не обнаружилось.

Несообразность классификаци Грибоѣдова выяснилась уже съ самаго начала, и собственно говоря, этимъ была пресѣчена возможность построения предсказанiю погоды по Грибоѣдову. Дальше некуда было вести работу, и авторъ какъ будто приходитъ къ сожалѣнiю о массѣ напрасно потраченнаго труда. Тѣмъ не менѣе онъ еще обращается къ логической оцѣнкѣ умозаключенiй Грибоѣдова. Эта часть, помѣщенная, при написанiи диссертаци, въ началѣ ея, позволяетъ констатировать у автора правильность аргументаци и бойкость пера. Два-три промаха позволяютъ обнаружить въ авторѣ инородца, и это же даетъ поводъ отозваться съ похвалою о языкѣ, которымъ авторъ владѣетъ съ полною свободою въ выборѣ выраженiй и ловкостью въ составленiи периодовъ. Не могу только отозваться съ симпатiею о слогѣ, носящемъ на себѣ характеръ задора. Часть вины въ томъ, что авторъ потратилъ время на несостоящее вниманiе quasi — научное сочиненiе, падаетъ на меня. На оцѣнку построенiй Гильдебрандсона у него уже не хватило времени, и общая часть сочиненiя оказалась коротка. Я увѣренъ, впрочемъ, что трудъ нашего автора будетъ замѣченъ и съ благодарностью принятъ специалистами.

Въ похвалу автору я долженъ поставить обнаруженное имъ знанiе языковъ французскаго, англiйскаго и нѣмецкаго.

Въ общемъ я нахожу сочиненiе съ девизомъ изъ W. Мооге вполне заслуживающимъ награжденiя

золотою медалью.

Конвертъ съ девизомъ „Meteorology is really . . .“ содержалъ фамилiю: Германъ Яновичъ Янсонъ.

На тему „Геологическое строение Юрьева и его ближайших окрестностей по литературным данным и собственным наблюдениям“, представлена одна лишь работа под девизом: „*Qui manet in patria et patriam cognoscere tenet, is mihi non civis, sed peregrinus erit*“.

Это сочинение не велико по объему, но весьма содержательно и, видимо, стоило автору большого труда, так как автор почти каждое литературное указание старался проверить своими глазами, осмотрел много обнажений, произвел ряд экскурсий по различным направлениям и собрал новый значительный материал по буровым скважинам и колодцам.

Из текста также усматривается, что сам автор в ряде местностей закладывал неглубокие буровые скважины.

На основании всего вышесказанного ясно, что работа представляет не простую компиляцию литературных данных, а довольно тщательное критическое их исследование, пополненное новым, довольно значительным фактическим материалом.

Новые данные, полученные автором, не представляют чего-нибудь особенно важного и неожиданного, что вполне естественно, ибо исследованиями геологического строения Юрьева занималось в свое время много ученых, среди которых блещут имена Карла и Фридриха Шмидтов, Асемусса, Пандера, Гревинга и др. Однако факты, приводимые автором, безусловно не лишены интереса и вносят существенные поправки в данные старой литературы относительно мощности, состава и границ распространения отдельных отложений юрьевской территории.

За кратким введением следует глава, посвященная девону (стр. 2—30).

В этой главе интересны указания, что в некоторых новых глубоких колодцах (Техельфер, Тидемановские бани на Эмбахой улице) повидимому пройден насквозь девон и достигнут силур (если куски доломитов действительно силурские, что представляется весьма вероятным). По мнению автора, мощность девонских отложений под Юрьевом не менее 135 метров.

Глава о девоне написана слишком сжато и представляется менее интересной, чем глава, посвященная четвертичным отложениям, носящая неудачное название „Ледниковая эпоха“, неудачное потому, что в ней автор описывает отложения эпохи доледниковой, ледниковой и послеледниковой. Эта большая глава

распадается на нѣсколько отдѣльных „подглавъ“. Сначала авторъ, придерживаясь Досса, довольно подробно описываетъ друмлины у Садбервъ, причемъ вноситъ въ доссовское описаніе нѣкоторыя существенныя дополненія и поправки. Затѣмъ авторъ говоритъ о холмистомъ морскомъ ландшафтѣ, а потомъ переходитъ къ тѣмъ доледниковымъ долинамъ, выполненнымъ флювіогляціальными осадками, одна изъ которыхъ проходитъ подъ городомъ Юрьевомъ и которая, какъ показали работы Гревингга, Гулеке и Досса, играетъ весьма важную роль въ дѣлѣ снабженія города водою. Основываясь на новыхъ, полученныхъ имъ данныхъ, авторъ точнѣе, чѣмъ это было сдѣлано Гулеке, указываетъ въ предѣлахъ города границы этой долины.

Въ „подглавѣ“ о прегляціальныхъ долинахъ авторъ даетъ правдоподобное объясненіе явленіямъ медленнаго сползанія нашей сейсмической станціи, которыя были подмѣчены А. Я. Орловымъ.

Затѣмъ авторъ указываетъ и описываетъ озы въ окрестностяхъ Юрьева, изъ числа которыхъ „озь“ у Форбусгофа кажется мнѣ сомнительнымъ по своей формѣ, а „озь“ у Лайва по направленію.

Далѣе описываетъ плоскій моренный ландшафтъ и „старыя“, по его терминологіи, т. е. послѣдниковыя долины.

Въ главѣ о четвертичныхъ отложеніяхъ интересны данныя о бѣльшей, чѣмъ полагалъ Доссъ, мощности флювіогляціальныхъ отложеній (50 метровъ вмѣсто 26) а также важно указаніе на то, что у Петербургской улицы и у Мютта наблюдаются верхнія и нижнія валунныя глины, раздѣленныя флювіогляціальными отложеніями, что подтверждаетъ данныя Толля для Виндавы и указанія Гревингга. Авторъ не считаетъ еще эти данныя доказательствомъ двухъ эпохъ оледенѣнія, съ чѣмъ и я согласенъ.

Работа сопровождается нѣсколькими недурно выполненными фотографическими снимками съ обнаженій, двумя профилями, изъясненно исполненнымъ планомъ г. Юрьева и картою его окрестностей. На планѣ и карту нанесены нѣкоторыя геологическія данныя по литературнымъ источникамъ и личнымъ наблюденіямъ автора.

Главнымъ и довольно существеннымъ недостаткомъ работы является ея слогъ, тяжелый и мѣстами грамматически неправильный, заставляющій предполагать, что авторъ не вполне свободно владѣетъ русскимъ языкомъ. Кромѣ того автору можно поставить въ вину неравномѣрность плана, ибо на девонъ обращено сравнительно мало вниманія, а объ современныхъ осадкахъ авторъ

почти не говорить. Жаль, что авторъ старательнѣе не искалъ въ девонѣ брахіоподъ, а собранный имъ матеріалъ по плакодермамъ остался у него почти безъ опредѣленія. Точно также напрасно авторъ обратилъ мало вниманія на петрографическій составъ валуновъ и повидимому считалъ излишнимъ хотя бы перечислить встрѣчающіеся въ нихъ окаменѣлости.

Всѣ однако указанные недостатки, столь извинительные для молодого автора, являются второстепенными и не препятствуютъ работѣ представлять серьезно написанное и весьма содержательное изслѣдованіе, заключающее толковую сводку стараго литературнаго матеріала, новый, лично добытый авторомъ и нелишенный интереса фактической матеріалъ и, въ общемъ правильные выводы изъ него.

По изложеннымъ выше соображеніямъ, факультетъ призналъ автора достойнымъ награжденіи

золотой медалью.

Конвертъ съ девизомъ „Qui manet in patria etc.“ содержалъ фамилію: Левъ Максимиліановичъ фонъ-цуръ-Мюленъ.

На тему „Изучить явленія фагоцитоза у какого-нибудь животнаго“ представлено два сочиненія.

Первое изъ нихъ подъ девизомъ „Feci, quod potui“ посвящено изученію явленій фагоцитоза у кольчатаго червя *Terebellides stroemi*. Послѣ краткаго очерка литературы вопроса авторъ описываетъ строеніе общеполостныхъ тѣлецъ даннаго животнаго и затѣмъ переходитъ къ изложенію собственныхъ наблюденій. Имъ были изучены нормальные теребеллиды, инъецированные карминомъ, варенымъ куринымъ желткомъ, кровью рыбъ и члвчвѣка, сперматозоидами того же вида и голодавшіе черви. Изслѣдовались фагоциты въ живомъ состояніи при помощи метода прижизненной окраски и на разрѣзахъ, приготовленныхъ изъ фиксированнаго различными способами матерьяла.

Наибольшій интересъ представляютъ заключенія автора о поглощенія половыхъ продуктовъ, особенно мужскихъ. Его выводы подтверждаютъ данныя Седлецкаго, полученные на *Polynnia* и представляютъ нѣкоторый научный интересъ.

Наблюденія произведены тщательно и иллюстрируются довольно хорошими рисунками въ краскахъ. Въ текстѣ рисунки

однако разобраны не достаточно полно, такъ что описаніе не всегда бываетъ понятно. Нѣкоторыя клѣтки содержатъ многочисленныя включенія и иногда приходится только догадываться, о какихъ изъ нихъ говоритъ авторъ. Жаль также, что недостаточно обращено вниманія на зернистыя клѣтки, которыя изображены на нѣсколькихъ рисункахъ; участіе ихъ въ фагоцитозѣ представляетъ теоретическій интересъ. Вопросъ о значеніи отдѣльныхъ видовъ клѣтокъ лишь затрогивается авторомъ, но освѣщенъ мало.

Литературный очеркъ, хотя и содержитъ изложеніе важнѣйшихъ работъ по вопросу, но очень кратокъ и не систематиченъ; надо было придерживаться или хронологическаго порядка, или сгруппировать работы по ихъ содержанію. Изложеніе — хорошее и внѣшній видъ сочиненія производитъ пріятное впечатлѣніе. Хотя работа не велика по объему и по содержанію, но она показываетъ, что авторъ овладѣлъ методами изслѣдованія и сумѣлъ разобраться въ довольно сложномъ біологическомъ явленіи, а поэтому факультетъ постановилъ наградить его

серебряной медалью.

Конвертъ съ девизомъ „Feci quod potui“ содержалъ фимилію: Георгій Евгеніевичъ Раевскій.

Второе сочиненіе на ту же тему подъ девизомъ „Ars longa, vita brevis est“ содержитъ наблюденія надъ поглощеніемъ бѣлковыхъ веществъ фагоцитами лягушки.

Изложивъ методы изслѣдованія, авторъ описываетъ нормальный составъ крови лягушки, пріэтомъ къ сожалѣнію не дѣлаетъ яснаго сопоставленія своихъ данныхъ съ тѣмъ, что извѣстно уже по этому вопросу. Опыты автора распадаются на три группы: 1) опыты съ варенымъ куринымъ желткомъ, 2) съ варенымъ куринымъ бѣлкомъ и 3) съ фибриномъ бычачьей крови. Онъ описываетъ тѣ явленія, которыя происходятъ пріэтомъ въ фагоцитахъ, а именно: отношеніе фагоцитовъ къ введеннымъ въ лимфатическій мѣшокъ лягушки веществамъ, поглощеніе фагоцитами этихъ веществъ, измѣненіе ихъ въ плазмѣ фагоцитовъ, измѣненіе самой плазмы ихъ, дальнѣйшія видоизмѣненія фагоцитовъ.

Работа, какъ по внѣшности, такъ и по содержанію, имѣетъ характеръ неотдѣланной. Тоже надо сказать и о рисункахъ, правда довольно многочисленныхъ, но слишкомъ схематичныхъ,

а иногда и небрежныхъ. Ислѣдованія производились только на живыхъ объектахъ при помощи прижизненной окраски. Опыты продолжались достаточно долгое время, наблюденія пріэтомъ производились довольно точно и черезъ опредѣленные промежутки времени.

Авторъ умѣеть остановить свое вниманіе на интересныхъ вопросахъ, но ему не всегда удается дать на нихъ правильный отвѣтъ. Къ таковымъ напр. относится вопросъ объ участіи въ фагоцитозѣ зернистыхъ клѣтокъ, способъ развѣданія фагоцитами комковъ питательнаго вещества, превращеніе лейкоцитовъ въ особыя клѣтки послѣ окончанія процесса фагоцитоза. Вообще надо пожалѣть, что авторъ не формулируетъ точно результатовъ своихъ наблюденій. Литература вопроса излагается только попутно.

Не сметря на указанные недостатки, надо признать, что авторъ сочиненія обнаружилъ достаточное трудолюбіе и способность къ наблюденію, поэтому факультетъ постановилъ наградить его

серебряной медалью.

Конвертъ съ девизомъ „Ars longa etc.“ содержалъ фамилію: Кельманъ - Лейбъ Берковичъ Биховскій“.

Въ личномъ составѣ Университета произошли слѣдующія перемѣны:

Уволены:

Заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ анатоміи Августъ Рауберъ, согласно прошенію, за выслугою срока; и. д. ординарнаго профессора по кафедрѣ римскаго права Евгеній Пасекъ, согласно прошенію, по болѣзни; и. д. ординарнаго профессора по кафедрѣ гражданскаго права и судопроизводства Михаилъ Пергаментъ, согласно прошенію; ординарный профессоръ фармакологіи, діететики и исторіи медицины Давидъ Лавровъ отъ должности декана медицинскаго факультета, согласно прошенію.

Перемѣщены:

Ординарный профессоръ по кафедрѣ специальной патологіи и клиники Николай Савельевъ — въ Императорскій Московскій Университетъ по кафедрѣ терапевтической госпитальной клиники,

ординарный профессор по кафедрѣ сравнительной анатоміи, эмбриологии и гистологии Петръ Поляковъ — въ Императорскій Харьковскій Университетъ по кафедрѣ гистологии и эмбриологии.

У м е р ь :

Почетный членъ Юрьевского Университета профессоръ Императорскаго Московскаго Университета Василій Осиповичъ Ключевскій.

У м е р л и н а с л у ж б ѣ :

ординарный профессоръ по кафедрѣ политической экономіи и статистики, Проректоръ Александръ Миклашевскій; секретарь Правленія Гербертъ Шульцъ.

Н а з н а ч е н ы :

Экстраординарный профессоръ фармакологіи, діететики и исторіи медицины Давидъ Лавровъ — ординарн. проф. по занимаемой имъ кафедрѣ; экстраорд. проф. по кафедрѣ хирургіи Михаилъ Ростовцевъ — орд. профессоръ по занимаемой имъ кафедрѣ; экстраординарный профессоръ государственнаго врачебновѣдѣнія Евгений Шепиловскій — ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ; экстраординарный профессоръ русской исторіи Иванъ Лаппо — ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ; экстраординарный профессоръ государственнаго права Левъ Шалландъ — и. д. ординарнаго профессора по занимаемой имъ кафедрѣ; экстраординарный профессоръ прикладной математики Гурій Колосовъ — ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ; экстраординарный профессоръ спеціальной патологіи и клиники Александръ Яроцкій — ординарнымъ профессоромъ по занимаемой имъ кафедрѣ; доцентъ сельскаго хозяйства Арведъ Томсонъ — экстраординарнымъ профессоромъ сельскаго хозяйства и технологий; доцентъ историческаго богословія Александръ Берендтсъ — экстраординарнымъ профессоромъ историческаго богословія; и. д. экстраординарнаго профессора Императорскаго Ст.-Петербургскаго Университета Михаилъ Пергаментъ — и. д. ординарнаго профессора Юрьевского Университета по кафедрѣ гражданскаго права и судопроизводства; приватъ-доцентъ Императорскаго Московскаго Университета Александръ Люткевичъ — экстраординарнымъ профессоромъ Юрьевского Университета по кафедрѣ офтальмологіи и офтальмологической клиники;

привать-доцентъ Императорской Военно-Медицинской Академіи Николай Вестенрикъ — экстраординарнымъ профессоромъ Юрьевского Университета по кафедрѣ специальной патологіи и клиники; ординарный профессоръ Юрьевского Университета по кафедрѣ всеобщей исторіи Антонъ Ясинскій — Директоромъ Педагогическаго Института имени Павла Григорьевича Шеллапутина въ г. Москвѣ; председателемъ состоящаго при Университетѣ ученаго эстонскаго Общества — привать-доцентъ нѣмецкаго и сравнительнаго языковѣдѣнія Вольфгангъ Шлютеръ.

Утверждены:

Заслуженнымъ профессоромъ: ординарный профессоръ по кафедрѣ анатоміи Августъ Рауберъ; ординарный профессоръ по кафедрѣ зоологіи Юлій фонъ Кеннель.

Избранъ и утвержденъ:

Почетнымъ членомъ Юрьевского Университета — профессоръ прикладной математики Императорскаго Московскаго Университета и Императорскаго Техническаго Института Николай Егоровичъ Жуковскій.

Избраны и утверждены:

Проректоромъ — профессоръ православнаго богословія, протоіерей Арсеній Царевскій.

Деканомъ медицинскаго факультета — ординарный профессоръ по кафедрѣ общей патологіи и патологической анатоміи Вячеславъ Афанасьевъ.

Привать-доцентъ хирургіи и хирургической клиники Николай Бурденко — экстраординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ оперативной хирургіи; и. д. экстраординарнаго профессора Демидовскаго Юридическаго Лицея Александръ баронъ Фрейтагъ фонъ Лоринговенъ — экстраординарнымъ проф. Юрьевского Университета по кафедрѣ римскаго права; инженеръ технологъ Павелъ Никитинъ — архитекторомъ и преподавателемъ началъ архитектуры; членами Профессорскаго Дисциплинарнаго Суда: председателемъ: профессоръ Александръ Невзоровъ, членами Суда: профессора Александръ баронъ Фрейтагъ фонъ Лоринговенъ, Александръ Васильевъ, Николай Вестенрикъ, Арведъ Томсонъ, кандидатами въ Судьи: профессора: Григорій Церетели, Владиміръ Чижъ, Платонъ Граве, Вернеръ Цеге фонъ Мантейфель, Александръ Яценко.

Оставлены на службѣ:

Но выслугѣ 30 лѣтъ, срокомъ на пять лѣтъ, съ вознагражденіемъ по 1200 руб. въ годъ: заслуженный ординарный проф. по кафедрѣ специальной патологии и клиники Карль Дегіо; и. д. ординарнаго профессора по кафедрѣ физики — Александръ Садовскій; по выслугѣ 25 лѣтъ срокомъ на пять лѣтъ: ординарный профессоръ по кафедрѣ физиологии — Василій Курчинскій; ординарный профессоръ по кафедрѣ государственнаго врачебновѣдѣнія — Аванасій Игнатовскій; и. д. ординарнаго профессора по кафедрѣ фармаціи — Иванъ Кондаковъ; ординарный профессоръ по кафедрѣ хирургіи — Вернеръ Цеге фонъ Мантейфель; ординарный профессоръ русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще — Евгений Шѣтуховъ; и. д. экстраординарнаго профессора по кафедрѣ торговаго права — Александръ Невзоровъ; лекторъ латышкаго языка Яковъ Лаутенбахъ.

Утверждены Совѣтомъ Университета:

Ист. об. Секретаря Совѣта Василій Вознесенскій — въ должности Секретаря Совѣта; исп. об. Секретаря по студенческимъ дѣламъ Николай Бѣльдюгинъ — въ должности Секретаря по студенческимъ дѣламъ.

Совѣтомъ Университета допущены къ должности привать-доцента:

Докторъ медицины Александръ Ющенко — по предметамъ нервныхъ и душевыхъ болѣзней; докторъ медицины Вильгельмъ Брезовскій — по предметамъ нервныхъ и душевыхъ болѣзней; докторъ медицины Оскаръ Ротбергъ — по дѣтскимъ болѣзнямъ.

Выбыль изъ числа привать-доцентовъ докторъ медицины Германъ Идельсонъ.

Командированы съ ученою цѣлью.

За границу: профессоры: Яроцкій, Ященко, Грабарь, Васильевъ; Ландезенъ, Тарасенко, Царевскій, Цеге фонъ Мантейфель, Афанасьевъ, Фельсбергъ, Церетели, Квачала, Покровскій Шалландъ, Вестенрикъ; ученый аптекаръ Шиндельмейзеръ; привать-доценты: Пальдрокъ, Гриневецкій, Жуковскій, Мазинъ, Ландау,

Коппель, Брезовскій, Фрей, Берендтсъ, Бородовскій, Культашевъ; ассистенты: Абольдъ, Янсонъ, Нарбутъ, Юффе, Ротбергъ.

Внутри Имперіи и за границу: профессеры: Михайловскій, Красноженъ, Миклашевскій.

Внутри Имперіи: профессеры: Кузнецовъ, Лавровъ, Поляковъ, Кондаковъ, Бурденко; астрономъ — наблюдатель Орловъ — въ г. Томскѣ; приватъ-доцентъ: Богачевъ.

Кромъ того были командированы въ качествѣ делегатовъ за границу: на международную выставку гигиены въ г. Дрезденъ — ординарные профессеры Шепилевскій, Савельевъ, на международную выставку гигиены въ Римѣ — ординарный профессоръ Шепилевскій; на международный конгрессъ сейсмологовъ въ Манчестерѣ — астрономъ-наблюдатель Орловъ.

Внутри Имперіи: на XV Всероссийскій Археологическій Съѣздъ въ г. Новгородѣ — ординарные профессеры Пѣтуховъ, Лаппо; на двухсотлѣтній юбилей со дня рожденія великаго русскаго ученаго Михаила Васильевича Ломоносова въ Ст.-Петербургѣ — Ректоръ Алексѣевъ и ординарные профессеры — Пѣтуховъ, Срезневскій; на столѣтній юбилей Общества Любителей Россійской словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ — ординарный профессоръ Пѣтуховъ.

Правленіемъ Университета:

Уволены:

Исп. об. штатнаго ассистента госпитальной терапевтической клиники Арнольдъ Калнынъ — по прошенію.

Сверхштатный ассистентъ геологическаго кабинета Владиміръ Богачевъ — по прошенію; хирургической клиники — Николай Бурденко — въ виду назначенія экстраор. проф. по кафедрѣ оперативной хирургіи; медицинской клиники Эрнстъ Морицъ — на время отъѣзда за границу въ Давось.

Исп. об. сверхштатнаго ассистента гигиеническаго кабинета Аркадій Левинъ — по прошенію и Василій Гребенщиковъ — согласно постановленію Правленія утв. отъ 12 февраля 1911 г.

I сверхштатный ассистентъ хирургической клиники Гейнрихъ баронъ Мирбахъ — по прошенію.

II сверхштатный ассистентъ физиологическаго института Сергѣй Бѣляевъ — по прошенію; поликлиники Казиміръ Пенкославъ

скій — по прошенію; хирургической клиники Оттонъ Хольбекъ (Гольбекъ) — по прошенію.

IV сверхштатный ассистентъ хирургической клиники Александръ Поповъ — по прошенію.

Провизоръ клинической аптеки Валентинъ Гауптъ — по прошенію.

Назначены:

Штатнымъ ассистентомъ госпитальной терапевтической клиники — Николай Лепорскій.

I свехштатнымъ ассистентомъ хирургической клиники Янъ Яунземъ.

II сверхштатнымъ ассистентомъ: хирургической клиники — Николай Словцовъ; химической лабораторіи Рудольфъ фонъ Замень — безъ содержанія; астрономической обсерваторіи Евгений Бюссъ — безъ содержанія.

IV сверхштатнымъ ассистентомъ хирургической клиники Александръ Поповъ — безъ содержанія; хирургической клиники Арминъ Гильзе.

V сверхштатнымъ ассистентомъ хирургической клиники Тихонъ Сильченко.

Провизоромъ клинической аптеки Юганнесъ Штаммъ.

Допущены къ исполненію обязанностей:

Сверхштатнаго ассистента: психіатрической клиники Эрманъ Бурдуль; медицинской клиники Карлъ Руссовъ — на время отъѣзда Морица за границу въ Давосъ; госпитальной и хирургической клиники Людмила Мейеръ; гигиеническаго кабинета Антонина Лепорская; II сверхштатнаго ассистента поликлиники Антонъ Шульценбергъ; по найму: сверхштатнаго ассистента гигиеническаго кабинета Михаилъ Экземплярскій; II свехштатнаго ассистента ботаническаго сада Петръ Поповъ — безъ содержанія.

Утверждены:

Штатнымъ ассистентомъ психіатрической клиники исп. об. штатнаго ассистента той-же клиники Германъ Якобсонъ; сверхштатнымъ ассистентомъ фізіологическаго института исп. об. сверхштатнаго ассистента того-же института Сергій Бѣляевъ; фармакологическаго института исп. об. сверхштатнаго ассистента того-же института Мартинъ Вильбергъ; II сверхштатнымъ ассистентомъ судебно-медицинскаго института Петръ Семеновскій.

Перемѣщены:

На должность I сверхштатнаго ассистента хирургической клиники IV сверхштатный ассистентъ той-же клиники Генрихъ баронъ Мирбахъ; I сверхштатнаго ассистента геологическаго кабинета II сверхштатный ассистентъ того-же кабинета Теодоръ Швець.

Личный составъ Университета въ настоящее время:

- 1 профессоръ православнаго богословія,
- 36 ординарныхъ профессоровъ,
- 20 экстраординарныхъ профессоровъ,
- 1 астрономъ-наблюдатель,
- 1 ученый аптекаръ,
- 2 прозектора (одинъ изъ нихъ одновременно прив.-доцентъ),
- 27 приватъ-доцентовъ,
- 4 лектора (одинъ изъ нихъ одновременно прив.-доцентъ),
- 1 архитекторъ и преподаватель началъ архитектуры,
- 1 учитель массажа, врачебной гимнастики и механотерапіи.

Всего 94 служащихъ по ученой части и кромѣ того 97 служащихъ по административной части.

Вакантны въ настоящее время:

Кафедры: римскаго права; мѣстнаго права дѣйствующаго въ Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерніяхъ; русскаго гражданскаго права и судопроизводства; географіи, этнографіи и статистики; всеобщей исторіи; анатоміи; сравнительной анатоміи, эмбриологіи и гистологіи; политической экономіи и статистики; изъ 5 новоучрежденныхъ доцентуръ по юридическому факультету — должность доцента финансоваго права замѣщена приватъ-доц.; должность лектора итальянскаго языка; учителя гимнастическихъ упражненій; рисованія и музыки; сверхштатнаго ассистента метеорологической обсерваторіи; сверхштатнаго ассистента ботаническаго сада (исполняется по найму); садовника ботаническаго сада (исполняется по найму); помощника прозектора института сравнительной анатоміи (исполняется по найму); сверхштатнаго ассистента физиологическаго института; сверхштатнаго ассистента фармакологическаго института; сверхштатнаго ассистента гигиеническаго кабинета (исполняется по найму); сверхштатнаго ассистента

гигиеническаго кабинета (исполняется по найму); сверхштатнаго ассистента кабинета оперативной хирургіи (исполняется по найму); сверхштатнаго ассистента кабинета оперативной хирургіи (исполняется по найму); сверхштатнаго ассистента гоологическаго кабинета; сверхштатнаго ассистента медицинской клиники (исполняется по найму); сверхштатнаго ассистента поликлиники (исполняется по найму); сверхштатнаго ассистента женской клиники (исполняется по найму); сверхштатнаго ассистента психіатрической клиники (исполняется по найму); сверхштатнаго ассистента психіатрической клиники (исполняется по найму); сверхштатнаго ассистента госпитальной хирургической клиники (исполняется по найму); университетскаго механика (исполняется по найму).

Студентовъ числилось къ 1-го декабря сего года :

По богословскому факультету	140
По юридическому факультету	701
По медицинскому факультету	1172
По историко-филологическому факультету	140
По физико-математическому факультету	320
	всего 2479
Кромѣ того слушателей фармаціи	138
Постороннихъ слушателей	105
(въ томъ числѣ 99 женщинъ)	
	всего учащихся 2722

Въ теченіе года присуждены слѣдующія званія и степени :

Званіе дѣйствительнаго студента :

По богословскому факультету	18 лицамъ
По историко-фил. факультету	21 „
По физико-мат. факультету	38 „
	всего 77 лицамъ

Степень кандидата :

По богословскому факультету	8 лицамъ
По историко-фил. факультету	7 „
По физико-мат. факультету	26 „
	всего 41 лицамъ

Степень магистра :

По юридическому факультету	1 лицу
--------------------------------------	--------

Степень доктора :

По юридическому факультету	1 лицу
По физико-мат. факультету	1 „
	<u>всего 2 лиц.</u>

Въ юридической испытательной комиссiи въ теченiе сего года выдержало испытанiя 181 лицъ, изъ нихъ удостоены диплома I степени 16 лицъ, диплома II степени, съ правомъ получить дипломъ I степени по представленiю и одобренiю сочиненiя, 56 лицъ, и диплома II степени 109 лицъ.

По медицинскому факультету приобрѣли :

Степень доктора медицины	4
Званiе лекаря	132
„ уѣзднаго врача	3
Степень провизора	49
Званiе аптекарскаго помощника	132
„ зубнаго врача	24
„ дантиста	1
„ повивальной бабки	49
	<u>всего 394</u>

Итого присуждены академическiя и медицинскiя званiя и степени 696 лицъ.

Министерствомъ Народнаго Просвѣщенiя командированы съ ученою цѣлью за границу для приготовленiя къ профессорскому званiю со стипендiею въ двѣ тысячи рублей въ годъ изъ суммъ Министерства: по каедрѣ всеобщей исторiи привать-доцентъ магистрантъ Митрофанъ Бречкевичъ съ 1-го iюля 1911 г., срокомъ на два года; по каедрѣ всеобщей исторiи привать-доцентъ магистрантъ Петръ Яковенко съ 1-го января 1911 г., срокомъ на два года. Оставлены при Университетѣ для приготовленiя къ профессорскому званiю: Германъ Кестнеръ — по классической филологiи, на одинъ годъ, съ 1-го января 1911 г. со стипендiею въ 1200 руб. изъ суммъ Министерства; Николай Щукинъ — по государственному праву, на два года, съ 1-го января 1911 г., со стипендiею въ 1200 руб. въ годъ изъ суммъ Министерства; Фридрихъ Трей — по физической географiи, на два года, безъ стипендiи.

Испытанiе на званiе учителя гимназiи и прогимназiи выдержало 15 лицъ, а именно: по историко-филологическому факультету 7 лицъ, и по физико-математическому факультету 8 лицъ.

По окончаніи курса представлены къ опредѣленію на службу изъ казенныхъ стипендіатовъ медицинскаго факультета 7 стипендіатовъ.

Относительно учебно-вспомогательныхъ учрежденіи Университета должно упомянуть слѣдующее:

Въ продолженіе времени съ 1-го декабря 1910 по 1-го дек. 1911 года отчасти клинически, отчасти амбулаторно и поликлинически пользовалось въ университетскихъ клиникахъ всего 22858 больныхъ, а именно:

Въ медицинской клиникѣ	1590	больныхъ
„ поликлиникѣ	5545	„
„ хирургической клиникѣ	3204	„
„ офтальмологической клиникѣ	3821	„
„ акушерской и женской клиникѣ	1948	„
„ клиникѣ для нервныхъ и душевыхъ болѣзней	1531	„
„ терапевтическомъ отдѣленіи госпит. клиники	1729	„
„ хирургическомъ отдѣленіи госпит. клиники	2411	„
„ амбулаторіи по дѣтскимъ болѣзнямъ	729	„
„ амбулаторіи по кожнымъ и венерическимъ болѣзнямъ	350	„
<hr/>		
всего		22,858 больныхъ

Въ патологическомъ институтѣ въ продолженіе того-же времени было вскрыто 59 труповъ.

Въ судебно-медицинскомъ институтѣ въ продолженіе того-же времени было произведено 92 вскрытій.

Въ Университетской библиотекѣ числилось:

Къ 1 дек. 1910 г. числилось 241043 томовъ и 200238 диссертаций
Вновь поступило въ отчетномъ

году	3251	„	„	7157	„
----------------	------	---	---	------	---

Состояніе къ декабря 1911 г. 244294 томовъ и 207395 диссертаций

Относительно учрежденія имени Роберта Геймбургера симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что назначенная на 1911 г. премія за ученые изданія по наукамъ медицинскаго факультета, въ размѣрѣ 596 руб. 36 коп. Совѣтомъ Университета присуждена доктору медицины Юганнесу фонъ Фигу.

Назначенная на 1910 годъ и сохраненная на 1911 годъ стипендія для научныхъ поѣздокъ въ размѣрѣ 1174 руб. 77 коп.

Совѣтомъ Университета присуждена привать-доценту Юрьевского Университета Василю Бородавскому, а стипендія за 1911 годъ въ размѣрѣ 1192 руб. 72 коп. привать-доценту Болеславу Гриневецкому.

Пособіе нуждающимся вдовамъ и малолѣтнимъ сиротамъ, оставшимся по смерти лицъ, принадлежавшимъ къ числу преподавателей сего Университета въ размѣрѣ 157 руб. 77 коп., назначено вдовѣ умершаго на службѣ экстраординарнаго профессора сего Университета Попова — г-жѣ Аннѣ Поповой.

Для соисканія преміи Роберта Геймбюргера на 1912 годъ допускаются сочиненія на русскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ или латинскомъ языкахъ, вышедшія въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ и принадлежація по своему содержанию къ наукѣ историко-филологическаго факультета, авторы которыхъ состояли по крайней мѣрѣ три года имматрикулованными студентами сего Университета или во время удостоенія означенной преміи состоятъ уже три года въ семъ Университетѣ въ качествѣ привать-доцентовъ, штатныхъ доцентовъ, прозекторовъ, астронома-наблюдателя или ученаго аптекаря. Конкурсныя сочиненія должны быть представлены въ Совѣтъ Университета въ двухъ экземплярахъ не позже 1-го мая 1912 года.

Канцелярія
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА
по
принятію прошеній.

2 отдѣленіе.
2 столъ.

7-го мая 1911 года.
№ 36343.

Господину Директору
Клинической Амбулаторіи дѣтскихъ
болѣзней
ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевского
Университета

Коллежскому Совѣтнику
Василію Павловичу Жуковскому.

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣй-
шему докладу мною прошенія Вашего, принесеннаго
на АВГУСТВѢЙШЕЕ Имя ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ АЛЕК-
САНДРОВНЫ, по дѣлу объ отпускѣ изъ казны
средствъ на устройство дѣтской клиники при Юрьев-
скомъ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Университетѣ, въ 5 день
сего мая, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ соизволилъ на вы-
дачу на сей предметъ десяти тысячъ рублей
изъ суммъ Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярія. О таковой МОНАРШЕЙ
Волѣ, объявленной мною вмѣстѣ съ симъ Главно-
управляющему Собственной ЕГО ИМПЕРАТОР-
СКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцеляріею для зависящихъ
распоряженій о переводѣ указанной суммы въ ИМПЕ-
РАТОРСКІЙ Юрьевскій Университетъ, поставляю
Васъ въ извѣстность.

Главноуправляющій :

Статсъ-Секретарь Баронъ Будбергъ.

Управляющій дѣлами: Фрейманъ.

Министерство
Народнаго Просвѣщенія.

Попечитель
Рижскаго Учебнаго Округа.

13-го октября 1911 г.

№ 13461.

Гор. Р и г а.

Господину Ректору
ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевского
Университета.

Начальникъ Прибалтійскаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ въ званіи Камергера Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА А. А. Куломзинъ, отношеніемъ отъ 12-го сего октября за № 31365, увѣдомилъ Попечителя Учебнаго Округа, что, согласно предложенію Департамента Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ отъ 3-го октября сего года за № 78, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ въ 22-ой день сентября текущаго года ВЫСОЧАЙШЕ соизволилъ на положеніе Совѣта Министровъ объ обмѣнѣ казеннаго имѣнія Шмарденъ, Туккумскаго уѣзда, Курляндской губерніи на отведенное казною Рижскому Архіерейскому дому имѣніе Маріенгофъ, Лифляндской губ., съ предоставленіемъ послѣдняго ИМПЕРАТОРСКОМУ Юрьевскому Университету для нуждъ клиническихъ зданій опытныхъ полей и садовъ, а перваго — въ надѣль названному архіерейскому дому, съ одновременнымъ переводомъ правъ и обязанностей, вытекающихъ изъ заключенныхъ на эти имѣнія арендныхъ контрактовъ, на подлежащія вѣдомства т. е. по имѣнію Шмарденъ — на вѣдомство православнаго исповѣданія, а по имѣнію Маріенгофъ — на вѣдомство Народнаго Просвѣщенія.

При этомъ г. Начальникъ Прибалтійскаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ просить Попечителя войти въ отношеніе съ Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Іоанномъ, Епископомъ Рижскимъ и Митавскимъ относительно приѣма отъ Архіерейскаго дома въ вѣдомство Народнаго Просвѣщенія, для указанныхъ цѣлей, имѣнія

Маріенгофъ и составленный на передачу имѣнія Маріенгофъ актъ препроводить Прибалтійскому Управленію, которымъ засиѣмъ имѣеть быть произведена передача имѣнія Шмарденъ Архіерейскому дому.

Одновременно съ вышеуказаннымъ отношеніемъ Г. Начальника Прибалтійскаго Управленія Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, сообщивъ въ предложеніи отъ 8-го октября сего года за № 32788, что на постройку хирургической и терапевтической клиникъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета въ счетъ общей стоимости этихъ построекъ отпущено по смѣтѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1911-го г. 200,000 рублей, и препроводивъ одобренные Строительнымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія проекты и смѣты по названнымъ постройкамъ, а также копию съ журнала Строительнаго Комитета за № 262, просить о передачѣ этихъ смѣтъ на заключеніе Лифляндской Контрольной Палаты и имѣющей послѣ этого опредѣлиться смѣтный итогъ сообщить Министерству. При этомъ Его Высокопревосходительство, пояснивъ, что, согласно указанію Бюджетной Комиссіи Государственной Думы, проектируемыя постройки назначены для госпитальныхъ клиникъ ИМПЕРАТОРСКАГО Юрьевскаго Университета, присовокупилъ, что съ передачей ИМПЕРАТОРСКОМУ Юрьевскому Университету, согласно ВЫСОЧАЙШЕМУ соизволенію, испрошенному Совѣтомъ Министровъ въ 22 день сентября 1911 года, имѣнія Маріенгофъ, Лифляндской губерніи, для постройки клиническихъ зданій, а также для устройства опытныхъ полей и садовъ, опредѣляется и мѣсто постройки госпитальныхъ хирургической и терапевтической клиникъ и отнадеетъ вопросъ какъ о покупкѣ съ этою цѣлью 3 десятины земли въ имѣніи Техельферъ, такъ и объ использованіи участка земли на Домбергѣ.

Объ изложенномъ считаю долгомъ увѣдомить Ваше Превосходительство, присовокупляя при этомъ, что одновременно съ симъ я вхожу въ сношеніе съ Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Іоанномъ Епископомъ Рижскимъ и Митавскимъ о назначенія имъ лица, которому Его Преосвященство признаетъ желательнымъ поручить передачу имѣнія Маріенгофъ ИМПЕРАТОРСКОМУ Юрьевскому Университету.

Подписалъ Попечитель С. Прутченко.

Скрѣпилъ Правитель Канцелярія С. Поповъ.

Проф. К. К. Сентъ-Илеръ.

Отчетъ

объ

экскурсіи студентовъ - естественниковъ

Императорскаго Юрьевскаго Университета

на Бѣлое море

лѣтомъ 1911-аго года.

По установившемся въ нашемъ факультетѣ узусу ежегодно лѣтомъ организуется дальняя экскурсія со студентами Естественно-Историческаго отдѣленія; причеиъ соблюдается извѣстная послѣдовательность: одинъ годъ бываетъ экскурсія геологическая, другой годъ — ботаническая, третій — зоологическая. Въ этомъ году очередь пришлаь какъ разъ на зоологическую. На моей обязанности слѣд. лежала выработка плана экскурси.

Предварительно мною было сдѣлано сообщеніе для студентовъ о цѣляхъ и предполагаемомъ мѣстѣ экскурси. На основаніи этого сообщенія мною совмѣстно со студенческой экскурсионной комиссіей была выработана докладная записка для факультета и смѣта расходовъ на сумму въ 800 руб.; факультетъ, послѣ того какъ комиссія, состоящая изъ представителей заинтересованныхъ кафедръ, дала свое заключеніе и одобрила представленный планъ, разрѣшилъ устройство экскурси и постановилъ ассигновать на нее 800 руб., внесенныхъ на сей предметъ въ смѣту специальныхъ средствъ университета на 1911-ый годъ.

Я предаю особенное значеніе знакомству съ морской фауной ввиду ея богатства, а также того обстоятельства, что объ морскихъ животныхъ составляются по музейскимъ объектамъ и книгамъ совершенно превратныя представленія. Совсѣмъ иное, если видимъ животныхъ въ живомъ состояніи и въ ихъ естественной обстановкѣ. Изъ нашихъ русскихъ морей самымъ богатымъ является конечно Сѣверный ледовитый океанъ, а затѣмъ Бѣлое море; послѣднее представляетъ большія удобства въ смыслѣ легкости добыванія матеріала и мнѣ довольно хорошо знакомо по прежнимъ экскурсіямъ. Вотъ почему при выборѣ мѣста экскурси я и остановился именно на немъ.

Такъ какъ по наблюденіямъ, сдѣланнымъ въ прошлую поѣздку — въ 1908-мъ году — Ковденскій заливъ Кандалакшской губы оказался достаточно интереснымъ въ смыслѣ фауны и къ

тому же представляет большія удобства для временнаго устройства на жительство, рѣшено было ѣхать опять въ Ковду.

Предполагалось прежде всего продолжить начатыя уже фаунистическія изслѣдованія и притомъ связать ихъ съ изученіемъ физико-географическихъ условій обитанія животныхъ т. е. температуры, солености, строенія дна и пр. Условія эти здѣсь весьма разнообразны, благодаря присутствію въ заливѣ множества острововъ и бухтъ, присутствію изолированныхъ бассейновъ съ различною степенью опрѣсненія, теченію прѣсной воды изъ рѣки Ковды, разнообразію грунта и т. д.

Эти изслѣдованія должны были быть организованы такимъ образомъ, чтобы у экскурсантовъ оставалось достаточно времени для лабораторныхъ занятій, а именно: разборки собраннаго матерьяла, анатомическихъ работъ и разработки небольшихъ научныхъ задачъ. Наблюденія мои во время первой экскурсіи, а также воспоминанія о времени, проведенномъ на Соловецкой станціи, показали мнѣ, что использовать имѣющійся богатый матерьялъ для изученія анатоміи морскихъ животныхъ можно только въ томъ случаѣ, если будутъ устроены регулярныя занятія подъ чьимъ либо руководствомъ, какъ это въ настоящее время практикуется на многихъ станціяхъ — Севастопольской, Вилла-Франкской, Триестской и др. Специальнымъ работамъ я также придаю большое значеніе, такъ какъ онѣ возбуждаютъ интересъ и приучаютъ къ самостоятельному изслѣдованію.

Нельзя упускать изъ виду и прикладную зоологію, главнымъ образомъ рыболовство, которое сильно развито на Бѣломъ морѣ и изученіе котораго можетъ принести пользу тѣмъ изъ нашихъ слушателей, которые изберутъ себѣ практическую дѣятельность. Поэтому я обратился въ Департаментъ земледѣлія, съ просьбой дать намъ программу для изслѣдованія по вопросамъ ихтиологіи и прикладной зоологіи и ассигновать на эти изслѣдованія нѣкоторую сумму. Мое ходатайство въ этомъ направленіи было уважено и Департаментъ поручилъ собрать по возможности полную коллекцію мѣстныхъ рыбъ, а также свѣдѣнія о мѣстномъ рыбномъ промыслѣ.

Такія задачи, поставленныя нашей экскурсіи, требовали значительно большаго оборудованія, чѣмъ это дѣлалось въ предыдущую экскурсію. Дѣло шло собственно говоря объ устройствѣ временной станціи съ оборудованной лабораторіей. Это вызывало конечно значительное увеличеніе расходовъ и увеличеніе рабочаго персонала.

Средства, отпущенныя на экскурсію, были довольно ограничены: Правленіе университета, какъ указано, ассигновало 800 р. и Департаментъ Земледѣлія 300 руб. на расходы по снаряженію и 150 руб. на необходимые гидрологическіе инструменты. Последняя сумма осталась почти не израсходованной, такъ какъ инструменты удалось получить въ главномъ Гидрографическомъ Управленіи Морского Министерства. Тамъ были получены: глубоководный термометръ Негретти-Замбра и батометръ адм. Макарова.

Метеорологическіе инструменты мы получили изъ метеорологической обсерваторіи И. Ю. У. благодаря любезности проф. Б. И. Срезневскаго. Кромѣ того изъ Имп. Общества Рыболовства получены были: веревки, салазочный тральъ и наборъ ареометровъ.

Озерная комиссія Ю. Общ. Естествоиспытателей предоставила въ наше распоряженіе маленькій тральъ Сигсби, шкалу Фореля-Уле для опредѣленія цвѣта воды и нѣкоторые др. инструменты.

Инструменты для лова животныхъ взяты были или изъ Зоотомическаго Института, или заказаны вновь, какъ напр. большой тральъ Сигсби, треугольная драга. Акваріумы выписаны изъ заграницы, частью же приобрѣтены въ Петербургѣ; то-же самое и посуда. Въ Ригѣ были куплены рыболовныя сѣти: маленькій неводокъ и трегубицы.

Къ сожалѣнію нѣкоторые изъ заказанныхъ заграницею вещей задержались, какъ это часто у насъ случается, вѣроятно на таможенѣ, и прибыли на мѣсто слишкомъ поздно.

Кромѣ приготовленій по снаряженію экскурсіи происходили также приготовленія иного рода, а именно — участниковъ ея къ будущимъ занятіямъ. Прежде всего мною былъ прочитанъ рефератъ объ условіяхъ жизни и распредѣленія морскихъ животныхъ, а затѣмъ начались занятія для ознакомленія съ главнѣйшими представителями бѣломорской фауны и для изученія способовъ опредѣленія различныхъ группъ животныхъ. Работа моя въ этомъ отношеніи значительно облегчалась тѣмъ, что у меня были помощники изъ числа экскурсантовъ, которые участвовали въ прошлой экскурсіи и потомъ занимались систематической разработкой отдѣльныхъ классовъ животныхъ, напр. моллюсковъ, губокъ, червей.

Задолго до начала экскурсіи мною были начаты переговоры о помѣщеніи для нашей временной станціи. Я обратился прежде всего къ начальнику таможенной заставы въ Ковдѣ, К. А. Дьякову, который такъ заботился о насъ во время прошлой экскурсіи.

Онъ сообщилъ мнѣ, что намъ съ согласія г-на Управляющаго таможенной и управляющаго Шведскимъ лѣсопильнымъ заводомъ можетъ быть отведено помѣщеніе въ домѣ, построенномъ для нуждъ таможенной шведскимъ заводомъ; помѣщеніе, состоящее изъ пяти большихъ комнатъ съ кухней и расположенное на берегу Горѣлой губы. Эта квартира была прежде занята помощникомъ начальника заставы, который переѣхалъ на о. Березовый. Лучшаго помѣщенія трудно было бы и найти, особенно имѣя ввиду, что Горѣлая губа, по имѣвшимся у насъ даннымъ, имѣетъ богатую фауну.

Передъ самымъ почти нашимъ отъѣздомъ возникли вдругъ нѣкоторыя затрудненія относительно указанной квартиры, которыя къ счастью вскорѣ уладились и были получены формальныя разрѣшенія занять эту квартиру со стороны Управляющаго губерніей, Управляющаго Таможенной и администраціи завода.

Въ экскурсіи принимали участіе слѣд. лица кромѣ руководителя: двѣнадцать человекъ студентовъ Естественно-историческаго отдѣленія нашего факультета по большей части старшихъ курсовъ, нѣкоторые даже кончающіе, а именно: Александровъ А. И., Александровъ Б. П., Гельманъ Г. Д., Дьяконовъ П. М., Катинскій М. В., Кременскій В. В., Миловановъ С. И., Раевскій Г. Е., Розовъ В. Е., Сахаровъ Г. В., Семеновъ С. А., Щепинскій А. К.; изъ нихъ студенты Александровъ А., Кременскій, Миловановъ, Раевскій, Розовъ и Сахаровъ принимали участіе и въ первой блѣморской экскурсіи. Кромѣ того въ качествѣ фотографа былъ приглашенъ воспитанникъ Юрьевской мужской Гимназіи Э. Витофъ. Затѣмъ по моему приглашенію присоединились четыре преподавателя изъ Рижскаго учебнаго округа: Сѣверовъ А. И., Озолинъ П. П. Рейзинъ Э. К. и Ирбе И. А. Временными посѣтителями нашей станціи были: преподаватель Юрьевской мужской Гимназіи Г. Г. Сумаковъ, прожившій въ Ковдѣ недѣлю и занимавшійся сборомъ жуковъ, и преподаватель Я. Д. Штейнбрикъ.

Въ началѣ число записавшихся на экскурсію было нѣсколько больше, но потомъ нѣкоторыя лица подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ отказались. Какъ въ прошлую экскурсію былъ приглашенъ въ качествѣ врача студентъ медикъ пятаго курса, такъ предполагалось сдѣлать и нынче. Нашлись даже два такихъ лица, но передъ самымъ отъѣздомъ оба отказались и искать кого либо вновь было уже поздно. Намъ пришлось пожалѣть объ отсутствіи медицинской помощи, такъ какъ были заболѣванія среди экскурсантовъ, да и мѣстные жители иногда обращались за помощью.

Считаю не лишнимъ сообщить тотъ способъ, какимъ опредѣляется составъ экскурсіи. Прежде всего отъ студенческой экскурсіонной комиссіи вывѣшивается объявленіе для предварительной записи. Затѣмъ, когда дѣло прошло въ факультетѣ, вывѣшивается второе объявленіе съ приглашеніемъ подавать письменныя заявленія о желаніи принять участіе въ экскурсіи въ экскурсіонную комиссію; тамъ эти заявленія разсматриваются и просители распредѣляются по извѣстной градаціи: на первомъ мѣстѣ стоятъ студенты старшихъ курсовъ, затѣмъ специалисты по данному предмету и т. д. Списокъ этотъ утверждается руководителемъ.

Для постоянныхъ работъ по станціи нами были наняты трое служителей: одинъ взрослый — Николай Ефимовъ, бывшій съ нами въ прошлой экскурсіи, и два мальчика — Владиміръ Лазаревъ и Николай Молчановъ; послѣдніе согласились поѣхать съ нами за небольшое вознагражденіе. Это было для насъ очень удобно, такъ какъ достать рабочихъ на мѣстѣ почти невозможно.

Экскурсантамъ передъ отправленіемъ были сообщены „Правила для работающихъ на временной біологической станціи въ Ковдѣ“.

1) Отправляющіеся на экскурсію должны имѣть съ собою кромѣ необходимой одежды и обуви: микроскопъ, анатомическіе инструменты, принадлежности для рисованія, учебникъ зоологіи, чехоль для сѣнника, кружку, ножикъ, вилку, ложку и салфетки.

2) Работающимъ предоставляется помѣщеніе, необходимый матерьялъ, реактивы, лабораторная посуда.

3) Посуда и спиртъ (въ большихъ количествахъ) для консервированія животныхъ при составленіи личныхъ коллекцій предоставляется работающимъ за особую плату.

4) Весь полученный на экскурсіяхъ матерьялъ принадлежитъ станціи и распредѣляется завѣдующимъ; занимающіеся получаютъ матерьялъ для своихъ работъ по заявленіи о томъ завѣдующему; лица, желающія собрать коллекцію для себя или какого либо учрежденія, заявляютъ о томъ заранѣе.

5) Лодками и инструментами работающіе могутъ пользоваться только съ разрѣшенія завѣдующаго.

6) Порядокъ дня на станціи слѣд.: отъ 9 до 10 ч. — утренній чай; отъ 2 до 3 ч. — обѣдъ; въ 8 ч. в. ужинъ и вечерній чай. Отступленіе отъ этого порядка допускается только въ случаѣ дальнихъ экскурсій или другихъ экстренныхъ работъ.

7) Работы на станціи производятся слѣд. образомъ: къ 10 ч. утра доставляется матерьяль для практическихъ занятій и специальныхъ работъ; отъ 10 до 2 ч. идутъ общія практическія занятія, специальныя работы или специальные экскурсіи; отъ 3 до 8 ч. занятія въ лабораторіи или специальные экскурсіи.

8) Дальнія экскурсіи устраиваются періодически въ заранѣе объявленное время.

9) На каждый день назначается поочередно дежурный по станціи, на обязанности котораго лежитъ наблюденіе за правильнымъ ходомъ занятій, забота о своевременномъ доставленіи матерьяла и запись въ журналъ ежедневныхъ наблюденій.

Такъ какъ при многочисленности работающихъ одному человеку не мыслимо вести хозяйство экскурсіи и руководить работами, то я обратился съ просьбой къ моимъ товарищамъ по прежней экскурсіи помочь мнѣ и раздѣлить между собой трудъ. Мое предложеніе было встрѣчено съ полной готовностью, и я здѣсь же не могу не отмѣтить то бодрое настроеніе и ту аккуратность, съ которыми во время экскурсіи выполняли свои обязанности мои сотрудники. Если и бывали какія либо упущенія, то чисто случайнаго свойства, которыя въ такомъ большомъ дѣлѣ предусмотрѣть нельзя. Я всегда съ удовольствіемъ буду вспоминать нашу совмѣстную работу и пользуюсь случаемъ высказать моимъ помощникамъ, особенно же студентамъ А. Александрову, Раевскому, Кременскому мою сердечную признательность за оказанную помощь. Обязанности между указанными лицами распредѣлялись слѣд. образомъ: А. Александровъ исполнялъ обязанности лаборанта т. е. приготовлялъ реактивы и выдавалъ ихъ работающимъ; Раевскій завѣдывалъ лодками и орудіями лова, Кременскій велъ весьма сложное и запутанное счетоводство. Эти же студенты помогали мнѣ при снаряженіи экскурсіи; мы совмѣстно съ ними составили списки необходимыхъ предметовъ, распредѣлили между собой заказы и покупки.

Надо еще упомянуть о томъ, что продовольственное хозяйство во время нашихъ экскурсій стоитъ совершенно независимо отъ собственно экскурсионнаго хозяйства. На пропитаніе каждый экскурсантъ вноситъ опредѣленную сумму, въ данномъ случаѣ по 60 коп. въ день. Изъ этихъ взносовъ составляется общая сумма — продовольственный капиталъ. Хозяйство ведется на артельныхъ началахъ; завѣдуетъ имъ особое лицо — экономъ, обязанности котораго исполнялъ нынче я; счетная же часть велась нашимъ

казначеемъ — Кременскимъ. Провизія забиралась отчасти въ заводской лавкѣ, отчасти выписывалась съ пароходомъ изъ Архангельска. Пропитаніе обходилось намъ недорого и недостатка въ этомъ отношеніи мы не чувствовали, тѣмъ болѣе, что рыба собственнаго улова составляла хорошее подспорье нашему столу. Снаряженіе для работъ въ морѣ мы имѣли слѣд.: у насъ были — маленькая четырехугольная драга, драга съ зубцами, большая треугольная драга, маленькій тралъ Сигсби, большой тралъ Сигсби, салазочный тралъ, швабры, сачки, качественная и количественная планктонныя сѣтки. Для консервированныхъ животныхъ былъ выписанъ изъ Петербурга большой запасъ посуды.

Мы старались также имѣть возможность держать и живыхъ животныхъ въ аквариумахъ. Было приобрѣтено нѣсколько большихъ четырехугольныхъ стеклянныхъ ящиковъ и др. сосудовъ. Они помѣщались на ступеняхъ нашего крыльца, причемъ надъ ними былъ сдѣланъ навѣсъ, покрывавшійся брезентомъ. Содержаніе животныхъ въ аквариумахъ представляетъ большія затрудненія, такъ какъ вода скоро нагрѣвается и животныя страдаютъ. Въ нашихъ условіяхъ и при нашихъ средствахъ устроить водоснабженіе должнымъ образомъ было невозможно; приходилось довольствоваться тѣмъ, что мы мѣняли воду, а затѣмъ устроили продуваніе воздухомъ при помощи газометра и насоса, которые къ сожалѣнію были получены слишкомъ поздно.

Такъ какъ на поверхности моря вода всегда нѣсколько опрѣснена, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ напр. на фарватерѣ и сильно опрѣснена, то весьма полезнымъ оказывается при промывкѣ драгъ и для сохраненія животныхъ, получать воду съ глубинъ. Для этого мы приобрѣли небольшой крыльчатый насосъ, который прикрѣпляли къ борту лодки и опускали приѣмную трубку на необходимую глубину.

Большое затрудненіе представляетъ библіотека. Пересылка книгъ вслѣдствіе ихъ тяжести обходится очень дорого, несмотря на пониженный тарифъ; въ Юрьевѣ невозможно достать къ тому же самыхъ необходимыхъ книгъ. Намъ пришлось взять только тѣ сочиненія, безъ которыхъ нельзя обойтись, вродѣ: губокъ Vostmaëg'a, гидroidsъ Hinks'a, Leuniss'a, червей Malmgreen'a и пр.

Для облегченія разборки матерьяла нами были взяты съ собою опредѣленныя коллекціи губокъ, червей, моллюсковъ и асцидій. Губки были обработаны по прежнему сбору Г. В. Сахаровымъ, аннелиды — А. И. Александровымъ, моллюски опредѣлены С. И. Ми-

ловановымъ и провѣрены Н. М. Книповичемъ, асцидіи — В. В. Редикорцевымъ. Этотъ маленькій музейчикъ оказалъ намъ большую услугу, такъ какъ безъ необходимыхъ литературныхъ пособій мы были бы не въ состояніи опредѣлить даже обыкновенныхъ животныхъ, да и это взяло бы у насъ слишкомъ много времени. Можно только пожалѣть, что разработаны были только немногія группы. Причиной тому являются затрудненія при опредѣленіи матерьяла: въ Юрьевѣ невозможно найти въ библіотекахъ необходимыхъ сочиненій даже самыхъ классическихъ, а выписывать ихъ слишкомъ дорого; попытка обратиться къ специалистамъ также не удалась — во первыхъ, ихъ очень мало, во вторыхъ они не имѣютъ времени; наши сборы амфиподъ, гидридовъ и пантоподъ до сихъ поръ еще лежатъ у специалистовъ.

Изъ Юрьева экскурсія выѣхала 9-го Іюня: на слѣдующій день утромъ прибыли въ Петербургъ; здѣсь экскурсанты осмотрѣли нѣкоторыя достопримѣчательности и музеи, а вечеромъ выѣхали въ Архангельскъ, куда прибыли утромъ 11-го Іюня. Здѣсь намъ пришлось провести два дня, дѣлая закупки и снаряжаясь окончательно. Мнѣ необходимо было явиться Г-ну Управляющему Губерніей, чтобы окончательно выяснить происшедшія недоразумѣнія и поблагодарить за оказанное содѣйствіе. По просьбѣ Г-на Вице-Губернатора директоръ Мурманскаго срочнаго пароходства далъ согласіе на бесплатный провозъ багажа экскурсіи. Въ воскресенье 12-го Іюня мы сѣли на пароходъ и въ понедѣльникъ поздно вечеромъ были въ Ковдѣ. Ночью пришлось перебраться на станцію на пароходѣ „Спокойный“, любезно предоставленномъ въ наше распоряженіе администраціей завода фирмы „Русановы“.

Отведенная намъ квартира, какъ я уже говорилъ, оказалась очень удобной и помѣстительной. Первые дни прошли въ разборкѣ вещей и устройствѣ станціи. Пришлось прежде всего позаботиться о мебели, хотя бы самой примитивной. Шведскій заводъ снабдилъ насъ досками и далъ намъ двухъ рабочихъ, которые сдѣлали козлы для кроватей и столовъ; на нихъ мы наслали доски и такимъ образомъ обмоблировка была готова. Скамейки и обѣденный столъ были сдѣланы уже до нашего пріѣзда: потомъ мы только прибавили табуретокъ для занятій. Вообще со стороны шведскаго завода мы постоянно встрѣчали неизмѣнную готовность придти намъ на помощь.

Вопросъ о лодкахъ, столь важный для насъ, разрѣшился также

весьма удачно. Незмѣнный нашъ благодѣтель, К. А. Дьяконовъ, предоставилъ въ наше распоряженіе двѣ шлюпки: одну большую, которой мы пользовались и въ прошлый нашъ прїѣздъ, и маленькую — для близкихъ поѣздокъ. При содѣйствіи инженера архангельскаго порта Д. Н. Любавина мы получили во временное пользование еще одну шлюпку отъ Соловецкаго монастыря, которая намъ была весьма полезна, благодаря ея помѣстительности и легкому ходу. Къ ней намъ пришлось только придѣлать парусъ. Наша временная станція была расположена у самаго берега Горѣлой губы и имѣла свою пристань, что для насъ было очень важно.

Мы занимали весь верхній этажъ, въ которомъ помѣщались: большая свѣтлая лабораторія, такой же величины спальня, вторая спальня поменьше, моя комната, столовая, кухня и еще очень маленькая комнатка надъ лѣстницей для лабораторіи и корридоръ. Кромѣ того въ нижнемъ этажѣ намъ были предоставлены три комнаты, изъ которыхъ двѣ были заняты у насъ подъ жилия, а одна большая подъ разборочную.

Хотя насъ помѣщалось въ этой квартирѣ до 20 почти человекъ, но тѣсноты не чувствовалось.

Во время нашихъ работъ мы неизмѣнно слѣдовали намѣченному заранѣе плану, а потому правильность хода ихъ не нарушалась. На каждый день назначался дежурный по станціи; дежурные смѣнялись въ алфавитномъ порядкѣ. Первое время дежурили по двое для того, чтобы вновь прибывшіе могли ознакомиться со способами веденія метеорологическихъ наблюдений и лова животныхъ. Дежурный вставалъ въ 7 час. и производилъ метеорологическія наблюденія, затѣмъ съ двумя рабочими выѣзжалъ на очередную драгировку въ губѣ для добыванія матерьяла для занятій. Остальные вставали, около 10 час. пили чай и когда дежурный возвращался съ драгировки, начиналась разборка привезеннаго матерьяла. Онъ сортировался: обычно попадающіяся знакомыя животныя заносились въ журналъ по номерамъ драгъ, тѣ же, которыя возбуждали сомнѣнія или сейчасъ же опредѣлялись нашими специалистами, или консервировались для опредѣленія послѣ возвращенія съ экскурсіи; отбирался матерьялъ для очередныхъ практическихъ занятій и для специальныхъ работъ; остальное раздавалось желающимъ для коллекцій. Если матерьяла оказывалось мало, то прежде всего удовлетворялись специалисты. Послѣ разборки матерьяла, на которой обычно присутствовали всѣ

работающіе, начинались, если только былъ подходящій матерьялъ, практическія занятія, о которыхъ я скажу подробнѣе нѣсколько ниже.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ (къ сожалѣнію не всегда) мѣста драгированія обозначались на картѣ Ковденскаго залива, специально для этой цѣли отпечатанной въ большемъ числѣ экземпляровъ. Отъ двухъ до четырехъ приблизительно было время обѣда, послѣ котораго экскурсанты выѣзжали на болѣе дальнія экскурсіи, работали самостоятельно въ лабораторіи или отправлялись на прогулки по острову или матеріку. Послѣ вечерняго чая и ужина иногда отправлялись на рыбную ловлю.

Этотъ порядокъ нарушался иногда общими дальними выѣздами на цѣлый день или на полъ дня, а также вслѣдствіе той трудности, съ которой русскій студентъ вообще привыкаетъ къ регулярной работѣ.

Такъ какъ на первое мѣсто я ставилъ лабораторныя занятія, то естественно, что на дальніе выѣзды не оставалось много времени и поэтому въ фаунистическомъ отношеніи у насъ хорошо изучена только Горѣлая губа, гдѣ взято болѣе 150-и пробъ. Оказалось, что фауна ея довольно богата и ранзообразна; въ непосредственной близости отъ станціи можно найти цѣлый рядъ формъ въ произвольномъ числѣ экземпляровъ, напр.: губки — *Sycon*, *Ebnerella*, *Ascon*, *Reniera*, *Pellina*; *Coelenterata-Campanularia*, *Perigonimus* (на *Joldia arctica*); иглокожія — *Asterias rubens*, *A. lincki*, *Chirodota*, офиуры; черви-немертины, *Priapul*, *Dinophilus*, всевозможные аннелиды; моллюски весьма многочисленны, но мелки и мало интересны; есть нѣсколько *Eolis* и *Doris*; *Tunicata* — *M. septentrionalis*, *M. retortiformis*, *Styela rustica*, *Chelyosoma macleanum*; Ракообразныя — *Amphipoda*, *Mysis*, *Balanus*, *Crangon*; *Brachiopoda-Rhynchonella*; *Bryozoa* — *Bugula*, *Flustra*, *Loxosoma*. Крупный планктонъ являлся нѣсколько разъ въ лѣто и всегда массами, а именно: *Cyanea*, *Aurelia*, *Hippocrene*, *Veroë*, *Bollina*, *Clio*. Микроскопическій планктонъ по непонятнымъ причинамъ былъ однообразенъ и содержалъ мало личинокъ. Интересно, что цѣлый рядъ животныхъ можно было получить прямо съ нашей пристани при помощи длиннаго сачка, или вытаскивая завезенную драгу; планктонъ мы ловили только съ пристани.

Приведенный выше списокъ конечно весьма неполонъ; имъ я хотѣлъ бы только показать, насколько удобно мѣсто нашей станціи для добыванія матерьяла.

Теперь я опишу въ хронологическомъ порядкѣ наши дальнія экскурсіи. 20-го Іюня мы на двухъ лодкахъ направились въ Старцеву губу, но сильная волна помѣшала намъ туда пройти; пришлось измѣнить направленіе и, воспользовавшись попутнымъ вѣтромъ, пройти къ острову Высокому. Здѣсь мы произвели драгировку на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ драгировали въ прошлый пріѣздъ. 21-го Іюня, 2-го, 9-го и 22-го Іюля выѣзжали на фарватеръ. Это одно изъ самыхъ богатыхъ мѣстъ и лежитъ отъ станціи сравнительно не далеко — около 30—40 минутъ пути. Здѣсь всегда можно получить обильный и интересный матерьялъ: губокъ, актиній, *Alcyonium*, голыхъ моллюсковъ, *Rhynchonella*, асцидій, пикногоновъ, сложныя асцидіи, *Cucumaria*, *Mysis* и мн. др.

Еще болѣе интересныя мѣста есть на ви́шнемъ рейдѣ около острововъ Марфица и Баклышъ. Они пока еще изучены не достаточно и представляютъ то затрудненіе для работы, что рядомъ съ богато населенными участками дна лежатъ совершенно бесплодные, пскрытые мелкой галькой. Такъ какъ на небольшихъ лодкахъ въ эти мѣста можно выѣзжать только въ тихую погоду, то для перваго раза мы, благодаря любезности владѣльца завода г-на Бергрена, воспользовались для нашихъ экскурсій маленькимъ пароходикомъ „Стіна“, принадлежащимъ заводу.

8-го Іюля мы получили въ наше распоряженіе „Стину“ и выѣхали на ней въ полномъ составѣ къ Баклышу. Поднятые отъ Баклыша по направленію къ о. Киврейха тралы и драги не дали ничего особеннаго; это была обычная фауна глубоководнаго ила. Начавшійся сильный дождь заставилъ насъ вернуться домой. 9-го Іюля въ ночь нѣсколько человекъ отправилось на лодкѣ на о. Киврейху, но болѣе съ цѣлью поохотиться. На обратномъ пути была брошена однако одна драга, которая принесла чрезвычайно интересный матерьялъ, а именно: въ первый разъ найденную здѣсь нами *Synthia papillosa* и губку *Cribrochalina*, имѣющую форму бочкала. 12-го Іюля мы были снова около Баклыша и старались найти то мѣсто, гдѣ были пойманы указанные животныя, но его не нашли, хотя и добыли много матерьяла глубоководнаго характера.

Въ тотъ же день отъ Баклыша мы отправились къ о. Миккову для того, чтобы осмотрѣть подводное плато, лежащее между островами Марфица и Микковы. Судя по картамъ, оно имѣетъ очень крутые склоны, на которыхъ можно ожидать богатое население. Въ этотъ день мы не попали на отыскиваемое мѣсто, такъ какъ насъ отнесло теченіемъ на сѣверъ. Закинутые на

сѣв. отъ Микковыхъ тралы и драги принесли массу актиній и красныя водоросли съ обычной для нихъ фауной. Туда же мы направились другой разъ — 19-го Юля — и тогда, начавъ отъ Марфицы, попали какъ разъ на плато. Нѣсколько кинутыхъ тамъ драгъ и траловъ не даютъ конечно возможности опредѣлить фауну, но несомнѣнно одно — что это мѣсто оправдываетъ надежды, которыя я на него возлагалъ. Мы нашли мѣста, поросшія громадными губками *Esperella*, нашли: *Alcyonium*, крупныя *Balanus*, *Sertularia* и разнообразныя другія формы. Дно покрыто красными водорослями или галькой, или болѣе крупными камнями, притомъ эти фаціи распредѣляются небольшими участками. Это пространство заслуживаетъ болѣе тщательнаго изученія.

26-го Юня экскурсанты въ полномъ составѣ на двухъ лодкахъ выѣхали въ 1 часъ ночи въ Старцеву губу. Такое позднее время было выбрано для того, чтобы съ полной водой пройти черезъ пороги въ Канское море и изъ него въ Старцеву губу. Для экономіи времени въ Канскомъ морѣ остановокъ не дѣлали, а только, выйдя въ губу, произвели промѣры и взяли нѣсколько пробъ. Въ этой части губы глубины очень незначительны 5—7 метровъ; дно илистое и поросло длинными бурыми водорослями съ весьма бѣдной и однообразной фауной. Интереснѣе та узкая часть губы, которая лежитъ на западъ отъ Оленьяго остр. и ограничена высокими скалистыми берегами. Во время прошлой экскурсіи мы здѣсь драгировали и получили довольно интересный уловъ. На этотъ разъ намъ не такъ повезло; мы не нашли здѣсь ничего особеннаго, кромѣ развѣ нѣсколькихъ крупныхъ *Vaccinium* и *Pagurus*, да нѣкоторыхъ аннелидъ. Около 12 час. дня мы возвратились на станцію.

Самой крупной изъ дальнихъ экскурсій была поѣздка на Черную рѣку, лежащую верстахъ въ 30 отъ Ковды. Участвовали въ поѣздкѣ: студенты Розовъ (за старшаго), Александровъ А., Александровъ Б., Раевскій, Семеновъ, Щепинскій, преподаватели Ирбе, Озолинъ, Рейзинъ и фотографъ Витофъ. 14-го Юля въ 2 часа ночи экскурсанты отправились на пароходикъ „Стина“, ведя на буксирѣ два станціонныхъ карбаса, съ инструментами и запасами провіанта на 4 дня. Въ 6 час. утра прибыли ко входу въ Бабье море, сейчасъ же пересѣли на карбасы и прошли черезъ Куичинскій порогъ въ Бабье море. Тамъ послѣ привала экскурсанты раздѣлились на двѣ партіи: одна занималась рыбной ловлей, другая — драгированіемъ. Было взято за остро-

вомъ въ серединѣ моря и около второго порога нѣсколько пробъ. Не давъ какихъ либо особенныхъ результатовъ, онѣ интересны въ томъ отношеніи, что выясняютъ фауну этого интереснаго изолированного бассейна. 15-го Юля прошли въ губу Ругозерскую, гдѣ было поднято нѣсколько драгъ и траловъ; фауна приблизительно та же, что и въ Горѣлой губѣ. На прибрежныхъ фукусахъ одного островка найдено много гидроидовъ и губокъ *Pellina*. Пробы на великой Салмѣ дали тѣ же результаты, что и въ прошлую экскурсію.

Была сдѣлана остановка въ заливѣ Лобаниха противъ самой Черной рѣки. Со дна залива было извлечено много красныхъ водорослей, но почти пустыхъ.

Двое изъ участниковъ поѣздки, В. Е. Розовъ и Э. Витофъ, въ сопровожденіи служителя отправились въ деревню Черную Рѣку, а оттуда на старыя слюдяныя ломки; послѣ долгихъ поисковъ имъ удалось найти это мѣсто и они собрали образцы слюды.

18-го Юля пришелъ въ губу пароходъ Мурманскаго Общ. и взялъ экскурсантовъ. На немъ они къ вечеру прибыли въ Ковду.

Этимъ я и заканчиваю описаніе нашихъ выѣздовъ.

15-го Юля мы совершили сухопутную экскурсію на Хрусломены. Это — большой заливъ, который вдается глубоко въ островъ Оленій съ запада. Подобный же заливъ вдается и съ восточной стороны и носитъ названіе Мал. Хрусломены. Большія даютъ множество заливчиковъ, изъ которыхъ нѣкоторые окаймлены скалами. Мѣстность чрезвычайно живописная. Цѣлью нашей экскурсіи было — попробовать опредѣлить съ берега, есть ли какая нибудь фауна въ этихъ заливахъ; къ сожалѣнію добывать тамъ матерьялъ инымъ способомъ нельзя, такъ какъ лодки тамъ нѣтъ и войти изъ моря нельзя. Въ литторальной зонѣ не видно животныхъ кромѣ довольно крупныхъ *Mya truncata*; сачекъ же, закинутый по возможности далеко, приносить также весьма мало: немного водорослей съ моллюсками. По поверхности плаваютъ во множествѣ мальки колюшки. По общему впечатлѣнію фауна здѣсь весьма бѣдная, хотя вода содержитъ на вкусъ довольно много соли. Дно покрыто иломъ, иногда вонючимъ. Интересно было бы подрагировать въ серединѣ залива.

Каковы же результаты нашей экскурсіи?

Прежде всего у насъ имѣются метеорологическія наблюденія за періодъ времени съ 14 Юня по 26 Юля. Въ отношеніи погоды истекшее лѣто нельзя назвать особенно удачнымъ. Хоро-

шихъ ясныхъ и спокойныхъ дней было сравнительно не много. Вѣтеръ дулъ то съ одной стороны губы, то съ другой. Установилась хорошая погода только въ серединѣ Іюля и продержалась до нашего отъѣзда.

Сопоставляя кривыя среднихъ температуры, давленія и влажности мы можемъ видѣть, что на 2—4 Іюля падаетъ minimum давленія и температуры и maximum влажности: t° опускалась до 9 градусовъ, барометръ до 724mm, а гигрометръ показываетъ въ это время 80% влажности. Внезапное и очень кратковременное паденіе барометра замѣчалось 18-го Іюля: въ 7 час. утра было 738, черезъ какой нибудь часъ онъ поднялся до 748 въ 1 час. дня показывалъ 762, а вечеромъ въ 9 час. — уже 768. Этотъ случайный minimum сопровождался сильнымъ штормомъ на морѣ.

Дождливыхъ дней за все время было 17.

Очень замѣтна разница въ температурѣ около моря и на материкѣ; скалы накаляются такъ сильно, что жара становится нестерпимой. На морѣ же даже въ случаѣ штиля жара переносится легче. Рѣдкіе дни погода удерживала насъ дома. Только въ открытомъ морѣ на рейдѣ вѣтеръ опасенъ для маленькихъ лодокъ, въ защищенныхъ мѣстахъ за островами всегда можно пройти. Особенно хорошо защищена Горѣлая губа: съ сѣвера ее закрываетъ мысъ Толстикъ, а съ моря рядъ острововъ. Поэтому даже въ самый сильный вѣтеръ мы могли выѣзжать за матерьяломъ безпрепятственно.

Затѣмъ взяты пробы воды въ различныхъ частяхъ Горѣлой губы и залива и при помощи ареометровъ опредѣлена плотность ея. Съ нашей пристани нѣсколько дней подрядъ брались пробы воды въ приливъ и отливъ. Полученныя данныя указываютъ, что рѣка Ковда вноситъ большое количество рѣсной воды, которая распределяется слоемъ по поверхности; причемъ конечно чѣмъ ближе къ впаденію, тѣмъ опрѣсненіе значительнѣе. На днѣ же на фарватерѣ соленость нормальная; поэтому тамъ выживаютъ даже самыя нѣжныя животныя. Струя рѣсной воды минуетъ Старцеву и Горѣлую губы. Впрочемъ во время прилива около станціи замѣчалось легкое уменьшеніе солености вѣроятно подѣ влияніемъ притока воды съ фарватера. Производились также и измѣренія температуры воды на поверхности (каждый день) и на глубинѣ. Наименьшая температура въ 4° найдена на глубинѣ 20—25 метровъ.

Во время этихъ промѣровъ работающіе ознакомились съ употребленіемъ термометра Негретти, батометра, шкаль для опредѣленія цвѣта воды, съ опредѣленіемъ плотности ареометромъ.

Для выясненія рельефа дна губы Горѣлой были сдѣланы 4 очень подробныхъ промѣра поперегъ губы, при помощи которыхъ выяснилось, что самое глубокое мѣсто лежитъ ближе къ противоположному берегу, а посрединѣ тянется гряда.

Зоологическія работы, какъ указано, распадались на практическія занятія и самостоятельныя изслѣдованія. На практическихъ занятіяхъ мы успѣли разсмотрѣть слѣд. объекты: Губки (Porifera): *Ascandra*, *Sycon* — строеніе, иглы, воротничковыя клѣтки, *Reniera* — иглы, спонгинъ, половые продукты. Кишечнополостныя (Coelenterata): *Campanularia* — строеніе колоніи, строеніе гидрантовъ, *Gonothyrea Ioveni* — образованіе медузойдныхъ почекъ; *Hippocrene* (какъ представитель медузъ *Craspedota*) строеніе, половые продукты, планули; *Aurelia* (какъ представитель *Acraspeda*) строеніе, гастроваскулярная система, органы чувствъ; *Lucernaria* (представитель *Stauromedusae*); *Actinia* — анатомія, мезентеріальныя нити, аконтіи, стрекательныя капсулы въ нихъ; *Alcyonium* — строеніе полипа, спикулы; *Bolina* — строеніе, статоцистъ, мерцательныя пластинки. Черви (Vermes): *Nemertini* — тотальный препаратъ мелкихъ видовъ, хоботокъ; *Dinophilus* — строеніе; *Arenicola* — анатомія, препаратъ выдѣлительныхъ органовъ; *Terebellides* — строеніе, постройка трубки, половые продукты; *Polynoe* — препаратъ пароподій и элитръ, хоботокъ; личинки аннелидъ въ планктонѣ; *Priapulid* — анатомія. Мшанки (Bryozoa): *Flustra* — строеніе; *Loxosoma* — строеніе, почкованіе; Ручоногія (Brachiopoda): *Rhynchonella* — анатомія. Иголкожія (Echinodermata): *Asterias rubens et A. lincki* — анатомія, движеніе, питаніе, педицелляріи; *Ophiopholis* — строеніе скелета, анатомія; *Strongylocentrotus* — анатомія, строеніе скелета; *Chirodota* — анатомія, препаратъ кожи, аутономія. Мягкотѣлыя (Mollusca): *Chiton* — строеніе, известковыя пластинки; *Mya arenaria* — анатомія, кристаллическій столбикъ; *Mytilus* — анатомія, биссусъ; *Tellina* — сифонъ; *Pecten* — глаза; строеніе *Eolis*, *Doris* и *Clio*; личинки моллюсковъ въ планктонѣ. Ракообразныя (Crustacea): *Balanus* — скелетъ, анатомія, *Mysis* — строеніе, ножки, отцысты, *Pagurus* — образъ жизни, *Gammarus* — строеніе. Оболочники (Tunicata): *Molgula* — анатомія, мантия, препаратъ мерцательнаго органа.

Главная цѣль этихъ занятій было — показать работающимъ

животныхъ съ точки зрѣнія ихъ наружнаго и внутренняго строе-
нія въ живомъ состояніи, такъ какъ то, что мы видимъ на фиксированныхъ препаратахъ, представляетъ только жалкое подобіе дѣйствительности.

Я старался также обращать вниманіе работающихъ на биологическія и фізіологическія особенности каждаго животнаго. Разсматривалось въ свѣжѣмъ состояніи и гистологическое строеніе органовъ. Приготавлиемы были также и микроскопическіе препараты или цѣлыхъ животныхъ напр. гидродовъ, немертинъ и др., или отдѣльныхъ органовъ напр. аконтіи, педицеллярій; попутно я указывалъ на тѣ объекты, которые было бы желательно зафиксировать для дальнѣйшей обработки и приготовленія срѣзовъ.

Я обращалъ вниманіе на то, чтобы вскрытіе животныхъ производилось правильно, для пріученія работающихъ къ препаровкѣ. Если матерьяла оказывалось мало, то я ограничивался демонстраціей объектовъ.

Это была съ моей стороны первая проба такихъ занятій. Польза ихъ несомнѣнна; работающіе слѣдили за ними съ большимъ вниманіемъ. Ихъ можно конечно обставить гораздо полнѣе и лучше, но для этого необходимо больше силъ; хотя мнѣ и помогали мои сотрудники напр. на занятіяхъ по губкамъ Г. В. Сахаровъ, на занятіяхъ по червямъ — А. И. Александровъ, но въ другихъ случаяхъ приходилось готовить все самому, что при другихъ моихъ обязанностяхъ было затруднительно. Самое трудное это — во время засти необходимый матерьялъ, мы еще не были настолько знакомы съ губой, чтобы находить сразу любое животное, тѣмъ болѣе, что каждый день у насъ дежурные мѣнялись. Въ будущемъ этого затрудненія не будетъ, такъ какъ будутъ составлены карты для отдѣльныхъ наиболѣе часто встрѣчающихся или болѣе интересныхъ животныхъ. Ввиду этой трудности при добычѣ матерьяла, не всегда оказывалось возможнымъ придерживаться систематическаго порядка изложенія. Планктонныя напр. животныя появляются очень нерегулярно, а потому ихъ надо брать тогда, когда они идутъ. Въ случаѣ нахождения какого либо интереснаго животнаго, приходилось возвращаться къ старому или забѣгать впередъ.

Кромѣ общихъ занятій нѣкоторые изъ участниковъ экскурсіи работали надъ спеціальными вопросами, а именно:

А. И. Александровъ занимался анатоміей *Brada* (изъ аннелидъ), изучалъ фізіологическое значеніе нѣкоторыхъ органовъ и

собралъ большой матерьялъ для дальнѣйшей обработки; кромѣ того онъ собиралъ и опредѣлялъ вообще Annelides.

Г. Д. Гельманъ изучалъ выдѣлительный органъ у *Molgula* съ анатомической и физиологической точки зрѣнія; особенное вниманіе было обращено на имѣющіяся въ этомъ органѣ загадочныя образования, напоминающія спирохетъ.

М. В. Катинскій наблюдалъ явленія аутономіи у *Chirodota* и собралъ матерьялъ для изученія измѣненій, происходящихъ въ отпавшихъ частяхъ голотурій.

В. В. Кременскій началъ работать надъ вопросомъ о химическомъ строеніи *Krystalstyl* у *Mya arenaria*, но вскорѣ бросилъ работу по неизвѣстной мнѣ причинѣ.

Г. Е. Раевскій изучалъ явленія фагоцитоза у аннелидъ, преимущественно у *Terebellides Stroemi*, и опредѣлялъ десятиногихъ раковъ.

В. Е. Розовъ собиралъ коллекцію мѣстныхъ рыбъ и матерьялы по ихъ біологій.

Г. В. Сахаровъ изучалъ строеніе склеробластовъ губокъ главнымъ образомъ при помощи метода прижизненной окраски, а также собиралъ и опредѣлялъ губки.

С. А. Семеновъ наблюдалъ способъ постройки трубки червемъ *Scione lobata*.

А. К. Щепинскій собиралъ кладки различныхъ животныхъ и отмѣчалъ время созрѣванія половыхъ продуктовъ у различныхъ животныхъ.

Кромѣ того Б. П. Александровъ собиралъ коллекцію моллюсковъ, П. М. Дьяконовъ — немертинъ.

Я работалъ надъ нервами въ щупальцахъ теребеллидъ и надъ передвиженіемъ пищи въ колоніяхъ гидроидовъ; кромѣ того собралъ матерьялъ для нѣкоторыхъ гистологическихъ работъ.

Нѣкоторые изъ экскурсантовъ собирали коллекціи для учебныхъ заведеній, музеевъ и др. учреждений: А. И. Александровъ — для Таврическаго епархіального училища, Г. Е. Раевскій для Кружка студентовъ Физ.-Мат. фак. Ю. У., В. В. Кременскій — для Калужской учительской семинаріи. А. И. Сѣверовъ — для Рижскаго окружного музея, М. В. Катинскій — для Юрьевской мужской гимназіи; преподаватели И. А. Ирбе и Э. К. Рейзинъ — для музея Латышскаго учительскаго общества въ Ригѣ.

Систематическаго матерьяла въ эту поѣздку собрано не такъ много, какъ въ прошлую, такъ какъ тогда брался весь уловъ для

опредѣленія; теперь же только тѣ формы, которыя возбуждали сомнѣнія или раньше не попадались. Для зоотомическаго кабинета собирался также матерьялъ для практическихъ занятій напр. морскія звѣзды для вскрытiя, *Mya*, *Arenicola*, гидроиды, мшанки и т. под. и въ демонстративную коллекцію хорошіе экземпляры нѣкоторыхъ животныхъ.

Такъ какъ изученіе мѣстныхъ рыбъ съ теоретической и практической точки зрѣнія являлось одной изъ нашихъ задачъ, то я скажу нѣсколько словъ объ этомъ отдѣльно. Кромѣ указанныхъ ранѣе снастей — невода и трегубиць, ловъ производился также на удочку съ наживкой рыбой, червемъ (*Arenicola*) и *Mya*. Въ Горѣлой губѣ очень мало мѣстъ, удобныхъ для вытягиванія невода, поэтому ловля имъ была здѣсь не удачна. Ловили большею частью въ Канскомъ морѣ, гдѣ попадаетъ много камбалы. Въ губѣ рыба больше попадалась въ ставныя сѣти, а именно камбала и особенно много, къ сожалѣнію не съѣдобныхъ, кирчакъ (*Cottus*). Треска довольно мелкая ловилась главнымъ образомъ на удочку; иногда впрочемъ попадались экземпляры до 8—10 фунтовъ. Рыба осматривалась снаружи для отысканія паразитовъ, которыхъ въ общемъ довольно мало; найдено нѣсколько *Lernae*. Осматривались также и внутренности, содержимое ихъ вынималось для опредѣленія нищи рыбы, а также вынимались и внутренностные паразиты.

Въ случаѣ, если попадались мальки рыбъ, они фиксировались. На отливѣ было найдено нѣсколько *Zoarces viviparus* самки; онѣ были вскрыты и зародыши фиксированы для приготовленія препаратовъ.

Собранный ихтиологическій матерьялъ доставленъ въ Зоологическій музей Императорской Академіи Наукъ для обработки.

25-го Іюля рѣшено было тронуться въ обратный путь; за два дня началась дѣятельная уборка и къ сроку прихода парохода все было готово. Администрація завода была столь любезна, что для перевозки нашего огромнаго багажа предоставила намъ пароходъ „*Sarpen*“. Вечеромъ мы сѣли на пароходъ „*Королева Ольга*“, который шелъ по Кемской линіи черезъ Соловки. Этотъ путь на сей разъ мы избрали, потому что пароходъ по расписанію долженъ былъ придти въ Архангельскъ днемъ раньше, чѣмъ по болѣе короткой кандалакшской линіи. Наши расчеты, оказалось, однако не оправдались, такъ какъ мы простояли цѣлыя сутки въ туманѣ и прибыли въ Архангельскъ только 28 Іюля. На этотъ день у

насъ были уже заранее заказаны билеты по желѣзной дорогѣ, такъ что пришлось спѣшно перевозить вещи, отправить багажъ въ различные пункты и произвести расчетъ съ нѣкоторыми нашими поставщиками.

Окончивъ всѣ дѣла во время, мы сѣли на поѣздъ и 30-го были въ Петербургѣ, а 31-го въ Юрьевѣ. По дорогѣ часть экскурсантовъ отдѣлилась въ Вологдѣ, часть въ Петербургѣ. А. И. Сѣверовъ и М. В. Катинскій уѣхали изъ Ковды на недѣлю раньше насъ.

Разработка матерьяла покажетъ въ будущемъ, какое научное значеніе имѣла наша экскурсія; теперь въ этомъ отношеніи можно только сказать, что она подтвердила высказанное мною мнѣніе о желательности устройства въ Ковдѣ постоянной зоологической станціи, въ частности на берегу Горѣлой губы, такъ какъ въ смыслѣ добыванія матерьяла это мѣсто оказывается чрезвычайно удобнымъ. Что же касается пользы, которую принесла экскурсія участникамъ, то я въ ней не сомнѣваюсь; въ этомъ отношеніи она достигла своей цѣли. Можетъ быть желательна только была бы большая интенсивность работы, но послѣ цѣлаго года усиленныхъ занятій такое напряженіе не всѣмъ бываетъ подъ силу.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ высказать мою глубокую благодарность всѣмъ лицамъ и учрежденіямъ, которыя способствовали успѣху нашей экскурсіи, а именно: Г-ну Архангельскому Губернатору камергеру И. В. Сосновскому и управлявшему Губерніей Г-ну Вице-Губернатору А. Ф. Шидловскому, оказывавшимъ свое любезное содѣйствіе во все время пребыванія экскурсіи въ предѣлахъ Архангельской губерніи; Управляющему архангельской таможеней Г. Ф. Островскому за разрѣшеніе воспользоваться помѣщеніемъ въ таможенномъ домѣ; владѣльцу шведскаго лѣсопильного завода въ Ковдѣ г-ну Бергрёну и вообще администраціи завода за предоставленіе помѣщенія, матерьяла для оборудованія станціи и рабочихъ, а также за самое предупредительное отношеніе ко всѣмъ нашимъ нуждамъ; начальнику Ковденской таможенной заставы К. А. Дьяконову за помощь при присканія помѣщенія въ Ковдѣ и вообще самое родственное отношеніе къ намъ; Обществу Мурманскаго срочнаго пароходства за бесплатный провозъ всего багажа экскурсіи на пароходѣ изъ Архангельска до Ковды и обратно; Г-ну Директору Мужской гимназіи въ Архангельскѣ за разрѣшеніе остановиться въ помѣщеніи гимназіи; Департаменту Земледѣлія за предоставленіе средствъ для экскурсіи и исходатайствованіе инструментовъ передъ Глав-

нымъ гидрографическимъ Управленіемъ М. М.; Озерной комиссіи Юрьевскаго Общ. Ест., Императорскому Общ. Рыболовства, проф. Б. И. Срезневскому за предоставленіе инструментовъ для экскурсіи.

Уже этотъ длинный списокъ показываетъ, какъ охотно идетъ общество навстрѣчу научно-педагогическому предпріятію. Дѣло устройства экскурсіи значительно облегчается благодаря такому отношенію. Ни разу мы не натолкнулись на какія либо препятствія, напротивъ слово „экскурсія“ оказывалось магическимъ и сразу рѣшало всѣ затрудненія въ нашу пользу.

Позволю себѣ высказать надежду на то, что начатое мною дѣло, т. е. организациія экскурсій педагогическаго характера на Бѣлое море, не заглохнетъ, а разовьется; приэтомъ особенно желательнымъ я считаю командировку на море преподавателей среднихъ и низшихъ школъ подобно тому, какъ это было въ нынѣшнемъ году. Для правильной же организации такихъ экскурсій необходимо имѣть постоянную хорошо устроенную станцію, ибо ежегодная перевозка инструментовъ, посуды и пр. слишкомъ затруднительна. Въ этомъ году намъ удалось обставить станцію довольно прилично и въ будущемъ возможно будетъ воспользоваться приобрѣтеннымъ инвентаремъ. Я продолжаю настаивать на томъ, что мѣсто, нами выбранное, для такой станціи весьма удобно.

Отчетъ на 800 р., отпущенныхъ Правленіемъ Университета на экскурсію студентовъ Естественниковъ въ Ковденскій заливъ Бѣлаго моря.

Снаряженіе:

Цирку за приходорасходную книгу	—	р.	30	к.
Унгеру за папку	—	„	75	„
Перли за письменныя принадлежности	3	„	93	„
Крюгеру за Указатель ж. д.	—	„	85	„
Глюку за Таблицы животныхъ и растений	1	„	16	„
Гидрогр. Упр. М. М. за карты	1	„	20	„
Вохли за пузыри для обвязки банокъ (2 счета)	3	„	85	„
Отсингу за траль и драгу	9	„	78	„
Каплану за 10 ванночекъ	4	„	—	„
Зелигъ за лабораторныя принадлежности	15	„	—	„
Лятъ за жестяной ящикъ	1	„	—	„
Воробьеву за вату	—	„	90	„
Рефкину за воскъ	1	„	60	„
Зайцевской за стеклянную посуду (задатокъ и по накладной)	33	„	46	„
Барановой за стеклянную посуду (задатокъ и накладная)	82	„	84	„
Физ.-Мат. кружку сф. за реактивы (2 счета)	10	„	37	„

Демидову за сѣти для драгъ	16 р. 49 к.
Штоль и Шмитъ за реактивы (счетъ и накладная)	24 „ 75 „
Баженову за пробки	6 „ 47 „
Кюне за резиновыя трубки	5 „ 74 „
Петрову за рыболовныя принадлежности	1 „ 68 „
Шмакову за реактивы (по тремъ счетамъ)	20 „ 80 „
Пахомову за веревки	27 „ — „
Афонасьеву за желѣзные инструменты (2 счета)	13 „ 84 „
Техническому складу за резиновый рукавъ	4 „ — „
Антонову за пилу и цѣпь	— „ 82 „
Арханг. казен. винному складу	20 „ 24 „
Dr. G.; Grübler за реактивы (11. м. 75 пф.)	5 „ 44 „
Scholze u. Pötzschke за аквариумы и Luftkessel (три счета 86 мар. 80 пф.)	40 „ 18 „
P. Altmann за стеклянную посуду (78 мар. 70 пф.) безъ счета	36 „ 43 „
Бутылки	— „ 25 „
4 четвертныхъ	— „ 72 „
Деревянная посуда	4 „ — „
2 желѣзныхъ ведра	— „ 90 „
Сѣно для матрасовъ	3 „ 30 „
Рогожи	— „ 75 „
Рукавицы и кожаный фартукъ	2 „ 25 „

Всего 407 р. 04 к.

Расходы на билеты:

Отъ Юрьева до Архангельска на 17 чел. по 2 р. 85 к.	48 р. 45 к.
Переправа черезъ Двину	1 „ 40 „
На пароходъ Отъ Архангельска до Ковды по 1 р. 5 к.	17 „ 85 „
Отъ Черной Рѣки до Ковды	3 „ 30 „
На пароходъ отъ Ковды до Архангельска (13 — 2-го класса, 3 — 3-го)	32 „ 63 „
Переправа черезъ Двину обратно	— „ 80 „
Отъ Архангельска до Юрьева на 16 чел.	45 „ 60 „
Трамвай	2 „ 60 „

Всего 152 р. 38 к.

Перевозъ багажа:

Посылка отъ Алтманна	13 р. 48 к.
Посылка отъ Шольце и Печке	4 „ 99 „
По накладной № 30036	13 „ 11 „
По накладной № 30037	34 „ 38 „
Ломовой	1 „ — „
Накладная	— „ 48 „
Посылка отъ Шольце и Печке (аквариумы)	13 „ 79 „
Храненіе багажа въ Петербургѣ	5 „ 65 „
Провозъ багажа отъ Исакогорки до Архангельска	1 „ 81 „
Переправа черезъ Двину	— „ 59 „

Храненіе вещей на Пристані	1 р. 50 к.
Пересылка вещей на пароходъ по тремъ квитанціямъ	1 „ 82 „
Провозъ лодокъ съ Черной Рѣки въ Ковду на пароходъ	1 „ 05 „
По накладной № 4925	3 „ 22 „
По накладной № 7208	12 „ 75 „
Перевозъ ручного багажа черезъ Двину обратно	— „ 60 „
Ломовые и извозчики	19 „ 94 „
Носильщики	2 „ 80 „
	<hr/>
	Всего 132 р. 96 к.

Рабочіе:

Николаю Ефимову	45 р. — к.
Ему же на билетъ съ мѣста жительства въ Петербургъ и обратно	5 „ 24 „
Владиміру Лазареву	10 „ — „
	<hr/>
	Всего 60 р. 24 к.

За особья услуги:

Служителю общежитія Арх. гимназіи	2 р. — к.
Матросамъ парохода „Ольга“	3 „ — „
Матросамъ „Сарпена“	1 „ — „
Капитану пароходика „Стина“	2 „ — „
Проводнику на Бабье море	1 „ — „
Водовозу	1 „ — „
Столяру	3 „ — „
Рабочимъ Шведскаго завода	1 „ — „
	<hr/>
	Всего 14 р. — к.

Почтовые расходы:

Телеграмма въ Ковду	1 р. 55 к.
Г-ну Архангельскому Губернатору	4 „ 85 „
Шамакову въ Архангельскъ (двѣ)	2 „ 05 „
Почтовые марки и бланки	5 „ 15 „
	<hr/>
	Всего 13 р. 60 к.

Мелкіе расходы	6 р. 75 к.
На пополненіе продовольственныхъ суммъ	60 „ — „
	<hr/>

Итого 846 р. 97 к.

Перерасходъ въ 46 руб. 97 коп. покрытъ взносами участниковъ экскурсіи за взятыя ими посуду и реактивы.

На 300 р., полученныя отъ Главнаго Управленія Земледѣлія и Землеустройства, приобрѣтены сѣти, ящики для упаковки рыбы, уплачено жалованье рабочему, расходы по рыбной ловлѣ и пр.

Къ химіи изолауролена.

И. Кондакова и И. Шиндельмейзера.

Для синтеза нѣкоторыхъ камфорныхъ дериватовъ методомъ Кондакова намъ нужно было имѣть лауролень и изолауролень. Эти два углеводорода, весьма близко стоящіе къ камфорнымъ дериватамъ и получающіеся въ видѣ продуктовъ расщепленія примыкающихъ къ камфорной кислотѣ производныхъ, содержатъ одно изъ пентаметиленныхъ звеньевъ камфоры въ неизмѣненномъ (изолауролень) или измѣненномъ (лауролень) видѣ. Эти два углеводорода могутъ быть переведены обратно синтезомъ въ камфорный или близко къ нему стоящій рядъ соединеній.

Преслѣдуя эту цѣль и надо было получить упомянутые два углеводорода. При приготовленіи изолауролена намъ пришлось отмѣтить частью совершенно новые, частью дополнить уже извѣстные факты. Изложенію ихъ и посвящена настоящая замѣтка.

Изолауролень былъ впервые приготовленъ Моатесе ¹⁾ перегонкой мѣдной соли сульфокамфиловой кислоты, но онъ свойства этого углеводорода не указалъ. Впослѣдствіи Дамскій ²⁾ готовилъ его сухой перегонкой аммонійной соли той же кислоты. Кенигсъ и Мейеръ ³⁾, занимавшіеся болѣе детальнымъ изслѣдованіемъ сульфокамфиловой кислоты, обрабатывали ее 25% растворомъ фосфорной кислоты при 175° и получили вмѣстѣ съ углекислотою и сѣрнистымъ водородомъ, углеводородъ, изолауролень съ точкой кипѣнія 108°—110°.

1) Lieb, Ann. 163, 326, 1866.

2) Ber. 20, 2959, 1887.

3) Journ. Chem. Soc. 77, 379, 1900.

Изъ высококипящей части Дамскій выдѣлилъ кислородсодержащее соединеніе, принятое имъ за кетонъ $C_9H_{14}O$, о которомъ Кенигсъ и Мейеръ не упоминаютъ. Вокеръ и Кормекъ¹⁾ подвергали *o*-метиль-камфорно-каліевую соль электролизу и получали метиловый эфиръ изолауроленовой кислоты, бромангидридъ которой, полученный обработкой дымящейся бромистоводородной кислотою, при разложеніи щелочью далъ изолауролень. Наконецъ, Г. Бланкъ²⁾, изслѣдовавшій подробно соединенія изолауроленоваго ряда, синтезировалъ изолауроленовую кислоту изъ ангидрида адипиновой кислоты, превращалъ ее въ диметилциклопентанонъ, а послѣдній съ помощью магнія и іодистаго метила въ третичный спиртъ съ точкой плавленія 37^0 , который при нагрѣваніи подъ давленіемъ расщеплялся на изолауролень и воду.

Изолауролень Бланка имѣлъ точку кипѣнія 108^0 . Видоизмѣнивъ этотъ методъ, Нойесъ и Кириакидесъ воспользовались имъ для синтеза лауролена³⁾. Изъ знакомства съ вышеприведенными изслѣдованіями выясняется, что болѣе подробно изученъ углеводородъ, полученный Вокеръ-Кормекомъ и Бланкомъ, тогда какъ изслѣдованіе Дамскаго остается еще непровѣреннымъ. Ни механизмъ образованія изолауролена при этой реакціи, ни то, что собственно представляетъ высококипящая часть, принятая Дамскимъ за кетонъ, мы не знаемъ. Дамскій для полученія изолауролена исходилъ, какъ извѣстно, изъ аммонійной соли сульфокамфиловой кислоты и перегонялъ ее въ присутствіи хлористаго аммонія, но онъ не указываетъ въ своей статьѣ, сколько бралъ хлористаго аммонія по отношенію къ сульфокамфиловой соли. Наши опыты приготовленія изолауролена этимъ способомъ показали, что это составляетъ одно изъ существенно важныхъ обстоятельствъ. Дѣйствительно, если брать хлористый аммоній только въ частичныхъ отношеніяхъ, то углеводорода почти что не получается, а получаютъ осмолившіяся неперегоняющіяся вещества и въ перегонѣ бываетъ только небольшое количество водной жидкости, содержащей сѣрнистую кислоту. Предположивъ, что кислота могла заполимеризировать образующійся углеводородъ, мы при давленнѣйшихъ своихъ опытахъ брали вдвое больше хлористаго аммонія по отношенію къ мо-

1) Ber. 27, 3470, 1894.

2) C. R. 142, 1084--1086, 1906.

3) Journ. Amer. Chem. Soc. 32, 1064, 1910.

лекулѣ сульфокамфилово — аммонійной соли. При такихъ условіяхъ перегонъ имѣлъ слабощелочную реакцію и получалось сравнительно много жидкаго маслянистаго продукта. Изъ дальнѣйшихъ опытовъ выяснилось, что слѣдуетъ примѣнять аммонійную сульфокамфиловую соль перекристаллизованную изъ 10% амміака, такъ какъ уже при выпариваніи на водяной банѣ чистая соль разлагается и принимаетъ кислую реакцію отъ свободной сульфокамфиловой кислоты. Кенигсъ-Мейеръ по своему способу изъ сульфокамфиловой кислоты получали сырого жидкаго продукта 50% теоретически ожидаемаго $C_8H_{12}COONHSO_3 + H_2O = C_8H_{14} + CO_2 + H_2SO_4$. Слѣдовательно изъ 224 частей кислоты всего 55 частей вещества, мы же изъ 180 гр. сульфокамфиловой кислоты, превращенной въ аммонійную соль, получали 72 гр. сырого продукта. Нужная для опытовъ сульфокамфиловая кислота приготовлялась по Кернеру ¹⁾ нагрѣваніемъ ангидрида камфорной кислоты съ сѣрной кислотой. Можно ее готовить, какъ дѣлали Кенигсъ-Герлинъ ²⁾, Кенигсъ-Мейеръ ³⁾ и Дамскій ⁴⁾ нагрѣваніемъ камфорной кислоты съ сѣрной кислотою.

Ангидридъ камфорной кислоты мы нагрѣвали съ сѣрной кислотою на водяной банѣ при 65°—70° въ продолженіе 3 часовъ, послѣ охлажденія продукты реакціи вливались въ холодную воду (4 части), нагрѣвались на водяной банѣ четверть часа и фильтровались для отдѣленія невошедшей въ реакцію камфорной и мезокамфорной кислотъ. Водный растворъ выбалтывался эфиромъ до тѣхъ поръ, пока еще извлекалась камфорная кислота. Затѣмъ водная кислая жидкость выпаривалась на водяной банѣ до появленія кристалловъ. Въ такихъ условіяхъ обыкновенно по охлажденіи все превращалось въ кристаллическую кашицу. Кристаллы отсасывались, высушивались между фарфоровыми пластинками и перекристаллизовывались сначала изъ кипящаго уксуснаго эфира, потомъ изъ воды и еще разъ изъ уксуснаго эфира. Послѣ вторичной перекристаллизаціи получались твердые стекловидные кристаллы, которые, выдержанные въ эксикаторѣ надъ сѣрной кислотою, плавилась при 162°—164°. У другихъ изслѣдователей кислота эта имѣла т. п. 160°—165°. Насыщеніемъ

1) Lieb. Ann. 169, 178 · 179, 1873.

2) Ber. 26, 811 и 2044, 1893.

3) L. c.

4) L. c.

чистой сульфокамфиловой кислоты амміакомъ и перекристаллизацией изъ амміака мы получали аммонійную соль въ видѣ мелкихъ кристалловъ; если же выпаривать водный растворъ соли безъ помѣшиванія, то получается плотная кристаллическая корка. Сухую перегонку аммонійной соли мы производили въ струѣ углекислоты для устраненія вліянія кислорода воздуха. Въ перегонѣ получалась вода и маслянистая жидкость. Отдѣливъ маслянистую жидкость отъ водной жидкости, промывши ее водою, мы ее окончательно очищали перегонкой водянымъ паромъ въ струѣ углекислоты. Относительно сухой перегонки самой соли нужно отмѣтить, что разложеніе ея обыкновенно начиналось около 110° — 120° , а кончалось при нагрѣваніи до 170° — 180° . Маслянистая жидкость, перегнанная водянымъ паромъ, имѣла нейтральную реакцію и слабо желтое окрашиваніе, своеобразный, немного рѣзущій запахъ и была оптически недѣятельна. При дробной перегонкѣ, сначала подъ обыкновеннымъ давленіемъ, была отогнана низкокипящая часть до 160° , изъ этой части была получена дальнѣйшей фракціонировкой часть съ температурой кипѣнія 68° — 75° , незначительное количество фракціи кипящей 75° — 105° и главная масса перегонялась отъ 105° до 110° , при чемъ болѣе всего кипѣло около 109° . Части переходящія выше 160° , окрашенные въ слабозелтый цвѣтъ, были соединены съ остатками кипящими выше 110° и перегнаны въ разрѣженномъ пространствѣ. Первоначально перегналось все при 8 мм. отъ 70° до 80° , исключая малой части, кипящей ниже. При послѣдующей перегонкѣ изъ нея были выдѣлены двѣ фракціи: одна кипящая при 8 мм. 71° — 74° и другая, перегоняющаяся при 8 мм. 74° — 77° .

По нашимъ опредѣленіямъ какъ низкокипящая, такъ и высококипящая часть оптически недѣятельны и имѣютъ слѣдующія свойства 1) 71° — 74° (8 мм.) $d_{18} = 0,934$, $n_{D_{18}} = 1,4698$; 2) 74° — 77°). $d_{180} = 0,9376$; $n_{D_{18}} = 1,46900$. $MR = 40,98$; по числамъ Траубе-Брюль для $C_9H_{14}O$ вычисляется 41,70, а по числамъ Конради 41,21. По лучепреломленію и по удѣл. вѣсу соединеніе близко къ камферфорону, пулегенону или какому либо ихъ изомеру. Фиттигъ¹⁾ нашелъ для камферфорона $d_{20} = 0,939$. Такимъ образомъ изъ нерастворимаго въ водѣ маслянаго слоя изолированы три фракціи: 68° — 75° , 108° — 110°

1) Lieb. Ann. 112, 311—313, 1859.

и кипящ. при 8 мм., 71° — 74° и 74° — 77° . Изъ этихъ трехъ фракцій Дамскій ¹⁾ указываетъ только на двѣ послѣднія. При чемъ вещество, кипящее при 108° — 110° принялъ онъ за изолауролень, а соединеніе, кипящее около 195° , за кетонъ, такъ какъ эта фракція давала оксимъ въ видѣ густого тяжелаго масла, но по элементарному анализу это масло скорѣе подходило къ соединенію $C_{10}H_{14}NOH$, чѣмъ къ $C_9H_{14}NOH$. Кенигсъ и Эппенсъ ²⁾ нашли для камферфорона изъ камфорной кислоты температуру кипѣнія 195° — 200° , твердый оксимъ съ точкой плавленія 121° , который имѣлъ составъ $C_9H_{14}NOH$. Трибромидъ камферфорона, приготовленный ими плавился при 52° . Наконецъ Гаррисъ и Матфусъ ³⁾ установили, что изъ камферфорона съ гидроксилампномъ получается оксаминъ съ точкой плавленія 119° — 120° . По Валлаху ⁴⁾ камферфоронъ даетъ жидкій оксимъ, перегоняющійся съ водянымъ паромъ.

Мы пытались приготовить изъ нашего кетона оксимъ по Гаррису-Матфусу ⁵⁾. Онъ оставался долгое время жидкимъ и только послѣ продолжительнаго стоянія выдѣлилъ нѣсколько кристалликовъ съ температурой плавленія 116° — 118° . Остальное не закристаллизовывалось и чрезъ 3 недѣли при стояніи въ разрѣженномъ эксикаторѣ надъ сѣрной кислотой, но побурѣло. Для дальнѣйшей характеристики вещества было приготовлено изъ него бромистое соединеніе. Для этого мы растворяли его въ пяти частяхъ низкокипящаго петролейнаго эфира и прибавляли бромъ въ петролейно-эфирномъ растворѣ при охлажденіи льдомъ; послѣ быстрого испаренія петролейнаго эфира выдѣлились кристаллы, которые были высушены между фарфоровыми пластинками; при плавленіи они размягчались уже при 76° и плавилась около 79° , жидкая часть имѣла рѣзкій запахъ, напоминающій хлористыя соединенія ацетона.

При прибавленіи брома къ кетону замѣчалось выдѣленіе бромистаго водорода, хотя охлажденіе было тщательное. Кенигсъ и Эппенсъ готовятъ трибромидъ, реагируя на растворъ камферфорона въ сѣроуглеродѣ бромомъ при охлажденіи, выбалтывали жидкость сѣрнистоюкислой щелочью, содою и, наконецъ, водою. Затѣмъ, удаливъ сѣроуглеродъ испаре-

1) L. c.

2) Ber. 25, 260, 1892.

3) Ber. 32, 1343, 1899.

4) Lieb. Ann. 331, 324, 1904

5) L. c.

ніемъ при обыкновенной температурѣ и выдержавъ въ эксикаторѣ полученный маслянистый остатокъ, они растворяли его въ спиртѣ и, прибавивъ воды дополученія помутнѣнія, оставляли стоять до кристаллизаціи. Кристаллы, высушенные между фарфоровыми пластинками, имѣли точку плавленія 52° , но уже начали размягчаться при 49° . Слѣдовательно, бромистое соединеніе нашего кетона по точкѣ плавленія отличается отъ соединенія камферфорона.

Опредѣленіе брома въ нашемъ бромопродуктѣ дало слѣдующее: 0,183 гр. вещества дали 0,2188 гр. AgBr или 63,93% Br.

Вычисляется для $C_9H_{11}Br_2O = 64\%$.

Жидкая часть при стояннй постепенно превратилась тоже въ твердую кристаллическую массу. При возстановленіи кетона натріемъ въ спиртовомъ растворѣ получено было вещество, перегоняющееся при $195^{\circ} - 200^{\circ}$. $n_D = 1,46729$, удѣльный вѣсъ $d_{18} = 0,938$. Повидному послѣ перваго возстановленія кетонъ мало измѣнился, хотя и имѣеть другой запахъ. Послѣ вторичнаго возстановленія вещество кипѣло главнымъ образомъ при $192^{\circ} - 197^{\circ}$ удѣльный вѣсъ былъ $d_{20} = 0,937$, лучепреломленіе осталось то же самое.

Остатки послѣ сухой перегонки сульфокамфилово-аммонійной соли были перегнаны съ водяными парами. При этомъ было получено около 2 гр. маслянаго вещества съ своеобразнымъ запахомъ и водная жидкость кислой реакціи. При стояннй маслянистая жидкость превратилась постепенно въ кристаллы. Они не растворялись въ холодной водѣ, трудно въ кипящей, водный горячій растворъ имѣлъ кислую реакцію; растворялись кристаллы также въ щелочи, легко въ спиртѣ и эфирѣ. Выкристаллизованные изъ спирта они представляли плотные стекловидные кристаллы съ точкой плавленія $126^{\circ} - 127^{\circ}$. Изъ воды они кристаллизуются въ формѣ мелкихъ иголь. Твердое вещество похоже на *m*-ксилиловую кислоту, которая также плавится при 126° , почти не растворяется въ холодной и мало въ горячей водѣ. Кальціевая соль кристаллизовалась въ видѣ мелкихъ иголокъ.

Кислая водная жидкость послѣ нейтрализаціи пересыщена поташемъ и извлечена спиртомъ. По испареніи спирта осталась буроватая масса съ фенольнымъ запахомъ. Эта соль была для очистки обработана петролеинымъ эфиромъ, потомъ водный растворъ разложенъ разбавленной сѣрной кислотой а кислота извлечена эфиромъ; она имѣла точку плавленія $112^{\circ} = 113^{\circ}$. Для характеристики кислоты она была переكري-

сталлизована изъ воднаго спирта; сначала выдѣлялась она въ видѣ маслянистыхъ капель, которыя застывали въ кристаллическую массу; кристаллы плавилась при 113° .

Калиевая, натриевая и бариевая соли послѣ испаренія водноспиртовыхъ растворовъ въ эксикаторѣ не кристаллизовались, а выдѣлялись въ видѣ студенистыхъ массъ. Анализирована была послѣ двухнедѣльнаго стоянія бариевая соль; она представляла собою массу съ перламутровымъ блескомъ.

0,133 гр. бариевой соли дали 0,0655 гр. Ba_2SO_4 или 28,58% Ва. Для $[C_8H_{15}O_3]_2$ Ва вычисляется 28,50% Ва.

Изъ приведенныхъ данныхъ можно предполагать, что выдѣленная кислота будетъ ни что иное, какъ β -оксигексагидроксилиловая кислота, описанная Перкиномъ и Лисомъ ¹⁾.

Наконецъ, къ вышеприведеннымъ фактамъ остается прибавить нѣсколько словъ объ углеводородѣ съ низкой точкой кипѣнія. Изъ этой части углеводорода была выфракціонирована порція съ температурой кипѣнія 69° — 70° около 3 гр., похожая по всѣмъ физическимъ свойствамъ на диизопропениль. Для характеристики этого углеводорода было приготовлено изъ него бромистое соединеніе въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, въ которыхъ готовилъ ее въ нашей лабораторіи при изученіи этого углеводорода Левитесь ²⁾. Бромюръ былъ приготовленъ въ растворѣ петролейнаго эфира, причемъ получалось небольшое количество кристалловъ, а главная масса осталась жидкой. Кристаллы трудно растворялись въ эфирѣ и петролейномъ эфирѣ, легко въ спиртѣ и уксусной кислотѣ. Они имѣли точ. плавленія 138° — 139° , которая не измѣнялась послѣ вторичнаго бромированія. Жидкая часть еще разъ бромировалась, но оставалась неизмѣненной при стоянїи въ эксикаторѣ.

Въ кристаллическомъ соединенїи было опредѣлено содержаніе брома: 0,037 гр. вещества дали по Каріусу 0,1350 гр. $AgBr$, или 66,37% Br. Вычисляется для $C_8H_{11}Br_2$ — 65,56% Br, а для $C_8H_{10}Br_4$ — 79,60% Br.

Углеводородъ этотъ присоединяетъ бромистый водородъ и даетъ дибромидъ — бромистый тетраметилэтиленъ съ т. п. около 160° . Это бромистое соединеніе при обработкѣ влажной окисью серебра даетъ pinaконъ и диметилизопропениль-

1) Journ. Chem. Soc. 79, 332. 1901.

2) Кондаковъ, Journ. prakt. Chem. 59, 293, 1899; 62, 167, 1900; и Левитесь. О тетраметил-этиленѣ и его полимеризаціи. Дисс., Юрьевъ, 1899.

карбиноль. Хлористоводородное соединеніе, полученное изъ этого углеводорода, обработкой его дымящейся соляной кислотой при обыкновенной температурѣ кипитъ надъ давленіемъ 11 мм. около 46° — 50° , т. е. представляетъ моноклоргидратъ.

Небезъинтересно отмѣтить здѣсь, что и Фиттигъ ¹⁾ при перегонкѣ кальціевой соли камфорной кислоты получалъ фракціи, кипящія при 60° — 70° , 70° — 80° и 90° — 100° , но онъ ихъ не изслѣдовалъ. Шеллеръ ²⁾ въ своей работѣ также указывалъ на эти фракціи и высказалъ предположеніе, что они состоятъ изъ смѣси углеводородовъ съ кислородсодержащими соединеніями, но дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ не занимался.

На основаніи вышеприведенныхъ данныхъ можно считать установленнымъ, что низкокипящій углеводородъ дѣйствительно состоитъ изъ диизопропила, содержащаго примѣсь, или изолауролена, или какого-то другого, быть можетъ циклическаго углеводорода. Эти примѣси, вѣроятно, даютъ производныя, которыя мѣшаютъ полученію въ абсолютно чистомъ видѣ производныхъ диизопропила.

Схемы образованія всѣхъ продуктовъ, получающихся при разложеніи сульфокамфилово-аммонійной соли въ присутствіи хлористаго аммонія въ зависимости отъ строенія кислоты могутъ быть различныя. Одна изъ такихъ возможныхъ схемъ такова:

Сульфокамфиловая кислота присоединяетъ сначала хлористый водородъ, образующійся при разложеніи хлористаго аммонія, въ двухъ направленіяхъ и даетъ два хлористоводородныхъ соединенія, изъ которыхъ каждое отщепляетъ обратно хлористый водородъ и даетъ двѣ кислоты — или α -камфолитовую, или β -камфолитовую — изолауроленовую кислоту.

Изъ этихъ двухъ кислотъ α , какъ извѣстно, легко изомеризуется въ β кислоту, а послѣдняя, отщепивъ углекислоту, даетъ изолауролень.

Эти двѣ кислоты черезъ хлористоводородныя соединенія, вѣроятно, превращаются въ камфолактоны, включая сюда и ψ -камфолактонъ, могущій образоваться при изомеризаціяхъ съ перемѣщеніемъ метиловой группы.

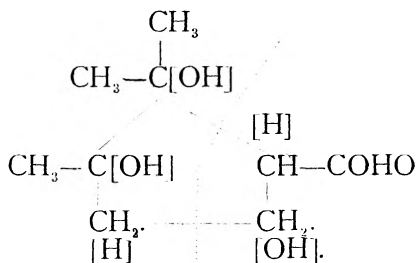
А изъ этого лактона съ перемѣной пятичленнаго звена въ шестичленное образуются, вѣроятно, съ одной стороны лактонъ цисъ-гидроксигексагидроксилитовой кислоты, пере-

1) L. c.

2) W. Scholler, Zur Constitution der Campherphorons — Diss., 1902.

ходящей въ соотвѣтствующую оксикислоту съ т. п. 113°, а съ другой стороны онъ же даетъ въ условіяхъ реакціи ксилловую кислоту, какъ было напр. у Перкина и Лисъ.

Оксикислоты, соотвѣтствующія камфолактонамъ, а въ частности кислота, соотвѣтствующая ψ -камфолактону, вслѣдствіе происходящихъ гидратацій и дегидратацій, отщепляя углекислоту и другія группы, даетъ диизопропениль по схемѣ:

Образовавшийся пинаконъ дегидратируется въ диизопропениль.

Изъ той же оксикислоты, вѣроятно, образуется изомеръ камферфорона либо самъ камферфоронъ¹⁾. Окончательная провѣрка этихъ схемъ и подтвержденіе ея соотвѣтствующими фактическими данными составляетъ предметъ дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованій.

Детальное изслѣдованіе продуктовъ разложенія сульфокамфиловой кислоты продолжается.

1) Примѣсь камфорной кислоты едва-ли могла быть въ сульфокамфиловой кислотѣ

„сонъ“, др.-исл. *svœfn*, какъ скр. *pr̥s̥h̥āti* „спрашиваетъ“ и т. д. къ скр. *pr̥āṣṇāḥ* „вопросъ“, лат. *pr̥ec̥s̥* (мн. ч.) „просьба“, гот. *fr̥aihn̥a* „спрашиваю“; скр. *diṣṭāḥ* „показанный“ и т. д. стоитъ въ такомъ же отношеніи къ греч. *ἔδειξα* „я показалъ“, лат. *dic̥ō* (изъ *deic̥ō*) „говорю“, какъ скр. *baddhāḥ* „связанный“, гот. *bundans* „связанный“ къ скр. *bāndhuḥ* „родственникъ“, гот. *binda* „связываю“, лит. *beĩd̥ras* „товарищъ“.

Гласные сонанты *i, *u, *r̥, *l̥, *n̥, *m̥ съ точки зрѣнія индо-европейскаго языка — краткіе: санскритъ отражаетъ ихъ всѣхъ какъ краткіе i, u, r̥, l̥, a, a; точно такъ же и греческій, кромѣ *r̥ и *l̥, изъ которыхъ получаютъ *ρα* (или *αρ*), *λα* (или *αλ*): гр. *πατράσι* „отцамъ“ у Гомера представляетъ дактиль, между тѣмъ какъ ведич. *pit̥r̥ṣu* „среди отцовъ“ — три краткихъ слога; отраженіе *n̥, *m̥ въ слав. *ъ* представляетъ также краткій звукъ; почти во всѣхъ другихъ языкахъ, за исключеніемъ индо-иранскаго, и.-е. *r̥, *l̥, *n̥, *m̥ сдѣлались долгими, такъ какъ отразились въ видѣ гласнаго звука со слѣдующими r, l, n, m и слѣдовательно превратились въ дифтонги; но отраженія *n̥ и *m̥ въ индо-иранскомъ, греческомъ и славянскомъ показываютъ, что эта долгота развилась позднѣе эпохи индо-европейскаго единства.

Много спорили о томъ, были ли эти краткіе и.-е. *r̥, *l̥, *n̥, *m̥ чистыми вокализированными сонантами, какъ i и u, или артикуляція ихъ слагалась изъ очень короткаго гласнаго съ предшествующими или слѣдующими r, l, n, m въ качествѣ согласныхъ или вторыхъ элементовъ дифтонговъ. Этотъ вопросъ имѣетъ второстепенное значеніе, такъ какъ важно опредѣлить не то, произносились ли *r̥, *l̥, *m̥, *n̥ тѣмъ или другимъ способомъ, но то, въ какихъ звукахъ отразились они въ различныхъ языкахъ, и каково ихъ мѣсто въ строѣ индо-европейскаго языка. — Существованіе очень короткаго гласнаго элемента, независимо отъ сонанта можетъ быть серьезно установлено только на основаніи совпаденія представителей этого гласнаго въ различныхъ языкахъ. Въ этомъ отношеніи самое замѣчательное явленіе представляетъ двойное отраженіе *r̥ въ балтійскомъ въ видѣ *iṛ̥* и *uṛ̥*, которому соотвѣтствуетъ и обще-славянская пара *īr̥ и *ūr̥, слившаяся въ др.-славянскомъ въ одномъ отраженіи *рь*, но сохраненная русскимъ языкомъ въ сочетаніяхъ *ер* и *ор* и оставившая слѣдъ въ из-

мѣненіи гортанныхъ звуковъ; такъ съ одной стороны мы имѣемъ др.-сл. *чрънь* (изъ *ч^врънь), рус. чернѣй, др.-прусск. *kirspan*, ср. скр. *kṛṣṇāḥ* „черный“, а съ другой стороны др.-сл. *крьма* (изъ *к^врьма), русск. корма; послѣднему слову вѣроятно соотвѣтствуетъ гр. *κρέμα, κρέμη* „корма“, съ отраженіе *г в видѣ *ρυ*, которое напоминаетъ славянское *р и отличается отъ обычнаго *ρα*. Факты такого рода стоятъ такъ одиноко, что изъ нихъ нельзя сдѣлать никакихъ выводовъ.

Существенный выводъ, который слѣдуетъ запомнить, таковъ: *i, *u, *r, *l, *m, *n представляютъ гласные элементы, параллельные другъ другу, и играютъ одинаковую роль въ языкѣ.

е. — Сонанты передъ *ə.

Въ группахъ типа: гласный + сонантъ + *ə + согласный, напр. *əneṭ-, согласный сонантъ и *ə имѣютъ обычное отраженіе; это типъ:

скр. *janitā*, гр. *γενετήρ*, лат. *genitor* „родитель“ или въ языкѣ съ исчезающимъ *ə въ среднемъ слогѣ (иранскомъ, армянскомъ, славянскомъ, балтійскомъ, германскомъ), др.-сакс. *kind* „дитя“ изъ *g₁enətó-.

Въ группахъ типа: согласный (или начальный звукъ слова) + сонантъ + *ə + согласный, очень трудно опредѣлить отраженіе. Сонантъ мы будемъ обозначать здѣсь знаками *y, *w, *r, *l, *m, *n, не обозначая этими начертаніями никакой гипотезы о гласномъ или согласномъ характерѣ звуковъ.

Для *y и *w + *ə мы имѣемъ отраженіе, точно установленное: *ī и *ū; здѣсь всѣ языки согласуются:

скр. *kṛitāḥ* „купленный“, ирл. *críthid* „любящій покупать“.

скр. *tūyaḥ* „сильный“, лит. *tūlas* „нѣсколько“, др.-пр. *tūlan* „много“; гр. *τῦλη* „опухоль“.

Но греческій языкъ, рядомъ со звуками *ī, ū*, отражающими и.-е. *ī, *ū, знаетъ еще формы *ια, υα*, которыя, по видимому, отражаютъ и.-е. *iyə, *uwə, напр. въ словѣ *πράσσαι* „купить“, при скр. *kṛitāḥ* „купленный“.

Для *r, *l + *ə въ скр. мы имѣемъ *īr, ūr* (r отражаетъ и *r и *l), а для скр. *n + *ə — *ā*; отраженіе *m + *ə въ санскритѣ плохо извѣстно. Этимъ путемъ пришли къ установленію и.-е. *ī, *l, *m, *n параллельно *ī и *ū.

Въ нѣкоторомъ количествѣ примѣровъ въ греческомъ мы находимъ сочетаніе *αρα, αλα, αμα, ανα*, т. е. дѣло обстоитъ такъ, какъ будто лежащее въ основѣ индо-европейское сочетаніе было **o*г_е, **o*л_а, **o*ш_а, **o*п_а. Но рядомъ съ этими отраженіями мы находимъ и другія: *ρᾱ, λᾱ* (и, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ *ρω, λω*), *μᾱ, νᾱ*, часто имѣющія двойное значеніе (такъ какъ мы не можемъ отрицать возможности того, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ и.-е. **g*ā, **l*ā, **m*ā, **n*ā) и потому сомнительныя; во всякомъ случаѣ, однако, эти отраженія а ргіогі вѣроятны, такъ какъ рядомъ съ **o*г_е индо-европейскій языкъ долженъ былъ знать **g*е, а греческій языкъ даетъ сочетаніе *ρᾱ* только въ такихъ случаяхъ, когда мы можемъ предполагать возникновеніе новой формы уже на греческой почвѣ по аналогіи.

Кельтскій языкъ имѣетъ формы типа *ага, ала* и т. д., которыя соотвѣтствуютъ греческому типу *αρα, αλα* и т. д.; латинскій имѣетъ тоже *агі, алі* и т. д., но по большей части съ свойственнымъ ему пропускомъ гласнаго внутри слова. Рядомъ съ этимъ мы имѣемъ кельт. *гā, лат. гā, кельт. lā, лат. lā* и т. д., соотвѣтствующія гр. *ρᾱ, λᾱ* и т. д. Повидимому, слѣдовательно, двойное греческое отраженіе имѣетъ мѣсто и въ кельтскомъ и въ италійскомъ.

Что касается языковъ, гдѣ **ə* внутри слова выпадаетъ (см. стр. 80), то два ряда отраженій, отличаемые въ греческомъ, италійскомъ и кельтскомъ, здѣсь смѣшиваются между собою и даже смѣшиваются съ обычнымъ отраженіемъ **ĭ*, **ĵ*, **ŋ*, **ŋ̄*; во всякомъ случаѣ балтійскій и славянскій языки различаютъ **ġ* и **ġ̄* по интонаціи:

**ġ*: лит. *iġ* или *uġ* сербское *ġ̂* (подъ удареніемъ),

**ġ̄*: лит. *iġ̄* или *uġ̄* сербское *ġ̄̂* (подъ удареніемъ);

и то же самое для всѣхъ рядовъ. Индо-иранскій языкъ также отличаетъ **ŋ* и **ŋ̄*, откуда:

**ŋ*: лит. *iŋ, uŋ*, сербск. *ŋ̂* индо-ир. *ā,*

**ŋ̄*: — *iŋ̄, uŋ̄*, — *ē, ŷ* — *ā.*

Подъ **ġ̄*, **ĵ̄*, **ŋ̄*, **ŋ̄̂* разумѣются всѣ эти запутанныя отраженія **ġ*, **ĵ*, **m*, **n* + **ə*.

Слѣдующіе примѣры даютъ представленіе объ этомъ явленіи:

*ǣ:

скр. *gīrṅāh* „проглоченный“, лит. *girtas* „пьяный“ и *gūrklī* (вин. п. ед. ч.) „зобъ“, др.-сл. *гъло* (серб. *г̃рло*) „горло“; гр. *βάραθρον* „ущелье, пропасть“ (ω въ *βιβρώσχω* „ѣсть“ можетъ отражать и.-е. *ō).

др.-сл. (съ-)трьть „стертый, сношенный“, серб. т̃рти „тереть, носить“, гр. *τρᾶνής* „проникающий, точный“ (примѣръ, повидимому, достовѣрный); др.-ирл. *tarathar* „буравъ“.

скр. *srhūgati* „гремитъ, появляется“, гр. *σφαραγέομαι* „лопаюсъ съ шумомъ“, лит. *srūgas* „почка (на деревѣ)“, лат. *spargō* (изъ *spargō*?) „разбрасываю“.

*ĭ:

скр. *dīrghāh* „длинный“, зд. *darō* (двусложное), др.-сл. *дѣгъ* (серб. *д̃ѣг*).

гр. *παλάμη* „ладонь“, лат. *palma* (изъ **palama*?), др.-ирл. *lām* „рука“, др.-англ. *folm* (изъ герм. **fulmā*) „ладонь“

скр. *rūṅāh* „полный“, др.-сл. *илъкъ* (серб. *п̃ѣв*), лит. *pilnas*, гот. *fulls* (изъ герм. **fulnaz*), др.-ирл. *lān*.

*ŋ:

скр. *jātāh* „рожденный“, зд. *zātō*, лат. (g)*nātus*, галл. (Cintu-)g*nātus*.

скр. *yātā* „невѣстка“, лат. *ianitricēs* „жены двухъ братьевъ“.

лит. (pa-)žintas „извѣстный“, гот. *kunþs*.

гр. *θάνατος* „смерть“, рядомъ съ *θνητός* (дор. *θνατός*) „смертный“.

*m̄:

гр. (ἀ-)δάματος „незамужняя, свободная“ и *δητός* (дор. *δματός*) „укращенный“.

лит. *tīmsgas* „рыжечальный (лошадь)“.

Такая форма, какъ греч. *να* въ *τέθναμεν*, рядомъ съ *τέθνηκα*, объясняется аналогіей, ср. *ἔσταμεν* при *ἔστηκα*. Точно также лат. *gravis*, съ сочетаніемъ *ga* изъ **gæ*, основывается на формѣ женскаго рода **græwi-*, аналогичной съ формою **pl̄thēwi* (скр. *pl̄thivī* „широкая (земля)“, гр. *Πλάταια*). Случай такого рода довольно рѣдки.

Соотвѣтствія, обозначенныя какъ *ǣ, *ĭ, *ŋ, *m̄ существуютъ только въ комбинаціяхъ **g + a*, **l + a* и т. д.

Нельзя того же сказать объ *i и *ū. Дѣйствительно эти долгіе сонанты иногда чередуются съ краткими *i и *u:

скр. *vīgáḥ* „мужчина“, зд. *vīgō*, лит. *vūgas*, но лат. *vīg*, др.-ирл. *fēg* (изъ *wīgos), гот. *wair* (изъ *wīgaz).

скр. *ñū* „нынѣ“, гр. *νῦν*, др.-сл. *нынѣ*, но скр. *ñú*, гр. *νύ*, лат. (nυ-) *dīus*, др.-ирл. *nu*, др.-сл. *нѣ*.

Въ этихъ словахъ употребленіе *i или *i, *ū или *u опредѣлялось повидимому соображеніями ритма; напр. въ аористахъ съ удвоеніемъ звукъ i удвоенія дологъ передъ краткимъ слогомъ въ скр. *rīgīṣat* „повредилъ“ и кратокъ передъ долгимъ слогомъ въ скр. *didīpat* „засвѣтилъ“. Эти долгіе звуки въ другихъ случаяхъ по большей части являются результатомъ самостоятельнаго развитія въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ; доказательствомъ этому служить то, что въ санскритѣ i, происходящее изъ *e часто бываетъ долгое; а это i чисто индо-иранское.

Во всѣхъ случаяхъ эти *i и *ū — гласные сонанты; такъ *ū въ *ñū есть тотъ же звукъ, который мы находимъ въ видѣ w въ родственныхъ словахъ: скр. *nāvaḥ* „новый“, гр. *νέ(F)ος*, лат. *novos* и т. д.

Примѣчаніе относительно сонантовъ.

Условія, въ которыхъ появляются различныя формы сонантовъ, могутъ быть изучены въ связи съ изученіемъ слога и, въ главѣ IV, въ связи съ чередованіемъ гласныхъ звуковъ; но уже и теперь видно, что это чередованіе различныхъ формъ сонантовъ есть одна изъ характерныхъ чертъ индо-европейскаго языка. Ни одинъ языкъ не сохранилъ его вполнѣ; даже санскритъ, лучше его сохранивній, все же кое-что уже утратилъ; архаическій видъ литовскаго языка по большей части основывается на сохраненіи системы сонантовъ, о которой онъ одинъ изъ всѣхъ живыхъ индо-европейскихъ языковъ еще и теперь даетъ нѣкоторое представленіе.

II. Слогъ.

Непрерывный рядъ звуковъ заключаетъ въ себѣ рядъ естественныхъ подраздѣленій, которыя называются слога ми. Гласные звуки (собственно гласные и гласные сонанты) представляютъ въ этомъ рядѣ звуки голоса, а согласные

(собственно согласные и согласные сонанты) — переходныя движенія; въ основѣ гласныхъ звуковъ, при нормальной громкой рѣчи, лежитъ дрожаніе голосовыхъ связокъ, модифицированное резонансомъ полости рта и носа, а въ основѣ согласныхъ — артикуляціонное движеніе открыванія или закрыванія воздушнаго пути. Мы имѣемъ, слѣдовательно, элементы голоса, гласные звуки, раздѣленные артикуляціонными движеніями открыванія и закрыванія воздушнаго пути, согласные звуки. Возьмемъ для примѣра схематическій рядъ звуковъ:

a t e s o y o n u g i w p r e .

Звуки голоса здѣсь а, е, о, и, ѱ, е; согласные, отдѣляющіе ихъ t, s, y, n, g, w, p: въ однихъ изъ нихъ закрытіе полное, какъ въ звукахъ t, g, p, въ другихъ частичное, какъ въ звукахъ s, y, n, w; одни изъ нихъ сопровождаются дрожаніемъ голосовыхъ связокъ, какъ y, n, g, w, другіе — нѣтъ, какъ t, s, p. Но общее всѣмъ гласнымъ звукамъ есть то, что они суть звуки голоса, а общее всѣмъ согласнымъ —, что они содержатъ движеніе закрыванія со слѣдующимъ движеніемъ открыванія воздушнаго пути; и одинъ и тотъ же элементъ является гласнымъ или согласнымъ і или у, и или w, ѱ или n смотря по тому, служитъ ли онъ, сообразно съ своимъ положеніемъ въ группѣ, голосовымъ звукомъ или артикуляціей закрыванія или открыванія; способъ артикуляціи и сонорное качество звука остаются тѣ же, но въ одномъ случаѣ выдвигается на первый планъ звучность, въ другихъ артикуляціонное движеніе.

Гласный принадлежитъ цѣликомъ къ тому слогу, котораго центръ онъ составляетъ; наоборотъ, согласный звукъ дѣлится между двумя слогами, границу которыхъ онъ составляетъ: часть его, образуемая движеніемъ закрыванія, или, иначе, его имплозія оканчиваетъ слогъ, а моментъ открытія, или эксплозіи, взрыва, начинаетъ другой слогъ: въ группѣ е р е, напримѣръ, смыканіе губъ оканчиваетъ первый слогъ, который включаетъ также и продолжительность затвора, а открытіе губъ начинаетъ второй слогъ. То же опредѣленіе примѣнимо и къ звонкимъ согласнымъ: въ группѣ е ѵ е нѣтъ момента молчанія, полной остановки голоса, такъ какъ дрожаніе голосовыхъ связокъ длится все время, но во

время затвора губъ происходитъ остановка потока воздуха, которая и составляетъ границу между двумя слогами. Когда мы имѣемъ дѣло со спирантами, какъ *s*, или сонантами, какъ *у*, *w*, *г*, *l*, *m*, *n*, однимъ словомъ со звуками длительными, не происходитъ остановки потока воздуха, но происходитъ движеніе, стремящееся сузить путь воздуха, моментъ относительнаго суженія и движеніе новаго расширения: опредѣленіе границы слога приложимо, слѣдовательно, и къ этому случаю, и въ болѣе широкомъ смыслѣ мы и здѣсь можемъ говорить объ имплозіи и эксплозіи. Въ случаѣ звука *h*, который представляетъ простое дыханіе и не соединяется ни съ закрытіемъ, ни съ суженіемъ пути воздуха, собственно говоря не происходитъ ни открытія, ни закрытія, но только остановка дрожанія голосовыхъ связокъ, сопровождающаго гласный звукъ: это обстоятельство, повидимому, дѣлаетъ этотъ звукъ непродолжительнымъ, и вслѣдствіе этого онъ между гласными вообще склоненъ къ исчезновенію: *eh* стремится превратиться въ *e*. Нѣтъ, впрочемъ, никакихъ указаній на существованіе *h* въ индо-европейскомъ языкѣ.

Нѣкоторые языки не допускаютъ другихъ формъ слоговъ, кромѣ простѣйшаго типа, гдѣ каждый гласный звукъ отдѣленъ отъ другого только однимъ согласнымъ. Въ индо-европейскомъ не то. Здѣсь согласный элементъ можетъ быть сложный: кромѣ описанной выше простѣйшей формы онъ можетъ слагаться изъ двухъ взрывныхъ звуковъ, напр. *kt*, *pt*; изъ спиранта и взрывнаго звука, какъ *st*, *zd*, изъ взрывнаго со спирантомъ, какъ *ts*; изъ взрывнаго (или спиранта) и согласнаго сонанта, такъ *ty*, *sn*. Написаніе, конечно, не должно скрывать отъ насъ истинную природу звуковъ, составляющихъ эти группы: *k* и *t* въ группѣ *ekte* не могутъ быть тождественны съ *k* въ группѣ *eke* и съ *t* въ группѣ *ete*: *k* въ группѣ *ekte* имѣетъ имплозію такую же, какъ и въ группѣ *eke*, но эксплозія (взрывъ) въ большинствѣ языковъ происходитъ во время имплозіи звука *t* и не сопровождается потокомъ воздуха; и имплозія звука *t*, происходя во время затвора звука *k*, не сопровождается остановкой потока воздуха; слѣдовательно, въ группѣ *ekte* мы имѣемъ двѣ различныя согласныя артикуляціи, но обѣ онѣ отличаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ артикуляцій *k* и *t* между гласными.

Будетъ ли согласный элементъ простой или сложный,

въ данномъ рядѣ звуковъ слогъ есть отрѣзокъ, заключенный между двумя крайними границами движеній открыванія и закрыванія.

На основаніи этихъ соображеній возможно опредѣлить понятія долгаго и краткаго слога, насколько позволяетъ это сдѣлать сравненіе санскритской и греческой просодіи, а также, въ меньшей мѣрѣ, и просодіи другихъ языковъ.

Кратокъ всякій такой слогъ, гласный элементъ котораго есть краткій звукъ (гласный или сонантъ) со слѣдующимъ простымъ согласнымъ; такъ кратокъ первый слогъ въ скр. *sácate* „слѣдуетъ“, гр. *ἔπεται*, лат. *sequitur* (гдѣ *qu* обозначаетъ одну артикуляцію), лит. *sekù* „слѣдую“, гот. *saihwā* „вижу“ (*hw* обозначаетъ одну артикуляцію); въ скр. *imáḥ* „идемъ“, гр. *ἴμεν*; въ скр. *pr̥thúḥ* „широкій“ (*ṭh* есть простой согласный), и т. д.

Дологъ слогъ бываетъ въ двухъ случаяхъ:

1. Независимо отъ слѣдующаго согласнаго элемента, когда его гласный элементъ есть долгій гласный, долгій сонантъ или дифтонгъ; такъ дологъ первый слогъ въ скр. *bhṛāta* „братъ“, гр. *φράτωρ* „членъ фратріи“, лат. *frāter*, др.-ирл. *brāthir*, гот. *broþar*, лит. *broter* (-*ēlis*); въ скр. *pūtiḥ* „гнилой“, лат. *pūtidus*, др.-вр.-н. *fūl*, гр. *πῦθω* „гнию“, лит. *pūti* „гниль“; въ греч. *Γοῖδα* „знаю“, скр. *véda*, гот. *wait*; въ скр. *pañca* „пять“, гр. *πέντε*, лит. *penki* (жен. р. *penkios*).

2. Независимо отъ количества гласнаго элемента, когда согласный элементъ, слѣдующій за нимъ, составляетъ группу согласныхъ; такъ дологъ первый слогъ въ скр. *saptā* „семь“, гр. *ἑπτά*, лат. *septem*; въ скр. *pitṛé* „отцу“, гом. *πατρῶν* „отцовъ“; въ скр. *vāste* „одѣвается“, гр. *ἕστα*, лат. *uestis* „одежда“; и т. д.

Согласный элементъ, предшествующій гласному, не имѣетъ никакого вліянія на количество слога: первый слогъ словъ *στέφω* „окружаю“, *τρέφω* „питаю“, *στρέφω* „поворачиваю“ также кратокъ, какъ и первый слогъ словъ *ἔφῶ* „онъ сталь“ или *véφος* „облако“; счетъ количества слога всегда начинается съ начала гласнаго звука.

Долгота перваго слога въ группахъ *epte*, *este* объясняется легко: въ *este* вся продолжительность спиранта составляетъ часть перваго слога, который оканчивается только

взрывомъ звука *t*; въ группѣ двухъ взрывныхъ, напр. въ *erte*, первый слогъ кромѣ продолжительности гласнаго звука включаетъ еще время необходимое для артикуляціи губнаго, а также вѣроятно и время для образованія зубнаго затвора.

Болѣе затрудненій представляетъ случай такихъ сочетаній какъ *etre*, *ete*: первый слогъ здѣсь оканчивается затворомъ звука *t*, какъ въ сочетаніи *ete*, и дѣйствительно въ сочетаніяхъ подобнаго рода первый слогъ кратокъ въ аттическомъ и въ латинскомъ языкахъ; но въ ведической просодіи, какъ и въ просодіи гомеровской, онъ дологъ, и объясненіе этому явленію даетъ санскритская фонетика: дѣйствительно, описанія индійскихъ грамматиковъ показываютъ, что слово *putráh* „сынъ“ произносилось на самомъ дѣлѣ, какъ *puttráh*, или по крайней мѣрѣ такъ, что бы слышалось двойное *t*; поэтому въ пракритѣ, гдѣ группы согласныхъ упрощаются, скр. *putrá-* переходитъ въ *putta-*, а не въ *puta-*; точно также въ греческомъ группа **-k₁w-*, отражающаяся въ скр. *áçvañ* „лошадь“, лит. *aszvà* „кобыла“ даетъ не *-п-*, какъ **-k^w-* въ *ἔπομαι* „слѣдую“, а *-пп-*: *ἔππος*, **-dhy-* черезъ **-dy-* даетъ въ обще-греческомъ *-σσ-*, а не *-σ-*, и это *-σσ-* сохранилось еще въ нѣкоторыхъ діалектахъ и отчасти у Гомера: гом. *μέσσοσς*, изъ **медуос* „средній“; ср. скр. *mádhyaś*. Если группа: согласный + согласный сонантъ производитъ долготу слога, окончивающагося этой группой въ индо-европейскомъ, это значитъ, что ея первый элементъ болѣе дологъ, чѣмъ согласный звукъ въ положеніи между гласными; отсюда не слѣдуетъ, что бы этотъ двойной согласный былъ такъ же дологъ, какъ двойной согласный между гласными, и одинаково съ нимъ артикулировался: звукъ *t* въ сочетаніи *etre* иной нежели *tt* въ сочетаніи *ette*.

Отсюда вытекаетъ одно слѣдствіе: если корень оканчивается согласнымъ и къ нему присоединяется суффиксъ, начинающійся тѣмъ же согласнымъ со слѣдующимъ сонантомъ, то дѣло происходитъ такъ, какъ будто суффиксъ начинается сонантомъ: съ точки зрѣнія индо-европейской фонетики **pettro-* (съ суффиксомъ **-tro*) не отличается отъ **pet-ro-* (съ суффиксомъ **-ro*): въ обоихъ случаяхъ произношеніе одно **pettro-*. Если корень оканчивается звонкимъ звукомъ, а суффиксъ начинается глухимъ, то различіе уже оказывается: **med-ro* остается въ видѣ **medro* (произносится **meddro*),

но *med-tro переходить въ *met-tro, которое смѣшивается съ *metro; такъ при лат. modus „мѣра“ и гот. mitan „измѣрять“, др.-англ. metan, греческій языкъ имѣеть μέτρον „мѣра“, произносимое μέτρον; первый слогъ этого слова еще дологъ въ древнѣйшихъ текстахъ.

Относительно группы: долгій гласный + согласный + согласный сонантъ, т. е. типа *ētre*, просодія не даетъ ничего, такъ какъ скр. *atra* и *ātra*, гом. *εtre* и *ηtre* имѣють одинаковое метрическое значеніе; но почти очевидно а priori, что согласный въ этомъ сочетаніи былъ простой, а не двойной. Кромѣ того, по крайней мѣрѣ нѣкоторые сонанты вѣроятно имѣли въ этомъ случаѣ не согласную форму, но форму гласнаго сонанта передъ гласнымъ: ведическій языкъ обыкновенно имѣеть согласный + согласный у послѣ краткаго гласнаго, т. е. типъ *ātya*; но согласный + *i* у послѣ долгаго гласнаго, дифтонга или гласнаго съ согласнымъ: *ātiya*, *artiya*, *astiya*; такъ изъ 120 случаевъ, когда скр. окончаніе dat.-abl. pl. *-bhyaḥ* имѣеть въ Ригведѣ двусложное произношеніе *-bhīyaḥ*, только въ двухъ случаяхъ передъ *bh* мы находимъ простой краткій гласный; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ *i* у стоитъ послѣ долгаго слога, напр. *tēbh(i)yaḥ* „этимъ“; *y* всегда представляетъ согласный звукъ въ скр. *satyaḥ* „истинный“, зд. *haiḥyū*, а гласный — въ вед. *mārt(i)yaḥ* „смертный“, др.-перс. *martiya*. Таково, повидимому, было положеніе въ индо-европейскомъ языкѣ, судя по контрасту скр. *mādhyaḥ* „средній“, гом. μέσος или скр. *rādyaḥ* „пѣшій“, гр. πεζός съ согласнымъ **y*, и скр. *veṣ(i)yaḥ* „домъ“, гр. *Φοκίων* съ **i*у. Что касается другихъ сонантовъ кромѣ *y*, то факты недостаточно ясны.

Внѣ употребленія въ группахъ типа: согласный + сонантъ, какъ **ty* или **tr*, индо-европейскій языкъ повидимому стремился устранять двойные согласные. Группа **-ss-* упрощается въ тѣхъ случаяхъ, когда она получается по морфологическимъ причинамъ: такъ 2 л. ед. ч. наст. вр. отъ корня **es-* имѣеть форму **ési* (скр. *ási*, зд. *aḥi*, гр. *εί*), и **essi*, которое мы также находимъ (гом. *ἔσσι*, арм. *ess*, лат. *ess* въ стихосложеніи древнихъ авторовъ), объясняется, или по крайней мѣрѣ можетъ объясняться влияніемъ аналогіи. Группа *tt* не сохранилась неизмѣнно въ изолированномъ положеніи

между гласными: въ иранскомъ, балтійскомъ, славянскомъ и греческомъ она даетъ *st*; въ латинскомъ, кельтскомъ и германскомъ — *ss*; санскритъ имѣетъ *tt*, но такъ какъ **tst* даетъ тамъ тоже *tt*, то этотъ двойной согласный не сохраняетъ состоянія индо-европейскаго языка, въ которомъ, судя по всѣмъ остальнымъ языкамъ, произошло измѣненіе звука *t*. Такъ отъ корня **sed-* съ суффиксомъ **-to-*, слѣдовательно изъ формы **setto-* мы имѣемъ скр. *sattāh* „сѣвшій“, зд. *hastō*, лат. *sessus*; отъ **wid-* съ суф. **-to-* мы имѣемъ зд. *-vistō-* „извѣстный“, гр. *-Γιστος*, др.-ирл. *-fess*, др.-вр.-н. *(gi)wisso*; ср. также гр. *ἴδμεν* „знаемъ“, *ἴστε* „знаете“ и др.-сл. *вѣсте* „знаете“. То же касается и звонкихъ звуковъ: зд. *dazdi* „дай“ основывается на **ded-dhi* и гр. *ἴδθι* „знай“ — на **wid-dhi*; скр. *dēhī* „дай“ предполагаетъ тоже **dazdhi* форму, засвидѣтельствованную зд. *dazdi*; эта форма показываетъ, что и санскритскій языкъ не избѣжалъ измѣненія.

Измѣненіе группъ **tt* и **ddh* тѣмъ болѣе замѣчательно, что такого измѣненія не бываетъ въ выраженіяхъ, свойственныхъ дѣтскому языку, въ словахъ ласкательныхъ и звукоподражательныхъ т. е. въ такихъ, которыя въ извѣстномъ смыслѣ стоятъ внѣ нормальнаго языка; таковы гр. *ἄττα* „папа“, лат. *atta* (гот. *atta*); гр. *τίτθη* „няня“, гр. *Νιχόττω*, ласкательное отъ *Νιχότέλαα*. Въ словахъ этого рода согласные часто удваиваются; такъ еще въ скр. *akkā* „мама“, гр. *Ἄκκω*, лат. *Асса* (*Lārentia*); гр. *ἄππα* „папа“, др.-вр.-н. *Sicco* ласкательное отъ *Sigbert*; гр. *κακχάζω* „хохочу“; гр. *γυννίς* „нѣженка“ (ср. *γυνή*); и т. д. Уже одинъ гласный *ā*, который встрѣчается во многихъ дѣтскихъ словахъ, показываетъ, что они занимаютъ особое положеніе, такъ какъ *ā* не часто встрѣчается въ индо-европейскихъ словахъ.

Въ группахъ согласныхъ дѣйствуютъ слѣдующія правила:

1. Каждый звукъ сохраняетъ свойственную ему артикуляцію, такъ *k* остается гортаннымъ передъ *t*: лат. *dictus* „сказанный“.

2. Согласный въ собственномъ смыслѣ (взрывный или спирантъ) бываетъ глухимъ или звонкимъ передъ согласнымъ въ собственномъ смыслѣ соотвѣтственно глухимъ или звонкимъ. Отъ корня **yeug-* лат. *iungō* „соединяю“, *iugum* „ярмо“, прилагательное съ суфф. **-to-* имѣетъ слѣдующую

форму: скр. *yuktāḥ* „соединенный“, зд. *yuktō*, гр. *ζευχτός*, лат. *iunctus*, лит. *jùnkta*; аористъ на *-s: *áyukṣi* „я привязал“, греч. *ἔζευξα* „я запряг“, лат. *iunxi* „я соединил“. Повелительное на *-dhi отъ корня *es-: зд. *zdi* „будь“, гр. *ἴθι*.

3. Передъ согласными сонантами глухіе взрывные и *s, наоборотъ, остаются глухими точно такъ же, какъ передъ гласными. Примѣры:

скр. *taśya* „этого“, гат. *tahyā*, гом. *τοῦ* (изъ **tohyo*), арм. *-ou* (изъ **ohyo*).

скр. *catvāraḥ* „четыре“, лат. *quattuor*; лит. *ketviřtas* „четвертый“, др.-сл. *четвърътъ*.

скр. *áṣṭā* „камень“, гр. *ἄξιον* „наковальня“; ср. лит. *akmĩ* „камень“.

скр. *svárnaḥ* „сонъ“, зд. *xvafnō*, лит. *sārnas*, др.-исл. *suefn*, гр. *ὑπνος*.

скр. *śvaśrūḥ* „свекровь“ (съ начальнымъ *ś* подъ влияніемъ ассимиляціи слѣдующему *ś* изъ *s), лат. *socrus*.

скр. *pātram* „сосудъ“, лат. *pōculum* (изъ **pōtlom*).

Но сложная группа *-*ptm*- перешла въ *-*bdm*- въ словѣ **sebdmo* „седьмой“, какъ о томъ свидѣтельствуютъ др.-сл. *седмъ*, гр. *ἑβδομος* при скр. *saptá*, гр. *ἑπτά*, лат. *septem*.

4. Группы типа: звонкій придыхательный + глухой согласный (взрывный или s) представляютъ особую трудность. Въ индо-иранскомъ они даютъ не группу: глухой + глухой, какъ слѣдовало бы по общему правилу, а группу: звонкій + звонкій придыхательный; такъ отъ корня **ḍṛbh-* съ индо-иранскимъ суфф. *-*ta-* (и.-е. *-*to-*) образуется скр. *ḍṛbdhāḥ* „связанный“, зд. *dəṛəwδō*; отъ корня **bhudh-*, съ тѣмъ же суфф. *-*ta-*: скр. *buddhāḥ* „проснувшійся“; и т. д. Существованіе въ древнее время группы съ звонкимъ придыхательнымъ подтверждается греческимъ *χθών* „земля“, скр. *kṣāḥ*, мѣстн. п. *kṣāmi* (съ скр. *kṣ* изъ **gṣh*), при параллельной формѣ съ начальнымъ **g₁h*: зд. *zā* „земля“ (мѣст. п. *zəmi*), гр. *χαιμί*, лат. *humus*. Но обыкновенно индо-иранская форма не находитъ соотвѣтствія въ другихъ діалектахъ; даже въ иранскомъ, въ позднѣйшей Авестѣ, наши формы вытѣсняются подъ влияніемъ аналогіи; такъ изъ индо-иранск. корня **augh-* „говорить“ 3 л. средн. зал. аориста въ гатахъ имѣетъ форму *aogəda* „сказалъ“ (т. е. *aogda*), но въ

позднѣйшей Авестѣ *aohta*, по образцу всѣхъ другихъ третьихъ лицъ средняго залога вторичнаго окончанія на *-ta*. Другіе языки не даютъ ни одного достовѣрнаго примѣра такого отраженія этой группы, какое является въ индо-иранскомъ; греческій языкъ напр. имѣетъ постоянно формы *εὐχτός*, *πιστός* и т. д. при *εὐχομαι* „молюсь“, *πειθομαι* „повинуюсь“ и т. д.

Когда соприкасаются два сонанта, то является вопросъ, какую форму принимаетъ каждый изъ нихъ. Здѣсь можно различать пять случаевъ:

1. Между двумя согласными послѣ краткаго слога или въ начальномъ слогѣ слова первый сонантъ имѣетъ согласную форму, второй — гласную; такъ скр. *srutáh* „потекшій“, *ῥυτός*; скр. *ῥυάββιη* „собаками“ (изъ **k₁wṇbhis*), а не **ῥυmbhīḥ*; гр. *φρασί* „уму“ (изъ **bhṛnsi*) у Пиндара и въ древнемъ аттическомъ, и т. д.; лит. *ketviñtas* „четвертый“, др.-сл. *четвертъ*, гр. *τέτρατος* представляютъ **k^wetṛtos*. Группа **-wr-* между согласными въ другихъ языкахъ претерпѣваетъ перестановку и переходитъ въ **-ru-*, что засвидѣтельствовано зд. *ῥαθru-* (въ *ῥαθru-ratiñ* „имѣющій четырехъ учителей“), гр. *τρυ-* (изъ **πτρυ-*, *τρυ-φάλεια* „шлемъ, соб. четырех-защитный“), лат. *quadru-* (такъ *quadrupes* „четвероногий“ съ загадочнымъ *d*), галл. *petru-* (*Petru-corii* рядомъ съ *Tri-corii*); и санскритская форма *saturtháh* „четвертый“ (образованная по аналогіи съ вин. пад. *satúr-gah* „четыре“) замѣняетъ скорѣе **satrutháh*, чѣмъ **satvṛ-thah*. Эта перестановка соблюдаетъ общее правило въ томъ отношеніи, что гласный сонантъ слѣдуетъ за согласнымъ. — Для случая такого же сочетанія сонантовъ послѣ долгаго слога, повидимому, трудно найти ясные примѣры, которые позволили бы установить правило.

Изъ общаго правила вытекаетъ, что въ индо-европейскомъ не существовало дифтонга, состоящаго изъ гласнаго сонанта + сонанта, втораго элемента дифтонга, поэтому когда въ словѣ индо-европейскаго языка литовскій языкъ имѣетъ *ir*, *ur* передъ согласнымъ, мы никогда не имѣемъ дѣла со старымъ **i+r* **u+r*, но всегда со старымъ **r*. Уклоненія отъ этого принципа объясняются всегда морфологическими условіями; такъ глаголы съ носовымъ инфиксомъ даютъ такіе дифтонги какъ *in*: скр. *ri-ñ-cánti* „оставляютъ“, рядомъ съ *riñákti* „оставляетъ“, лат. *li-n-quiō* „оставляю“,

др.-пр. (р о-)lī-n-ka „оставляетъ“, или скр. kṛ-n-tān „пря-
дущій“ (причаст. наст. вр. отъ kṛṇātti „прядетъ“).

2. Между согласнымъ съ предшествующимъ краткимъ
слогомъ и гласнымъ первый сонантъ бываетъ гласнымъ, а
второй согласнымъ: скр. śūpaḥ „собаки“ (род. п. ед. ч.), гр.
κυνός; скр. (вин. п.) satūraḥ „четыре“, лит. (имен. п.) keturi
(гр. τέτταρες, τέτταρας образовано по аналогіи; ср. дор. τέτορες
и іон. τέσοєρες); скр. divāḥ „неба“, гр. Διός; эд. žimō „зимы“,
гр. -χίμος, скр. himāḥ „зима“. Но скр. pītriyaḥ „отцов-
скій“, гр. πάτριος доставляютъ затрудненія: мы ожидаемъ
и.-е. *pətṛyos; несомнѣнно мы имѣемъ здѣсь дѣло съ из-
мѣненіями подѣ влияніемъ аналогіи. Съ другой стороны при-
мѣненіе этого правила вообще ограничено многочисленными
вліяніями аналогіи, такъ санскритъ имѣетъ śuśruve „онъ
былъ услышанъ“, а не *śuśṛve подѣ влияніемъ śuśṛava
„я слышалъ“, śuśṛuāt „пусть услышитъ“, и т. д.; но ли-
товскій противопоставляетъ правильно tvirtas „твердый“, изъ
*twītos, глаголу turēti „имѣть“ (соб. „держатъ“), изъ *turē-;
точно также скр. sakṛvān „сдѣлавшій“ имѣетъ въ род. п.
правильно sakṛvāḥ.

3. Послѣ гласнаго, передѣ согласнымъ или въ концѣ
слова первый сонантъ бываетъ согласнымъ, а второй глас-
нымъ; такъ скр. nāva „девять“, лат. novem, гр. ἐννέ(F)α, изъ
*néwα; или скр. navatīḥ „девяносто“, изъ *newntis, др.-прус.
newints „девятый“, гот. niunda (изъ *newunda-) „девятый“.

4. Между двумя гласными первый сонантъ становится
вторымъ элементомъ дифтонга, а второй согласнымъ; такъ
др.-перс. aiva „одинъ“, кипр. αἶφος „единственный“ и др.-
лат. oīnos (откуда ūnus) „одинъ“, гот. ains, др.-пр. aīnan
(вин. п.), гр. οἷνή „одно очко на игральныхъ костяхъ“; лит.
degvà (вин. п. degvà) „смолистое дерево“, др.-сл. дръво (русск.
дерево), кимр. deŕwen „дубъ“, гом. (род. п.) δοῦρός (чита-
лось несомнѣнно δορρός) „древка“. — По физиологическимъ
причинамъ *у стоитъ особо, и нѣкоторыя группы, въ кото-
рыхъ оно является, не согласуются съ общимъ правиломъ;
такъ группы типа ewuө имѣютъ u какъ второй элементъ
дифтонга и y согласный въ иранскомъ, славянскомъ, литов-
скомъ, готскомъ, но и w и y оба согласные въ санскритѣ,
греческомъ, италійскомъ, кельтскомъ; напр. литовскому paũ-
jas „новый“ (съ au вм. ia u подѣ влияніемъ диссимиляціи),

гот. *niujis* (изъ **neujos*) въ скр. соотвѣтствуетъ *návyañ* „новый“, въ греч. *νεῖος* (изъ **veŷuos*), въ галл. *Novio-(dūnith)* „новая крѣпость“ и т. д.

5. Для двухъ сонантовъ въ началѣ слова — общаго правила нѣтъ. Такъ у не бываетъ согласнымъ передъ другими сонантами, но *w*, *r*, *l*, *m*, *n* могутъ быть согласными передъ *y*; *w* можетъ быть согласнымъ передъ *y*, *r*, *l*, какъ напр. въ гр. *Ἐρήνῳμι* „ломаю“, но всегда является гласнымъ передъ *n* и *w*; и т. д. Примѣры вообще рѣдки, а для большинства сочетаній ихъ и вовсе нѣтъ.

III. Слово и предложене.

Удареніе.

Слово не допускаетъ точнаго фонетическаго опредѣленія такого, какое возможно для слога; и дѣйствительно, понятіе слова собственно уже не фонетическое, но главнымъ образомъ морфологическое и синтаксическое, и если можно точно опредѣлить, гдѣ начинается и гдѣ оканчивается индо-европейское морфологическое слово, то не всегда легко указать опредѣленные границы фонетическаго слова. Возьмемъ стихъ Гомера:

Λ 82: *εἰσορόων Τρώων τε πόλιν καὶ νῆας Ἀχαιῶν*

„взирая на городъ Троянцевъ и на корабли Ахейнъ“. Здѣсь *Τρώων τε* — два независимыхъ слова, первое измѣняемое, второе неизмѣняемое, играющія въ предложении независимую роль, и каждое изъ нихъ имѣетъ свое особенное значеніе; но съ точки зрѣнія фонетической *Τρώων τε* составляетъ только одно слово. Съ другой стороны, даже слова, имѣющія фонетическую самостоятельность, не всѣ одинаково изолированы: слова *νῆας Ἀχαιῶν* составляютъ группу, два члена которой тѣснѣе соединены между собою, нежели слова *εἰσορόων Τρώων τε*.

Тѣмъ не менѣе, благодаря морфологическому строенію индо-европейскаго языка, количество словъ въ каждомъ предложении можетъ быть довольно точно установлено. Во французскомъ языкѣ въ предложении *il est venu à Rome* „онъ пришелъ въ Римъ“ трудно установить число словъ, такъ какъ *il est venu* въ извѣстномъ смыслѣ есть единая форма, выражающая одну идею, и все же можно сказать *il n'est pas*

venu или il y est venu или il n'y est pas encore venu, причѣмъ три элемента выраженія il est venu отдѣляются въ самомъ предложеніи, какъ они отдѣляются на письмѣ; наоборотъ въ латинскомъ uenit Romam, передающемъ здѣсь точно индо-европейскій типъ, грамматическая форма не допускаетъ никакого сомнѣнія относительно числа словъ.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что индо-европейское слово имѣетъ точныя границы даже съ точки зрѣнія фонетики: слово опредѣляется звуками, имѣющими особое произношеніе въ этомъ положеніи и, кромѣ того, оно заключаетъ въ себѣ слогъ, носящій удареніе или способный его носить.

Особый характеръ конца слова засвидѣтельствованъ съ древнѣйшихъ временъ метрикою: во всѣхъ стихахъ съ числомъ слоговъ болѣе восьми ведическій, зендскій и греческій языкъ имѣютъ цезуру, которая состоитъ только въ томъ, что въ опредѣленномъ мѣстѣ стиха обязательнъ конецъ слова. То же самое мы наблюдаемъ и въ латинскомъ сатурновомъ стихѣ. Древняя цезура существенно отличается отъ цезуры александрійскаго стиха французскихъ классиковъ, которая соединяется съ извѣстной остановкой по смыслу.

Конечные взрывные звуки отражаются иначе, нежели взрывные въ серединѣ слова. Для санскритскаго языка описанія грамматиковъ показываютъ, что конечные взрывные въ произношеніи сводились къ импловивному элементу звука и что они казались „сдавленными“ (pīḍita-); они бывають глухими или звонкими смотря по тому, слѣдуетъ ли за ними глухой или звонкій (согласный, сонантъ или гласный), между тѣмъ какъ въ серединѣ слова, за исключеніемъ положенія передъ звонкими взрывными, взрывные звуки сохраняютъ свое особое качество: санскритъ, слѣдовательно, противуполагаетъ конечныя сочетанія -at ta-, -ad da-, -ad ra-, -ad a-, сочетаніямъ -atna-, -ata- и т. д., допускаемымъ въ серединѣ слова. Въ греческомъ, славянскомъ, балтійскомъ, германскомъ, кельтскомъ, армянскомъ конечные взрывные, сведенные также къ простой имплози, исчезли совершенно: санскритскому ábharat „онъ носилъ“ въ греческомъ соотвѣтствуетъ ἔφερε (въ арм. eber); скр. tát „это“ гр. τό, ср. др.-сл. то; въ такого рода случаяхъ латинскій языкъ всегда имѣетъ -d, какъ istud, др.-лат. fēced „fecit — сдѣлалъ“; -t третьяго лица, какъ uenit „везетъ“ (откуда fēcit по аналогіи) проис-

ходить отъ того, что первоначальная форма окончанія была *-eti (ср. скр. váhāti „ѣдетъ“, др.-р. везеть), гдѣ конечное *-i въ латинскомъ отпало.

Конечный спирантъ *-s имѣетъ судьбу, подобную судьбѣ взрывныхъ звуковъ. Въ санскритѣ въ концѣ слова, не соединеннаго въ произношеніи со слѣдующимъ, нѣтъ собственно говоря звука -s, а есть одно дыханіе, которое обозначается знакомъ -h; и между тѣмъ какъ въ серединѣ слова s остается глухимъ передъ гласными и сонантами (индо-ир. *-asa, *-asya, *-aspa-, *-asga- и т. д.), конечное -s дѣлается въ индо-иранскомъ звонкимъ передъ звонкимъ гласнымъ, сонантомъ или согласнымъ; это конечное *-z совершенно отличается отъ *-z- въ серединѣ слова, какъ конечное *-s отличается отъ *-s- въ серединѣ слова, подвергается различнымъ измѣненіямъ и даетъ особыя отраженія: *-az передъ согласнымъ даетъ скр. o: ávo „лошадь“; палійскій языкъ сдѣлалъ соотвѣтствующее -ō всеобщимъ, и обычный им. п. этого типа оканчивается на -ō: пал. assō; конечный шипящій звукъ, который отражаетъ и.-е. *-s послѣ *i и *u превращается въ индо-иран. въ *-ž передъ звонкимъ, такъ греческому bus- въ первой части сложнаго слова (съ фонетическимъ характеромъ конца, а не середины слова) передъ звонкимъ звукомъ соотвѣтствуетъ зд. duž- скр. dug- (съ r, отражающимъ конечное ž): зд. duž-ita- „труднопроходимый“, скр. dug-itá- „трудный, плохой“; зд. duž-vaśaḥ- „имѣющій дурное слово“, скр. dug-vasas- и т. д. Въ славянскомъ конечное *-s по правилу исчезаетъ, но сохранилось послѣ согласныхъ въ нѣкоторыхъ односложныхъ предлогахъ и приставкахъ, примыкающихъ въ произношеніи къ слѣдующему слову, какъ въс-, въз- (изъ *ups- *ubz-), и распределение -с- и -z- соотвѣтствуетъ вполне индо-иранскому распределенію: въс-ходить, но въз-нги. Латинскій языкъ употребляетъ постоянно глухой -s, но со столь слабой артикуляціей, что въ древнѣйшихъ текстахъ этотъ звукъ вовсе не пишется, и поэты республиканскаго времени могли не обращать вниманія на звукъ -s въ стихосложеніи: Энній часто писалъ стихи въ родѣ слѣдующаго:

postquam lumina sis oculis bonus Ancu(s) reliquit.

Въ германскомъ конечный звонкій, обычный передъ звонкими, распространился на всѣ случаи по крайней мѣрѣ

въ нѣкоторыхъ діалектахъ: онъ сохранился въ исландскомъ въ формѣ -r, а также въ западныхъ діалектахъ въ одно-сложныхъ словахъ, напр. др.-вр.-н. *hwær* „который“, ср. скр. *káḥ*, и въ готскомъ передъ энклитиками съ начальныхъ звонкимъ звукомъ: *hwaz-wei*. Судьба конечнаго *-s во всѣхъ діалектахъ настолько сложна, что мы не можемъ здѣсь войти въ подробности этого вопроса; мы видимъ только, что конечное *-s въ своемъ отраженіи очень отличается отъ *-s- въ серединѣ слова.

Носовые звуки въ концѣ слова имѣютъ также особую судьбу: греческій языкъ знаетъ только конечное -v, какъ ἵπτον (вин. п. ед. ч.) при лат. *equum*, скр. *áṣvam* „лошадь“; др.-прус. и ирландскій имѣютъ тоже только -n, и въ такихъ языкахъ, какъ армянскій, славянскій, германскій, гдѣ конечное -n отпадаетъ, мы находимъ въ извѣстныхъ положеніяхъ слѣды -n, а не m. Въ латинскомъ языкѣ -m есть скорѣе знакъ назализаціи, чѣмъ губной носовой, такъ какъ конечное -m не препятствуетъ элизи: *anim-aduertere* изъ *anim-maduertere* „замѣчать“. Точно такъ же и въ санскритѣ конечное -m въ серединѣ предложенія есть не что иное, какъ носовое продолженіе предшествующаго гласнаго, *anivāga*, а не звукъ имѣющій собственную особую артикуляцію.

Послѣ долгихъ гласныхъ конечные сонанты въ индо-европейскомъ были склонны даже исчезать: санскритскій языкъ имѣетъ *mātā* „мать“, лит. *mótė* при дорич. *μάτηρ*, лат. *māter*; точно также скр. *áṣmā* „камень“, лит. *akmū*, но гр. *ἄνθρωπος*, ср. лат. *homō*, *hominis* „человѣкъ“; въ вед. *vṛkāṁ* „оба волка“ (съ -āṁ изъ и.-е. *-ōw) чередуется съ *vṛkā* (изъ **wĺkʷō*, ср. гр. *λύκος*, лит. *vilkù* изъ **vilkũ*) и конечное *-w въ скр. *d(u)vāṁ* „два“ мы находимъ въ др.-ирл. *dāu*, при вед. *d(u)vā*, гом. *δύω*, др.-сл. *два*.

Наконецъ, конечный гласный слова способенъ подвергаться удлинению; на примѣръ, ведическій языкъ имѣетъ *hātā* и *hātā* „бейте“; предлогъ (и приставка) и.-е. **pro* имѣетъ также форму **rō*, напр. вед. *рга-* и *ргā-*, сл. *про* и *прл-*, лат. *prō-* и *prō*, гр. *προ* и *πρω-* (*πέρους*) „позапрошлый годъ“. Греческій имѣетъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно постоянное количество; но въ ведическомъ языкѣ количество конечнаго гласнаго въ большинствѣ формъ колеблется между

долготой и краткостью, и таково, повидимому, было индо-европейское состояніе. Литовскій зват. п. *vilkė* „волкъ!“, гдѣ -е предполагаетъ старый долгій звукъ, противопоставляется краткому *-е въ скр. *vīka*, гр. *λύξ*, лат. *lure*, др.-сл. *вѣуѣ*.

Такимъ образомъ всѣ эти факты согласно показываютъ, что конецъ слова въ индо-европейскомъ былъ отмѣченъ характерными особенностями произношенія: слово въ предложениі имѣло свою фонетическую индивидуальность.

Въ этой группѣ артикуляцій, оканчивающейся произносимыми особымъ способомъ звуками, которую мы называемъ словомъ, одинъ слогъ можетъ произноситься выше и сильнѣе, чѣмъ другіе. Особенную высоту слога мы будемъ называть повышеніемъ, а наиболѣе высокій слогъ слова повышеннымъ; имя же ударенія мы будемъ примѣнять только къ усилению звука и потому будемъ называть ударяемымъ слогомъ слогъ наибольшаго напряженія звука. Неударяемымъ слогомъ или словомъ мы будемъ обозначать слогъ или слово безъ повышения голоса или безъ ударенія.

Каждый слогъ слова въ ведическихъ текстахъ снабженъ знакомъ, обозначающимъ, по показаніямъ грамматиковъ, высоту тона, съ которою долженъ произноситься гласный элементъ этого слова. За исключеніемъ нѣкотораго числа маленькихъ словъ, частицъ или мѣстоименій, никогда неимѣющихъ повышения голоса, каждое ведическое слово имѣетъ, или по крайней мѣрѣ можетъ имѣть въ извѣстныхъ условіяхъ повышение голоса на одномъ изъ своихъ слоговъ, который называется *udātta*- „повышенный“; такъ *bharati* „несетъ“ можетъ, смотря по обстоятельствамъ, не имѣть повышения голоса или имѣть его, и, въ послѣднемъ случаѣ, повышение лежитъ на слогѣ *bha*: *bhāriti*. Точно также каждое греческое слово (за исключеніемъ небольшого числа неударяемыхъ словъ) имѣетъ одинъ слогъ съ „острымъ удареніемъ“, произносимый выше, чѣмъ другіе, именно, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго, на квинту выше. Не трудно замѣтить, что слогъ, носящій въ греческомъ „острое удареніе“, соотвѣтствуетъ ведическому *udātta*-; напр. для основъ ср. р. на *-es- коренной слогъ имѣетъ повышение тона въ скр. *nābhaḥ* „облако“, гр. *νέφος*; скр. *sádaḥ* „сидѣніе“, гр.

ἔδος; и т. д.; наоборотъ суффиксъ имѣеть повышеніе въ женскомъ родѣ: скр. ušāḥ „заря“, гом. ἡός; между основами на *-o- абстрактныя имена имѣють повышеніе тона на корнѣ, но прилагательныя и nomina agentis на *-o-; такъ гр. τόμος „отрѣзокъ, кусокъ“ и τομός „рѣжущій, острый“, скр. vāgaḥ „выборъ“ и varāḥ „женихъ“; гр. πλό(φ)ος „плаваніе“ и скр. plavāḥ „лодка“. Индо-европейская интонація, опредѣляемая этимъ соотвѣтствіемъ ведическаго и древне-греческаго языковъ, составляетъ необходимую составную часть слова, и несоотвѣтствія, которыя представляютъ въ этомъ отношеніи оба языка, требуютъ особаго объясненія, какъ и всякая другая аномалія.

Какъ удареніе ново-греческаго языка занимаетъ обыкновенно мѣсто древне-греческаго повышенія тона, такъ удареніе литовскаго, русскаго, сербскаго и др. языковъ занимаетъ мѣсто того повышенія тона, которое еще сохранялось въ обще-балтійскомъ и обще-славянскомъ языкахъ. Такъ русск. нѣбо, серб. нѣбо имѣють удареніе на томъ же слогѣ, гдѣ гр. νέφος и скр. nábhāḥ имѣють повышеніе тона. Не смотря на многочисленныя отклоненія, которыя однако отчасти удалось объяснить, удареніе нѣкоторыхъ балтійскихъ и славянскихъ діалектовъ отражаетъ индо-европейское повышеніе тона. И дѣйствительно это удареніе сопровождается замѣтнымъ повышеніемъ голоса.

Если индо-европейское тоническое удареніе не сохранилось въ германскихъ діалектахъ, все же его существованіе въ обще-германскомъ языкѣ засвидѣтельствовано однимъ изъ очень рѣдкихъ его фонетическихъ вліяній: между тѣмъ какъ глухой спирантъ по общему правилу дѣлается въ германскихъ языкахъ звонкимъ между двумя сонантическими элементами (собственно гласными и сонантами), онъ остается глухимъ послѣ повышенія, по крайней мѣрѣ послѣ повышенія, падающаго на начальный слогъ слова. Отсюда два различныя отраженія, напр. и.-е. *k:

др.-вр.-н. swēhug „свекоръ“ при:

скр. svāṣugaḥ, русск. свѣкорь;

др.-вр.-н. swīgar „свекровь“ при:

скр. svāṣṛīḥ, русск. свекрѣвь;

для *t:

др.-англ. weoƿe „становлюсь“, weaƿ „я сталь“, но

wurdon „мы стали“, worden „ставшій“ при скр. vartate, vavarta „я повернулся“, но vavrtmá „мы повернулись“, vrttáh „повернутый“;

для *s:

гот. amsa- „плечо“, ср. скр. ámsa-

гот. mīmsa- „мясо“, ср. скр. māmsá-

Изъ сравненія ведическаго и греческаго языковъ, славянскихъ и балтійскихъ діалектовъ и обще-германскаго мы можемъ заключить, что индо-европейское тоническое удареніе имѣетъ важныя характерныя черты:

1. Каждое слово имѣетъ одно повышеніе тона. Существовало ли вторичное повышеніе въ многосложныхъ словахъ, мы сказать не можемъ: ниодинъ достовѣрный фактъ на это не указываетъ.

2. Повышеніе тона въ словѣ можетъ занимать какое угодно мѣсто: приведенные выше примѣры достаточно иллюстрируютъ этотъ принципъ. Ограниченіе мѣста тоническаго ударенія послѣдними слогами слова, какъ это имѣетъ мѣсто въ греческомъ языкѣ, есть чисто греческое нововведеніе; ни ведическій, ни балтійскій, ни славянскій, ни германскій не имѣютъ ничего подобнаго: ведическій языкъ имѣетъ причастіе средняго залога bhághāṇāh „несущій“, между тѣмъ какъ въ греч. φερόμενος, и въ женскомъ родѣ скр. bhághāṇā при греч. φερόμενη; различія интонаціи типа áyopā: áyopāc (см. стр. 83) проявляются благодаря повышенію тона, но независимы отъ него; они существуютъ даже тамъ, гдѣ повышеніе тона не заставляетъ ихъ проявляться.

3. Тоническое удареніе древнихъ индо-европейскихъ языковъ и въ особенности ведическаго, древне-греческаго, обще-славянскаго, обще-балтійскаго и обще-германскаго не оказывало такого вліянія на гласные звуки, какое оказало на нихъ экспираторное удареніе романскихъ, кельтскихъ, новославянскихъ, ново-греческихъ и др. діалектовъ. Это объясняется тѣмъ, что удареніе этихъ діалектовъ въ значительной мѣрѣ заключается въ усиленіи голоса, тогда какъ индо-европейское тоническое удареніе представляло главнымъ образомъ повышеніе тона голоса.

Тоническое удареніе не оказываетъ никакого вліянія на ритмъ индо-европейскаго предложенія; ни въ индо-иранскомъ,

ни въ обще-греческомъ, ни въ обще-славянскомъ, ни въ обще-балтійскомъ, ни въ германскомъ, слѣдовательно ни въ одномъ изъ языковъ, гдѣ мы находимъ его существованіе, оно не вызываетъ измѣненій тембра и количества гласныхъ, что обыкновенно является результатомъ экспираторнаго ударенія; оно никогда не составляетъ арзиса въ стихѣ, какъ удареніе во французскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ и другихъ языкахъ; оно совершенно не принимается въ расчетъ ни въ ведической, ни въ древне-греческой метричѣ. Что касается многочисленныхъ вліяній тоническаго ударенія на гласные звуки, предполагаемыхъ часто изслѣдователями, то, прежде всего, неизвѣсто, не предполагаютъ ли эти вліянія нѣкотораго элемента экспираторнаго напряженія, и, сверхъ того, они проявляются въ доиндоевропейскихъ звукахъ, изслѣдованіе которыхъ по принципу не входитъ въ задачу этой книги.

Съ другой стороны, такъ какъ всякій индо-европейскій слогъ имѣетъ опредѣленное (за исключеніемъ въ извѣстной мѣрѣ конечнаго слога) количество, устанавливаемое по выше-изложеннымъ принципамъ, и бываетъ либо кратокъ, либо дологъ, то количественное различіе слоговъ было и постояннымъ и ощутительнымъ на слухъ; поэтому ведическая и древне-греческая метрика основывается исключительно на правильномъ чередованіи краткихъ и долгихъ слоговъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, при чемъ соблюдаются еще нѣкоторыя условія, касающіяся конца слова; другими словами индо-европейскій ритмъ былъ ритмъ количественный и не основывался на силѣ выдыха.

Нѣтъ никакихъ слѣдовъ того, чтобы въ индо-европейской фонетикѣ, какъ она представляется намъ въ древнѣйшій періодъ всѣхъ діалектовъ безъ исключенія, играло какую-бы то ни было опредѣленную роль экспираторное удареніе; мы, конечно, не говоримъ здѣсь о различіяхъ въ силѣ звука, обусловленныхъ желаніемъ подчеркнуть то или другое слово въ предложеніи въ данный моментъ: они не имѣютъ ничего общаго съ системой языка, о которой здѣсь только и идетъ рѣчь. Усиленіе начальнаго слога слова, которое мы наблюдаемъ въ германскомъ, ирландскомъ (но не британскомъ), доисторическомъ латинскомъ, составляетъ нововведеніе этихъ языковъ, вызвавшее множество всякаго рода измѣненій.

Слоги индо-европейскаго слова не группировались слѣдовательно около слога наибольшаго напряженія голоса, какъ въ нѣмецкомъ, англійскомъ, современномъ русскомъ, или какъ группируются ноты музыкальнаго мотива, исполняемаго на рояли: они мѣнялись по высотѣ тона и по продолжительности, какъ ноты мотива, исполняемаго на гармоніумѣ или органѣ.

Только что описанная фонетическая система имѣетъ оригинальныя черты: богатство системы взрывныхъ звуковъ; недостатокъ спирантовъ; монотонность вокализма, покоящагося въ принципѣ на звукахъ е и о, иногда а; сложная система измѣненія сонантовъ и ѳ; разнообразіе формъ слоговъ съ постоянно опредѣленнымъ количествомъ; точное разграниченіе словъ въ ихъ отношеніи другъ къ другу; большее значеніе высоты тона; количественный характеръ ритма. Фонетическая фізіономія индо-европейскаго языка сильно отличалось отъ фізіономіи любого историческаго представителя этой семьи.

Глава четвертая.

Принципы морфологии.

I. Общія замѣчанія.

То, что по-русски выражается словами „ораторъ пришелъ“ по-гречески будетъ: $\delta \rho\acute{\eta}\tau\omega\rho \eta\lambda\theta\epsilon$; по-русски „ораторы пришли“ — по-гречески $\omicron\iota \rho\acute{\eta}\tau\omicron\rho\epsilon\varsigma \eta\lambda\theta\omicron\nu$; „домъ оратора“ — $\delta \tau\omicron\upsilon \rho\acute{\eta}\tau\omicron\rho\omicron\varsigma \omicron\iota\kappa\omicron\varsigma$; „домъ ораторовъ“ — $\delta \tau\omicron\nu \rho\eta\tau\omicron\rho\omicron\nu \omicron\iota\kappa\omicron\varsigma$; „я видѣлъ оратора“ — $\tau\omicron\nu \rho\acute{\eta}\tau\omicron\rho\alpha \epsilon\iota\delta\omicron\nu$; „я видѣлъ ораторовъ“ — $\tau\omicron\upsilon\varsigma \rho\acute{\eta}\tau\omicron\rho\alpha\varsigma \epsilon\iota\delta\omicron\nu$; „я даю оратору“ — $\tau\acute{\omega} \rho\acute{\eta}\tau\omicron\rho\iota \delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\iota$; „я даю ораторамъ“ — $\tau\omicron\iota\varsigma \rho\acute{\eta}\tau\omicron\rho\alpha\iota \delta\acute{\iota}\delta\omicron\mu\iota$. Во всѣхъ этихъ случаяхъ единственное или множественное число и роль въ предложении слова „ораторъ“ въ греческомъ, какъ и въ русскомъ, выражается самою формою имени $\rho\acute{\eta}\tau\omega\rho$: греческій въ этомъ отношеніи съ точностью отражаетъ индо-европейское состояніе.

Когда мы разсматриваемъ формы слова $\rho\acute{\eta}\tau\omega\rho$, мы находимъ въ нихъ безъ труда общій имъ всѣмъ элементъ $\rho\acute{\eta}\tau\omicron\rho$ - или $\rho\eta\tau\omega\rho$ - и элементъ измѣняющійся: нуль, $-\alpha$, $-\omicron\varsigma$ $-\iota$; $-\epsilon\varsigma$, $-\alpha\varsigma$, $-\omicron\nu$, $-\omicron\iota$. Этотъ измѣняющійся элементъ, который служитъ для обозначенія числа, роли слова въ предложении (а также, въ именахъ рода — мужскаго, женскаго или средняго —, а въ глаголахъ — залога и т. д.), встрѣчается въ неограниченномъ числѣ другихъ именъ, какъ напр. $\theta\acute{\eta}\rho$ „звѣрь“, $\theta\acute{\eta}\rho\alpha$, $\theta\eta\rho\acute{\omicron}\varsigma$, $\theta\eta\rho\acute{\iota}$; $\theta\acute{\eta}\rho\epsilon\varsigma$, $\theta\acute{\eta}\rho\alpha\varsigma$, $\theta\eta\rho\acute{\omicron}\nu$, $\theta\eta\rho\acute{\omicron}\iota$. Его называютъ окончаніемъ, а ту часть слова, которая предшествуетъ окончанію, и съ которой связано значеніе слова, называютъ основою. Основа можетъ быть неразложима, какъ въ

словѣ $\vartheta\eta\rho$; въ другихъ случаяхъ она поддается анализу, какъ въ словѣ $\rho\eta\tau\omega\rho$: дѣйствительно, элементъ $\rho\eta$ - встрѣчается со значеніемъ „говорить“ въ формахъ $\rho\eta\vartheta\eta\sigma\epsilon\tau\alpha\iota$ „будетъ сказано“ и въ словахъ $\rho\eta\mu\alpha$ „слово“, $\rho\eta\tau\acute{o}\varsigma$ „сказанный, опредѣленный“, $\rho\eta\tau\rho\alpha$ „договор“, а элементъ $-\tau\omega\rho-$ ($-\tau\omega\rho-$) въ цѣломъ рядѣ именъ дѣйствующихъ лицъ (*nomia agentis*), какъ $\acute{\alpha}\chi\tau\omega\rho$ „проводникъ“ при $\acute{\alpha}\gamma\omega$ „веду“, $\vartheta\eta\rho\acute{\alpha}\tau\omega\rho$ „охотникъ“ при $\vartheta\eta\rho\acute{\alpha}\omega$ „охочусь“ и т. д. Такимъ образомъ основа $\rho\eta\tau\omega\rho$ - состоитъ изъ двухъ элементовъ; $\rho\eta$ -, который обозначаетъ общее значеніе „говорить“ и другого элемента $-\tau\omega\rho-$, съ которымъ связано значеніе слова, какъ имени дѣйствующаго лица; первый элементъ называется корнемъ, второй — суффиксомъ.

Индо-европейское слово содержитъ, слѣдовательно, три части: корень, суффиксъ и окончаніе, изъ которыхъ каждая играетъ особую роль: корень указываетъ общее значеніе слова, суффиксъ его опредѣляетъ точнѣе, а окончаніе (вмѣстѣ съ измѣненіями гласныхъ и съ повышеніемъ тона на опредѣленномъ слогѣ) указываетъ роль слова въ предложени.

Изъ этихъ трехъ частей ни одна не существуетъ отдѣльно, внѣ цѣлаго слова: окончаніе $-\omega\varsigma$ въ словѣ $\rho\eta\tau\omega\rho\omega\varsigma$ не представляетъ отдѣльнаго словечка, которое бы присоединялось къ основѣ $\rho\eta\tau\omega\rho$ - и могло отъ нея быть отдѣлено подобно французскому предлогу *de*, обозначающему родительный падежъ въ фразѣ *la maison de ce riche orateur* „домъ этого богатаго оратора“. Основа $\rho\eta\tau\omega\rho$ - тоже не существуетъ отдѣльно; правда въ единственномъ числѣ именительный падежъ $\rho\eta\tau\omega\rho$ и звательный $\rho\eta\tau\omega\rho$ не имѣютъ окончанія, но именно отсутствіе окончанія и характеризуетъ эти два падежа, противопоставляя ихъ другимъ падежамъ, имѣющимъ то или иное окончаніе; здѣсь слѣдовательно окончаніе равно нулю, и, если формы $\rho\eta\tau\omega\rho$ и $\rho\eta\tau\omega\rho$ разсматривать въ системѣ склоненія, они не представляютъ изъ себя чистыя основы, а формы съ нулевымъ окончаніемъ. Наконецъ, нѣтъ и чистыхъ корней: есть только основы, характеризуемая отсутствіемъ суффикса или, иначе говоря, основы съ нулевымъ суффиксомъ; такова основа $\vartheta\eta\rho$ -. Именительный падежъ $\vartheta\eta\rho$ есть форма съ нулевымъ суффиксомъ и нулевымъ окончаніемъ. — Корень, суффиксъ и окончаніе лин-

гвистъ можетъ отдѣлять другъ отъ друга только такъ, какъ анатомъ отдѣляетъ члены животнаго: изолируя ихъ для анализа, лингвистъ лишаетъ ихъ жизни.

Изъ того однако, что три части индо-европейскаго слова составляютъ одно цѣлое и отдѣлимы другъ отъ друга только путемъ научнаго анализа, вовсе не слѣдуетъ, что эти части и не были въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошедшемъ независимыми другъ отъ друга словами. Сходство окончанія перваго лица единственнаго числа $-*m\acute{i}$, гр. $\epsilon\acute{\iota}\mu$, скр. $as\acute{m}i$, др.-сл. $jesmь$ съ личнымъ мѣстоименіемъ перваго лица ед. ч. гр. $\mu\epsilon$, скр. $ma\acute{m}$, др.-сл. ma „меня“ (вин. пад.) естественно натолкнуло на предположеніе, что окончаніе $*-m\acute{i}$ есть древнее мѣстоименіе. Но такъ какъ это окончаніе едва-ли не единственное, поражающее своимъ сходствомъ съ мѣстоименіемъ, то совпаденіе можетъ быть и случайнымъ; а такъ какъ эта гипотеза не можетъ быть доказана, то обыкновенно ея вовсе не принимаютъ во вниманіе. — Можно представить себѣ также, что подобный морфологическій элементъ былъ оторванъ отъ корней такого типа, съ которыми онъ первоначально составлялъ одно цѣлое; напр. элементъ $*-ē-$ въ основахъ греческихъ страдательныхъ аористовъ, какъ $\sigma\tau\alpha\phi\eta\upsilon\mu\iota$ при $\sigma\tau\epsilon\phi\omega$ „поворачиваю“, или въ латинскихъ неопредѣленныхъ наклоненіяхъ, какъ $ma\acute{n}e\grave{r}e$ „оставаться“ при гр. $\mu\epsilon\acute{\iota}\nu\omega$ „остаюсь“ ($\mu\epsilon\mu\epsilon\acute{\iota}\nu\eta\kappa\alpha$), могъ быть заимствованъ изъ цѣлаго ряда словъ, гдѣ онъ принадлежалъ къ корню; но эта гипотеза, вѣроятная сама по себѣ, тоже не можетъ быть доказана, и потому мы ее также оставимъ въ сторонѣ, хотя нѣкоторые лингвисты въ послѣднее время придаютъ ей большое значеніе.

Во всякомъ случаѣ, хотя мы и не знаемъ, какъ сложилось индо-европейское слово, разложеніе его на корень, суффиксъ и окончаніе не является дѣйствіемъ произвольнымъ, которымъ пользуются въ цѣляхъ освѣщенія и облегченія изслѣдованія. Это разложеніе не даетъ намъ свѣдѣній о происхожденіи и развитіи индо-европейскаго склоненія и спряженія, но оно представляетъ изъ себя единственно правильное и соотвѣтствующее дѣйствительности средство, при помощи котораго мы можемъ изложить склоненіе и спряженіе такъ, какъ его выясняетъ сравненіе. Разсмотримъ русск. **нести, несущу, несемъ, несете, несли** и т. д. и **везти,**

везу, воземъ, везете, везли и т. д.: въ русскомъ не существуетъ отдѣльно ни корней нес- или вез-, ни окончаній -ти, -у, -емъ, -ете, -ли; но элементы нес-, вез- съ одной стороны и -ти, -у и т. д. съ другой — подставляются одинъ вмѣсто другого, смотря по смыслу, при чемъ элементъ нес- ассоціированъ съ представленіемъ „нести“, -емъ съ представленіемъ „я и другіе“ и т. д.; такимъ образомъ и корни нес-, вез- и т. д. съ одной стороны и окончанія -емъ, -ете и т. д. съ другой являются реальными постольку, поскольку они представляютъ элементы подстановки. Точно также и индо-европейскіе корни, суффиксы и окончанія, роль которыхъ не вполне совпадаетъ съ ролью этихъ элементовъ въ русскомъ языкѣ, должны быть представляемы, какъ элементы подстановки: напр. окончанія -ς и -τε замѣняютъ другъ друга въ греч. *ἔφερε-ς* и *ἔφερε-τε*, смотря по тому, хотятъ ли сказать „ты несъ“ или „вы несли“; но въ такомъ смыслѣ эти элементы имѣютъ реальное существованіе. Дѣло психолога опредѣлить, какимъ образомъ совершаются эти подстановки въ мозгу говорящихъ; грамматикъ имѣетъ свою особую задачу, опредѣлить эти элементы, классифицировать ихъ и прослѣдить ихъ измѣненія; онъ имѣетъ дѣло съ языкомъ, какъ объектомъ, но онъ, конечно, не долженъ забывать, что элементы подстановки, которые онъ выдѣляетъ, представляютъ результатъ сложныхъ психическихъ процессовъ.

Такимъ образомъ морфологическіе элементы, на которые мы разлагаемъ индо-европейскіе слова, не являются чистыми абстракціями грамматиковъ: это символы, при помощи которыхъ лингвистъ выражаетъ системы ассоціацій, общихъ всѣмъ лицамъ одной и той же лингвистической группы. Грамматическій парадигмъ есть грамматическое изображеніе совокупности психическихъ фактовъ, которые оказываются одинаковыми въ цѣлой группѣ людей.

Корень мы всегда будемъ понимать, какъ элементъ противопологаемый суффиксу и окончанію, и никогда не будемъ представлять его, какъ „первоначальный“ элементъ, изъ котораго слова образовывались бы путемъ сложенія и дериваціи: смотрѣтъ на корень исторически въ данномъ случаѣ не имѣетъ никакого смысла, такъ какъ о первоначальной исторіи индо-европейскаго языка мы ничего не знаемъ. Поэтому слово можетъ относиться, принадлежать къ

корню, т. е. составлять часть группы словъ, имѣющей общій комплексъ звуковъ, съ которыми ассоціируется извѣстное общее значеніе; но слово не можетъ происходить отъ корня.

Корень, суффиксъ и окончаніе суть главные элементы индо-европейской морфологіи. При помощи этихъ трехъ элементовъ и нѣкоторыхъ другихъ средствъ индо-европейскій языкъ обозначаетъ въ самомъ словѣ всѣ тѣ отбѣнки значенія, которые выражаются въ новыхъ языкахъ, напр. во французскомъ, кромѣ окончаній еще и различными словечками, болѣе или менѣе самостоятельными, но всегда отдѣлимыми, окружающими обыкновенно слово французскаго языка. Такимъ образомъ значеніе индо-европейскаго слова крайне сложно. Возьмемъ, напр. гомеровское δέξαστο „получилъ“; здѣсь корень δεχ- выражаетъ понятіе „получать“, суффиксъ -α- означаетъ аористъ, окончаніе -то указываетъ на третье лицо единственнаго числа прошедшаго времени и т. д.; отсутствіе суффикса послѣ -α- показываетъ, что мы не имѣемъ дѣла ни съ сослагательнымъ, ни съ желательнымъ наклоненіемъ, а съ изъявительнымъ: вотъ все то, что показываетъ слово δέξαστο само по себѣ, и греческій языкъ въ этомъ отношеніи точно отражаетъ индо-европейское состояніе.

Порядокъ трехъ элементовъ: корень-суффиксъ-окончаніе — неизмѣненъ: корень стоитъ въ началѣ слова, окончаніе — въ концѣ, а одинъ или нѣсколько суффиксовъ — въ срединѣ.

Индо-европейскій языкъ не знаетъ префиксовъ; единственный префиксъ, который можно было бы признать, есть приращеніе: скр. á-bharat „онъ несъ“, гр. ἔ-φερε, арм. е-ber; но приращеніе не составляло необходимой составной части глагольной формы. Въ этомъ отношеніи индо-европейскіе языки существенно отличаются отъ другихъ языковъ съ богатымъ склоненіемъ и спряженіемъ, какъ семитическіе языки и грузинскій, употребляющіе префиксы въ широкихъ размѣрахъ.

Что касается инфиксовъ, то этотъ способъ образованія мы встрѣчаемъ только въ носовыхъ образованіяхъ глаголовъ; напр. корень *leik^w-, *lik^w- „оставлять“ имѣетъ основу настоящаго времени *li-ne-k^w-, *li-n-k^w-, засвидѣтельствовавшую скр. riñákti „оставляетъ“, riñsánti „оставляютъ“, лат. linquō, др.-пр. (ro-)línka „остаётся“.

Такимъ образомъ индо-европейское слово съ морфоло-

гическвій точки зрѣнія опредѣленно ограничено съ одной стороны корнемъ, съ другой стороны — окончаніемъ.

За исключеніемъ сложныхъ словъ, каждое слово имѣеть только одинъ корень и только одно окончаніе; если такая форма, какъ русское *пойдемте*, исключительная даже и въ русскомъ языкѣ, содержитъ или, кажется, что содержитъ два окончанія *-м-* перваго лица мн. ч. и *-те* втораго лица, то это есть нововведеніе неожиданнаго и страннаго характера.

Но слово можетъ имѣть неограниченное число суффиксовъ. Отъ основъ **swer-p-o-* **swor-p-o-* **sur-p-o-*, засвидѣтельствованныхъ скр. *svárpaḥ* „сонъ“, лат. *somnū*, гр. *ὑπνος*, др.-сл. *спы*, произведены вторичнымъ суффиксомъ **-iyo-* другія основы, засвидѣтельствованныя скр. *svárp(i)yaś* „сновидѣніе“, лат. *somnium*, гр. *(ἐν-)ύπνικου*, др.-сл. *спыне*. Къ и.-е. корню **tewə-* „быть сильнымъ“ принадлежитъ скр. *távi-ṣ-i* „сила“ съ двумя суффиксами, откуда съ третьимъ *távi-ṣ-i-vān* „сильный“ и, съ четвертымъ суффиксомъ, *távi-ṣ-i-vat-tara-ḥ* „болѣе сильный“; точно также въ греческомъ *χαρ-ι-ς* „миловидность“ — съ однимъ суффиксомъ, *χαρ-ι-Feυt-* „миловидный“ — съ двумя, откуда, съ третьимъ суффиксомъ, *χαρ-ι-Feσ-τερο-ς* „миловиднѣе“. Каждый суффиксъ присоединяется къ основѣ, какъ первый суффиксъ къ корню или какъ окончаніе къ основѣ.

Кромѣ прибавленія морфологическихъ элементовъ, индоевропейскій языкъ располагалъ еще двумя способами грамматической характеристики формъ: повышеніемъ голоса и чередованіемъ звуковъ.

Каждое слово могло имѣть одинъ повышенный слогъ, а, такъ какъ мѣсто повышения не было ограничено никакимъ фонетическимъ закономъ, то оно мѣнялось, смотря по словамъ и по грамматическимъ формамъ, и потому являлось средствомъ для характеристики каждаго слова и каждой формы. Прежде всего повышения тона могло вовсе не быть, и многія слова характеризуются нулевымъ повышеніемъ тона, его отсутствіемъ: таковы частицы, какъ скр. *sa* „и“, гр. *τε*, лат. *que*, въ извѣстныхъ случаяхъ, глагольныя формы, какъ скр. *asti*, гр. *ἔστι*, и т. д. Слѣдующій стихъ Ригведы (V, 57, 7), который содержитъ одиннадцать слоговъ, распредѣленныхъ въ четырехъ словахъ, имѣеть одно только повышение тона:

práçastim naḥ kr̥ṇuta rudriyāsaḥ

„дайте намъ славу, Рудри“. Въ другихъ случаяхъ мѣсто повышения тона мѣняется вмѣстѣ со смысломъ, какъ гр. *τόμος* „отрѣзокъ, кусокъ“, *τομός* „рѣжущій, острый“ (ср. стр. 116), или въ связи съ грамматической формой, какъ въ именительномъ падежѣ мн. ч. гр. *πόδες* „ноги“, скр. *pādaḥ*, при родит. п. ед. ч. гр. *πόδος*, скр. *padāḥ* „ноги“; въ русскомъ люди (им. п. мн. ч.) при родит. п. людей. Слѣдовательно индо-европейское слово вполне опредѣленнымъ является тогда, когда мы знаемъ мѣсто, занимаемое повышениемъ тона въ каждой изъ его формъ.

Чередование звуковъ требуетъ особаго разсмотрѣнія.

II. Чередование звуковъ.

А. Чередование гласныхъ. Единственное чередование звуковъ, имѣющее примѣненіе въ индо-европейской морфологии есть чередование гласныхъ.

На примѣрѣ семитическихъ языковъ лучше всего можно видѣть, какую роль могутъ играть въ грамматикѣ такого рода чередованія. Арабскій корень характеризуется только согласными звуками; что же касается гласныхъ, то за каждой согласной корня могутъ слѣдовать *ā*, *ī*, *ū* или нуль, и каждая изъ этихъ семи формъ корня служитъ для характеристики грамматической функции. Возьмемъ арабскій корень *qt l* „убивать“; *perfectum activi* отъ него *qatala*, *imperf. act.* — *ya-qtulu*, *perf. pass.* — *qutila*, *imperf. pass.* — *yu-qtalu*, *perf. act.* третьей формы — *qāṭala*, соотвѣтствующее *imperf. yu-qātilu*, *perf. pass.* *qūṭila*, *imperf.* — *yu-qāṭalu*, *infinit.* первого типа — *qatlun*, причастіе — *qātilun* и т. д. Въ именахъ въ единственномъ числѣ именительный падежъ характеризуется звуками *-un*, винительный — *-an*, родительный — *-in*, а во множ. числѣ — имен. п. — *-ūna*, винит.-родит. — *-īna*. Гласные звуки служатъ только для образования словъ и ихъ склоненія и спряженія, а значеніе корня связано только съ согласными звуками.

Индо-европейскій языкъ употребляетъ свои гласные совершенно такимъ же образомъ. Корень или суффиксъ никогда не характеризуется гласными звуками, но только согласными и сонантами; вокализмъ показываетъ только типъ образования. Напримѣръ, вокализмъ *e* въ корнѣ обозначаетъ

настоящее время въ греч. *πέτομαι* „лечу“, нулевой вокализмъ — аористъ въ *ἔπτουην*, и вокализмъ о — повторяющееся дѣйствие въ *πόταμαι*; вокализмъ ē въ конечномъ слогѣ характеризуетъ именит. п. ед. ч. въ *πατήρ*, вокализмъ ě — имен. мн. ч. въ *πατέρες*, нулевой вокализмъ — род. пад. мн. ч. въ *πατρῶν*; и т. д.

Неизмѣняемую часть морфологическихъ элементовъ, носительницу ихъ значеній, составляютъ согласные звуки, сонанты (и отчасти *ə); гласные, принимающіе участіе въ чередованіи звуковъ (съ чисто грамматическимъ значеніемъ) суть *e и *o долгіе гласные *ā, *ē, *ō (съ *ə). Гласный а въ обычныхъ чередованіяхъ не принимаетъ участія, и потому мы его оставимъ въ сторонѣ.

Нормальный типъ чередованія можетъ быть сведенъ къ слѣдующей простой формулѣ:

Каждый морфологическій элементъ содержитъ гласный звукъ, являющийся въ одной изъ слѣдующихъ формъ:

е (или ē) о (или ō) нуль.

Ступени ē и ō ограничиваются немногими опредѣленными случаями (почти всегда въ концѣ слова), и существенная часть формулы можетъ быть выражена такъ:

е о нуль.

Такъ напр. въ греческомъ:

<i>πέτ-ομαι</i>	<i>πόταομαι</i>	<i>ἔ-πτ-όμην</i>
ἔχω „имѣю (изъ *ἔχ-ω и.-е. *seg ₁ h)	ῥχ-ος „поддерживающій“	ἔ-σχ-ον

Редуцированный гласный *o (опредѣленный выше на стр. 81) представляетъ разновидность нулевой ступени, какъ напр. въ лат. *patēre* „быть открытымъ“, при греч. *πέτανωμι* „распространяю“.

Сонанты усложняютъ вокализмъ, ничего по существу не измѣняя. Въ случаѣ дифтонговъ соотвѣтствія принимаютъ слѣдующій видъ (сонантъ въ нулевой ступени вокализма представленъ въ гласной формѣ):

e i	o i	i
e u	o u	u
e r	o r	r
e l	o l	l
e n	o n	n
e m	o m	m

Примѣры:

гр. πείθ-ω „убѣждаю“	πέ-ποιθ-α	гом. ἐπέ-πιθ-μεν
{лат. fīd-ō „довѣряю“	foed-us	fid-ēs
гот. kius-an „пробовать“	kaus	kus-um
гр. δέρο-ομαι „смотрю“	δέ-δερκ-α	ἔ-δρακ-ον
лит. telp-ù „помѣщаюсь“	talp-à	tiip-ti
гр. πένθ-ος „печаль“	πέ-πονθ-α	ἔ-παθ-ον
лит. kemszù „опираюсь“	kamszaũ	kiĩsz-ti

или слѣдующія сближенія между нѣсколькими языками:

лит. eĩž-ilas „жеребецъ“ гр. ἄρχ-ις „яичко“ зд. arəz-i „яичко“
арм. (mi)orj-i „(μόν)ορχις“

Въ случаѣ согласнаго сонанта + гласнаго, мы имѣемъ:

we	wo	u
re	ro	γ и т. д.;

напримѣръ:

др.-исл. suefn „сонъ“, арм. khun (изъ *swornos), гр. ὕπ-νος;
лат. precēs „просьба“, procus „женихъ“, россō (изъ
*proescō);

др.-исл. fregna „спрашивать“, др.-сл. просити, скр. рꙋс-
cháti „спрашиваетъ“.

Когда морфологическій элементъ оканчивается сонан-
томъ, послѣдній способенъ появляться въ различныхъ своихъ
формахъ:

гр. χέ(F)-ω „лью“	χс(F)-ῆ „возліяніе“	кѣ-χυ-ται
ἔ-χε(F)-α „я вылилъ“		скр. ju-hv-e „онъ принесень въ жертву“

или:

гр. τέν-ων „сухожиліе“	τόνος	та-τός
скр. tán-tram „нить“	ta-tán-tha	ta-tn-e
	„ты тянулъ“	„онъ былъ тянуть“ ταν-αός „тонкій“

Одинъ и тотъ же морфологическій элементъ
не можетъ имѣть послѣ е двухъ сонантовъ ря-
домъ; нѣтъ слѣдовательно индо-европейскихъ корней типа
*teul- или *teigr и т. д., но возможенъ типъ

*tleu- *tlou- *tlu-.

Въ формахъ *tlu- два сонанта соприкасаются случайно, такъ какъ форма имѣеть нулевой вокализмъ. Не существуетъ корня *dheurgh-, но есть корень *dhreugh-:

др.-сакс. driogan „обманывать“ др.-исл. draugr „привидѣние“
скр. dróghaḥ „оскорбление“

др.-сакс. drugun „они обманули“
скр. drúhyati „вредить“.

Поэтому если мы встрѣчаемъ др.-лат. (com-)moinis (лат. com̄m̄nis), гот. (ga-)mains „общій“, лит. mainas „мѣна“, др.-сл. мѣна, то мы можемъ утверждать а priori, что корень здѣсь *moi-, а не *moip-, и что суффиксъ начинается звукомъ n: и дѣйствительно, скр. māye „мѣняю“, латыш. mīju уже не оставляютъ сомнѣнія относительно формы корня.

Долгія ступени ē и ō, вообще встрѣчающіяся не часто (за исключеніемъ конца слова), встрѣчаются въ корняхъ, гдѣ онѣ чередуются съ краткими e и o; такъ:

*sed-	*sēd-
гр. ἔδος „сидѣние“	лит. sėd-mi
гот. sita „сиду“	гот. set-un „они сѣли“
*sod-	*sōd-
гот. sat „онъ сѣлъ“	др.-сл. садити

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе всѣ ступени вокализма и различныя формы сонантовъ, мы можемъ встрѣтить у одного и того же морфологическаго элемента слѣдующія формы:

Отъ корня *k₁leu- „слышать“

*k₁leu-: гот. hliuma „слухъ“, зд. sraoman- „слухъ“.

*k₁lew-: гр. κλέ(F)ος „слава“, скр. ḡrávaḥ „слава“.

*k₁leu-: скр. (á)ḡraušīt „онъ услышалъ“.

*k₁lēw-: нѣтъ примѣра для этого корня.

*k₁lou-: скр. ḡḡrotha „ты слышалъ“.

*k₁low-: скр. ḡraváḥ „звучащій; слухъ“.

*k₁lōu-: нѣтъ примѣра для этого корня.

*k₁lōw-: др.-сл. слѣва, лит. szlovė.

*k₁lu-: скр. ḡrutáḥ „услышанный“, гр. κλυτός „славный“, лат. (in-)clutus.

*k₁luw-: скр. ḡḡḡive „я былъ услышанъ“.

Отъ корня *sem- „одинъ, самъ“.

*sem- (*em дифтонгъ): гр. ἕνς (εἷς), ἕν „одинъ“, гот. simle „однажды“.

*sem-: лат. semel „однажды“ (?).

*som-: гр. ὁμός „тотъ же самый“, гот. sama „тотъ же“, ирл. som „онъ же“, арм. omn „нѣкій“, скр. samáh „тотъ же“.

*som- (*om дифтонгъ): др.-сл. см-(сѣдъ), скр. sam-(sád-) „собрание“.

*sōm-: др.-сл. смъ, зд. hāma „тотъ же“.

*sm-: гр. μία „одна“, арм. mi „одинъ“.

*sm-: гр. ἄ-(παξ) „одинъ разъ“, скр. sa-(krt) „одинъ разъ“.

*s°m-: гр. ἄμα „вмѣстѣ“ и -αμο- (въ οὐδ-αμο- „ни одинъ“), гот. sums „нѣкій“, др.-ирл. samail „сходство“ (и, повиди-мому, лат. similis „похожій“), арм. ham-.

Отъ суффикса именъ родства *-ter-:

*-ter-: гр. πατέρες, скр. pitārah „отцы“.

*-ter- (er дифтонгъ): гр. πάτερ, скр. pitar (зват. п.).

*-tēr- (ēr дифтонгъ): гр. πατήρ.

*-tor-: гр. ἀπάτορες „лишенные отцовъ“, скр. (tvát-) pitārah „имѣющие тебя отцомъ“ (скр. ā косвенно указываетъ на отгѣнокъ o).

*-tor- (or дифтонгъ): гр. ἀπάτορ.

*-tōr- (ōr дифтонгъ): гр. ἀπάτωρ.

*-tr-: гр. πατράσι, скр. pitṛṣu (мѣстн. п. мн. ч.).

*-tr-: гр. πατρῶν (род. п. мн. ч.), скр. pitré (дат. п. ед. ч.).

Общая формула:

ῥ (ē) ῥ (ō) нуль.

недостаточна для выясненія всѣхъ типовъ чередованія гласныхъ въ индо-европейскомъ языкѣ. Если мы имѣемъ, на-примѣръ, чередование скр.

bī-bhar-mi „ношу“ bhr-táh „ношенный“,

то трудно не сопоставить съ нимъ совершенно параллельныя чередованія такихъ санскритскихъ формъ, какъ

dā-dhā-mi (ср. гр. τί-θη-μι) „кладу“, (d)hi-táh (ср. гр. θε-τός) „положенный“;

tí-ṣṭhā-mi (ср. др. ἴ-στᾶ-μι) „стою“, sthi-táh (ср. гр. στα-τός) „поставленный“;

ῥí-ῥā-mi (ср. лат. cōs „оселокъ“) „точу“, ῥi-táh „наточенный“.

Санскритскому *i* въ латинскомъ соотвѣтствуетъ *ä* въ формахъ *fäc-tus* „сдѣланный“, *stätio* „стоянка“, *сä-tus* „искусный“. Имѣя, далѣе, въ греческомъ такое чередованіе, какъ

$\varphi\acute{\epsilon}\rho-\mu\alpha$ „бремя“ $\varphi\sigma\rho-\mu\acute{o}\varsigma$ „плетенка“,

невозможно не сопоставить съ параллельнымъ чередованіемъ:

$(\acute{\alpha}\nu\acute{\alpha})\theta\eta-\mu\alpha$ „приношеніе“ $\theta\omega-\mu\acute{o}\varsigma$ „куча“.

Слѣдовательно рядомъ съ основнымъ типомъ чередованія гласныхъ:

I. *e* (*ē*) *o* (*ō*) нуль

есть еще три типа:

II. *ē* *ō* *ə*

III. *ā* „ *ə*

IV. *ō* „ *ə*

которые можно иллюстрировать слѣдующими примѣрами:

- II. { гр. $\rho\eta\gamma\mu\alpha$ „разрывъ“ $\rho\omega\chi\mu\acute{o}\varsigma$ „ущелье“ $\rho\alpha\gamma\eta\nu\alpha\iota$ „быть сломаннымъ“
 { $\iota\eta-\mu\iota$ „посылаю“ $(\acute{\alpha}\varphi)\acute{\epsilon}-\omega-\lambda\alpha$ $\acute{\epsilon}-\tau\acute{o}\varsigma$
 { лат. *sēmēn* „сѣмя“ гот. *sai-so* „онъ сѣялъ“ лат. *sātus* „посѣянный“
 III. дор. $\varphi\acute{\alpha}-\mu\iota$ „говорю“ $\varphi\alpha-\mu\epsilon\varsigma$ „говоримъ“
 IV. лат. *dō-nim* „даръ“ *dā-tus* „данный“

Фактъ принадлежности къ основному типу чередованія (*ē*, *ō*, нуль) или къ типу съ долгимъ гласнымъ, чередующимся съ *ə* (*ē*, *ō*, *ə*; *ā*, *ə*; *ō*, *ə*), характеризуетъ значеніе морфологическаго элемента точно такъ же, какъ фактъ обладанія тѣмъ или другимъ согласнымъ звукомъ или сонантомъ; корень **wgēg-* **wgæg-* (какъ въ греч. $\rho\eta\gamma\upsilon\mu\iota$ „ломаю“) отличается отъ корня **wgeg-* **wfg-*; одно только чередованіе гласныхъ звуковъ внутри каждаго изъ четырехъ типовъ имѣетъ грамматическое значеніе.

Когда долгому гласному предшествуетъ сонантъ, то *ə* нулевой ступени вокализма по правилу сочетается съ этимъ сонантомъ указаннымъ выше способомъ (см. стр. 98 сл.): такъ нулевая ступень суффикса желательнаго наклоненія скр. *-uā-*, гр. *-ιγ-*, лат. *-iē-* будетъ скр. *-ī-*, лат. *-ī-*, др.-сл. *-и-* и т. д. Такимъ же образомъ объясняются чередованія:

вед. *drāgh-mā* „длина“ *dīrgh-āh* „длинный“

зд. *drāj-ō* *darəγ-ō*

др.-сл. *длѣг-ъ* (серб. *дѣг*)

Поэтому приведенная выше греч. форма (F)ραγῆναι не может быть признана фонетически правильной.

Передъ гласнымъ *ə выпадаетъ по общему правилу; отсюда 3 л. мн. ч. скр. dá-d-atī „даютъ“ др.-сл. да-д-атѣ и, повидимому, по аналогіи съ этою формою скр. da-d-máh „даемъ“ при греч. δι-δο-μεν.

Чередованіе

ē ō ə

гдѣ долгіе *ē и *ō имѣютъ иное значеніе, нежели въ типѣ ѣ (ē), ѓ (ō), нуль, параллельно такому чередованію, какъ

ei oi i

и, тогда какъ нѣтъ ни одного корня формы *tē-, *tō-, *t-; *sē-, *sō-, *s-; и т. п., цѣлый рядъ корней оканчивается на ē (или ā, ō); таковы гр. διη- (διω-), ῥη- (ῥω-), φα-, στα-, δω-, и т. д.

Значительная часть индо-европейскихъ корней имѣетъ еще одинъ элементъ: за конечнымъ согласнымъ или сонантомъ корня слѣдуетъ долгое *ā, *ē или *ō, чередующееся съ *ə. Въ этомъ случаѣ въ силу общаго правила, по которому тотъ же самый морфологическій элементъ не можетъ одновременно содержать два е, если первая часть имѣетъ ступень е или о, вторая часть необходимо должна имѣть нулевую ступень, т. е. въ данномъ случаѣ *ə (которое выпадаетъ передъ гласнымъ), а, если вторая часть имѣетъ ступень е (или о), т. е. если въ данномъ случаѣ она имѣетъ звуки *ē, *ā или *ō, то первая часть имѣетъ нулевую ступень. Корни этой формы называются двусложными. Корень, имѣющій согласные *р и *t и допускающій во второмъ слогѣ гласный *ē, естественно чередующееся съ *ō и *ə, можетъ являться въ слѣдующихъ видахъ:

передъ согласнымъ

*pətə- (*pētə- [ʔ])

*pöte- (*pöte- [ʔ])

*ptē-

*ptō-

*ptə-

*p^ote-

передъ гласнымъ

*pēt- (pēt-)

*pöt- (pöt-)

*pt-

*p^ot-

Этотъ корень дѣйствительно существуетъ со значеніемъ „падать“:

**ret̥h-*: *πετέομαι, откуда πεσέομαι, πεσοβμαι „упаду“.

**ret-*: лат. *reto* „достаю“.

**rt̥h-*: въ гом. πεπτηώς.

**rt̥h-*: гр. πέ-πτω-κα, πτώ-σις.

**r^oth-*: повидимому въ скр. *ratitáh* „упавший“, если и.-е. *^o отражается въ скр. какъ а.

**rt-*: гр. π̄-πτ-ω „падаю“.

Вставной носовой авукъ глагольнаго типа скр. *riṇákti* „оставляетъ“, лат. *liquō* помѣщается непосредственно передъ конечнымъ гласнымъ корня, откуда греческая основа *πίτν̄α-сохранившаяся въ глаголѣ на -ω πίτνω „падаю“.

Долгий гласный случайно не засвидѣтельствованъ въ корнѣ:

**pleth̥h-*: скр. *prathi-mán-* „ширина“.

**pleth-*: скр. *práth-aḥ* „ширина“, зд. *fraṭh-ō*.

**pl̥th̥h-*: др.-сл. *плоскъ* (изъ **pl̥th̥skos*).

**pl̥th-*: лит. *plat-ūs* „широкій“.

**pl̥th̥h-*: скр. *pr̥thi-vī* „земля“ (соб. „широкая“, гр. Πλαταία (изъ *πλαταΐα), др.-кимр. *lita-n* „широкій“.

**pl̥th-*: скр. *pr̥t-úḥ* „широкій“, гр. πλατός.

**pl^oth-*: арм. *laun* „широкій“, лит. *splis-ti* „распространяться“.

Чаще всего встрѣчаются такіе двусложные корни, которые имѣютъ сонантъ передъ конечнымъ долгимъ гласнымъ; они представляютъ очень сложную систему формъ, вслѣдствіе различныхъ видовъ сонанта, которые онъ можетъ принять, и различныхъ его комбинацій съ **ə*. Нѣсколько примѣровъ иллюстрируютъ эту особенность.

Корень **rel̥h-* **pl̥h-* „наполнять, быть полнымъ“.

**rel̥h-*: скр. *ráṅi-man-* „обиліе“ (съ *i* в. м. *i*).

**rel-*: гот. *fil-u* „много“, ирл. *il*.

**rol-*: гр. πολ-ύς, др.-англ. *feal-a*.

**pl̥h-*: гр. ἔ-πλη-το „онъ былъ полонъ“, скр. *á-prā-* „онъ наполнилъ“, лат. *pl̥-nus*, арм. *li* „полный“.

**pl̥h-*: вед. *ra-prā* „онъ наполнилъ“.

**pl̥h-*: скр. *pūr-ṛáh* „полный“, др.-сл. *плъ-нъ* (серб. *п̄ њ в*), лит. *pil-nas*, др.-ирл. *lā-n*, гот. *ful-ls*.

**pl-*: скр. *pí-pr-ati* „наполняютъ“ (откуда *pí-par-ti* „наполняетъ“ по аналогіи съ односложными корнями).

**r^ol-*: скр. *pur-úḥ* „обильный“.

р_l -: въ глаголѣ съ носовымъ инфиксомъ скр. р_l р̄āti „наполняетъ“, р_l р̄īshāh „наполняемъ“; сонантъ имѣеть краткую форму, такъ какъ онъ отдѣленъ отъ *ə носовымъ звукомъ. Корень теряетъ свое *ə только повидимому, такъ какъ *ə заключается въ долгомъ гласномъ, слѣдующемъ за носовымъ инфиксомъ; то-же касается и другихъ ниже приводимыхъ формъ.

Корень *g₁enə-, *g₁nē- „рождать“.

*g₁enə-: скр. jani-tā „родитель“, гр. γενέτωρ, γενετήρ, лат. geni-tor.

*g₁en-: гр. γένος „родъ“, лат. genus, арм. ein „рождение“, скр. jān-aḥ „родъ“.

*g₁on-: гр. γέγονα (мн. ч. γέγονα-μεν, по типу μέμονα μέμα-μεν), γόνος „рождение“.

*g₁nē-: гр. γνήσιος „родной“ и, можетъ быть, скр. jñā-tiḥ „родственникъ“.

*g₁nō-: гр. γνωτός „братъ“, латыш. zno-ts „зять“, гот. kno-ḥs „родъ“.

*g₁n̄-: скр. jā-tāḥ „рожденный“, зд. zā-tō, лат. (g)nā-tus, и, повидимому, гот. -kunds.

*g₁n-: гр. γίγνομαι „рождаюсь“, лат. gi-gn-ō „рождаю“.

*g₁on-: гот. sama-kuns (изъ *kuna2) „ὁμόγυνος“.

Корень *g₁enə-, *g₁nē- „знать“ отличается отъ предшествующаго только значеніемъ:

*g₁enə: лит. žėn-klas „знакъ“.

*g₁onə-: гот. kan-n „знаеть“.

*g₁nē: др.-вр.-н. knā-ēn „знать“ (съ др.-вр.-н. ā, отражающимъ герм. *ē); и, повидимому, скр. jñā-tum „знать“.

*g₁nō-: гр. γινώσκω „знаю“, лат. (g)nōscō, др.-сл. зма-тн.

*g₁n̄-: лат. (g)nārus „знающій“ и, повидимому, лит. (pa)žin-tas „извѣстный“, гот. kunḥs „извѣстный“.

*g₁on-: лит. žin-óti „знать“, арм. can-awth „извѣстный“.

Корень *g^werə (g^wrō- ?) „глотать“:

*g^werə-: аркад. ζέρε-θρο-ν (изъ *δέρε-θρον) „пропасть“, лит. gér-ti „пить“.

*g^wer-: арм. ker, род. п. ker-ou „пища“.

*g^wēr-: лит. gēr-ė „онъ выпилъ“.

*g^wor-: гр. βορός „обжора“, скр. gar-āḥ „питье“, лат. uor-āre „пожирать“, (carni-)uorus „плотоядный“.

*g^wr̄-: скр. gīr-ñāḥ „проглоченный“, лит. gīr-tas „пья-

ный“ (греч. βρω- въ βι-βρώ-σχω можетъ восходить и къ *g^wī- и къ *g^wrō-).

*g^wōrə-: гр. βάρα-θρον „пропасть“.

*g^wor-: скр. gir-áti „глотаеть“, др.-сл. жьр-еть.

*g^wr-: скр. gr̥nāti „глотаеть“ (глаголь съ носовымъ инфиксомъ.)

Корень *terə-, *trē- „тереть“.

*terə-: гр. τέρε-τρον „буравъ“, лат. tere-bra „буравъ“.

*ter-: лат. ter-ō „тру“.

*torə-: гр. τόρος „дыра“, др.-исл. þarmr, др.-вр.-н. darm „кишка“.

*tor-: гр. тор-ός „произительный“.

*trē-: гр. τρη-τός „пробуравленный“, др.-вр.-н. dr̥ā-jan „вытачивать“.

*trō-: гр. τι-τρώ-σχω „раню“.

*tr̥-: гр. τρᾶ-νής „проникающий“, др.-сл. трѣти (сербс. тр̥ти) „тереть“.

*tōrə-: др.-ирл. tara-thar „буравъ“.

*tōr-: др.-сл. тыр-ж „тру“.

*tr-: гр. τρ-ίβω „тру“, лат. tr-itus „тертый“.

Корень *rewə- „очищать“.

*rewə-: скр. ravi-tram „орудіе очищенія, сито“.

*rew-: скр. ráv-ate „очищаетъ“.

*rēw-: скр. á-rāv-iṣuḥ „они очистили“.

*row-: скр. rav-áyati „чистить“, ср.-вр.-н. vaewen (изъ *faw-jan).

*rū-: скр. rū-táḥ „очищенный“, лат. rū-rus „чистый“.

*ruw-: скр. ru-ruv-uḥ „они очистили“.

*ru-: въ глаголь съ носовымъ инфиксомъ скр. ruṇāti „очищаетъ“, ruṇimáḥ „очищаемъ“.

Корень *g^weуə- *g^wуē „жить“:

*g^weу-: гом. βέ-ομαι „буду жить“.

*g^wоу-: скр. gáy-aḥ „домъ“, зд. гау-ō „жизнь“, серб. гōј „миръ“.

*g^wуē-: гр. ζή-σω „буду жить“, зд. јуā-tuš „жизнь“

*g^wіуō-: гр. βιώ-ναι „прожить“.

*g^wуō-: гр. ζῆον „животное“.

*g^wī-: скр. jī-váḥ „живой“, др.-сл. живь, лит. gývas, лат. uī-uos.

*g^wіу-: гр. βί-ος „жизнь“.

Двусложные корни оканчиваются долгимъ гласнымъ: есть корни типа *petē-: ptē-, но нѣтъ корней типа *petək-: *ptēk или *petəs-: *ptēs-. Примѣры, которые можно было бы привести противъ этого положенія, въ общемъ ограничиваются однимъ языкомъ и въ большей своей части неясны.

Такъ какъ *a, *e, *ō имѣютъ то же значеніе, что гласный звукъ † сонантъ, мы можемъ предполагать существованіе корней, оканчивающихся на гласный † сонантъ; и дѣйствительно мы находимъ нѣсколько корней типа *petu-: *pteu-; напр. гр. *Félu-τρον* „покрышка, футляръ“, лат. *uolu-ō* „качу“, арм. *gəlu-m* „поворачиваю“ и соотвѣтствующій глаголъ съ носовымъ инфиксомъ скр. *vr̥nōti* „покрываетъ“ т. е. индо-иран. *vr̥-na-u-ti.

Кромѣ сложности своей формы, выясненной въ предшествующемъ краткомъ изложеніи, двусложные корни представляютъ то затрудненіе, что употребленіе ихъ ступеней съ конечнымъ долгимъ гласнымъ типа *g₁nē- или *g₁nō- въ индо-европейской морфологіи еще не установлено съ достаточной точностью. Эта ступень даетъ, какъ извѣстно, такіе аористы, какъ гр. *ἔγνω, ἐβίω, ἔτλη* и т. д., такіа perfecta, какъ скр. *parḡā, parḡau* „онъ наполнилъ“, гом. *τέτληχα* „я вытерпѣлъ“, *τέτλαμεν* и т. д., и такіе случаи съ вокализмомъ *e или *o коренныхъ именъ во второй части сложнаго слова, какъ гр. *ἀγνώς* „неизвѣстный“.

Только что описанныя чередованія не объясняютъ всѣхъ возможныхъ случаевъ, но только онѣ играютъ опредѣленную роль въ индо-европейской морфологіи. Невозможно, напримѣръ, объяснить такимъ же образомъ гр. *ἔνευχ-εἶν* „принести“, скр. *āp-ánc̥sa* „онъ достигъ“, др.-сл. *несѣ*, лит. *neszù* „несу“ и т. д. Но здѣсь мы не можемъ входить въ безконечныя подробности этихъ фактовъ. Нѣкоторыя такіа чередованія, какъ гр. *ἔτερσεν· ἐφοβησεν*, лат. *terreō* „пугаю“ и скр. *trásati* „дрожить“, гр. *τρέω* найдутъ свое объясненіе въ теоріи корней: какъ, по правилу, мы имѣемъ *g₁enē- и *g₁nē-, такъ и здѣсь мы встрѣчаемъ формы *ters- и *tres- всегда съ однимъ только e.

Корень съ двумя гласными, чередующимися параллельно, какъ гр. *κέλευθ-, κολουθ-* въ *κέλευθος* „путь“, *ἀκόλουθος* „спутникъ“, есть явленіе исключительное, ограниченное однимъ языкомъ и противное обычному индо-европейскому употребленію.

Принимая во вниманіе, что *а, *ē, *ō имѣютъ то же морфологическое значеніе какъ и *е + сонантъ (см. выше стр. 132), мы можемъ установить какъ правило, что всякій корень и всякій суффиксъ содержитъ по крайней мѣрѣ одинъ гласный ряда: е (ē), о (ō), нуль.

Гласный *а встрѣчается только въ опредѣленныхъ особыхъ случаяхъ:

1. Въ дѣтскомъ языкѣ, какъ напр.:

гр. *ἄτα* „папа“, лат. *atta*, гот. *atta*, др.-сл. *отъць*, ирл. *aite* „молочный отецъ“, скр. *tata* „папа“, гр. *τάτα*, лат. *tata*, брет. *tād*.

Этотъ языкъ обладаетъ, какъ мы видѣли на стр. 107, двойными согласными, которые не обычны въ индо-европейскомъ языкѣ.

2. Въ единичныхъ словахъ, относительно которыхъ по этому возможно предположить заимствованія (отчасти въ индо-европейское время), какъ напр.:

лат. *faba* „бобъ“, др.-сл. *бобъ*, др.-пр. *babo*.

лат. *barba* „борода“ (первое *b* вм. *f* путемъ ассимиляціи), др.-вр.-н. *bart*, лит. *barzdá*, др.-сл. *брадъ*.

лат. *far* „хлѣбъ“, *farīna* „мука“; гот. *barizeins* „ячменный“, др.-сл. *бръшно* „пища“.

Ниодно изъ этихъ трехъ словъ не имѣетъ соотвѣтствій ни въ индо-иранскомъ, ни въ армянскомъ, ни въ греческомъ; однако мы встрѣчаемъ *а въ нѣкоторыхъ словахъ, сохранившихся въ индо-иранскомъ; напр.

скр. *hamsáh* „водяная птица“, лит. *žąsis* „гусь“, др.-вр.-н. *gans*, лат. *anser* (форма деревенская вм. **hanser*), гр. род. п. *χηνός* (изъ **χανός*).

3. Въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ, именно въ первичномъ окончаніи 3 л. ед. ч. средняго залога *-tai: гр. -*ται*, скр. -*tē*, гот. -*da*.

4. Въ началѣ нѣкоторыхъ словъ рядомъ съ формами, неимѣющими а; напр.:

гр. *ἀστῆρ*, *ἄστρον* „звѣзда“ и арм. *astl*: зд. *star-*, скр. *stṛ-* *bhīh* „звѣздами“, др.-вр.-н. *sterno* „звѣзда“, лат. *stella*.

гр. *αἶθος* „огонь“, скр. *édhaḥ* „дрова“, лат. *aestās* „лѣто“: *ἰθαρός* „ясный“, скр. *idhmaḥ* „дрова“.

лат. *armus* „плечо“, гот. *arms* „рука“, др.-сл. *рѣмо* (всѣ

три слова основываются на *агəшо-): скр. *īr mā h* „рука“, др.-прус. *īr m o* „рука“.

гр. *ἄρχω* „душу“, лат. *angō* „душу“, *angustus* „тѣсный“, гот. *aggwus* „узкій“, др.-сл. *жъкъ*, арм. *anjuk*, скр. *aṁhī h*: др.-сл. (к)лжж (предполагаетъ *ng₁h-).

Этотъ особый типъ чередованія: *а, нуль, свойственный началу слова, встрѣчается и рядомъ съ нормальнымъ типомъ: *е, *о, нуль; напр.:

лат. *augēō* „увеличиваю“, гот. *aukan* „рости“, лит. *augu* „росту“, скр. *ōjā h* „сила“: скр. *ugrā h* „сильный“; гр. *ἄ(F)ξῆω* „росту“: скр. *vākṣati* „растетъ“, гот. *wahsjan* „рости“; гр. *αὔξω* „увеличиваю“, лит. *auksztas* „большой“: скр. *ūkṣant-* „ростущій“; т. е. *weg- (*weks-), *wog- (*woks-), *ug (*uks): *aweg-, *awog-, *aug- (*aweks-, и т. д.).

Чередованіе *а: нуль въ началѣ слова не имѣетъ никакого морфологическаго значенія. — Оно не встрѣчается внутри слова: сближеніе скр. *yājati* „приноситъ жертву“, *iṣṭa h* „принесенный въ жертву“ съ греч. *ἅγιος* „свято чту“, предполагающее *а въ серединѣ слова, чередующеяся съ нулевымъ вокализмомъ, основано только на двухъ языкахъ, что уже аргіогі дѣлаетъ его мало вѣроятнымъ, и кромѣ того оно не вполне удовлетворительно съ точки зрѣнія значенія.

В. Чередованія согласныхъ. — Чередованія согласныхъ не имѣютъ морфологическаго значенія, но извѣстныя измѣненія формы сонантовъ и согласныхъ встрѣчаются въ корняхъ, суффиксахъ и окончаніяхъ.

1. Чередованія сонантовъ.

Въ ведическомъ санскритѣ окончаніе им.-вин. пад. двойств. ч. муж. рода имѣетъ три формы, которыя въ древнѣйшихъ частяхъ Ригведы распредѣляются слѣдующимъ образомъ: -аи въ концѣ фразы или стиха, -āv передъ начальнымъ гласнымъ слѣдующаго слова, -ā передъ начальнымъ согласнымъ или сонантомъ слѣдующаго слова; такимъ образомъ: *ubhā v ācva i* „оба коня“, *ubhā devā i* „оба бога“, *ubhā cyaṇā i* „оба сокола“, *ubhā yama i* „оба близнеца“. Это чередованіе древнее: если съ одной стороны санскритскому -ā соотвѣтствуютъ зд. -ā, др.-сл. -а, лит. и (изъ *ū), гр. -ω, лат. -ō (въ *ambō* „оба“), то и другая форма имѣетъ свои соотвѣтствія по крайней мѣрѣ въ др.-ирл. *dā u*, др.-исл.

tuaп „два“; точно также, если греч. ὀκτώ „восемь“ и лат. octō соотвѣтствуютъ вед. aṣṭā, то вед. aṣṭāu, aṣṭāv соотвѣтствуютъ гот. ahtaп, и латинскій сохранилъ слѣды *w въ производномъ octāuos „восьмой“.

Другіе дифтонги съ первымъ долгимъ элементомъ въ концѣ слова представляютъ то же чередованіе: долгій + сонантъ — простой долгій. Индо-иранская основа на -i- *sakhai- „товарищъ“ имѣетъ въ имен. пад. ед. ч. скр. sakhā, зд. хаха; въ греч. отъ основы Λητοι- (зв. п. Λητοῖ) въ им. п. ед. ч. чередуются формы Λητώι (пишется Λητώ) и Λητώ. — При гр. μήτηρ, лат. māter, арм. мауг „мать“, санскритъ имѣетъ mātā, лит. mótė; при гр. κύων „собака“, скр. имѣетъ çvā, лит. szū; латинскій имѣетъ homō „человѣкъ“ р. п. hominis и т. д. Слѣдовательно, сонантический элементъ, которымъ оканчиваются дифтонги съ долгимъ первымъ элементомъ, могъ исчезать въ концѣ слова.

Сонантический элементъ дифтонга съ первымъ долгимъ элементомъ исчезаетъ точно также передъ конечнымъ сонантомъ или согласнымъ слова: именительные падежи скр. dyāuḥ „небо, день“, гр. Ζεύς (изъ *Ζηυς) и скр. gāuḥ „корова“, гр. βοῦς (изъ *βωυς) имѣютъ въ винительномъ падежѣ соотвѣтственно скр. dyām, гом. Ζῆν, лат. diem и скр. gām, дор. βῶν. Основа *gēi-, засвидѣтельствованная въ им. п. мн. ч. скр. gāu-aḥ „богатства“ въ вин. п. ед. ч. имѣетъ форму скр. gām, лат. gem. — Окончаніе вин. пад. мн. ч. послѣ краткихъ гласныхъ имѣетъ форму *-ns (такъ въ указательномъ мѣстоименіи крит. το-υς, гот. ƒa-ns, др.-пр. sta-ns „этихъ“), а въ основахъ на -ā- — *-s: скр. -āḥ, лит. -as (изъ *-os); точно также въ скр. māḥ „луна, мѣсяць“ и др.-сл. мѣс-мѣ при лат. mensis, гр. μήν (род. п. лесб. μῆννος изъ *μηνος); въ скр. māḥ „мясо“ при скр. māṃsām „мясо“, др.-сл. мѣсо, гот. mims.

Нѣкоторые корни имѣютъ чередованіе əу, ēi, ōi: ē, ō, ī, такъ:

скр. dhāy-ati „сосеть“, др.-сл. доѣ, гот. daddjan „сосать“ съ нулевой ступенью *-əу-, такъ какъ передъ или послѣ у въ начальномъ слогѣ и.-е. *ə въ индо-иранскомъ отражается какъ а.

скр. dhé-nā „корова“.

скр. dhāy-ase „чтобы сосать“, др.-вр.-н. tā-an.

скр. *dhā-rúḥ* „сосущий“, гр. *θη-λος* „женский“, лат. *fē-lāre* „сосать“, лит. (*pirn-*)*dēlė* „(въ первый разъ) родившая (корова)“.

скр. *dhī-taḥ* „высосанный“, лат. *fī-lius* „сынъ“.

Или еще:

др.-сл. *поѣ* „напаиваю“.

скр. *rāu-ayati* „поить“.

скр. *rā-ti* „пъеть“, *rā-gram* „кубокъ“, лат. *rō-culum* „кубокъ“, лит. *rū-ta* „попойка“, эол. *πώ-νω* „пью“.

скр. *rī-táḥ* „выпитый“, др.-сл. *пити*, гр. *πι-θι* „выпей“.

Достаточно только отмѣтить этотъ типъ чередованій. Отсутствіе сонанта объясняется сравнительной краткостью сонантического элемента въ дифтонгѣ съ первымъ долгимъ элементомъ (ср. стр. 91 и сл.).

Въ началѣ слова согласный + сонантъ чередуется съ простымъ согласнымъ безъ сонанта:

скр. мѣстн. п. *tvé* „въ тебѣ“, гр. дат.-мѣстн. *σε!* (изъ **τFε*): скр. род.-дат. энклитическое *te*, др.-сл. *ти*; вин. п. скр. *tvām*, *tvā* „тебя“, гр. *σε* (изъ **τFε*): др.-сл. *та* (ср. *твон*), др.-вр.-н. *dih*.

гр. *ἑξ* „шесть“, кимр. *chwœch* (изъ **swœks*), зд. *xšvaš* (изъ **švaš*): лат. *sex*, гот. *saihs* (изъ **seks*), скр. *ṣaṭ* (изъ **sakš*).

скр. *syūtáḥ* „сшитый“, лит. *siútas*, др.-сл. *шити* (изъ **сйтн*): скр. *sūtrám* „нить“, лат. *sūtus*.

скр. *práti* „противъ“, гр. *πρoτι*, *πρoς*, др.-сл. *проти-въ*, др.-перс. *patiy*, дор. *πoτι*, *πoς*, лит. *pas* (изъ **pats*).

гот. *brikan* „разбивать“, *brukans* „разбитый“, лат. *frangō* „ломаю“, *fragilis* „ломкій“ (изъ **bhr^og-*), *frēgī* „я сломалъ“: скр. *bhájati* „раздѣляетъ“, *bhanákti* „ломаетъ“, арм. *bekameš* „ломаю“ (и гр. *φαγεῖν* „съѣсть“?).

скр. *prathimán-* „ширина“, лит. *plātus* „широкій“, греч. *πλαταμῶν* „широкій и плоскій камень, равнина“, *πλατύς* „широкій“, (*ῶμο*)*πλάτη* „лопатка“, др.-сл. *плеште* „плечо“: зд. *paṭana-* „распростертый“, гр. *πετάνωμι* „распростираю“, лат. *patēre* „простираться“, лит. *petỹs* „плечо“.

Наконецъ, въ корняхъ имѣющихъ усилительное (интенсивное) удвоеніе (влекущее за собою повтореніе коренного

сонанта) мы встрѣчаемъ чередованіе трехъ сонантовъ *g, l, n*: такъ рядомъ съ *g* въ греч. βιβρώσχω „ѣмъ“, лат. uogāre „жрать“, лит. gėrti „пить“ (ср. выше стр. 134), встрѣчается и *l* въ лат. gurguliō „горло“, др.-вр.-н. quegchela „горло“, лит. gargaliūju „хриплю“, и *n* въ гр. γάγγραινα „гангрена“; изъ словъ съ удвоеніемъ *l* перешло въ простыя: арм. klanem „глютаю“, ekul „онъ проглотилъ“, др.-вр.-н. chela „горло“, др.-ирл. gelim „жру“, лат. gula „глотка“, гр. καβλέει· καταπίνει (Hesychius). Эти чередованія объясняются диссимиляціей; на примѣръ, типъ *g^wer-g^wer-e превратился въ *g^wer-g^wel-e- и *g^wer-g^wr-e превратился въ *g^wen-gr-e: мы видимъ, что *g* какъ второй элементъ дифтонга измѣняется иначе, чѣмъ *g* согласный, и переходъ его въ *n*, повидимому, указываетъ на очень недостаточное поднятіе небной занавѣски при артикуляціи этого звука. Отраженіе начальнаго согласнаго въ ирл. gelim, др.-вр.-н. chela, гр. γάγγραινα показываетъ, что и гортанный звукъ тоже измѣнился, и что здѣсь произошла диссимиляція, сходная съ наблюдаемой въ переходѣ лат. quin-que въ народно-латинское *cinqe (фр. cinq), т. е. *ger-g^wel-e- *gen-g^wr-e-, откуда это *g перешло на мѣсто *g^w и въ другія формы. Чередованія *g* и *l* очень многочисленны, и мы встрѣчаемъ ихъ даже тамъ, гдѣ усилительное удвоеніе не сохранилось; такъ при скр. çi-çir-áh „холодный“, др.-исл. hela (изъ *he-hl-an) „замораживать“; лит. szarnà „иней“, арм. saïn „холодъ“, др.-исл. hjarn „затвердѣвшій снѣгъ“, мы имѣемъ съ другой стороны лит. szalnà, др.-сл. слана „иней“. Но отсюда не слѣдуетъ, что сананты *g, l* и (*n*) произвольно замѣняютъ одинъ другого.

2. Чередованія согласныхъ въ собственномъ смыслѣ. —

Начальное *s + согласный (или сонантъ) часто чередуется съ простымъ согласнымъ (или сонантомъ); такъ:

*sp-, *p-: скр. spráç- „шпіонъ“, зд. spasyeiti „видитъ“, лат. speciō „смотрю“, др.-вр.-н. sprehōn „наблюдать“: скр. práçyati „смотритъ, видитъ“.

*st-, *t-: гот. stauta „толкаю“: скр. tudāti „толкаетъ“, лат. tundō „толкаю“.

*sk-, *k-: др.-вр.-н. skeran „стричь“, др.-сл. скорл „шкура“, лат. scortum „шкура“: гр. κείρω „стригу“, др.-сл. корл, лат. corium „кожа, шкура“.

*sm-, *m-: др.-вр.-н. smelzan „плавить“: др.-англ. meltan „плавить“, др.-вр.-н. malz „солодъ“, гр. μέλω „плавлю“.

*sw-, *w-: гр. ἑξ „шесть“, кимр. chwecch: арм. veç, и, съ нулевой ступенью вокализма, др.-прус. uschts „шестой“.

Такъ какъ на стр. 140 сл. мы уже установили чередование *sw-: *s-, то полный рядъ чередования въ данномъ случаѣ приметъ видъ: *sweks (гр. ἑξ), *seks (лат. sex), *weks (арм. veç); въ случаяхъ подобнаго рода одна изъ полныхъ формъ случайно можетъ не быть засвидѣтельствована; въ виду этого мы можемъ сближать гр. ἔλω „влеку“ (съ густымъ придыханіемъ, но безъ начальнаго F), лат. sulcus „борозда“ (изъ *solkos) съ лит. velkù, др.-сл. вѣлка, предполагая начальное *sw-.

Въ концѣ корней взрывные звонкіе придыхательные иногда чередуются съ глухими придыхательными.

*g^wh: *kh: гр. ὄνυξ, ὄνυχες „ноготь“, лат. unguis, др.-ирл. ingen, лит. nāgas, др.-сл. ногъ-ть: скр. nakhāḥ, перс. nāxun.

*dh: *th: скр. ádha: átha „и, затѣмъ“.

*bh: *ph: скр. nābhīḥ „пупъ, ступица колеса“, др.-пр. nabis „пупъ“, лат. umbilicus, ирл. imbliu: зд. nāfō, перс. nāf „пупъ“; гр. φ въ ὀμφαλόε и b въ др.-вр.-н. nabolo могутъ отражать и *bh и *ph.

Есть также нѣсколько случаевъ чередования звонкихъ придыхательныхъ и звонкихъ простыхъ; такъ *dh и *d чередуются въ скр. budhnaḥ „низъ, основание“, гр. πυθμήν „основание“ — съ *dh, и др.-анг. botom „основание“ съ *d. Особо стоитъ рядъ неясныхъ случаевъ, гдѣ скр. h соотвѣтствуетъ *g другихъ языковъ:

скр. ahāsh, зд. azam „я“: гр. ἐγώ, лат. ego, гот. ik.

скр. mahān „большой“: арм. meç, гр. μέγας, гот. mikils, лат. magnus.

скр. hānuḥ „челюсть, подбородокъ“: арм. spawt, гр. γένυς, лат. genu-īnus (dens) „коренной (зубъ)“, гот. kinpus „челюсть“.

скр. dubitā „дочь“, гат. dugədā (съ gd изъ *ght, что показываетъ, что звонкій придыхательный восходитъ къ индо-иранскому языку): гр. θυγάτηρ.

Въ названіи „сердца“ индо-иранскій языкъ имѣетъ звон-

кій придыхательный: скр. *hṛd-* зд. *zəgəð-*, скр. *hṛdayam* и зд. *zəgəḍaem*, перс. *dil*, при глухомъ простомъ въ другихъ языкахъ: арм. *sirt*, др.-сл. *сръдыче*, лит. *szirdis*, гр. *καρδία* и гом. *κῆρ*, лат. *cor*, др.-ирл. *críde*, гот. *hairto*.

Звонкій простой иногда чередуется съ глухимъ, особенно *d съ *t:

гр. *δεκάδ-* „десятокъ“: скр. *daśát-*, др.-сл. *десат-*.

др.-сл. *тврѣдъ* „твердый“: лит. *tvirtas*.

скр. *ṛibati* „пѣть“, др.-ирл. *ibid*, лат. *bibit* (относительно в см. стр. 64 и сл.).

III. Форма морфологическихъ элементовъ.

Уже общія правила вокализма опредѣляютъ довольно рѣзко форму индо-европейскихъ корней и суффиксовъ. Но сверхъ того каждый изъ этихъ элементовъ представляетъ особенности, которыя должны быть отмѣчены.

1. Форма корней.

Консонантизмъ корней регулируется двумя правилами:

α. Корень не можетъ начинаться и оканчиваться взрывнымъ звонкимъ непридыхательнымъ: **bheudh-*, **gwendh-* и **bheid-* — возможны; напр. гр. *πεύθομαι* „разузнаю“ (изъ **φεύθομαι*, ср. скр. *bódhati* „замѣчаетъ“ изъ **bhaudhati*, гот. *-biudan*), *βαθύς* „глубокій“ (изъ **gʷndhús*), *φείδομαι* „щажу“; но **gʷed-* — невозможно, и, дѣйствительно, скр. *gadati* „говоритъ“ не имѣетъ внѣ санскрита надежныхъ соотвѣтствій.

β. Корень, начинающійся взрывнымъ звонкимъ придыхательнымъ, не можетъ оканчиваться глухимъ, и наоборотъ: возможны, какъ мы только что видѣли, формы **bheudh-* и **bheid-*, но не существуютъ формы **bheut-* или **teubh-*. Но корень, начинающійся сочетаніемъ *s + глухой согласный, можетъ оканчиваться звонкимъ придыхательнымъ; напр. скр. *stighnute* „подымается“, др.-сл. *стигнѣ*, гр. *στείχω*, др.-ирл. *tīagu* „иду“.

Ниодинъ односложный корень не оканчивается гласнымъ ряда *e, *o, *нуль: корень можетъ имѣть форму *ei-, *ten-, *pekʷ- и т. д., но невозможна форма *ē-, *tē-, *pē-

и т. д. Если иногда относят къ корню звукъ *e* такъ называемыхъ тематическихъ формъ, какъ скр. *va h - a - ti* „везетъ“ мн. ч. *váh - a - nti*, др.-сл. *вез-е-тъ*, мн. ч. *вез-ятъ* (т. е. **вез-о-итъ*), лат. *veh - i - t*, *ueh - u - nt* (ср. гр. *φέρ-ε-τε* „несете“, *φέρ-ο-μεν* „несемъ“), то правило все же сохраняетъ силу, такъ какъ ниодинъ глагольный корень дѣйствительно не имѣетъ формы **ě*-, **tě*, **k^wě*- и т. д.: нужно только прибавить, что существуютъ двусложные корни, оканчивающіеся на **e*, **o*, нуль. Наконецъ, какова бы ни была природа тематическаго гласнаго въ пра-индоевропейскомъ языкѣ, этотъ гласный въ индо-европейской морфологіи играетъ роль образовательнаго элемента и является въ такихъ корняхъ, гдѣ онъ навѣрно не принадлежитъ къ корню, какъ напр. въ корнѣ **g₁e n ə*-, **g₁p ē*-: *já n a t e* „рождаетъ“, гр. *ἐγένετο* „онъ родился“, гр. *γί-γυεται* „рождается“, лат. *gignit* „рождаетъ“, гр. *γόνος* „рожденіе“, скр. *já n a h* „человѣкъ“; и т. д. Случай корней на **ē*: **ə*, **ā*: **ə*, **ō*: **ə*, какъ *τίθημι*: *τίθεμεν*; *ἵστημι* (дор. *ἵστᾱμι*): *ἵσταμεν*, *δίδωμι*: *δίδομεν*, совершенно другого рода, какъ мы видѣли это выше (стр. 132).

Такимъ образомъ количество возможныхъ типовъ односложныхъ корней довольно ограничено:

1. Согласный (или сонантъ) + *e* (*e* здѣсь есть символъ ряда чередований: *e*, *o*, нуль) + согласный (или сонантъ): **ter*-: лат. *ter - or* „теплота“, скр. *tár - a h* „жаръ“; **ten*-: гр. *τέν-ων* „сухожиліе“, лат. *ten - ēre* „держатъ“; **legh*-: др.-сл. *лж-ати*, гот. *lig - an* „лежать“, гр. *λέχ-ος* „ложе“.

2. Согласный (или сонантъ) + *e* + сонантъ + согласный: гр. *τερπ-ω* „успраждаю, утоляю“, скр. *tarp - áyati* „насыщаетъ, удовлетворяетъ“.

3. Согласный (или сонантъ) + сонантъ + *e* + согласный (или сонантъ): гр. *τρέπ-ω* „поворачиваю“, лат. *trep - it* „uertit“; скр. *trá y - a h* „три“, гр. *τρεῖς* (изъ **треу-ες*).

4. Согласный (или сонантъ) + сонантъ + *e* + сонантъ + согласный: скр. *tve ş - á h* „порывистый, сильный“ (изъ **twois - ós*), гр. *σειω* „потрясаю“.

Въ этихъ формулахъ каждый изъ согласныхъ можетъ быть замѣненъ сочетаніемъ *s* + взрывный или взрывный + **s* (или спирантъ, упомянутый на стр. 70 и сл.).

скр. *tákş - ā* „плотникъ“, гр. *τέχτ-ων*.

гот. -skiub-an „сдвигать“, др.-сл. скоубъ-ж „срываю“, лит. skub-rūs „быстрый“.

Въ каждомъ изъ этихъ типовъ начальнаго согласнаго можетъ не быть; такъ:

*es-: скр. ás-ti „есть“, гр. ἔσ-τι, лат. es-t (ср. типъ 1).

*eus-: скр. óϛ-ati „жжетъ“, гр. εὔ-ω, лат. ūr-ō (ср. типъ 2).

Во всѣхъ случаяхъ долгіе *ā, *ē, *ō, чередующіеся съ *ə, могутъ замѣнять группу *e [] сонантъ по общему правилу, установленному на стр. 132 сл.).

Противуполагаясь суффиксу и окончанію, корень образуетъ цѣлое, но самъ по себѣ онъ часто можетъ быть разложенъ.

Такъ гр. *Ἐλπ-ω* „обнадеживаю“, *Ἐλ-Ἐλπ-α*, *Ἐλπ-ίς* „надежда“ предполагаютъ корень *welp-; но сопоставленіе съ лит. *vil-iù* „надѣюсь“, *vil-tis* „надежда“ позволяетъ отдѣлить элементъ *wel- „надѣяться“ или въ болѣе общемъ смыслѣ „желать“: лат. *velle* „хотѣть“, гот. *wiljan*, др.-сл. *вѣлѣти* и т. д.; въ корнѣ *wel-p мы можемъ, слѣдовательно, различить болѣе простой корень *wel- и его распространіе *-p-, называемое опредѣлителемъ; тотъ же самый простой корень является съ другимъ опредѣлителемъ *-d- въ гр. *Ἐλδομαι* „желаю“, гом. *ἐ(F)έλδωρ* „желаніе“.

Нѣкоторые опредѣлители встрѣчаются въ рядѣ глаголовъ близкаго значенія; таковъ опредѣлитель *-t- въ слѣдующихъ примѣрахъ:

1) лат. *plec-t-ō* „плету“, (*am-*)*plec-t-or* „обнимаю“, др.-вр.-н. *flēh-t-an* „плести“, др.-сл. *плетѣ*; ср. гр. *πλέκ-ω* „плету“, лат. (*du-*)*plex* „двойной“;

2) гот. *fal-ḥ-an* „складывать“, гр. (*δι-*)*πάλ-τ-ος* „двойной“, (*δι-*)*πλάσιος*; ср. *pel- въ лат. (*du-*)*pl-us* „двойной“, гр. (*δι-*)*πλ-ός*;

3) лат. *res-t-ō* „чешу“, *res-t-en* „гребень“; гр. *πεκ-τ-έω*; ср. гр. *πόκος* „обстриженная овечья шерсть“, арм. *asr* „шерсть“ (изъ *p^ok₁ur?).

4) лат. *nes-t-ō* „плету, обвиваю“.

5) гот. (*ga-*)*wi-d-a* „связываю“ (прош. вр. (*ga-*)*wa-ḥ*), др.-вр.-н. *wi-t-u* „связываю“.

Въ примѣрахъ 1, 3, 4 уже одна конечная группа kt

указываетъ на присутствіе коренного опредѣлителя, такъ какъ корень не можетъ оканчиваться двумя взрывными согласными, какъ и двумя сонантами.

Такъ какъ опредѣлитель есть морфологическій элементъ, то онъ долженъ подлежать дѣйствию общихъ законовъ вокализма и представлять чередованіе гласныхъ е, о, нуль. И дѣйствительно, если мы сравнимъ корни *plek- и *pelt- и выдѣлимъ ихъ общую часть *pel-, *pl-, то увидимъ, что *plek- содержитъ опредѣлителя *-ek- съ его чередованіями: гр. πλέκω, πλοκή „плетеніе, ткань“, умбр. (tu-)plak „двойной“ (изъ *pl^ok-). Поэтому *-t- въ приведенныхъ примѣрахъ представляетъ нулевую ступень вокализма.

Опредѣлитель можетъ имѣть звукъ е, какъ и корень; но въ той формѣ, въ какой мы его находимъ въ дѣйствительности, корень имѣетъ только одно е. Это ясно видно изъ ряда опредѣлителей, которые наблюдаются при корнѣ *ter- „дрожать“ (засвидѣтельствованномъ санскритскимъ taraláh „дрожащій“):

*trep-: скр. tṛpṛáh „неспокойный, торопливый“, лат. *trepidus* „боязливый“, др.-сл. *трепетъ*.

*ters-: гр. ἔτερσεν ἐφόβησεν у Гезихія, лат. *terreo* „пугаю“.

*tres-: скр. trāsati „бонится“, гр. τρέω „боюсь“, гом. τρήρω эпитетъ голубя „боязливый“ (изъ *traσρω).

*trek₁-: гр. (ἀ-)τρέκῆς „неложный“, зд. τῆρσαιτί „дрожить“, лит. *triszù* „дрожу“.

*trem-: гр. τρέμω „дрожу“, τρόμος „дрожь“, лат. *tremō*, лит. *trimù* „дрожу“.

*tremс- (или *trens-?): др.-сл. *трасѣ* „трясу“.

Точно также рядомъ съ *prek₁-, засвидѣльствованнымъ лат. *precēs* „просьбы“, *procus* „женихъ“, гот. *fraihnan* „спрашивать“, др.-вр.-н. *frāgēn*, др.-сл. *просити*, мы находимъ лит. *preszù* „спрашиваю“, др.-вр.-н. *fergōn* „просить“, умбр. *persclu* „precatione“, формы, повидимому предполагающія *perk₁-; но нигдѣ мы не встрѣчаемъ *perek₁-.

Корни, обозначающіе звукъ и имѣющіе характеръ звуко-подражательный, даютъ примѣры наиболѣе разнообразныхъ опредѣлителей; такъ *kr- лат. *corvus* „воронъ“, *cornix* „ворона“, гр. κόραξ „воронъ“, κορώνη „ворона“, скр. *kāraṇāḥ* „ворона“ (слово, приводимое въ словаряхъ) и т. д. варьируется слѣдующимъ образомъ:

др.-сл. *крякати*, лат. *crōciō* „каркаю“, др.-исл. *hrōkr* „ворона“ и гр. *κράζω, κέκρᾶγα, κρώζω*;

др.-сл. *кряхати*, гом. *κρίχε* „онъ завизжалъ“ и гр. *κρίζω, κερκίγότες*; др.-исл. *hrīka* „трещать“.

скр. *króṣati* „кричить“, лит. *kraukiù* „каркаю“, др.-сл. *крякъ* „воронъ“ и гр. *κραυγή* „крикъ“, гот. *hrukjan* „каркать“; лит. *krankiù* „каркаю“;

лат. *scerō* „скриплю“;

точно также синонимическій корень *k1- въ гр. *κλώζω* „клохтать, свистѣть“, др.-сл. *клякати*, и т. д.

Такимъ образомъ индо-европейскій корень не есть неразложимый и постоянный элементъ; но нѣтъ возможности дать полную теорію всѣхъ его измѣненій. Мы встрѣчаемъ всѣ промежуточные случаи между слѣдующими двумя крайними типами:

α. Распространеніе извѣстнаго и хорошо установленнаго корня при помощи особаго суффикса; таково распространеніе при помощи *-s- корня *k₁leu- „слышать“ въ скр. *ṣṣi-ṣ-tiḥ* „послушаніе“, зд. *srao-ṣ-o* „послушаніе“, др.-сл. *слухъ-хъ, слы-ш-ати*, др.-вр.-н. *hlo-s-en* „слушать“, др.-сакс. *hlu-s-t* „слухъ“, кимр. *clu-s-t* „ухо“. Такіе коренные опредѣлители напоминаютъ суффиксы; специально въ нашемъ случаѣ можно сопоставить съ приведенными формами скр. *ṣrav-as-*, гр. *κλέF-εσ-* „слово“ и зд. *srao-aḥ-*, др.-сл. *слов-ес-*.

β. Общее начало въ словахъ сходнаго значенія; такъ *st- *t- встрѣчается въ рядѣ словъ обозначающихъ „опираться на, толкать“:

лат. *tundō* „толкаю“, *studeō* „стараюсь, занимаюсь“, гот. *stautan* „толкать“, скр. *tudāti* „толкаетъ“, др.-сл. *стоудъ* „стыдъ“, *стыдѣти сл.*

гр. *τύπτω* „бью“, *στυπάζει* глосса, объясняемая словами *βροντᾶ, φοφεῖ, ὠθεῖ*; лат. *stupēre* „столбенѣть“, *stuprum* „блудъ“.

скр. *tuñjāti* „толкаетъ“, др.-вр.-н. *stoe* „палка“, лит. *tūzgiu* „хлопаю“, гр. *ἀτύζω* „пугаю“;

гр. *στεῖβω*, арм. *stipem* „давлию“;

гр. *στέμβω* „трясу“, др.-вр.-н. *stampfōn* „бить (землю ногою)“;

гот. *stiggan* „толкать“, лит. *sténgtis* „сопротивляться“; и другія.

Эти коренные опредѣлители представляютъ одну изъ главныхъ причинъ неточности въ области этимологіи словъ, такъ какъ невозможно ни оставить ихъ безъ вниманія, ни создать точную и полную ихъ теорію.

Удвоеніе. — Единственное измѣненіе корней, имѣющее правильное употребленіе, есть удвоеніе.

Удвоеніе не заключается въ простомъ повтореніи слова или корня; оно имѣетъ опредѣленные формы, числомъ двѣ: интенсивное удвоеніе и нормальное удвоеніе.

α. Интенсивное удвоеніе. — Наиболѣе полное удвоеніе имѣетъ и наиболѣе сильное значеніе; оно характеризуетъ такъ называемые интенсивные глаголы и встрѣчается въ нѣкоторыхъ именахъ. Оно заключаетъ: 1) начальный согласный или сонантъ корня; 2) гласный; 3) сонантъ, слѣдующій за гласнымъ корня, если онъ имѣется въ корнѣ. Конечный согласный не повторяется: корень *ter- и корень *terp- удваиваются одинаково *tor-tor-, *tor-torp-. Этотъ типъ широко представленъ только въ индо-иранскомъ, но слѣды его сохранились и въ другихъ языкахъ.

скр. jó-huv-ānaḥ „призывающій“, зд. za-o-za-o-mi „зову“;

скр. var-var(t)-ti „вертитъ“, 3 л. мн. ч. vār-vṛt-ati;

скр. dé-diṣ-te „показываетъ“, зд. daē-dōiṣ-t „онъ показалъ“.

Степень вокализма этого удвоенія трудно опредѣлить; греческій языкъ имѣетъ o въ формахъ *πορφύρω* „волнуюсь“, *πορρίζω* „быстро течь“ и α въ формахъ *παμφαίνω* „сіяю“, *γάρυγυρίζω* „кингѣть“ и т. д.; славянское o въ др.-сл. глаголахъ (общеслав. *голгольж) или рус. *торо-тор-ить* = чеш. *trá-toř-iti* (общесл. *tor-tori-ti) можетъ отражать *o или *a; арм. *sisalim* „смѣюсь“ предполагаетъ *g₁oig₁o¹- съ гласнымъ o въ удвоеніи, которое и въ другихъ языкахъ имѣетъ дифтонгъ съ -i-; гласный удвоенія часто стремится воспроизводить гласный корня.

β. Нормальное удвоеніе. — Обыкновенное удвоеніе слагается изъ начального согласнаго (или сонанта) корня со слѣдующимъ гласнымъ элементомъ (гласнымъ въ собственномъ смыслѣ или гласнымъ сонантомъ).

Гласный элементъ бываетъ обыкновенно *i или *e:

*i главнымъ образомъ въ настоящемъ времени: скр. *ri-rah-mi* „наполняю“, гр. *πί-πλη-μι*; гр. *γί-γνομαι* „рождаюсь“, лат. *gi-gno* „рождаю“;

*e въ перфектѣ: гр. *μέ-μολα* „стремлюсь“, лат. *memini* „помню“, скр. *ma-māte* (3 л. дв. ч. ср. зал.) „они оба подумали“; лат. *se-cini* „я пропѣлъ“, др.-ирл. *se-chan*; скр. *ja-ghāna* „я ударилъ“, ср. зал. *ja-ghné*, гр. *πέ-φαται* „онъ убитъ“, др.-ирл. (*ro*)*ge-gon* „я убилъ“; и въ настоящемъ времени (служащемъ также и прошедшимъ): скр. *dā-dhāmi* „кладу“, лит. *de-dù*, др.-сл. *де-ждѣ* и, со значеніемъ прошедшаго, др.-сакс. *de-da* „я сдѣлалъ“; одинъ только греческій языкъ даетъ въ этомъ глаголѣ въ удвоеніи i: *τί-θημι*. Въ другихъ случаяхъ часто наблюдается колебаніе между e и i: ведическій языкъ имѣетъ *si-śakti* „слѣдуетъ“ въ единственномъ числѣ и *sá-ścati* „слѣдуютъ“ во множественномъ, и послѣдняя форма напоминаетъ греческій аористъ *ἐ-σπέσθαι* „послѣдовать“.

Корни, содержащiе сонанты *i и *u, склонны имѣть i и u въ удвоеніи перфекта въ индо-иранскомъ и латинскомъ: греческій имѣетъ ε въ перфектахъ *λέλοιπα* „я оставилъ“, *πέ-πισται* „узнано“, но скр. имѣетъ i въ *ri-géca* „я оставилъ“ и u въ *bu-bodha* „онъ замѣтилъ“; латинскій имѣетъ *tu-tudī* „я толкнулъ“ при скр. *tu-tudé* „я толкнулъ“, но онъ имѣетъ также *re-rugetō* рядомъ съ *ru-rugetō* „я уколою“; даже въ самомъ индо-иранскомъ языкѣ, гдѣ удвоеніе корней съ сонантами i и u по правилу имѣетъ звуки i и u, мы находимъ форму скр. *babhūva*, зд. *ba-vāva* „онъ сдѣлался“.

Наконецъ, въ санскритскомъ языкѣ корни, начинающіеся звуками v и y со слѣдующимъ ā, часто имѣютъ въ видѣ нормальнаго удвоенія одну только гласную форму сонанта: u, i; таковы скр. *u-vāca* „онъ сказалъ“, мн. ч. *ūcūḥ* (изъ *u-ucūḥ) рядомъ съ вед. *va-vāca* „онъ сказалъ“. Эта особенность едва-ли можетъ считаться индiйскимъ нововведеніемъ.

Во всѣхъ типахъ удвоенія, когда корень имѣетъ въ началѣ сложное сочетаніе согласныхъ, это послѣднее обыкновенно упрощается.

Если корень начинается согласнымъ + сонантомъ, то въ удвоеніи является только одинъ согласный:

скр. *ḥu-ḥgāva* „онъ услышалъ“, гр. *ἤ-κλυθι* „услышь“.

Если корень начинается спирантомъ со слѣдующимъ

взрывнымъ, то въ готскомъ и въ латинскомъ въ удвоеніи перфекта повторяется вся группа:

гот. *skai-skaiþ* „онъ отдѣлил“, лат. *sci-cidī* „я разсѣкъ“ (съ исчезновениемъ *s* въ серединѣ слова, какъ въ *steti* „я всталъ“).

Санскритъ имѣеть въ удвоеніи только взрывный звукъ, а другіе языки только спирантъ:

скр. *tí-ṣṭhāmi* „я стою“, но гр. ἵστημι „ставлю“ въ согласіи съ Zend. *hi-štāmi*, лат. *si-stō*, др.-вр.-н. *se-stōm*, др.-ирл. *se-ssam* „стояніе“;

скр. *ta-sthīmā* „мы встали“, но гр. ἕσταμεν; латинскій имѣеть *ste-tī*, о которомъ только что было упомянуто.

Въ корняхъ, начинающихся гласнымъ звукомъ, интенсивное удвоение сохраняетъ свою ясность, какъ, напр., въ греч. ἀρ-αρῆν „приладить“, арм. *ar-agi* „я сдѣлалъ“, или гом. ἀλ-αλχε „онъ устранилъ“. Нормальное удвоение съ гласными *i* или *e* ограничивается гласнымъ элементомъ; такъ, напр., мы имѣемъ *i* въ скр. *íu-arti* „приводитъ въ движеніе“ при интенсивномъ настоящемъ *ál-arti* „движется“; и *e* сливается съ начальнымъ гласнымъ слова, напр., въ перфектѣ скр. *āsa* „онъ былъ“, гом. ἦε. Типъ ὄδ-ωδα „я пропахъ“, ὄπ-ωπα „я увидѣлъ“, съ повторениемъ конечнаго взрывнаго звука корня, наблюдается только въ греческомъ.

Такимъ образомъ индо-европейское удвоение только случайно бываетъ полнымъ повторениемъ корня. По существу же оно есть грамматическое явленіе, смыслъ котораго заключается либо въ усиленіи значенія корня, либо въ обозначеніи повторенія или продолжительности дѣйствія, либо, наконецъ, въ обозначеніи полного окончанія дѣйствія.

2. Суффиксы.

Каждый суффиксъ прибавляется къ корню или къ основѣ, вокализмъ которыхъ опредѣляется правиломъ образованія даннаго типа; такъ суффиксъ именъ дѣйствующихъ лицъ *-ter- присоединяется къ корню въ ступени *e*: скр. *mantā* „думающій человѣкъ“, гр. Μέντωρ, или, въ двусложныхъ корняхъ, къ корню съ вокализмомъ *e* въ первомъ слогѣ: скр. *janī-tā* „родитель“, гр. γενέτωρ, γενε-τήρ, лат. *genitor*; на-

оборотъ, суффиксъ *-to- въ скр. *matáh* „признанный“, гот. *munds* „подуманный“ и въ скр. *jā-táh* „рожденный“, лат. *pā-tus* присоединяется къ корню нулевой ступени вокализма (двойной нулевой ступени при двусложныхъ корняхъ). Но, если основа дана, то единственнымъ элементомъ, измѣненія котораго имѣютъ значеніе въ склоненіи и спряженіи, является элементъ, непосредственно предшествующій окончанію, все равно, будетъ ли онъ суффиксомъ, какъ въ словѣ *γυῆτωρ*, или корнемъ, какъ въ словѣ *ποῦς* „нога“; тамъ, гдѣ есть суффиксъ, элементъ предшествующій суффиксу, не измѣняется во всемъ склоненіи или спряженіи. Такъ въ санскритскомъ им. п. ед. ч. *janī-tā*, вин. п. *janī-tār-am*, мѣстн. п. *janī-tār-i*, дат. п. *janī-tr-é*; въ греческомъ: им. *γυῆτωρ*, вин. *γυῆτορα*, съ измѣненіемъ суффикса, предшествующаго окончанію, при неизмѣнности части, предшествующей суффиксу; точно также мы находимъ чередованіе ступеней: *ē*, *ë*, нуль, передъ окончаніями: нуль, *-α*, *-ος* въ греч. *πατήρ*, *πατέρ-α*, *πατρ-ός*, но *πα-* остается неизмѣннымъ. — Имена неправильнаго склоненія, которые, какъ скр. *dār-u* „дерево“, род. *dṛ-ú-ṛ-aḥ*, имѣютъ чередованіе гласныхъ въ элементѣ предшествующемъ суффиксу, представляютъ также измѣненіе суффиксовъ, въ данномъ случаѣ прибавку суффикса *-en- (въ нулевой ступени), и потому не нарушаютъ общаго правила.

Именные и глагольные основы называются тематическими или атематическими, смотря по тому, оканчиваются ли онѣ на гласный *e, чередующійся съ *o или на какой-нибудь согласный или сонантъ; основы, оканчивающіяся на долгіе гласные *ā, *ē, *ō, занимаютъ особое положеніе. Такимъ образомъ основы *φέρε-*, *φερο-* въ греч. *φέρε-τε*, *φέρο-μεν* мы назовемъ тематическими, наоборотъ основу *φερ-* въ гомеровскомъ *φέρ-τε* — атематическою; *φόρο-ς* „подать“ имѣетъ тематическую основу, а *φωρ* „воръ“ атематическую. Замѣтимъ, что встрѣчается множество чередованій типовъ тематическихъ и атематическихъ основъ, и общая тенденція индоевропейскихъ языковъ — замѣнить тематическими формами болѣе древнія атематическія формы; такъ, несмотря на широкое распространеніе, тематическая форма скр. *bhāra-ti* „несетъ“, гр. *φέρει*, др.-сл. *вереть*, гот. *bairi-t*, др.-ирл. *bēri-d*, арм. *bēgē* (изъ *bēge-y), повидимому, представляетъ измѣ-

неніе атематической формы, засвидѣтельствованной ведическимъ *bhar-ti* „нести“, лат. *fer-t* и гот. *φέρ-те*.

Различіе тематическихъ и атематическихъ типовъ важно во многихъ отношеніяхъ.

α. Въ атематическихъ формахъ при измѣненіи слова въ склоненіи или спряженіи тоническое удареніе занимаетъ различныя мѣста; такъ оно стоитъ въ началѣ слова въ скр. *é-mi* „иду“ и на окончаніи въ скр. *i-máḥ* „идемъ“. Въ тематическихъ же формахъ тоническое удареніе не мѣняетъ своего мѣста и никогда не стоитъ на окончаніи; удареніе на окончаніи возможно только тогда, когда самое окончаніе слилось съ тематическимъ гласнымъ: скр. *bhāgāmi* „несу“, *bhāgāmaḥ* „мы несемъ“, или *tudāmi* „толкую“, *tudāmaḥ* „толкаемъ“.

β. Въ атематическихъ формахъ окончаніе почти всегда остается отдѣленнымъ отъ основы, а въ тематическихъ формахъ мы часто встрѣчаемъ сліянія; такъ дат. п. ед. ч. отъ атематической скр. основы *pitár-* „отецъ“ будетъ *pitr-é*, но отъ тематической индо-иранской основы **wǵka-* „волкъ“ тотъ же падежъ въ зенд. будетъ *vəhrkai*, ср. лит. *vilki*, гр. *λύκω*, гдѣ нѣтъ возможности провести границу между основой и окончаніемъ.

γ. Формы атематическія имѣютъ окончанія отчасти отличныя отъ окончаній тематическихъ формъ. Такъ при окончаніи **-mi* 1 л. ед. ч. дѣйствит. зал. атематическаго **es-*: скр. *ásmi*, др.-сл. *есмь*, гр. *εἰμι*, тематическій глаголъ имѣетъ конечное **-ō*: гат. *baṅā* „несу“, гр. *φέρω*, лат. *ferō*, гот. *baīra* и т. д.

Суффиксы называются первичными или вторичными, смотря по тому, присоединяются ли они къ корню или къ основѣ, употребляемой въ языкѣ: суффиксъ **-es-* въ скр. основѣ *ḡá v-as-* „слава“ = гр. *κλέ(Ε)-εσ-* — первичный, такъ какъ онъ присоединяется къ корню **k₁leu-*; наоборотъ и.-е. суффиксъ **-uo-* въ скр. *ḡa v-as-(i)ya-* „достойный славы“ — вторичный, такъ какъ онъ присоединяется къ основѣ **k₁lewes-*. Состоитъ ли основа изъ корня и одного или нѣсколькихъ суффиксовъ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, или она совпадаетъ съ корнемъ, это не имѣетъ существеннаго значенія: скр. *rād-ya-* „пѣшій“ и гр. *πεζό-* (**ped-yó-*) имѣетъ вторичный суффиксъ **-uo-*, присоединенный къ основѣ **ped-* **rod-*

(скр. *pāt* „нога“, гр. *ποός*, лат. *pēs*). Поэтому часто невозможно различить первичную основу, сводимую непосредственно къ корню, отъ вторичныхъ основъ, произведенныхъ отъ другихъ основъ, существующихъ въ языкѣ: чтобы вторичная основа, произведенная отъ основы съ нулевымъ суффиксомъ, какъ скр. *pādyaḥ*, гр. *πεζός*, могла быть принята за первичную, достаточно, чтобы имя, отъ котораго она произведена, вышло изъ употребленія.

3. Окончанія.

Чередованія гласныхъ мы наблюдаемъ только въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ, какъ въ окончаніи родит. п. един. ч.: *-ез (лат. *-is*, др.-лит. *-es*, др.-сл. *-ε*) *-ос (гр. *-ος*, лат. діал. *-us*), *-s (лит. *-s*, скр. *-ḥ*, гот. *-s* въ формахъ типа лит. *sūpaūs*; скр. *sūpóḥ*, гот. *supaus* „сына“ и т. д.).— Такія чередованія, какія мы наблюдаемъ, наримѣръ, въ окончаніяхъ 3 л. ед. ч.:

дѣйствит. зал. первичное оконч. *-ti: скр. *-ti*, гр. *-τι*,
др.-рус. *-ть*, др.-лит. *-ti*,

дѣйств. зал. вторичное оконч. *-t: скр. *-t*, гр. нуль,
др.-сл. нуль,

средн. зал. первичное оконч. *-tai: скр. *-te*, гр. *ται*, гот. *-da*,

средн. зал. вторичное оконч. *-to: скр. *-ta*, гр. *-το*,
лат. *-tu(r)*,

не подходят подъ общія формулы индо-европейскаго вокализма.

Вообще, окончанія допускаютъ наиболѣе разнообразныя формы: они могутъ заключать въ себѣ гласный звукъ, какъ окончаніе именит. падежа мн. ч. *-es (скр. *-aḥ*, гр. *-ες*, др.-лит. *-es*), или состоятъ изъ одного гласнаго звука, какъ окончаніе 3 л. ед. ч. перфекта: гр. *-ε* = скр. *-a*; но окончаніе можетъ и не имѣть гласнаго въ собственномъ смыслѣ, какъ въ окончаніи именит. п. ед. ч. скр. *-ḥ*, гр. *-ς*, лат. *-s*, лит. *-s*, или въ окончаніи мѣстнаго падежа ед. ч. скр. *-i*, гр. *-ι*. Окончаніе можетъ даже распространяться на два слога, какъ, напр., окончаніе 3 л. мн. ч. дѣйств. зал. *-enti (скр. *s-ánti* „суть“, др. *ἔντι* [изъ *^c-enti], гот. *s-īnd*).

Свобода формъ окончанія представляетъ рѣзкій контрастъ со строгою правильностью формъ корней.

Общія замѣчанія относительно морфологическихъ элементовъ.

1. Три элемента: корень, суффиксъ и окончаніе, строго отличаются одинъ отъ другого; два изъ нихъ въ каждой грамматической формѣ имѣютъ опредѣленный вокализмъ, а третій получаетъ — или можетъ при случаѣ получить — тоическое удареніе, мѣсто котораго связано всегда со значеніемъ формы: эти особенности понятны въ языкѣ, который не имѣлъ экспираторнаго ударенія, или въ которомъ экспираторное удареніе имѣло лишь второстепенное значеніе, ритмъ котораго основывался на количествѣ и произношеніе котораго было однообразно; онѣ были бы непонятны въ языкѣ, гдѣ каждое слово имѣетъ сильное экспираторное удареніе, рѣзко выдѣляющее одинъ слогъ и подчиняющее ему остальные. Такимъ образомъ мы находимъ полное соотвѣтствіе между описаніемъ фонетики, даннымъ на стр. 117 и слѣд., и морфологическимъ строеніемъ индо-европейскаго языка.

2. Между тѣмъ какъ семитическій корень по правилу имѣетъ три измѣняющихся гласныхъ звука, индо-европейскій корень имѣетъ только одинъ гласный, такъ какъ въ двухъ-сложныхъ корняхъ одинъ изъ двухъ гласныхъ непременно имѣетъ нулевую ступень. Поэтому корень и чередованіе въ немъ гласныхъ звуковъ въ индо-европейскомъ словѣ играютъ значительно меньшую роль, чѣмъ въ словѣ семитскомъ; употребленіе префиксовъ затемняло бы поэтому индо-европейскій корень, между тѣмъ какъ оно не препятствуетъ говорящему ясно чувствовать семитскій корень; отсюда употребленіе префиксовъ въ семитическомъ языкѣ и отсутствіе этого способа образованія формъ въ индо-европейскомъ. Съ другой стороны индо-европейскій языкъ, имѣя въ своемъ корнѣ менѣе богатый источникъ выраженія, прибѣгаетъ въ гораздо большей мѣрѣ къ помощи суффиксовъ и окончаній.

Недостаточно ясно, въ чемъ коренятся всѣ эти особенности структуры языка.

VI. Части рѣчи.

Индо-европейскій языкъ имѣетъ два совершенно различныхъ способа измѣненія словъ: склоненіе именъ и спряженіе глаголовъ. Нигдѣ, даже въ семитскихъ язы-

кахъ, это различіе не проведено такъ строго, какъ въ индо-европейскомъ. Подробности различія склоненія и спряженія выяснятся при изложеніи того и другого. Главные факты заключаются въ слѣдующемъ:

И склоненіе и спряженіе выражаютъ категорію числа, различая при этомъ три числа: единственное, множественное и двойственное. Употребленіе единственного и множественнаго числа не требуетъ поясненій. Что же касается двойственнаго числа, то, судя по индо-иранскому, по древнѣйшимъ текстамъ различныхъ славянскихъ діалектовъ и по древне-аттическому, оно употреблялось непременно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла объ извѣстныхъ двухъ лицахъ или вещахъ: вед. $v\acute{r}k\bar{a}$, др.-сл. $в\lambda\lambda\mu\lambda$, др.-атт. $\lambda\acute{\upsilon}\lambda\omega$, повидимому, не обозначало само по себѣ „два волка“, такъ какъ двойственное число не выражаетъ числа само по себѣ, и эти формы можно употреблять безъ предшествующаго числительнаго „два“ только тогда, когда бесѣдующіе уже знаютъ, что рѣчь идетъ о „двухъ волкахъ“; но въ этомъ случаѣ и, конечно, также тогда, когда числительное „два“ употреблено, мы постоянно встрѣчаемъ только формы двойственнаго числа. Поэтому названія парныхъ органовъ имѣютъ формы двойственнаго числа; такъ напр. „глаза“ скр. $\acute{a}k\acute{s}i$, др.-сл. $о\lambdaи$, гом. $\delta\omega\omega$.

Спряженіе указываетъ лица: говорящее, то, съ которымъ говорятъ, и то, о которомъ говорятъ: лат. $d\acute{i}c\bar{o}$ „говорю“, $d\acute{i}c\acute{i}s$ „говоришь“, $d\acute{i}c\acute{i}t$ „говоритъ“.

Склоненіе обозначаетъ падежи, т. е. имена имѣютъ различныя формы, смотря по той роли, какую они играютъ въ предложеніи: есть особая форма для подлежащаго — именительный падежь, для прямого дополненія — винительный падежь, для именного дополненія — родительный падежь, для обозначенія мѣста или времени совершенія дѣйствія — мѣстный падежь, для обозначенія исходной точки дѣйствія — аблативъ; для обозначенія того, для кого или чего совершается дѣйствіе — дательный падежь, для обозначенія того, кѣмъ и чѣмъ сопровождается дѣйствіе — творительный падежь, для обозначенія лица, къ кому обращена рѣчь — звательный падежь. Всего, слѣдовательно, восемь падежей.

Такимъ образомъ глаголами въ индо-европейскомъ

языкъ называются слова, измѣняющіяся по лицамъ, а именами — слова, измѣняющіяся по падежамъ. употребле- ние и значеніе этихъ двухъ частей рѣчи не могутъ быть выражены въ опредѣленіи, а будутъ разобраны въ главѣ о предложеніи.

Нѣкоторыя именныя формы относятся къ глагольнымъ основамъ: это причастія; они сохраняютъ значенія, присушія глагольнымъ основамъ, но подходятъ подъ общее опредѣленіе именъ. Причастія въ предложеніи не могутъ замѣнять глагола въ личной формѣ; поэтому отдѣленіе ихъ отъ глагольныхъ формъ оправдывается и съ точки зрѣнія общаго строя предложенія.

Кромѣ падежей имена имѣютъ еще отличіе по родамъ. Средній родъ характеризуется склоненіемъ, т. е. извѣстными окончаніями, извѣстнымъ вокализмомъ слога, предшествующаго окончанію (и, повидимому, иногда извѣстнымъ мѣстомъ тонического ударенія); такъ лат. *aliu-d* „другое“ отличается отъ *aliu-s* „другой“, особымъ окончаніемъ, гр. *ἄλιον* (ср. р.) „пріятнѣе“ отличается отъ *ἄλιον* (муж. и жен. р.) вокализмомъ слога, предшествующаго окончанію, и т. д. Собственное значеніе средняго рода можно видѣть на примѣрѣ указательныхъ мѣстоименій, какъ лат. *id* „то“, или прилагательныхъ, употребленныхъ въ смыслѣ существительнаго, какъ лат. *aliud* „другое“: средній родъ обозначаетъ вещи, а лица обозначаетъ только тогда, когда они не представляются лицами, какъ лат. *mancipium* „рабъ“; онъ употребляется также въ уменьшительныхъ именахъ, какъ гр. *ἀνδρίον* „человѣчекъ“, уменьш. отъ *ἀνήρ* „мужъ“, гот. *gaitēin* „козленокъ“ уменьшительное отъ *gaits* „коза“, др.-прусск. *wosistian* „козленокъ“ рядомъ съ *wosee* „коза“. Средній родъ имѣетъ особыя примѣты только въ трехъ падежахъ: именительномъ, звательномъ и винительномъ, и для каждаго изъ трехъ чиселъ эти три падежа имѣютъ только одну форму. Средній родъ, слѣдовательно, характеризуется этими особыми формами и отсутствіемъ различенія именительнаго, зательнаго и винительнаго падежа.

Различіе мужескаго и женскаго рода не находитъ выраженія въ склоненіи и потому не однородно съ различеніемъ средняго рода: всѣ типы существительныхъ именъ допускаютъ безъ различія и мужескій, и женскій родъ; такъ

слова *πατήρ* „отец“ и *μήτηρ* „мать“ не имѣютъ въ своей формѣ ничего такого, что бы заставляло найти въ первомъ мужской родъ, а во второмъ — женскій: *πατήρ* признается мужескимъ родомъ по тому, что ему предшествуетъ *δ*, а *μήτηρ* — женскимъ, по тому, что ему предшествуетъ *ή*. Въ прилагательныхъ женскій родъ характеризуется суффиксомъ; такъ основѣ муж. рода скр. *sápa-* „старый“, лит. *seno-*, гр. *ἔνο-* соотвѣтствуетъ въ женскомъ родѣ основа скр. *sánā-*, лит. *seno-*, гр. *ἔνα-*: существительное мужескаго рода будетъ то, которое требуетъ въ прилагательномъ основы мужескаго рода, и существительное женскаго рода — то, которое требуетъ въ прилагательномъ основы женскаго рода. Слѣдовательно, различіе мужескаго и женскаго рода относится съ одной стороны къ теоріи образованія основъ прилагательныхъ именъ, съ другой — къ синтаксису, между тѣмъ какъ средній родъ стоитъ въ связи съ склоненіемъ.

Характерною чертою индо-европейскаго языка является то, что различныя грамматическія категоріи не имѣютъ каждая своего особаго признака; на примѣръ, нѣтъ особаго знака множественнаго числа, къ которому бы присоединялся еще знакъ падежа (и рода) для образованія именной формы, нѣтъ особаго знака лица и другихъ категорій для образованія глагольной формы: такъ *-ος* въ греч. *ποδ-ός* „ноги“ показываетъ сразу и родительный падежъ и единственное число, *-ου* въ гр. *ποδ-ου* „ногъ“ — сразу и родит. пад. и мн. ч.; *-ί* въ скр. *padí* „на ногѣ“ есть признакъ мѣстнаго падежа и единств. числа, *-su* въ скр. *pat-sú* „на ногахъ“ — признакъ мѣстн. пад. и мн. ч., и т. д. Тоже въ глаголахъ: *-τι* въ дорич. *τίθη-τι* „кладеть“ (ион.-атт. *-σι* въ *τίθη-σι*) показываетъ одновременно, что дѣло идетъ объ единств. числѣ, о 3-мъ лицѣ, о дѣйствительномъ (а не среднемъ) залогѣ и о настоящемъ (а не прошедшемъ) времени. Такимъ образомъ значеніе индо-европейской измѣняемой формы оказывается сложнымъ, и мы можемъ его анализировать только путемъ абстрагированія; нѣтъ общаго признака ни имени, ни глагола, ни единственнаго, ни множественнаго, ни двойственнаго числа, ни именительнаго, ни винительнаго, ни другого какого-нибудь падежа, но есть только признаки именительнаго падежа единственнаго числа мужескаго и женскаго рода; именительнаго, винительнаго и звательнаго падежа единств. числа средняго

рода; родительного падежа множ. числа и т. д., и въ добавокъ, эти признаки мѣняются, смотря по тому, имѣемъ ли мы дѣло съ тематической или атематической основой и т. д.

Кромѣ глаголовъ и именъ, составляющихъ два крупныхъ класса измѣняемыхъ словъ, индо-европейскій языкъ имѣетъ довольно большое число словъ неизмѣняемыхъ, изъ которыхъ многія оказываются застывшими и изолированными формами первоначально измѣнявшихся словъ.

1. Нарѣчія, обозначающія различныя обстоятельства мѣста, времени и т. д.

дор. $\pi\acute{\epsilon}\rho\upsilon\tau\iota$ „лѣтось, прошлый годъ“, ион.атт. $\pi\acute{\epsilon}\rho\upsilon\sigma\iota$, арм. *heru*, ср.-вр.-н. *vert*, др.-ирл. (*onn-*)*uroid* „ab anno priore“; скр. *paṅt* „прошлый годъ“ (мѣстный падежъ съ окончаніемъ **i* въ первомъ рядѣ формъ и съ нулевымъ окончаніемъ въ санскритскомъ отъ сложной основы **per-ut-* „другой годъ“, ср. скр. *pāraḥ* „отдаленный“ и гр. $\acute{\epsilon}\tau\omicron\varsigma$ „годъ“).

скр. *ānti* „передъ, лицомъ“, гр. $\acute{\alpha}\nu\tau\acute{\iota}$, лат. *ante* — мѣстный падежъ отъ основы **ant-*, отъ которой винительный падежъ мы находимъ въ гр. $\acute{\alpha}\nu\tau\alpha$ „передъ“.

скр. *kúha* (изъ болѣе древняго **kudha*) „гдѣ?“, гат. *kudā*, др.-сл. *кѹде* — лит. *kuĩ*, арм. *ur* „гдѣ?“.

Такого рода нарѣчій очень много въ каждомъ отдѣльномъ языкѣ, но очень мало одинаковыхъ формъ въ различныхъ языкахъ, которыя бы можно было возвести къ индо-европейскому языку.

2. Предлоги и предложныя приставки, какъ

скр. *prá*, др.-сл. *про*, лит. *pra*, гот. *fra*, др.-ирл. *ro*, лат. *prō-*, гр. *προ*.

Въ теченіе развитія индо-европейскихъ языковъ эти элементы стремились примкнуть либо къ имени, какъ гр. $\pi\rho\delta\ \delta\acute{o}\mu\omega\nu$ „передъ домомъ“ или $\Upsilon\lambda\acute{\iota}\omicron\delta\theta\iota\ \pi\rho\delta$ „передъ Иліономъ“, и тогда мы ихъ называемъ предлогами (*praepositiones*), либо къ глаголу, какъ въ гр. $\pi\rho\phi\acute{\epsilon}\rho\omega$ „выношу впередъ“, и тогда мы ихъ называемъ предложными приставками (*praeverbia*). Но въ индо-европейскомъ языкѣ это были отдѣльныя слова, не примыкавшія ни къ имени, ни къ глаголу; древніе индо-иранскіе діалекты, гомеровскій языкъ, балтійскій, кельтскій, германскій, а также и латинскій сохранили многочисленныя остатки самостоятельности предлоговъ; такъ у Гомера А 208: $\pi\rho\delta\ \delta\acute{\epsilon}\ \mu\prime\ \Upsilon\eta\kappa\epsilon\ \theta\epsilon\acute{\alpha}$ „впередъ меня по-

слала богиня“ или въ латинскомъ *sub uos placeo* рядомъ съ *supplico uos* „умоляю васъ“. Три возможные положенія предлога *πρός*: отдѣльно, передъ именемъ и передъ глаголомъ, могутъ быть иллюстрированы слѣдующими стихами Гомера:

Ε 632: τὸν καὶ Τληπόλεμος πρότερος πρὸς μῦθον ἔ(F)ειπεν
„ему Тлеполемъ первый вымолвилъ слово“

Ε 274: ὡς οἱ μὲν τοιαῦτα πρὸς ἀλλήλους ἀγόρευον
„такъ они говорили другъ другу“

Ε 276: τὸν πρότερος προσέ(F)ειπε Λυκάονος ἀγλαῶς υἱός
„къ нему первый обратился славный сынъ Ликаона“

Путемъ параллельнаго но самостоятельнаго развитія эти слова, первоначально самостоятельныя, примкнули во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ либо къ имени, либо къ глаголу; такимъ образомъ исчезъ типъ конструкціи стиха Ε 632, между тѣмъ какъ оба другіе типа остались.

Предлоги, какъ и нарѣчія, повидимому, представляютъ застывшія формы именъ, первоначально склонявшихся; но не всѣ они намъ ясны по составу.

3. Частицы, служащія для построенія предложенія; таковы скр. *sa* „и“, гр. *τε*, лат. *que* или скр. *pā* „не“, др.-сл. *ne*, лат. *ne* (*que*) „(и) не“.

Хотя частицы въ настоящее время и невозможно свести къ измѣняемымъ формамъ, но мы не можемъ отдѣлить ихъ отъ склоненія, и неизмѣняемыя слова мы будемъ изучать вслѣдъ за именами.

Въ общемъ индо-европейскій языкъ различаетъ только два большіе класса словъ: имена и глаголы.

Глава пятая.

Глаголь.

А. Общія замѣчанія.

Чтобы составить себѣ точное представленіе объ индо-европейской системѣ глагола, нужно прежде всего забыть то спряженіе, какое является въ латинскомъ, германскомъ, балтійскомъ, славянскомъ, армянскомъ, ново-греческомъ и т. д.; одни только сложныя образованія гомеровскаго, ведическаго и зендскаго языковъ сохранили существенныя черты этой системы.

Въ латинскомъ, напримѣръ, одна и та же основа даетъ и основу настоящаго времени *a m ō*, *a m ā s* и основу perfecti — *a m ā u i* отъ *a m ā g e*: спряженіе глагола *a m ā g e* таково, что всѣ формы связаны между собою, и, если дана форма *a m ā t*, всѣ остальные формы, кромѣ неправильныхъ, могутъ быть опредѣлены.

Въ индо-европейскомъ, наоборотъ, каждая глагольная основа была независима отъ всѣхъ остальныхъ. Къ корню **leikʷ-* „оставлять, оставаться“ принадлежатъ слѣдующія основы:

1. Двусложная основа съ удареніемъ на первомъ слогѣ и съ вокализмомъ *e* въ корнѣ, обозначающая дѣйствіе, **leikʷe-*: гр. *λείπειν*, *λείπω*, лит. *lėkù* „оставляю“ (съ перемѣщеніемъ ударенія), гот. *lei h wa* „даю въ долгъ, ссужаю“.

2. Двусложная основа съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ и съ нулевымъ вокализмомъ корня, обозначающая дѣйствіе однократное, **likʷé-*: гр. *λίπειν*, *ἔλιπε* = арм. *elikh* „оставилъ“, др.-вр.-нѣм. *li w i* „ты ссудилъ“.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

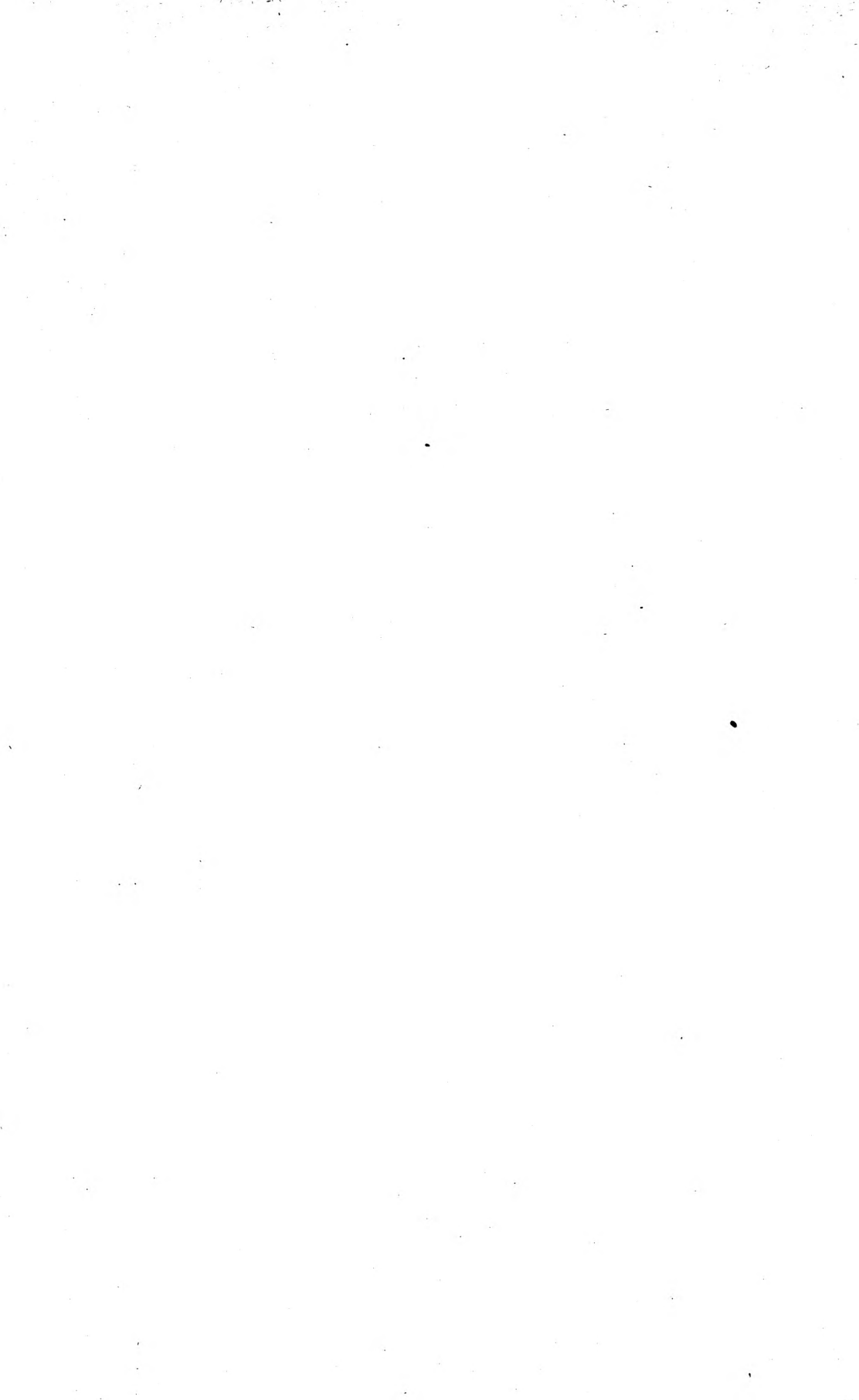
ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ГЛАВНѢЙШИХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ЯВЛЕНІЙ
ДРЕВНЯГО И НОВАГО ПЕРІОДА

Е. В. ПЪТУХОВА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ДРЕВНІЙ ПЕРІОДЪ

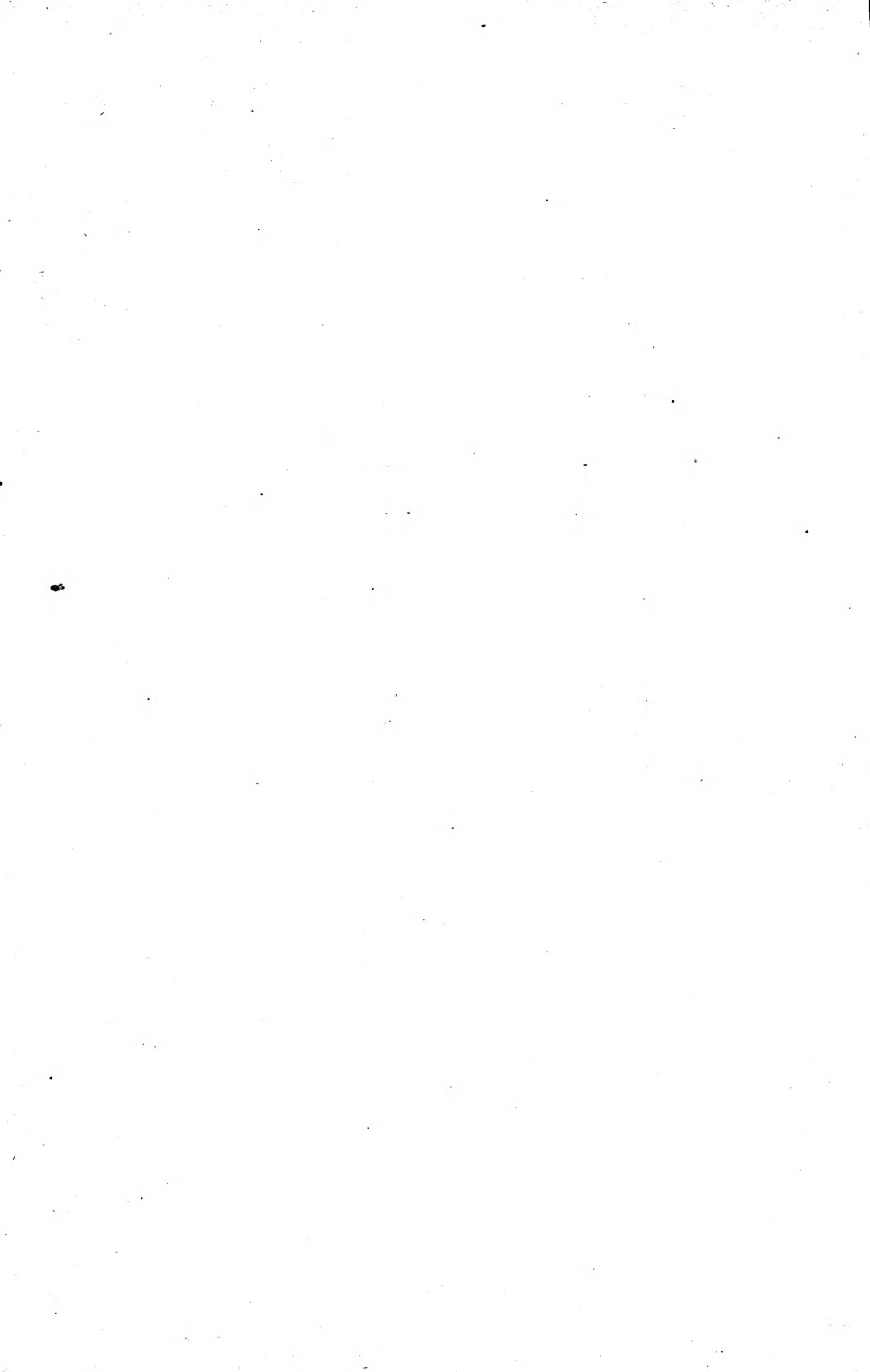
I. ВВЕДЕНІЕ. — II. ДРЕВНѢЙШАЯ ЭПОХА. — III. СРЕДНІЕ ВѢКА. —
IV. ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЯ

Отъ автора.

Настоящее сочиненіе имѣетъ своей цѣлью охватить, въ сжатомъ историческомъ обзорѣ, главнѣйшія явленія русской литературы съ начала нашей письменности до установленія художественнаго реализма въ лицѣ Гоголя. Оно рассчитано на два тома, изъ которыхъ первый, обнимающій собою древній періодъ, предлагается теперь вниманію читателей. Въ основу этого труда положены университетскія лекціи автора, чѣмъ объясняется самый планъ книги и характеръ изложенія: главная забота автора заключалась не въ томъ, чтобы внести въ сочиненіе возможную полноту, а, наоборотъ, въ томъ, чтобы изъ массы имѣющагося на лицо литературнаго матеріала выдѣлить наиболѣе самостоятельное по происхожденію и самое существенное въ интересахъ историческаго изученія нашей литературной мысли. Сознаніе трудности этой послѣдней задачи постоянно сопровождало автора въ его работѣ, происходившей въ такой области, гдѣ еще очень многое не установлено и представляется условнымъ какъ въ общихъ положеніяхъ, такъ и въ частностяхъ: пусть это обстоятельство послужитъ нѣкоторымъ извиненіемъ ея недостатковъ.

12. I. 1911. Юрьевъ.

I. Введение.

Дѣленіе русской литературы на періоды. — Особенности изученія древняго періода. — Выборъ матеріала и его научная обработка. — „Редакціи“ памятниковъ литературы и ихъ историческое значеніе. — Древне-русское просвѣщеніе. — Древне-русскій книжникъ. — Списываніе книгъ и авторство.

Общее обзорѣніе главнѣйшихъ явленій русской литературы, составляющее предметъ дальнѣйшаго изложенія, предполагаетъ необходимость извѣстнаго ихъ дѣленія, потому что только при этомъ условіи возможенъ сколько-нибудь послѣдовательный разсказъ о многочисленныхъ фактахъ, внесенныхъ въ данную область научной разработкой.

Издавна принято дѣлить русскую литературу, въ ея историческомъ ходѣ, на два періода — „древній“ и „новый“, при чемъ гранью между ними устанавливается эпоха Петра Великаго: то, что было до этой эпохи, составляетъ древнюю литературу, а что было послѣ нея — относится къ литературѣ новой. И въ настоящее время едва ли можно возражать по существу противъ этого дѣленія, такъ какъ оно основывается на самомъ характерѣ того поворота русской культурной жизни, который въ значительной степени вызванъ былъ преобразовательной дѣятельностью Петра Великаго. Можно спорить лишь о хронологическихъ предѣлахъ этихъ двухъ періодовъ, о томъ, гдѣ именно должна быть положена эта основная въ исторіи русской литературы грань. Въ прежнее время (начиная съ Дамаскина Семенова-Руднева въ XVIII в.)

эта грань опредѣлялась самымъ началомъ XVIII столѣтія, совпадавшимъ съ первыми шагами политической и общественно-просвѣтительной дѣятельности великаго преобразователя, съ началомъ появленія главной массы переводныхъ сочиненій, официальной газеты, гражданскаго шрифта и т. п. Но, по мѣрѣ фактической разработки самой науки, эта внѣшне-хронологическая точка зрѣнія становилась все менѣе и менѣе удовлетворительной. Въ самомъ дѣлѣ, съ одной стороны — въ литературныхъ явленіяхъ XVII и даже отчасти XVI вѣка можно усмотрѣть слѣды той подготовительной работы, которая шла въ исторіи русской жизни какъ бы навстрѣчу Петровской реформѣ и, при ближайшемъ разсмотрѣніи, дѣлаетъ ее процессомъ далеко не внезапнымъ и органически связаннымъ съ предшествующимъ временемъ; въ виду этого, многія явленія литературы названныхъ столѣтій по своему историческому смыслу должны быть приобщены къ эпохѣ преобразованій, являясь связующимъ звѣномъ между древнимъ періодомъ литературы и началомъ новаго. Съ другой стороны — и первая десятилѣтія XVIII вѣка, не только при жизни Петра, но и послѣ него, обнаруживаютъ такія литературныя явленія, которыя не могутъ быть, въ полномъ смыслѣ слова, включены въ составъ „новой“ литературы. Въ сочиненіяхъ Стефана Яворскаго, Теофана Прокповича, Гавриила Бужинскаго, отчасти Тредьяковскаго и самого Кантемира мы наблюдаемъ пеструю смѣсь и борьбу стараго съ новымъ: вмѣстѣ съ новизной многихъ мыслей и впервые поднятыхъ вопросовъ, съ попытками введенія новыхъ литературныхъ формъ у нихъ все еще господствуютъ литературныя приемы прежней эпохи, дающіе историку право отнести ихъ къ старому и къ новому періоду; въ ихъ дѣятельности замѣчаются тѣ же особенности переходнаго періода, какъ и въ XVII вѣкѣ, хотя реальное содержаніе произведеній этихъ писателей совершенно иное. Настоящимъ родоначальникомъ новой литературы долженъ быть признанъ

лишь Ломоносовъ, являющійся во всеоружіи новаго содержания и формы, и именно на его дѣятельности должна быть положена грань между концомъ древняго и началомъ новаго періода. Такимъ образомъ, XVII вѣкъ и первыя десятилѣтія XVIII-го должны быть отнесены къ той широкой исторической полосѣ, которая является переходнымъ временемъ въ нашей литературѣ отъ древняго періода къ новому; древній періодъ укладывается въ предѣлы XI—XVI столѣтій.

Независимо отъ этого главнаго дѣленія, можно искать въ предѣлахъ древняго и новаго періодовъ — изъ которыхъ послѣдній завершается Гоголемъ, имѣя своимъ продолженіемъ доходящій до нашихъ дней „новѣйшій“ періодъ — болѣе частныя грани для новыхъ дѣленій. Что касается новаго періода, то вопросъ этотъ не представляетъ большихъ затрудненій: послѣдовательная смѣна шедшихъ съ запада литературныхъ вліяній на русскую литературу въ XVIII и первыя десятилѣтія XIX вѣка (ложноклассицизмъ, сантиментализмъ, романтизмъ) въ достаточной степени наглядно опредѣляетъ и періоды нашей литературы, завершившіеся выходомъ ея на дорогу реального отношенія къ дѣйствительности и вмѣстѣ съ тѣмъ освобожденіемъ отъ непосредственнаго вліянія руководящихъ западно-европейскихъ теченій; послѣдовавшее за Пушкинымъ и Гоголемъ самостоятельное развитіе русскаго литературно-художественнаго творчества ведетъ за собою уже новыя дѣленія, опредѣляемые въ значительной степени условіями самой русской жизни. Въ древнемъ же періодѣ, хотя литературные факты его менѣе многочисленны и условія ихъ возникновенія и развитія менѣе сложны, вопросъ о болѣе частныхъ дѣленіяхъ вызываетъ существенныя разногласія, и на него до сихъ поръ не имѣется совершенно опредѣленнаго отвѣта.

Еще со времени „Исторіи древней русской словесности“ М. Максимовича (Кн. I. 1839) держится терминъ „домонгольской“ литературы въ нашемъ древнемъ періодѣ.

Изъ новѣйшихъ историковъ литературы его принимаютъ А. Н. Пыпинъ¹⁾ и П. В. Владиміровъ²⁾. Періодъ этотъ, замыкающійся временемъ съ XI и до половины XIII вѣка, иначе называется „кіевскимъ“ періодомъ — въ виду той выдающейся роли, которую игралъ въ это время Кіевъ какъ въ политической, такъ и культурной исторіи древней Руси. Главнымъ основаніемъ къ принятію даннаго подраздѣленія является не столько характеръ самаго татарскаго нашествія и совершившихся при немъ органическихъ измѣненій или обозначившихся новыхъ мотивовъ въ русской литературѣ, какъ это склоненъ былъ подчеркивать, напр., въ свое время О. Θ. Миллеръ³⁾, сколько общее направленіе кіевского періода литературы и его основныя черты: сравнительное обиліе талантовъ, непосредственность, яркость, разнообразіе и всеобщность, которая въ послѣдующіе вѣка, съ паденіемъ Кіева и дробленіемъ русской политической и культурной жизни по отдѣльнымъ мѣстностямъ, въ значительной степени исчезаетъ, чтобы опять возникнуть уже въ Москвѣ въ XV—XVI вв.⁴⁾

1) Исторія русской литературы. Т. I, изд. 2, стр. 64.

2) Древняя русская литература кіевского періода (XI—XIII вѣковъ). Кіевъ 1901, предисловіе стр. II—III.

3) Въ университетскихъ лекціяхъ и въ статьѣ: О древней русской литературѣ по отношенію къ татарскому игу. „Древняя и Новая Россія“ 1876, № 5.

4) Въ послѣднее время вопросъ о „до-монгольскомъ“ или „кіевскомъ“ періодѣ нашей древней литературы, съ общей точки зрѣнія, получилъ особенное оживленіе. Проф. Владиміровъ изданіемъ своей книги о древней русской литературѣ „кіевского періода“ (К. 1901) подалъ проф. В. М. Истрину поводъ высказать въ своей рецензій на это сочиненіе, между прочимъ, и общій взглядъ на специально разсмотрѣнный Владиміровымъ періодъ: „Литература XI—XIII в. можетъ быть названа Кіевской только съ извѣстными ограниченіями или, по крайней мѣрѣ, съ должными поясненіями, и ни въ какомъ случаѣ это опредѣленіе не можетъ сопоставляться съ названіемъ, напр., литературы XV—XVI вѣковъ Московской. Рѣзкое различіе между тѣмъ и другимъ періодомъ было уже въ томъ, что литература Кіевская была, по сравненію съ Московской, литературой безыдейною, литература Московская — идейною . . . Источни-

Другихъ болѣе или менѣе прочныхъ граней въ предѣлахъ древняго періода до сихъ поръ не установлено. Послѣ паденія Кіева въ первой половинѣ XIII вѣка единство русскаго культурнаго и литературнаго развитія прерывается; образуются новые культурные центры — Владиміръ, Смоленскъ, Новгородъ и др., въ которыхъ литературная жизнь хотя и не достигаетъ такого напряженія, какъ въ былое время въ Кіевѣ, однако явственно обнаруживается и во многомъ идетъ самостоятельно, вызываемая мѣстными условіями и сообразуясь съ ними. Къ XV вѣку опредѣляется преобладающее значеніе Москвы, какъ центра не только государственнаго, но и культурнаго, съ явной тенденціей къ объединенію въ себѣ и русскихъ литературныхъ стремленій. Между тѣмъ Кіевъ, оказавшійся во второй половинѣ XVI вѣка въ

ками для образованія на всемъ тогдашнемъ (XI—XIII в.) пространствѣ Руси была одна и та же переводная литература, которая въ способѣ примѣненія ея къ русской жизни не можетъ быть названа Кіевской. Но и съ внѣшней стороны литература чисто Кіевская не была руководительницей въ образованіи приѣмовъ составленія литературныхъ произведеній: приемы были общи какъ Византіи, такъ и всей Руси, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ они могли и расходиться. Съ другой стороны, областная жизнь была, литературныя произведенія съ явно мѣстнымъ характеромъ возникали, и если мы оставимъ Начальную Лѣтопись, Слово о Полку Игоревѣ, стоящее совершенно одиноко, и Кіево-Печерскій Патерикъ, то вся остальная литература можетъ объединяться подъ именемъ Кіевской лишь съ тѣмъ ограниченіемъ, что по нѣкоторымъ даннымъ надо признавать, что грамотность и вообще по тогдашнему образованію стояли въ Кіевѣ выше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; иначе сказать — Кіевъ бралъ количествомъ, но не качествомъ“ (Ж. М. Н. Пр. 1902 № 3, стр. 236—238). Спустя три года этотъ взглядъ былъ авторомъ повторенъ, но уже по другому адресу, именно въ отвѣтъ извѣстному малорусскому зарубежному писателю г. Франку, который защищалъ оригинальность и особое положеніе „кіевского періода“ нашей литературы со своей главнымъ образомъ политической, т. наз. украинофильской точки зрѣнія. Тутъ проф. Истринъ утверждаетъ, что литература наша съ начала и до XIII в. имѣла „космополитическое направленіе“ и была „безъидейная, если не станемъ видѣть исключительно идею въ томъ, что христіанское ученіе проявляется въ древне-русскихъ памятникахъ въ чистомъ видѣ“; далѣе авторъ говоритъ, что литературу до XIII в. „можно назвать и Кіевской, но только въ томъ смыслѣ, если

новыхъ историческихъ условіяхъ жизни, вмѣстѣ съ другими южно- и западно-русскими городами подпавъ западному вліянію, вырабатываетъ новыя литературныя теченія и запросы, которые потомъ передаются въ Москву и хотя сначала встрѣчаютъ тамъ — главнымъ образомъ на вѣроисповѣдной почвѣ — отпоръ, однако въ концѣ концовъ, въ своихъ литературныхъ элементахъ, принимаются и въ значительной степени усваиваются. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ XVI вѣкѣ обнаруживается рядъ опредѣленныхъ приобретений московской литературной жизни: развитіе публицистики, появленіе крупныхъ писателей въ родѣ князя А. М. Курбскаго или Максима Грека, обширные памятники общаго характера, какъ Домострой, Стоглавъ или Макарьевскія Четы-Минеи. Эти обстоятельства даютъ возможность установить — конечно, въ общихъ чертахъ — вслѣдъ за древнѣй-

будемъ имѣть въ виду, что Кіевъ является наиболѣе крупнымъ центромъ просвѣщенія и литературы“, и затѣмъ онъ защищаетъ свой главный тезисъ въ полемикѣ съ г. Франкомъ, что „кіевская литература“ „не можетъ быть названа ни малорусской, ни великорусской, а только общерусской“ (Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, стр. 247. 249. 251). Какъ уже можно видѣть изъ приведенныхъ словъ позднѣйшей редакціи мнѣнія проф. Истрина, онъ смягчаетъ его въ пользу признанія нѣкотораго права за литературой XI — нач. XIII в. (или XI—XII вв.) называться „кіевскимъ періодомъ“, т. е. указаніе на проявленіе въ памятникахъ этого времени христіанскаго ученія „въ чистомъ видѣ“ и признаніе Кіева „наиболѣе крупнымъ“, слѣдовательно преобладающимъ, „центромъ просвѣщенія“ довольно многозначительны. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи самъ авторъ уже вездѣ пользуется терминомъ „кіевской литературы“, основательная мотивировка „общерусскаго“, а не „малорусскаго“ характера которой — въ противовѣсъ мнѣнію украинофиловъ, съ г. Франкомъ во главѣ — должна быть, конечно, принята и поставлена въ заслугу автору. Что касается вліянія татарскаго ига на развитіе русской литературы, то въ смыслѣ разгрома и подавленія литературной производительности кіевского періода авторъ признаетъ его въ полномъ видѣ относительно Кіева и съ значительными ограниченіями для другихъ областей, даже сѣверо-востока (Ж. М. Н. Пр. 1905 № 8, стр. 248. 265—266). Соболевскій же вообще признаетъ такое вліяніе татарскаго ига на ходъ литературы въ древнюю пору съ большими ограниченіями (Ж. М. Н. Пр. 1906 № 6, стр. 435—437).

шей или „кіевской“ эпохой (XI—XII вв.) т. наз. „средніе вѣка“ (XIII—XVI) нашей литературы, непосредственно примыкающіе къ переходной эпохѣ XVII и первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка. Т. о., подъ „древнимъ періодомъ“ или „древней литературой“ мы разумѣемъ въ нашемъ изложеніи „древнѣйшую“ эпоху и „средніе вѣка“ въ рамкахъ XI—XVI столѣтій. Затѣмъ, внутри установленныхъ этими гранями рамокъ литературный матеріалъ приходится разсматривать отчасти въ произвольномъ порядкѣ, такъ какъ для хронологическаго опредѣленія многихъ явленій литературы древняго періода нѣтъ достовѣрныхъ данныхъ. Конечно, едва ли возможно прикнуть цѣликомъ къ мысли Пыпина¹⁾ о томъ, что древнерусская литература первыхъ вѣковъ не имѣетъ хронологіи, но трудность, вытекающая изъ теперешняго уровня нашихъ знаній по этому вопросу, очевидна, съ ней приходится считаться и ждать дальнѣйшаго проясненія въ этой области отъ будущихъ изслѣдованій отдѣльныхъ памятниковъ по возможно большому количеству ихъ списковъ: тогда могутъ получиться данныя объ ихъ основныхъ редакціяхъ, если памятникъ былъ популяренъ и читался на протяженіи долгаго времени, что поможетъ опредѣлить отдѣльныя стадіи его развитія въ извѣстной, хотя бы приблизительной, хронологической обстановкѣ. Въ настоящее же время, при классификаціи литературныхъ фактовъ, остается съ одной стороны пользоваться тѣми пріобрѣтеніями нашей науки, которыя имѣются уже на лицо по части изслѣдованія времени появленія и дальнѣйшаго развитія отдѣльныхъ памятниковъ древняго періода, а съ другой — гдѣ этихъ данныхъ не достаточно — приходится располагать памятники, въ извѣстныхъ хронологическихъ граняхъ, уже по „родамъ“, напр. житія, поученія, путешествія, историческія сказанія и т. д., а въ позднѣйшіе вѣка — по отдѣльнымъ писателямъ

1) И. Р. Л. Т. I, предисловіе стр. IV—V.

или крупнымъ коллективнымъ произведеніямъ въ родѣ Стоглава, Домостроя и т. п.

Итакъ, планъ нашего изложенія будетъ таковъ:

1. Древнѣйшая эпоха XI—XII вв., сосредоточивающая въ себѣ развитіе обще-русской литературы въ Кіевѣ до его политическаго паденія.

2. Средніе вѣка въ предѣлахъ XIII—XVI столѣтій. Тутъ нужно остановиться сначала на литературныхъ явленіяхъ XIII и XIV вв., возникшихъ въ разныхъ мѣстныхъ центрахъ на основѣ старыхъ традицій кіевской эпохи, а затѣмъ и на такихъ явленіяхъ этой же поры, которыя возникли въ известной степени подъ вліяніемъ мѣстныхъ, специальныхъ особенностей и настроеній. Естественнымъ продолженіемъ послѣдней категоріи является обще-русская литература XV и XVI вв., сосредоточившаяся преимущественно въ Москвѣ.

3. Наконецъ, придется обратиться къ переходной эпохѣ (XVII—XVIII в.), причемъ сначала должны будутъ занять наше вниманіе литературныя явленія Юго-западной Руси XVI—XVII вв., потомъ литература Московской Руси XVII в. и далѣе въ тѣсномъ смыслѣ „Петровская эпоха“ съ ея продолженіемъ въ XVIII вѣкѣ вплоть до Ломоносова.

Изученіе древняго періода имѣетъ свои особенности. Прежде всего — выборъ матеріала. Для рѣшенія этого вопроса въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ надо имѣть по возможности точное сужденіе о томъ, что собственно должно входить въ область историко-литературнаго изученія? Здѣсь, конечно, было бы неумѣстно касаться этого обширнаго и по существу своему весьма труднаго вопроса во всемъ его объемѣ. Надо лишь имѣть въ виду, что при рѣшеніи его должны быть принимаемы въ соображеніе историческія условія культурной жизни даннаго народа и во-

обще реальная обстановка его литературнаго развитія: выведенная теоретически и отвлеченно, общая формула о сущности литературнаго произведенія можетъ оказаться совершенно не примѣнимой на практикѣ. Эта формула по отношенію къ русской литературѣ могла бы быть, такова: въ кругъ историко-литературнаго изученія должны входить такія произведенія русскаго слова, которыя заключаютъ въ себѣ общій историко-культурный интересъ и облечены въ извѣстную литературную форму. Но, прежде всего, нужно рѣшить, что слѣдуетъ разумѣть подъ понятіемъ историко-культурнаго интереса. Одинаково ли содержаніе этого понятія для разныхъ эпохъ русской литературы? Конечно, не одинаково. Степень историко-культурнаго интереса того или иного произведенія опредѣляется не только собственно литературными качествами послѣдняго, но и общей совокупностью нашихъ представленій о данной эпохѣ и отношеніемъ къ ней разбираемаго произведенія. Отсюда пристокаетъ то, что данное произведеніе или даже цѣлый кругъ однородныхъ литературныхъ произведеній, цѣнный въ историко-культурномъ смыслѣ для извѣстной эпохи, позднѣе, при обогащеніи духовной жизни народа и при большей сложности его литературнаго развитія, уже теряетъ значительную степень этой цѣнности, дѣлается болѣе специальнымъ и, т. о., выходитъ изъ сферы литературнаго интереса новой эпохи; поэтому, то, что въ наше время составляетъ, напр., удѣлъ исторіи церкви, права и т. п., въ болѣе отдаленную эпоху имѣло общій культурный интересъ, болѣе широкое значеніе и вліяніе. Для настоящаго времени никто не внесетъ въ кругъ собственно литературныхъ явленій церковную проповѣдь или какое-нибудь описаніе путешествія въ Святую Землю, но для ранней поры нашей письменности такія произведенія имѣли совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ теперь, замѣняя нашимъ предкамъ романъ, повѣсть или публицистическій трактатъ. Далѣе — литературная форма. Подъ вліяніемъ ино-

земныхъ литературныхъ теченій и развитія вкусовъ, формы такъ же мѣняются, какъ и степень историко-культурнаго интереса даннаго произведенія. Въ первыя десятилѣтія XVIII в., т. е. какъ разъ въ концѣ переходнаго періода отъ „древней“ литературы къ „новой“, на русскую почву были пересажены — пока теоретически — разнообразныя литературныя формы западно-европейскаго ложноклассицизма, но если примѣнить ихъ къ древнему періоду, то отъ него останется очень мало литературнаго содержанія. Поэтому, для древняго періода онѣ будутъ другія: это — поученія, житія святыхъ, посланія къ разнымъ лицамъ, лѣтопись и т. д. По этимъ приблизительно рубрикамъ намъ и придется вести изложеніе литературныхъ явленій „древнѣйшей“ эпохи. Что же касается „среднихъ вѣковъ“, то хотя эти формы въ нихъ, благодаря силѣ литературной традиціи, удерживаются, однако изложеніе можетъ располагать и другими путями, явившимися результатомъ болѣе широкаго развитія литературы, появленія новыхъ вліяній извнѣ, большей связи литературы съ жизнью, извѣстныхъ политическихъ или общественныхъ тенденцій и другихъ причинъ; впрочемъ, общій характеръ назидательности съ большой послѣдовательностью, несмотря на измѣнчивость литературныхъ формъ, удерживается въ теченіе всего древняго періода.

За выборомъ матеріала должно слѣдовать его изученіе и историко-литературная оцѣнка, которыя также въ древнемъ періодѣ нашей литературы имѣютъ свои особенности. Исторія литературы имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ продуктами оригинальнаго творчества, хотя и переводные памятники далеко не лишены своего значенія, указывая на характеръ литературныхъ запросовъ данной эпохи, степень просвѣщенія, состояніе литературнаго языка и т. п. Въ древнемъ періодѣ, особенно въ первые вѣка нашей письменности, когда имя автора даннаго произведенія далеко не всегда извѣстно, иногда бываетъ весьма трудно а порою

и невозможно опредѣлить оригинальное или переводное происхожденіе даннаго памятника; особенно это касается мелкихъ произведеній, въ родѣ церковныхъ поученій и разнаго рода назидательныхъ или повѣствовательныхъ статей. Если нѣтъ опредѣленныхъ фактическихъ указаній въ самомъ содержаніи произведенія, то — при его анонимности — почти нѣтъ возможности установить сколько-нибудь надежный критерій для отличія оригинальнаго памятника отъ переводнаго; особенно это касается древнѣйшей эпохи, когда близость и зависимость русскаго міровоззрѣнія отъ византійскихъ традицій стирали малѣйшіе слѣды оригинальности русскаго автора, если только онъ не обладалъ выдающимся дарованіемъ; точно также и по языку не всегда легко судить объ оригинальности памятника. Наконецъ, много мѣшаютъ этому и древне-русскіе литературные „псевдонимы“, которые вытекали изъ слабости литературнаго сознанія и о которыхъ ниже сказано будетъ особо. Изученіе литературнаго произведенія самого по себѣ, когда уже вопросъ объ его оригинальномъ происхожденіи рѣшенъ такъ или иначе въ положительномъ смыслѣ, представляетъ для древняго періода также своеобразныя трудности. Именно, далеко не всегда возможно установленіе первоначальнаго текста — даже при наличности имени автора и точномъ опредѣленіи времени происхожденія памятника. Автографическіе тексты представляютъ для древняго періода большую рѣдкость и могутъ быть установлены относительно нѣкоторыхъ авторовъ лишь въ XVII вѣкѣ; поэтому, приходится довольствоваться копіями. Если произведеніе много читалось и вообще пользовалось распространеніемъ, то такихъ копій имѣется обыкновенно значительное количество, и вотъ тутъ-то для историка возникаетъ большая трудность. Съ одной стороны, копіи — или т. наз. списки, изводы — ухудшали оригиналь вслѣдствіе неизбежныхъ при перепискѣ ошибокъ; съ другой стороны, переписчики нерѣдко относились

съ большой свободой къ переписываемому тексту и, т. ск. усваивая его себѣ, измѣняли, сокращали и дополняли. Въ результатѣ, на протяженіи извѣстнаго времени — то нѣсколькихъ десятилѣтій, то даже столѣтій — получается рядъ списковъ, изъ которыхъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, можно выдѣлить группы съ однороднымъ составомъ содержанія или литературной обработки: это — „редакціи“ даннаго памятника, представляющія иногда весьма цѣнный матеріаль для изученія судьбы произведенія и исторіи отношенія къ нему читателей. Если памятникъ вызывалъ интересъ къ себѣ въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго времени, то опредѣленіе сравнительной древности редакцій, въ томъ числѣ и первоначальной, представляетъ большія, часто непреодолимыя затрудненія, причемъ древность списка не всегда можетъ служить гарантіей и древности редакціи. Иногда бываетъ такъ, что древнѣйшая редакція случайно сохранилась какъ разъ въ болѣе позднемъ спискѣ, тщательно сдѣланномъ съ древняго оригинала, тогда какъ позднѣйшія видоизмѣненія послѣдняго находятъ себѣ мѣсто въ спискахъ болѣе древнихъ, чѣмъ этотъ поздній хранитель старой редакціи. Именно такъ, напр., обстоитъ дѣло съ Житіемъ Бориса и Глѣба, приписываемымъ черноризцу Іакову, редакція котораго — по заключенію И. И. Срезневскаго — въ спискѣ XVII вѣка древнѣе редакціи этого памятника въ Сильвестровскомъ Сборникѣ XIV вѣка; то же, повидимому, обнаруживается при изученіи Домостроя и т. д. Возникновеніе „редакцій“ памятника не можетъ быть приписано случайности: это, напротивъ — совершенно опредѣленное отношеніе къ памятнику въ томъ или иномъ смыслѣ, съ той или другой точки зрѣнія, иногда съ рѣзко обозначенной тенденціей, обличающей литературные вкусы редактора или его эпохи, тогда какъ списки или изводы памятника, входящіе въ ту или иную редакцію, носятъ на себѣ механической характеръ происхожденія, отличаясь лишь большей или меньшей точностью воспро-

изведенія и индивидуальными промахами переписчика. Наличие длиннаго ряда „редакцій“, свидѣтельствующихъ о приспособленіяхъ даннаго памятника къ тѣмъ или инымъ условіямъ времени и мѣста, можно видѣть, напр., на лѣтописяхъ, т. наз. Моленія Данила Заточника или литературной обработкѣ историческаго сюжета о Куликовской битвѣ. Конечно, нельзя утверждать, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, будто исторія русской литературы почти цѣликомъ укладывается въ исторію редакцій ея отдѣльныхъ памятниковъ, но невозможно отрицать и большой важности этой стороны дѣла при изученіи русской литературы древняго періода: въ самомъ дѣлѣ, по этимъ редакціямъ, можно иногда представить не только судьбу даннаго памятника, но и отмѣтить извѣстныя общія литературныя теченія и настроенія, отразившіяся на той или иной его обработкѣ.

Наконецъ, мы должны вкратцѣ остановиться на вопросѣ о древне-русскомъ просвѣщеніи, съ судьбой котораго тѣсно связана была и судьба самой литературы, а также о носителяхъ этого просвѣщенія, бывшихъ въ то же время и первыми авторами, первыми дѣятелями литературы.

Просвѣщеніе, понятіе котораго неразрывно съ грамотностью, пришло къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ. Правда, слѣды нѣкоторой грамотности на Руси отмѣчаются нашими историками и до принятія христіанства, но эти слѣды были крайне ничтожны, служили элементарнымъ цѣлямъ практической жизни и не могли имѣть почти никакого вліянія на развитіе просвѣщенія. Территориальная близость къ другимъ частямъ славянства и къ Византіи рѣшила судьбу первыхъ шаговъ русскаго просвѣщенія. Когда, послѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ случаевъ принятія христіанства нѣкоторыми киевлянами и затѣмъ самой Ольгой, произошло

при в. кн. Владимірѣ массовое официальное присоединеніе къ христіанству русскаго племени и государства, то это обстоятельство повело за собою появленіе на Руси, и прежде всего въ Кіевѣ, представителей иноземнаго (греческаго и славянскаго) духовенства всѣхъ ранговъ и ихъ свиты; вскорѣ на мѣстахъ нашлись у нихъ ученики и преемники изъ природныхъ русскихъ. Это духовенство принесло съ собою переводъ на славянскій языкъ необходимѣйшихъ богослужебныхъ книгъ и главныхъ сборниковъ поученій и житій святыхъ. Умноженіе числа послѣдователей христіанской вѣры, постройка новыхъ церквей и возникновеніе монастырей вызвали необходимость въ энергической работѣ по перепискѣ принесенныхъ изъ Византіи и Болгаріи переводовъ, и этимъ занялись, конечно, главнымъ образомъ русскіе грамотные люди. Вскорѣ затѣмъ знающими славянскій языкъ греками или знающими греческій языкъ болгарами и русскими стали совершаться и переводы сочиненій, еще не переведенныхъ, но необходимыхъ въ интересахъ просвѣщенія или благочестія; эти книги, въ свою очередь, также умножались въ числѣ путемъ снятія копій. Въ такой обстановкѣ переводовъ и списыванія выработывался въ извѣстномъ, не многолюдномъ, кругу навыкъ къ книгѣ и любовь къ чтенію, формировался особый типъ читателя - „списателя“ или „книжника“, для котораго книга была драгоценнымъ предметомъ, источникомъ поученія и наслажденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко и заработка.

Книги вмѣстѣ съ тѣмъ были и своего рода школой. Это приводитъ насъ къ спорному вопросу о состояніи школъ въ древней Руси. Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что даже и для того отдаленнаго времени понятіе просвѣщенія не можетъ быть отдѣлено отъ понятія сколько-нибудь правильно организованной школы; безъ школы могли быть лишь отдѣльные случаи накопленія свѣдѣній и даже образованія, но не могло быть просвѣщенія въ смыслѣ государственномъ или народ-

номъ, хотя бы и въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Старые историки нашего просвѣщенія и литературы, исходя изъ предвзятаго воззрѣнія славянофильской школы о высокомъ уровнѣ просвѣщенія въ древней Руси, или отдѣляли идею просвѣщенія отъ понятія школы, находя возможнымъ принять за просвѣщеніе простую начитанность и подвиги религіознаго благочестія (какъ С. П. Шевыревъ въ 40-хъ годахъ XIX вѣка), или находили въ лѣтописяхъ, житіяхъ святыхъ и другихъ памятникахъ древней письменности неоспоримые на ихъ взглядъ слѣды правильно организованной школы (какъ Н. А. Лавровскій: О древне-русскихъ училищахъ. 1854). Новѣйшій историкъ русской церкви Е. Е. Голубинскій (въ 80-хъ гг. и доселѣ) считаетъ существованіе такихъ нколъ недоказаннымъ не только при Владимірѣ Св. и Ярославѣ, но и позднѣе, и вообще полагаетъ, что просвѣщеніе въ Кіевской Руси стояло, въ смыслѣ школьномъ, очень низко.

Такимъ образомъ, книги были у насъ въ древнюю пору единственнымъ источникомъ просвѣщенія; въ глазахъ человѣка „книжнаго“ онѣ составляли предметъ уваженія и даже религіознаго благоговѣнія. Въ разнообразныхъ памятникахъ древне-русской письменности во множествѣ разсѣяны указанія на великую пользу отъ чтенія книгъ, которыми приобрѣтается не только знакомство съ различными предметами, но что еще важнѣе — высокое нравственное и религіозное назиданіе, истинная „польза души“, пути къ покаянію и спасенію. „Книжное почитаніе“ нерѣдко прямо ставится непремѣннымъ условіемъ спасенія въ будущей жизни¹⁾.

При такомъ высокомъ уваженіи къ книгѣ очень естественно, что занятіе книжнымъ дѣломъ не только въ смыслѣ авторства — что на первыхъ порахъ было лишь въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ — но и простого списыванія считалось весьма важнымъ, почетнымъ, и

1) (Порфирьевъ, И.). Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи. Правосл. Собесѣдникъ 1862, I, стр. 140.

писцы были въ обществѣ людьми очень замѣтными; дѣло это почиталось даже своего рода религіознымъ подвигомъ, за который ожидалось возмездіе въ будущей жизни. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленныя приписки писцовъ на переписанныхъ ими экземплярахъ¹⁾. Съ другой стороны, сами переписчики, проникнутые важностью совершаемаго ими дѣла, смотрѣли на свое умѣнье списывать, т. е. нерѣдко простую грамотность, какъ на особый даръ, ниспосланный свыше, которымъ грѣшно было бы не пользоваться. Главнѣйшей цѣлью переписчика была вѣрность оригиналу, но нерѣдко, въ силу слабаго знакомства съ грамотой, въ копии оказывались ошибки, иногда совершенно искажавшія смыслъ, и тутъ переписчикъ видѣлъ уже со своей стороны проступокъ, нуждающійся въ прощеніи и снисхожденіи читателя²⁾. Записи къ книгамъ цѣлымъ рядомъ примѣровъ свидѣлствуютъ о томъ, какъ радовался писецъ, заканчивая свой нелегкій трудъ, который иногда продолжался нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, при чемъ эти чувства облекались порой въ наивно-художественную форму³⁾; поэтому, день окончанія переписки рукописи, особенно если она была значительнаго объема, былъ днемъ замѣчательнымъ, заслуживавшимъ помѣты; такія хронологическія замѣтки, вытекавшія не столько изъ какихъ-либо историческихъ соображеній, сколько именно изъ указанныхъ психологическихъ основаній, дѣйствительно имѣются на многихъ рукописяхъ, причемъ иногда отмѣчаются и нѣкоторыя современныя обстоятельства и событія. Такова извѣстная приписка на Апостолѣ Моск. Синод. Б-ки 1307 года, напоминающая собою стиль Слова о П. И.: „Сій же апостолъ книги вда святому Пантелеймону Изосимъ игумень сего же монастыря. Сего же лѣта бысть бой на русской земли, Михаилъ съ

1) А. Востоковъ. Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея, стр. 172. 188.

2) Тамъ же, стр. 692.

3) Тамъ же, стр. 189; Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, 2 изд., стр. 463.

Юрьемъ о княжене Новгородское. При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами, гнѣяше жизнь наша въ князехъ кѣторы, и вѣци скоротишася человѣкомъ“¹⁾.

Кто были древне-русскіе переписчики книгъ?

Весьма вѣроятно, что еще въ очень древнюю пору дѣло это находилось въ рукахъ лицъ, болѣе или менѣе специально отдававшихъ ему свои силы. Главнымъ образомъ это были иноки или вообще лица духовныя, которымъ скорѣе и легче представлялся случай усвоить грамотность и получить доступъ къ книгамъ, хранившимся прежде всего въ монастыряхъ и при церквахъ. Однако перепиской книгъ занимались также и свѣтскія лица, работавшія по нравственно-религіознымъ побужденіямъ или для заработка, а иногда ради того и другого вмѣстѣ. Въ обществѣ прямо устанавливалось воззрѣніе, что обращеніе съ книгами есть дѣло по преимуществу иноческое, что, напр., видно изъ указанія Кирилла Туровскаго въ одномъ изъ его поученій: „Не глаголите: жену имамъ и дѣти кормлю и домъ строю, ли князю служу, ли власть держю, ли ремество; да не наше есть дѣло почитаніе книжное, но чернечьское“²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, монастыри являлись какъ бы центрами письменной дѣятельности въ древней Руси, и между ними одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ Печерскій монастырь. Изъ житія Θεодосія Печерскаго мы узнаемъ, что надъ изготовленіемъ книжныхъ экземпляровъ трудились выдающіеся члены этого общежитія: Иларіонъ писалъ книги, Θεодосій прялъ нить, а Никонъ переплеталъ. Позднѣ такими книжными центрами были монастыри Троице-Сергіевъ, Кирилло-Бѣлозерскій и другіе, при чемъ основатели ихъ были особенными любителями и усердными ревнителями книжнаго дѣла. Книги писались рус-

1) Горскій и Невоструевъ. Опис. рук. Синод. библ., I. 293.

2) Сухомлиновъ, М. Рукописи графа А. С. Уварова. II, 1, стр. 71.

скими иноками и вообще духовными лицами не только въ Россіи, но и за ея предѣлами, напр. въ Константинополѣ и на Аѳонѣ. Переписываніемъ книгъ — уже изъ чистой любви къ дѣлу, а не ради заработка и не по долгу своего званія — занимались даже князья и епископы: въ XIII в. Иосифъ, епископъ Рязанскій, переписалъ Кормчую съ помощію пяти писцовъ, а о князѣ Владимірѣ Васильковичѣ Волинскомъ въ лѣтописи подъ 1288 годомъ отмѣчено, что онъ списалъ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ Апостолъ и Евангеліе, и былъ вообще необыкновеннымъ книголюбомъ. Есть извѣстіе, что списываніемъ книгъ въ XII в. занималась княжна Евфросинія Полоцкая, подобно тому какъ гораздо позднѣе, въ XVII в., царевна Татьяна Михайловна переписала своей рукою Евангеліе и Синодикъ¹⁾.

Переписываемыя людьми сравнительно рѣдкими, съ большимъ трудомъ (въ первые вѣка уставомъ, требовавшимъ чрезвычайной медленности въ работѣ), на дорогомъ матеріалѣ (первоначально — кожѣ), книги имѣли въ древнюю пору и высокую матеріальную цѣнность. Князья и богатые люди разныхъ сословій дѣлали книгами, преимущественно богослужебными, вклады въ церкви и монастыри на память о себѣ и на поминъ души по смерти: такъ собирались значительныя библіотеки при церквахъ и особенно монастыряхъ. Но бывали богатыя книжныя собранія также и у отдѣльныхъ лицъ: напр., лѣтопись передаетъ о ростовскомъ епископѣ Кириллѣ (XIII в.), что онъ былъ „богатъ зѣло книгами“. Любителями книгъ, заботившимися о снабженіи ими церквей и монастырей, бывали и князья — кромѣ упомянутаго Владиміра Васильковича, еще Ярославъ Мудрый, Константинъ Всеволодовичъ, Святославъ Ярославичъ и др.

1) Арх. Савва. Указатель для обозрѣнія Московской Патріаршей ризницы и библіотеки. Изд. 3, стр. 172; Арх. Амфилохій. Описание Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки. М. 1875, стр. 116—124.

Въ лицѣ древне-русскаго книжника, главнѣйшаго носителя тогдашняго просвѣщенія, не легко отдѣлать простаго переписчика отъ редактора и даже автора. Въ сознаніи русскаго книжника той поры всѣ эти три понятія сливались вмѣстѣ. Переписчикъ, бравшійся сначала за снятіе копи съ какого-либо произведенія учительнаго или историческаго характера, нерѣдко уклонялся отъ своего оригинала не только въ правописаніи, оставляя на немъ слѣды той или другой степени своей грамотности или своего говора, но и въ содержаніи: онъ или сокращалъ оригиналъ, или измѣнялъ, или пополнялъ его; только къ текстамъ Св. Писанія, богослужебнымъ и вообще церковнымъ книгамъ писецъ въ общемъ старался отнестись съ точки зрѣнія ихъ неприкосновенности, хотя это далеко не всегда ему удавалось по причинамъ, стоявшимъ внѣ его желанія. Писецъ смотрѣлъ на свой трудъ въ большинствѣ случаевъ не механически; онъ принималъ живое участіе въ его содержаніи. Понятіе литературной собственности въ его сознаніи не существовало ни въ юридическомъ, ни даже въ чисто литературномъ смыслѣ, и онъ очень легко переступалъ предѣлы этой собственности, видоизмѣняя, сокращая или дополняя, отъ себя или изъ другихъ авторовъ, переписываемое имъ произведеніе. Древне-русскій книжникъ, усвоивъ путемъ чтенія извѣстную сумму идей и знаній изъ области византійской письменности, считалъ уже это пріобрѣтеніе своей полной личной собственностью, не выдѣляя строго, какому именно автору что принадлежитъ; поэтому, многія — особенно мелкія — произведенія византійской письменности, носившія тамъ имена своихъ авторовъ, подъ перомъ древне-русскаго книжника нерѣдко утрачивали эти имена или являлись съ именами невѣрными. Для древне-русскаго книжника эти чисто литературныя данныя были не важны; на первомъ мѣстѣ для него стояло содержаніе. Выдѣлилось лишь нѣсколько самыхъ замѣчательныхъ авторскихъ именъ: Іоанна

Златоуста, Василия Великаго, Григорія Богослова, Кирилла Александрійскаго и нѣк. др., получившихъ широкую извѣстность на родинѣ за правильность своихъ мнѣній и литературныя достоинства произведеній; и вотъ — этимъ и немногимъ другимъ знаменитымъ именамъ древне-русскій книжникъ охотно приписывалъ остальное, если по содержанию и по изложенію оно подходило къ общему высокому представленію о названныхъ великихъ писателяхъ. Конечно, въ виду недостаточной образованности нашихъ книжниковъ, такія приуроченія и перенесенія именъ бывали часто наивны и ничѣмъ не обоснованы, но въ нихъ выражалось общее настроеніе этихъ дѣятелей нашего просвѣщенія. Въ этой обстановкѣ благочестивой мысли, литературной неосвѣдомленности и простодушія и возникли тѣ знаменитыя литературныя имена, тѣ „псевдонимы“, общее литературное и культурное значеніе которыхъ въ нашей древней письменности впервые было обстоятельно указано М. И. С у х о м л и н о в ы мъ¹⁾. Подъ этими „псевдонимами“ скрывались нерѣдко не только произведенія византійской письменности, принадлежащія совсѣмъ другимъ авторамъ, но иногда и русскія оригинальныя произведенія: такъ, многія поученія Кирилла Туровскаго скрыты были въ рукописяхъ подъ собирательнымъ псевдонимомъ „Кирилла-философа“ (результатъ представленія литературной дѣятельности Кирилла-первоучителя, Кирилла Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго и м. б. другихъ), а поученія Серапіона Владимірскаго въ нѣкоторыхъ спискахъ носятъ на себѣ лестный для этого автора, въ глазахъ древне-русскаго читателя, псевдонимъ Іоанна Златоуста.

Существованіе такого приема покрывать знаменитыми псевдонимами тѣ или другія произведенія византійской или русской письменности породило въ исторіи русской литера-

1) О псевдонимахъ въ древней русской словесности. Извѣстія II Отд. Ак. Н., IV. 1855.

туры древняго періода цѣлый рядъ недоумѣній по части приуроченія тѣхъ или другихъ произведеній ихъ авторамъ; особенно это касается небольшихъ произведеній поучительнаго или агіографическаго характера, помѣщенныхъ въ „сборникахъ“, составъ которыхъ не носитъ на себѣ слѣдовъ какого-либо опредѣленнаго происхожденія. Какъ на типическій примѣръ въ этомъ смыслѣ, можно указать на многочисленныя сочиненія упомянутаго Кирилла Туровскаго, носящія въ разныхъ рукописяхъ надписанія то „Св. Кирилла“, то „Кирилла-философа“, то „Кирилла Александрійскаго“ и т. п.¹⁾

Какъ ни скромно было литературное и авторское сознание нашихъ книжниковъ, бывшее причиною указаннаго отношенія ихъ къ переписываемымъ рукописямъ и отдѣльнымъ сочиненіямъ, однако нельзя согласиться съ тѣмъ возрѣніемъ, будто наши древніе переписчики только лишь въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ обозначали свои имена на переписанныхъ ими экземплярахъ и что происходило это отъ чрезвычайнаго ихъ смиренія и скромности. Цѣнныя свѣдѣнія и наблюденія по этому вопросу имѣемъ мы въ статьѣ Н. В. Волкова: „Дѣйствительно ли безыменна была большая часть трудовъ древне-русскихъ переписчиковъ?“ (Ж. М. Н. Пр. 1897 № 11). Пересмотрѣвъ дошедшія до насъ рукописи XI—XIV вв. въ количествѣ 690 экземпляровъ, г. Волковъ нашель, что около 115 изъ нихъ имѣютъ на себѣ современныя написанію записи, въ которыя нерѣдко заносилось и имя писца. Это составляетъ приблизительно $\frac{1}{6}$ всего числа сохранившихся рукописей, но если принять во вниманіе, что изъ остальныхъ рукописей очень многія состоятъ изъ мелкихъ отрывковъ или не имѣютъ то начала, то конца — гдѣ обыкновенно и бывали записи переписчиковъ —

1) Е. Пѣтуховъ. Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ. Сб. II Отд. Ак. Н., XLII. 1887.

то окажется, что число рукописей съ записями относительно числа рукописей безъ записей будетъ еще значительнѣе. Авторъ того мнѣнія, что среди древне-русскихъ переписчиковъ, напротивъ, преобладалъ обычай ставить свое имя, съ присоединеніемъ иногда хронологической даты или упоминанія о современныхъ обстоятельствахъ, на рукописяхъ, — и это совершенно естественно, если принять во вниманіе то религіозное и просвѣтительное значеніе, которое придавали переписчики своему труду и которое во всякомъ случаѣ должно было перевѣсить предполагаемое ихъ смиреніе и скромность. Впрочемъ, это наблюденіе касается только приблизительно первыхъ трехъ вѣковъ нашей письменности. Съ теченіемъ времени, когда отношеніе писцовъ къ переписываемымъ рукописямъ стало постепенно утрачивать свой субъективный, религіозно-просвѣтительный характеръ и обратилось почти въ ремесло, когда переписка рукописей стала производиться по заказу, за извѣстную плату, а не была свободнымъ и личнымъ дѣломъ переписчика, тогда побужденіе оставлять свои имена на рукописяхъ у писцовъ должно было ослабѣть. Поэтому, дѣйствительно, въ рукописяхъ начиная съ XIV вѣка имена переписчиковъ, не смотря на сохранность многихъ рукописныхъ экземпляровъ, встрѣчаются гораздо рѣже. Около половины XIV вѣка образуются уже, особенно благодаря стараніямъ въ этомъ смыслѣ новгородскихъ архіепископовъ Моисея и Алексѣя и московскаго митрополита Кипріана, въ Новгородѣ и въ Москвѣ цѣлые штаты писцовъ-спеціалистовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ среды духовенства, иночества и свѣтскихъ людей, съ распространеніемъ грамотности и книжности, выдѣляются въ большемъ противъ прежняго количествѣ переписчики рукописей, и въ результатѣ получается чрезвычайно быстрый ростъ въ послѣдующіе вѣка нашей письменности, вплоть до конца „древняго періода“, книжнаго рукописнаго матеріала.

О количествѣ рукописей, оставшихся отъ древняго

періода мы не можемъ составить вполнѣ точнаго представленія, такъ какъ многія рукописныя собранія не только подробно не описаны, но даже и въ общихъ чертахъ не приведены извѣстность, не говоря уже объ отдѣльныхъ экземплярахъ, разсѣянныхъ по рукамъ частныхъ владѣльцевъ¹⁾. На помощь рукописному дѣлу со второй половины XVI вѣка приходитъ печатный станокъ; однако можно сказать, что вплоть до первыхъ десятилѣтій XVIII вѣка его роль въ интересахъ собственно литературныхъ была ничтожной, и старый рукописный способъ распространенія писательской мысли почти по прежнему удерживалъ все свое значеніе.

1) Опытъ обзоренія русскихъ рукописей, оставшихся отъ первыхъ четырехъ вѣковъ нашей письменности, имѣется въ трудѣ Н. В. Волкова: Статистическія свѣдѣнія о сохранившихся древне-русскихъ книгахъ XI—XIV вв. и ихъ указатель. Памятники древней письменности. СХХІІІ. 1897.

II. Древнѣйшая эпоха (XI—XII вв.).

1. Поученія.

Терминъ „поученія“. — Вопросъ о самостоятельности и историко-литературномъ значеніи древне-русскихъ поученій. — Господство схемы. — Лука Жидята. — Иларіонъ. — Феодосій Печерскій. — Кирилль Туровскій. — Другія поучительныя произведенія древнѣйшей эпохи.

Подъ поученіями, какъ извѣстнымъ родомъ литературныхъ произведеній, слѣдуетъ разумѣть не одни только церковныя поученія, произнесенныя или предназначенныя къ произнесенію лицами духовнаго званія въ церкви; сюда должны быть отнесены также разнаго рода назидательныя сочиненія, напоминающія по своей формѣ церковныя поученія и касающіяся вопросовъ жизни и христіанскаго благочестія. Первоначальное церковное происхожденіе такихъ произведеній не подлежитъ сомнѣнію; но потомъ они сочинялись и внѣ этого спеціальнаго назначенія, чтобы дать матеріаль для назидательнаго чтенія дома. Самый терминъ „поученія“ въ древней нашей письменности не имѣетъ характера устойчивости. Съ одной стороны, „поученіями“ называются и такія произведенія, которыя, по своей опредѣленной формѣ обращенія отъ лица къ лицу, мы относимъ къ категоріи „посланій“, напр. Поученіе Владиміра Мономаха къ своимъ дѣтямъ или Поученіе черноризца Зарубскія пещеры Георгія къ какому-то чаду; съ другой же стороны, поученія въ рукописяхъ часто но-

сятъ названіе „слова“, которое, въ свою очередь, также прилагается и къ другимъ произведеніямъ древней русской письменности, какъ Слово о Полку Игоревѣ или Слово Данила Заточника.

Историкъ литературы, изучая „поученія“, ищетъ въ нихъ черты внѣшняго быта или особенности міросозерцанія и настроенія того времени, къ которому относится произведеніе. Но самый характеръ содержанія этихъ поученій, сосредоточеннаго на истинахъ вѣры и благочестія, въ значительной степени уменьшаетъ ихъ собственно литературную цѣну.

Древне-русскія поученія слагаются изъ данныхъ двоякаго рода. Съ одной стороны, это — произведенія, носящія на себѣ имя какого-либо русскаго автора, о которомъ мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія по другимъ источникамъ: въ такомъ случаѣ оцѣнка поученій въ историко-литературномъ отношеніи можетъ быть поставлена на твердую почву, если, конечно, предварительнымъ изслѣдованіемъ можетъ быть, съ большей или меньшей вѣроятностью, установлена принадлежность даннаго поученія тому или другому опредѣленному автору. Но огромная масса древнерусскихъ поученій не носитъ на себѣ никакого авторскаго имени, а лишь указаніе на содержаніе („о покаяніи“, „о молитвѣ“ и т. п.) или имя то слишкомъ общее (напр. „слово св. отецъ“), то невѣрное (одинъ изъ употребительныхъ „псевдонимовъ“ или вообще какое-либо другое имя). Въ такихъ случаяхъ историку литературы приходится искать косвенныхъ данныхъ изъ содержанія поученія, чтобы опредѣлить, русское оно или переводное, и нельзя сказать, чтобы разысканія эти всегда могли рассчитывать на успѣхъ: очень многія русскія поученія, будучи или компиляціями греческихъ источниковъ или м. б. даже и оригинальными сочиненіями, очень походили на переводныя греческія или инославянскія поученія, и интересъ историка литературы въ такомъ случаѣ долженъ

быть къ нимъ иной. Собственно-русскихъ поученій, оригинальное происхожденіе которыхъ могло бы быть доказано съ несомнѣнностью, весьма немного.

Но даже и въ несомнѣнно-русскихъ поученіяхъ первыхъ вѣковъ нашей письменности живыхъ чертъ современности очень мало. Это касается столько же міровоззрѣнія, сколько и внѣшнихъ особенностей быта и нравовъ. Если первое въ достаточной степени объясняется тѣмъ, что христіанское міровоззрѣніе нашихъ предковъ, почерпнутое изъ Византіи, въ основѣ своей традиціонное, и не могло быть оригинальнымъ, особенно на первыхъ порахъ знакомства съ новымъ кодексомъ религіозно-нравственныхъ понятій, то второе, т. е. отсутствіе яркаго проявленія бытовыхъ чертъ въ поученіяхъ русскихъ авторовъ, можетъ вызвать съ перваго взгляда недоумѣніе. Въ этихъ поученіяхъ постоянно или очень часто присутствовалъ элементъ обличенія, и что было болѣе естественнаго, какъ не введеніе въ эти обличительныя части поученій указаній на живую порочную дѣйствительность, всѣми видимую и многимъ понятную? Конечно, такія указанія есть, напр. въ рядѣ большею частію безименныхъ поученій, направленныхъ противъ древне-русскаго язычества и разныхъ народныхъ суевѣрій¹⁾, но они положительно теряются въ общей массѣ такого поучительнаго матеріала, который не заключаетъ въ себѣ никакихъ чертъ живой дѣйствительности. Обстоятельство это находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что древне-русскіе проповѣдники и другіе авторы поученій въ узкомъ смыслѣ этого слова, слѣдуя своимъ византійскимъ образцамъ, избѣгали внесенія живого элемента въ свои работы. Надо имѣть въ виду, что приемы церковной проповѣди и учительства были усвоены нашими дѣятелями первыхъ вѣковъ письменности отъ своихъ

1) Памятники древне-русской церковно-учительной литературы. Подъ ред. А. И. Пономарева. Вып. 3. Спб. 1897, стр. 193—250.

византійскихъ учителей и изъ византійской литературы въ то время, когда въ самой Византіи господствовали духъ компиляторства, схоластики и риторической сухости. Преданія блестящаго вѣка въ развитіи византійской проповѣди, когда на этомъ поприщѣ дѣйствовали такіе великіе дѣятели, какъ Іоаннъ Златоустъ или Василій Великій, уже отошли тогда въ самой Византіи въ далекое прошлое, и хотя имена эти, какъ мы видѣли, были весьма популярны въ нашей древней письменности, однако ихъ непосредственное и живое отношеніе къ современности не было у насъ усвоено, какъ оно не было усвоено и нашими византійскими учителями, т. е. представителями того самаго греческаго или болгарскаго духовенства, отъ котораго первые русскіе дѣятели должны были позаимствовать приемы и навыки церковнаго и книжнаго учительства. Нашими дѣятелями съ самаго же начала была принята та мысль, что не дѣло проповѣдника или книжнаго учителя вѣры слишкомъ близко подходить къ живой дѣйствительности и что цѣль можетъ быть скорѣе достигнута указаніемъ на традиціонныя правила христіанскаго благочестія и нравственности. Отъ этого проповѣдь получила однообразный, неоригинальный, маложизненный характеръ какъ въ самой византійской литературѣ VIII—X вв., такъ и у нашихъ проповѣдниковъ. Присутствіе живыхъ чертъ дѣйствительности являлось рѣдкимъ исключеніемъ, какъ результатъ особой талантливости писателя и его болѣе или менѣе независимаго взгляда на дѣло; большинство же слѣдовало обычаю, боясь или не умѣя отступить отъ него въ сторону.

При такомъ взглядѣ на задачу церковной проповѣди и учительства должна была еще издавно создаться и укрѣпиться въ Византіи и у насъ особая схема тѣхъ пороковъ и заблужденій, которыя могли находить себѣ мѣсто въ обличительной части этого рода произведеній. Происхожденіе этой схемы, вѣроятно, очень отдаленное. Въ разныхъ

книгахъ апостольскихъ писаній (напр., въ Посланіи къ Галатамъ V. 19—21) мы встрѣчаемъ уже перечисленіе грѣховъ, вытекающихъ, по христіанскому міровоззрѣнію, изъ основныхъ свойствъ слабой человѣческой природы. Схемѣ считали нужнымъ подчиняться самыя замѣчательныя дѣятели въ области церковной проповѣди¹⁾, и даже сама паства, воспитанная такого рода приёмами въ проповѣди, иногда неодобрительно относилась къ попыткамъ введенія въ нее болѣе жизненныхъ элементовъ²⁾. Одно изъ самыхъ полныхъ выраженій этой схемы находимъ мы въ извѣстномъ „Словѣ о мытарствахъ“, основное содержаніе котораго ведетъ свое начало отъ „видѣнія“ Феодоры въ Житіи Василя Новаго, писанномъ Григоріемъ Мнихомъ въ X—XI в. „Слово о мытарствахъ“ встрѣчается въ древней русской письменности въ самыхъ разнообразныхъ редакціяхъ и приписывается то „Кириллу-Философу“, то митрополиту кіевскому Кириллу (XIII в.), то Кириллу Туровскому, то Авраамію Смоленскому, но во всѣхъ случаяхъ лишь предположительно. Оно заключаетъ въ себѣ перечисленіе 20 мытарствъ, которыя должна проходить душа послѣ своего исхожденія изъ тѣла, и каждое мытарство соотвѣтствуетъ грѣху или группѣ однородныхъ грѣховъ, которые она творила на землѣ. Вотъ эти грѣхи: 1. оболганіе, 2. оклеветаніе, 3. зависть, 4. гнѣвъ, 5. ярость съ гнѣвомъ, 6. гордость, 7. буетловіе и срамословіе и безстыдныя словеса и плясанія въ пиру, 8. рѣзвѣдство и грабленіе, насильство и мздоиманіе, 9. тщеславіе, 10. златолюбіе и сребролюбіе, 11. пьянство и запоѣство, 12. злопомненіе, 13. волхвованіе и потворы, наузы, 14. объяденіе, 15. волхвованіе и вѣра въ встрѣчу, въ чохъ и въ полазъ и птичій грай и въ баснотвореніе и содомское блужденіе, 16. прелюбодѣяніе незаконное, 17. убійство и всякія раны, 18. татьба и всякое краденіе, 19. всякій блудъ, 20. немилосер-

1) Историческій обзоръ проповѣдничества. Т. I. Спб. 1878, стр. 11—12. 16. 32—33. 60. 62—63. 67.

2) Тамъ же, стр. 152—153.

діе и скудость. Эту схему, обыкновенно въ столь же безсистемной формулировкѣ, находимъ мы и въ анонимныхъ поученіяхъ разныхъ сборниковъ (Прологи, Златоусты, Измарагды), и въ отдѣльныхъ поучительныхъ сочиненіяхъ¹⁾. Западная католическая проповѣдь была гораздо независимѣе отъ этой схемы, и потому въ проповѣдническихъ произведеніяхъ того же времени мы встрѣчаемъ тамъ гораздо болѣе указаній на живую дѣйствительность, что придаетъ этимъ произведеніямъ нерѣдко большую яркость и дѣлаетъ ихъ немаловажнымъ источникомъ для знакомства съ бытомъ и нравами даннаго народа и времени. Прекраснымъ примѣромъ такого отношенія къ своимъ проповѣдническимъ задачамъ могутъ служить произведенія извѣстнаго францисканца XIII в. Бертольда Регенсбургскаго²⁾.

Самыми замѣчательными дѣятелями въ области поученія въ XI—XII вв. являются: Лука Жидята, Иларіонъ, Θεодосій Печерскій и Кириллъ Туровскій. Не смотря на длинный рядъ изысканій о названныхъ писателяхъ, въ ученой литературѣ нѣтъ совершенно опредѣленныхъ и неоспоримыхъ указаній на точный объемъ и подлинность ихъ писательской дѣятельности. Причиной этого является крайне неустойчивый характеръ рукописнаго преданія объ авторствѣ названныхъ писателей, и при обиліи списковъ ихъ произведеній (въ рукописяхъ сравнительно позднихъ, не ранѣе конца XIII вѣка, а большею частію XIV—XVI вв.), очень часто безъ обозначенія имени автора или съ обозначеніемъ слишкомъ общимъ и неточнымъ, неизбѣжно получается множество затрудненій для болѣе или менѣе точныхъ выводовъ. Историческія извѣстія объ этихъ авторахъ также очень скудны, за исключеніемъ Θεодосія Печерскаго, и мало помогаютъ уясненію темныхъ вопросовъ касательно ихъ литературной

1) Е. Пѣтуховъ. Серапіонъ Владимірскій, стр. 49—50.

2) Тамъ же, стр. 50—51.

дѣятельности. Въ результатѣ такого состоянія источниковъ получается то, что, не смотря на всѣ усилія библиографовъ и историковъ литературы, мы и теперь еще стоимъ въ области поучительной литературы кievскаго періода передъ рядомъ вопросовъ, на вполнѣ удовлетворительное разрѣшеніе которыхъ едва ли вообще можно надѣяться.

Лука Жидята. Обыкновенно это имя стоитъ въ главѣ русскихъ писателей древнѣйшей поры нашей письменности; однако мы не можемъ сказать, чтобы имѣли передъ собою въ данномъ случаѣ совершенно неоспоримый литературный фактъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ, начиная съ XIV—XV в., помѣщается то съ именемъ автора („архіепископа Луки“) то безъ всякаго имени „поученіе къ братіи“, краткое и весьма элементарное по содержанію (наставленія вѣровать въ Бога, ходить въ церковь, не ссориться, быть кроткимъ, почитать старшихъ и т. п.). Если имя „архіепископа Луки“ имѣетъ подъ собой заслуживающее довѣрія преданіе, то весьма вѣроятно, что этотъ Лука былъ тотъ епископъ Новгородскій Лука, о которомъ извѣстно изъ Лѣтописи, что онъ, былъ поставленъ на епископскую кафедру около 1036 года, а умеръ 15 октября 1059 года. Литература объ этомъ авторѣ и приписываемомъ ему поученіи довольно обширна¹⁾. обстоятельное и осторожное изложеніе вопроса о личности предполагаемаго автора, о приписываемомъ ему поученіи, а равно и самое это поученіе, съ необходимыми поясненіями текста, имѣются въ трудѣ И. Е. Евсѣева въ „Памятникахъ древне-русской церковно-учительной литературы“, подъ ред. проф. А. И. Пономарева, вып. I, стр. 8—24.

Митрополитъ Иларіонъ. Это — личность уже гораздо болѣе извѣстная, чѣмъ Лука Жидята, и безусловно очень замѣчательная. Согласно лѣтописнымъ извѣстіямъ,

1) Она указана у Н. К. Никольскаго: Матеріалы для временнаго списка русскихъ писателей и ихъ сочиненій (X—XI вв.). Спб. 1906, стр. 144—145.

Иларіонъ былъ священникомъ при церкви Св. Апостоловъ въ селѣ Берестовѣ, загородной резиденціи в. кн. Ярослава; прославился здѣсь строгимъ подвижничествомъ, „книжностью“ и высокими нравственными качествами, что, вѣроятно, и повело за собою избраніе и назначеніе его въ 1051 году кievскимъ митрополитомъ, безъ участія Константинопольскаго патріарха. О дѣятельности Иларіона въ санѣ митрополита почти ничего не извѣстно, да и былъ онъ въ этомъ званіи очень не долго: съ 1055 году упоминается уже другой митрополитъ въ Кіевѣ, Ефремъ; когда умеръ Иларіонъ, мы также не знаемъ. Большой извѣстностью пользовалось приписываемое ему по нѣкоторымъ косвеннымъ указаніямъ т. наз. „Слово о законѣ и благодати“, знаменитый памятникъ древне-русской учительной литературы, хотя прямого указанія рукописей (списки его идутъ отъ XIV—XV в.) на принадлежность этого произведенія именно митрополиту Иларіону до сихъ поръ не найдено. „Слово“ Иларіона посвящено изображенію высоты христіанской вѣры, этого недавняго тогда пріобрѣтенія русскаго народа; авторъ выясняетъ свою мысль путемъ сравненія ветхаго „закона“ и новой „благодати“, при чемъ, не ограничиваясь общимъ разсужденіемъ по этому вопросу, примѣняетъ его въ частности къ принятію христіанства на Руси; „слово“ переходитъ затѣмъ въ хвалебный гимнъ Богу за его милости къ русскому народу и заканчивается похвалой вел. кн. Владиміру, какъ главному виновнику христіанскаго просвѣщенія на Руси. На протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ „Слово о законѣ и благодати“ претерпѣло не мало измѣненій въ своемъ составѣ и въ текстѣ, при чемъ обнаружилось четыре его редакціи¹⁾. „Слово“ произнесено было, повидимому, между 1037 и 1050 годами, т. е. еще до назначенія Иларіона митрополитомъ въ Кіевѣ. Лите-

1) Никольскій, Н. К. Матеріалы. 1906, стр. 78—82; см. того же автора: Матеріалы для исторіи древне-русской духовной письменности. Спб. 1907, стр. 25—27. 28—55.

ратура объ этомъ памятникѣ указана у Н. К. Никольскаго¹⁾. Лучшими изданіями „Слова“ являются: (А. В. Горскаго). Памятники временъ вел. кн. Ярослава I. М. 1844, и Θ. Г. Калугина въ его трудѣ: Иларіонъ митрополитъ Кіевскій и его церковно-учительныя произведенія, въ „Памятникахъ“ проф. Пономарева, вып. I, стр. 48—85.

Произведеніе это пользовалось въ нашей древней письменности большимъ авторитетомъ: ему подражалъ, напр., въ концѣ XIII в. волынскій лѣтописецъ, прославляя память князя Владиміра Васильковича; передѣлки его встрѣчаются въ рукописяхъ XVI и XVII вв. Извѣстность „Слова“ простиралась, повидимому, и за предѣлы Россіи, такъ какъ слѣды пользованія имъ имѣются въ житіи великаго жупана Неманя, писанномъ въ XIII в. сербскимъ писателемъ Доментіаномъ. Высокую оцѣнку „Слова“ съ исторической точки зрѣнія сдѣлалъ Голубинскій, вообще очень сдержанно относящійся къ памятникамъ нашей старой письменности, однако назвавшій его „прекраснымъ и истинно замѣчательнымъ ораторскимъ произведеніемъ“²⁾. О другихъ произведеніяхъ Иларіона говоритъ хотя бы съ нѣкоторой увѣренностью не имѣется основаній³⁾.

Θеодосій Печерскій — также одинъ изъ самыхъ крупныхъ представителей церковно-общественной жизни древней Руси второй половины XI вѣка. Личность Θеодосія обратила на себя вниманіе преп. Нестора, одного изъ замѣчательныхъ историческихъ писателей кіевскаго періода и бывшаго частію современникомъ и ревностнымъ почитателемъ памяти Θеодосія; послѣдній скончался въ 1074

1) Матеріалы. 1906, стр. 75. Къ этимъ указаніямъ слѣдуетъ прибавить статью акад. И. Н. Жданова, представляющую одно изъ раннихъ его сочиненій и писанную въ 1872 году: Сочиненія И. Н. Жданова. Т. I. Спб. 1904, стр. 1—80.

2) Исторія русской церкви. I, перв. полов., 2 изд., стр. 844—845.

3) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 86—122.

году. Жизнеописание Θεодосія, написанное Несторомъ, относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ XI вѣка. Каковы бы ни были чисто-литературныя условности этого жизнеописанія, вытекающія изъ знакомства автора съ византійской агіографической литературой и, какъ полагають, изъ прямого подражанія кое въ чемъ извѣстному житію Саввы Освященнаго, написанному Кирилломъ Скиѳопольскимъ, однако въ общемъ это произведеніе, основанное на живыхъ наблюденіяхъ, разказахъ очевидцевъ и на самомъ свѣжемъ преданіи, изображаетъ намъ жизнь Θεодосія Печерскаго весьма близко къ дѣйствительности. Жизнь эта была далеко не заурядной и полна глубокой поучительности для благочестивыхъ читателей изъ современниковъ и потомства. Но Θεодосій былъ не только подвижникомъ и выдающимся дѣятелемъ Кіево-Печерской обители; онъ былъ еще, въ качествѣ игумена монастыря, и проповѣдникомъ. Рукописное преданіе, хотя и съ большими разногласіями, приписываетъ ему рядъ литературныхъ произведеній, о степени подлинности и принадлежности которыхъ Θεодосію Печерскому имѣется уже обширная ученая литература въ трудахъ митрополита Макарія, преосв. Антонія, Шахматова, Н. И. Петрова, Лященка, Чаговца, Бѣльченка и др.¹⁾

Митр. Макарій, положившій первое начало широкой постановкѣ вопроса о литературной дѣятельности Θεодосія, находилъ возможнымъ приписывать ему слѣдующія произведенія: 1) Поученіе о казняхъ божіихъ, 2) Поученіе о тропарныхъ чашахъ (противъ пьянства), 3) Четыре отрывка изъ поученій къ инокамъ (передъ началомъ великаго поста; о смиреніи; о нестяжательности; о подвигахъ монашескихъ вообще), 4) Пять поученій къ братіи, сохранившихся въ полномъ видѣ (два поученія о терпѣнни и любви; о терпѣнни и милостынѣ; о терпѣнни и смиреніи; о хожденіи къ церкви

1) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 157—158.

и молитвѣ), 5) Два посланія къ вел. кн. Изяславу (о постѣ въ среду и пятницу; о латинской вѣрѣ), 6) Двѣ молитвы¹⁾.

Въ результатѣ послѣдующихъ работъ, основанныхъ, по необходимости, не столько на положительныхъ указаніяхъ рукописей, сколько на текстуальныхъ сравненіяхъ, сопоставленіяхъ и догадкахъ, получается все-таки весьма неопредѣленное представленіе о содержаніи и объемѣ литературной производительности Θεодосія Печерскаго. Чаговецъ, которому принадлежит самое обширное специальное сочиненіе о Θεодосіи и лучшее изданіе какъ принадлежащихъ Θεодосію, такъ и приписываемыхъ ему сочиненій²⁾, дѣлитъ сочиненія его на четыре группы: 1) поученіе о казняхъ божіихъ и поученіе о тропарныхъ чашахъ; 2) семь поученій къ инокамъ, изъ которыхъ два носятъ на себѣ имя Θεодора Студита, четыре отрывка и поученіе къ келарю; 3) два посланія къ вел. кн. Изяславу о вѣрѣ латинской и о постѣ въ среду и пятокъ; 4) молитвы. Эти выводы подвергнуты были обстоятельной критикѣ со стороны г. Бѣльченка³⁾, который, въ свою очередь, находитъ, что изъ всего этого литературнаго багажа автора-игумена можно съ несомнѣнностію признать за нимъ лишь пять поученій къ инокамъ, одно къ келарю и двѣ молитвы; остальное же остается или подѣ сомнѣніемъ, или внѣ всякой вѣроятности относительно авторства Θεодосія Печерскаго. Наконецъ, Н. К. Никольскій склоняется, повидимому — да и то не безъ оговорокъ — признать за подлинныя сочиненія Θεодосія лишь пять его

1) Преподобный Θεодосій Печерскій, какъ писатель. Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ. Т. IV. 1855, стр. 273—293. Эти произведенія и изданы были митр. Макаріемъ въ Ученыхъ Запискахъ II Отд. Ак. Наукъ. Кн. II. 2. (1856), стр. 193—224.

2) Чаговецъ, В. А. Преподобный Θεодосій Печерскій. Его жизнь и сочиненія. Историко-литературный очеркъ. Кіевъ, 1901. Пять наиболѣе вѣроятно принадлежащихъ Θ. поученій напечатаны также въ „Памятникахъ“ А. И. Пономарева, I. 1894.

3) Лѣтопись Историко-филологическаго Общества при Новороссійскомъ университетѣ. Т. X. Одесса, 1902.

поученій къ инокамъ, противъ которыхъ вообще не высказывалось подозрѣній относительно ихъ принадлежности Печерскому игумену¹⁾. Т. о., Θεодосій является, по наиболѣе вѣроятнымъ даннымъ, авторомъ лишь небольшого числа поученій, обращенныхъ къ монастырской братіи и касающихся вопросовъ несложной, сосредоточенной на религиозныхъ подвигахъ, но и не чуждой мирскихъ интересовъ монастырской жизни; въ нихъ рѣчь идетъ о терпѣннѣи и любви, о смиреніи, милостынѣ и молитвѣ. Поученія отличаются элементарной простотой содержанія по вопросамъ жизни и поведенія инока, какъ тѣмъ же качествомъ характеризуется и поученіе, приписываемое Лукѣ Жидятѣ и обращенное къ мирянамъ; въ этомъ смыслѣ полную противоположность обоимъ авторамъ составляетъ митрополитъ Иларіонъ со своимъ „Словомъ о законѣ и благодати“, написанномъ въ высокомъ стилѣ и на тему, гораздо болѣе сложную и отвлеченную.

Конечно, признаваемые подлинными поученія Θεодосія не представляютъ въ историко-литературномъ отношеніи чего-либо особенно замѣчательнаго, но ихъ важность получаетъ себѣ поддержку въ историческомъ значеніи самой личности ихъ автора. Нельзя не согласиться съ В. М. Истринымъ, что принадлежность Θεодосію Печерскому посланій къ князю Изяславу о латинской вѣрѣ и постѣ въ среду и пятокъ представляла бы для историка литературы гораздо большій интересъ, чѣмъ принадлежность ему монастырскихъ поученій²⁾, однако на это не имѣется вполне достаточныхъ основаній, и тутъ приходится примкнуть къ весьма вѣроятному мнѣнію А. А. Шахматова о томъ, что посланія эти принадлежатъ писателю XII вѣка Θεодосію Греку, монаху Кіево-Печерскаго монастыря³⁾.

1) Матеріалы. 1906, стр. 160—166.

2) Ж. М. Н. Пр. 1902 № 8, стр. 430—431.

3) Изв. II Отд. Ак. Н. 1897, кн. 3, стр. 827—833.

Кирилль Туровскій. Свѣдѣнія о жизни этого знаменитаго писателя-проповѣдника XII вѣка, заключающіяся въ Прологѣ подь 28 апрѣля¹⁾, поскольку имъ можно довѣрять, изображаютъ этого человѣка какъ весьма даровитую, незаурядную и дѣятельную личность своего времени, отличавшуюся высокимъ религіознымъ настроеніемъ, образованіемъ и любовью къ литературному труду. Уроженецъ города Турова, находившагося въ эту пору подь культурнымъ и политическимъ вліяніемъ Кіева, Кирилль первую половину своей жизни посвятилъ аскетическимъ подвигамъ („вошелъ въ столпъ“) и изученію „божественныхъ книгъ“, а вторую, въ качествѣ Туровскаго епископа, церковно-административной дѣятельности и писательству. Вопросъ о его литературныхъ трудахъ — одинъ изъ самыхъ запутанныхъ въ древней русской письменности: неопредѣленныя указанія рукописей (имя К. Т. встрѣчается на рукописяхъ съ XIII вѣка) осложняются весьма часто встрѣчающимся древне-русскимъ соименнымъ нашему автору литературнымъ „псевдонимомъ“²⁾. Со времени перваго, значительнаго по полнотѣ, изданія сочиненій, связанныхъ съ именемъ Кирилла Туровскаго, К. Θ. Калайдовича³⁾ и до послѣдняго времени въ ученой литературѣ были высказываемы далеко не согласныя между собою мнѣнія о томъ, что именно должно быть приписано Кириллу Туровскому, какъ автору. Митрополитъ Макарій, въ специальномъ изслѣдованіи, посвященномъ Кириллу Туровскому⁴⁾, находитъ возможнымъ признать за несомнѣнно принадлежащія Кириллу девять поученій: 1) Въ недѣлю Вайі, 2) На Пасху, 3) Въ недѣлю Θомину,

1) По древнѣйшему списку XIV—XV в. недавно опубликованы Н. К. Никольскимъ: Матеріалы. 1907, стр. 63—64.

2) Ср. выше, стр. 21.

3) Памятники російской словесности XII вѣка. М. 1821.

4) Макарій. Св. Кирилль, епископъ Туровскій, какъ писатель. Извѣстія II Отд. А. Н. Т. V (1856), стр. 225—263.

4) Въ недѣлю о мироносицахъ, 5) Въ недѣлю о расслабленномъ, 6) Въ недѣлю о слѣпомъ, 7) На Вознесеніе Господне, 8) На соборъ 318 св. отецъ, 9) Слово, не приспособленное ни къ какому опредѣленному церковному дню и изложенное въ видѣ „притчи о слѣпцѣ и хромцѣ“; затѣмъ, его посланія: „Сказаніе о черноризцѣмъ чину отъ ветхаго закона и новаго“, Притча о бѣлоризцѣмъ человѣцѣ (посланіе къ Печерскому игумену Василю), другое посланіе къ игумену Василю; наконецъ, нѣсколько молитвъ (22) и канонъ молебный. Кромѣ того, митр. Макарій отмѣчаетъ „потерянные“ сочиненія Кирилла Туровскаго: Обличеніе на ересь Ростовскаго епископа Θεодорца, „многія посланія“ къ Андрею Боголюбскому, похвальныя слова „многимъ святымъ“, разныя „душеполезныя слова на праздники Господскіе“ и „покаянный канонъ“. Къ „сомнительнымъ“ произведеніямъ К. Т. авторъ относитъ: Поученіе въ недѣлю пятую по Пасхѣ, Поученіе на Пятидесятницу, Слово о премудрости и Слово мытарствахъ.

Голубинскій также принимаетъ точку зрѣнія Макарія относительно подлинно принадлежащихъ Кириллу Т. поученій и, умалчивая совершенно объ остальныхъ, только на основаніи девяти произведеній очерчиваетъ литературный образъ этого писателя такими словами: это былъ человѣкъ получившій „настоящее образованіе“ и среди писателей своего времени составляющій въ этомъ смыслѣ исключеніе; его поученія „представляютъ собою совершенно такія же ораторскія произведенія, какъ и слова современныхъ намъ ученыхъ проповѣдниковъ“; по отношенію къ слушателямъ они являлись „безплоднымъ краснорѣчіемъ“, такъ какъ нравственное назиданіе въ нихъ вполнѣ отсутствуетъ¹⁾. Къ этой вѣрной характеристикѣ надо прибавить, что, составляя полную противоположность простотѣ Луки Жидяты и Θεодосія Печерскаго, Кириллъ Туровскій, какъ авторъ, имѣетъ лишь

1) И. Р. Ц., I, перв. пол., 2 изд., стр. 797—798.

спеціально-літературний інтересъ, являя собою примѣръ усвоенія на русской почвѣ утонченной манеры византійскихъ проповѣдниковъ позднѣйшей эпохи. Любимыми средствами его краснорѣчія являются сравненія, уподобленія и противоположенія; часто прибѣгаетъ онъ къ аллегорическому толкованію Св. Писанія, вводитъ „притчи“ и охотно пользуется вопросом-отвѣтной формою изложенія. Такія качества не могли обезпечить поученіямъ Кирилла Туровскаго доступъ къ широкому кругу слушателей.

Послѣ упомянутаго изданія Калайдовича, изъ изданій сочиненій Кирилла Туровскаго или ему приписываемыхъ долженъ быть отмѣченъ трудъ акад. М. И. Сухомянова: Рукописи графа А. С. Уварова. Т. II, вып. 1. СПб. 1858, съ обширнымъ историко-літературнымъ введеніемъ, представляющимъ собою основательное изслѣдованіе о Кириллѣ Туровскомъ, какъ писателѣ; отрицательной стороною изданія является отсутствіе критики въ вопросѣ о подлинности сочиненій Кирилла Т. Весьма полезной для ознакомленія съ состояніемъ вопроса о Кириллѣ Туровскомъ является также работа проф. Пономарева¹⁾, представляющая собою какъ изданіе несомнѣнно принадлежащихъ и отчасти приписываемыхъ Кириллу Т. произведеній, такъ и изслѣдованіе о его жизни и сочиненіяхъ, въ которомъ приняты во вниманіе научныя работы о Кириллѣ послѣдняго времени съ критической постановкой вопроса о подлинности его литературныхъ трудовъ²⁾.

Какъ можно видѣть изъ краткихъ указаній на происхожденіе и мѣсто дѣятельности названныхъ четырехъ авторовъ, они могутъ быть объединены названіемъ „киѣвскаго“ періода нашей письменности лишь болѣе или менѣе условно.

1) Памятники, вып. I., стр. 88—198.

2) Новѣйшимъ матеріаломъ по вопросу о литературной дѣятельности К. Т. являются данныя, опубликованныя у Н. К. Никольскаго: Матеріалы. 1907, стр. 65—94.

Въ тѣсномъ смыслѣ кievскими дѣятелями можно признать изъ нихъ только Иларіона и Θεодосіа; изъ остальныхъ же двухъ Лука Жидята примыкаетъ къ Новгороду, а Кириллъ — къ Турову. Однако преобладающее вліяніе Кіева, какъ просвѣтительнаго центра той эпохи, было настолько велико, и, съ другой стороны, мѣстныя особенности двухъ названныхъ послѣднихъ городовъ въ томъ же отношеніи были въ это время еще столь незамѣтны, что говорить о какомъ-либо мѣстномъ колоритѣ въ произведеніяхъ этихъ авторовъ сравнительно съ двумя первыми нѣтъ основаній. Правда, Туровъ былъ территоріально очень близокъ къ Кіеву и находился отъ него въ извѣстной политической зависимости, такъ что, б. м., и не имѣлъ возможности проявить какое-либо вліяніе на содержаніе проповѣдей своего епископа; правда, Новгородъ, духовный владыка котораго находился въ зависимости отъ Кіевского митрополита, также не могъ наложить какихъ-либо спеціальныхъ особенностей на въ высшей степени элементарное содержаніе поученія своего архіепископа въ ту пору, когда религіозно-нравственныя понятія на Руси только что складывались и были, естественно, одинаковы и на сѣверѣ и на югѣ; но все же этихъ общихъ и предположительныхъ указаній недостаточно, чтобы ими одними объяснить почти полное отсутствіе отраженія мѣстной жизни въ учительныхъ произведеніяхъ названныхъ авторовъ. Тутъ приходится вспомнить именно о существованіи въ учительно-проповѣдической практикѣ древняго времени той схемы, которая, идя изъ весьма отдаленнаго источника, связывала авторскую самостоятельность даже у наиболѣе даровитыхъ нашихъ писателей-проповѣдниковъ. Въ виду этого писатели-кievляне, какъ и не-кievляне, затрудненные указанной схемой, являются въ данной литературной области весьма похожими другъ на друга въ общемъ содержаніи своихъ произведеній.

Сочиненіями названныхъ писателей, конечно, не исчерпывалась вся сумма церковно-учительной литературы, кievскаго періода. Обь учительныхъ произведеніяхъ нѣкоторыхъ авторовъ до насъ дошли лишь отдаленныя или весьма сомнительныя и неопредѣленныя свѣдѣнія: таковъ знаменитый основатель Кіево-Печерскаго монастыря Антоній¹⁾, а съ другой стороны — какой-то „Петръ русскій“, которому, б. м., принадлежитъ очень древнее поученіе „о постѣ и молитвѣ“²⁾. Но главная масса этого матеріала находится въ разнаго рода рукописныхъ сборникахъ, заключающихъ въ себѣ немало безыменныхъ поученій, русское происхожденіе и принадлежность къ древнѣйшей порѣ нашей письменности которыхъ можно предполагать съ большою вѣроятностью. Таковы поученія, находящіяся въ составѣ Пролога³⁾, „Златоуста“⁴⁾ „Златой Цѣпи“, „Паисьеваго Сборника“⁵⁾; таковы поученія противъ язычества и народныхъ суевѣрій⁶⁾, по поводу нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ изъ церковной или общественной жизни⁷⁾ и т. п. Общій, но далеко не полный обзоръ этихъ произведеній сдѣланъ проф.

1) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 149—151.

2) Е. Пѣтуховъ. Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. Вып. II, стр. 9—13. Впрочемъ, А. И. Соболевскій склоненъ видѣть въ авторѣ этого поученія болгарскаго царя Петра: Изв. II Отд. А. Н. 1908, кн. 3, стр. 317—318.

3) Е. Пѣтуховъ. Матеріалы и замѣтки. Вып. I, стр. 3—31.

4) Е. Пѣтуховъ. Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Сб. II. Отд. А. Н., XL, 1886, и въ „Памятникахъ“ А. И. Пономарева, вып. III, стр. 153—192.

5) Въ большомъ количествѣ напечатаны проф. Пономаревымъ: Памятники, вып. III, стр. 1—149.

6) Напечатаны проф. П. В. Владиміровымъ въ „Памятникахъ“ А. И. Пономарева, вып. III, стр. 195—250.

7) См., напр., И. Шляпкинъ. Русское поученіе XI вѣка о перенесеніи мощей Николая Чудотворца. СПб. 1881; Хр. Лопаревъ. Слово похвальное на перенесеніе мощей Св. Бориса и Глѣба. Неизданный памятникъ литературы XII вѣка. СПб. 1894.

Владиміровымъ¹⁾; въ большей своей части этотъ матеріаль однако же до сихъ поръ остается не изслѣдованнымъ съ той обстоятельностью, какая была бы въ данномъ случаѣ желательна.

1) Древняя русская литература кievскаго періода, стр. 129—134. 167—178.

2. Посланія.

Значеніе термина „посланіе“. — Поученіе Владиміра Мономаха; вопросы объ его объемѣ и о времени написанія; идеальный образъ князя-автора; его литературные приемы. — Популярность этой литературной формы въ древней письменности.

Эта литературная форма, подобно поученіямъ, также не можетъ быть очерчена съ внѣшней стороны вполнѣ опредѣленно. Главнѣйшей ея особенностью является письменное обращеніе отъ лица къ лицу или къ цѣлой извѣстной группѣ лицъ, напр. отца къ сыну или епископа къ своей паствѣ. Въ рукописяхъ такія „посланія“ носятъ еще названія „слова“, „поученія“ и т. п. По содержанію они находятся въ тѣсной связи съ церковными или иными поученіями, включая въ себя близкій къ нимъ по духу поучительный элементъ и имѣя ту же общую цѣль назиданія. Подобно поученіямъ, большинство посланій или обращеній анонимно: таково, напр., одно изъ древнѣйшихъ въ этомъ родѣ „Слово нѣкоего отца къ сыну своему“, помѣщенное въ Святославовомъ Изборникѣ 1076 года; впрочемъ, не смотря на высказанныя мнѣнія ученыхъ, русское происхожденіе этого произведенія сомнительно: по крайней мѣрѣ, оно ничѣмъ положительнымъ не можетъ быть доказано¹⁾. Сюда должны быть отнесены также разныя посланія церковныхъ іерарховъ къ князьямъ по вопросамъ вѣры и благочестія,

1) К. Н. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 203—205.

напр. посланія митрополита Никифора (1104—1121) къ вел. кн. Владиміру Мономаху и къ муромскому князю Ярославу Святославичу и т. п.

Поученіе Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ. Самымъ выдающимся произведеніемъ этого рода въ разсматриваемую эпоху является Поученіе Владиміра Мономаха своимъ дѣтямъ, извѣстное не въ отдѣльномъ видѣ, а лишь въ составѣ Суздальской Лѣтописи по Лаврентьевскому списку подъ 1096 годомъ.

Относительно этого произведенія еще и теперь многое не выяснено окончательно. Не опредѣленъ точно самый объемъ поученія въ смыслѣ текста. Въ Лѣтописи вслѣдъ за „Поученіемъ“ помѣщено посланіе Владиміра Мономаха къ князю Олегу Святославичу, написанное по поводу смерти сына Мономаха Изяслава, и такъ какъ въ лѣтописномъ текстѣ оба эти произведенія не разграничены¹⁾, то ученые расходятся въ рѣшеніи вопроса о томъ, гдѣ именно кончается одно произведеніе и гдѣ начинается другое: таковы различные взгляды на это М. П. Погодина, А. Θ. Бѣчкова и новѣйшихъ изслѣдователей гг. Ивакина и Шлякова. Вопросъ о времени написанія „поученія“ также не имѣетъ вполне опредѣленнаго рѣшенія. Въ старое время Карамзинъ и Шевыревъ полагали, что это произведеніе написано Мономахомъ (ум. 1125) въ глубокой старости, ссылаясь на метафорическое толкованіе выраженія автора „сѣдя на санехъ“ въ смыслѣ „на одрѣ смерти“. Погодинъ, напротивъ, полагалъ, что „поученіе“ написано въ 1099 году, во время путешествія Мономаха по Волгѣ въ Ростовъ, и къ этому мнѣнію примкнулъ Протопоповъ²⁾. Шляковъ³⁾

1) Лѣтопись по Лаврентьевскому списку. Изд. Археографической Комиссіи. СПб. 1872, стр. 232—246.

2) Поученіе Владиміра Мономаха какъ памятникъ религіозно-нравственныхъ возрѣній и жизни на Руси въ дотатарскую эпоху. Ж. М. Н. Пр. 1874, № 2.

3) О поученіи Владиміра Мономаха. СПб. 1900.

считаетъ, что „поученіе“ написано 8—10 февраля 1106 года на погостѣ Волгѣ, недалеко отъ Ростова, а Ивакинъ¹⁾ — въ промежутокъ времени 1118—1125 годовъ.

Поученіе Владиміра Мономаха — памятникъ весьма замѣчательный и по имени знаменитаго автора-князя, и по содержанию, и по своему основному духу и цѣли. Въ основѣ своей назидательное, это произведеніе заключаетъ въ себѣ рядъ интересныхъ фактическихъ указаній автора о себѣ самомъ, составляющихъ какъ бы часть его автобіографіи. Эти указанія имѣютъ цѣлью подтвердить наставленія Мономаха своимъ дѣтямъ, а также и „иному кому“, кто пожелаетъ прочесть при случаѣ его „грамотицу“. Въ этихъ наставленіяхъ вырисовывается со стороны благочестиваго князя бодрый и дѣятельный взглядъ его на то, какъ надо жить, причѣмъ общія назиданія переплетаются съ частными, имѣющими въ виду спеціальныя условія жизни князя-правителя. Въ послѣднемъ отношеніи особенно рельефно выдѣляется его возвышенный, умиротворяющій идеалъ жизни, направленный по адресу постоянныхъ княжескихъ междоусобій удѣльнаго строя той эпохи; авторъ старается поставить надъ эгоистическими стремленіями князей христіанскій завѣтъ прощенія, смиренія и мысли о дѣйствительномъ благѣ родины.

Мономахъ пользуется формой обращенія къ своимъ дѣтямъ, какъ очень популярной и въ византійской и въ древне-русской письменности²⁾. Знакомство съ „Поученіемъ“ Мономаха едва ли можетъ оставить сомнѣніе въ томъ, что авторъ былъ знакомъ съ литературными приѣмами своего времени, имѣлъ навыкъ въ литературномъ изложеніи своихъ мыслей и былъ человѣкъ, въ книжномъ смыслѣ, очень обра-

1) Князь Владиміръ Мономахъ и его Поученіе. Ч. I. Поученіе къ дѣтямъ. Письмо къ Олегу и отрывки. М. 1901.

2) В. Пѣтуховъ. Матеріалы и замѣтки. В. II, стр. 16—17.

зованный и начитанный. „Поученіе“ его носить на себѣ даже нѣкоторые слѣды опредѣленнаго плана¹⁾, но услѣдить этотъ планъ во всѣхъ его частяхъ весьма трудно, и причину этого обстоятельства можно относить отчасти къ неисправному состоянію дошедшаго до насъ текста „Поученія“ въ составѣ Лѣтописи; въ отдѣльныхъ спискахъ этотъ текстъ въ старину совсѣмъ не имѣлъ распространенія, хотя въ научномъ изданіи онъ явился впервые, будучи извлеченъ гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ изъ Лѣтописи, именно какъ памятникъ совершенно отдѣльный²⁾.

1) Шляковъ, назв. соч., стр. 110.

2) Духовная великаго Князя Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ, названная въ Лѣтописи Суздальской „Поученіе“. СПб. 1793.

3. Житія святыхъ.

Условія возникновенія житій въ первые вѣка русской письменности. — Вопросъ объ Іаковѣ-мнихѣ. — Агіографическіе труды Нестора: „Житіе Бориса и Глѣба“ и „Житіе Θεодосія“; приемы идеализація и реализма въ послѣднемъ произведеніи.

Житія святыхъ, называемыя иногда „сказаніями“, были одной изъ самыхъ любимыхъ и распространенныхъ формъ литературной производительности на Руси какъ древнѣйшей эпохи, такъ въ особенности послѣдующихъ столѣтій. Эта форма наилучшимъ образомъ удовлетворяла и потребностямъ христіанскаго благочестія, въ смыслѣ назиданія, и простой нуждѣ въ чтеніи; повѣствовательный характеръ житій дѣлалъ ихъ содержаніе доступнымъ самому неподготовленному читателю и легко укладывался въ памяти. Но съ другой стороны, для созданія русскихъ, не переводныхъ житій требовалась своя историческая подкладка, которую могло приготовить только время; надо было признаніе того или другого лица или подвижника святымъ — и только тогда могло имѣть смыслъ составленіе его „житія“. Это обстоятельство является главной причиной того, почему, несмотря на чрезвычайную приспособленность къ уровню тогдашняго читателя житійной формы, въ первые два вѣка нашей письменности такихъ произведеній имѣется весьма немного, и въ сущности безспорнымъ можетъ быть признано тутъ только одно имя — преп. Нестора, автора двухъ замѣчательныхъ жизнеописаній съ сюжетами изъ русской жизни.

Вопросъ объ Іаковѣ-мнихѣ. Въ научной литературѣ давно уже была сдѣлана попытка поставить во главѣ русскихъ агіобіографовъ Іакова-мниха или черноризца, относительно котораго, изъ сообщенія лѣтописи подъ 1074 годомъ, извѣстно только то, что онъ былъ первоначально предназначенъ Θεодосіемъ Печерскимъ въ качествѣ преемника его по игуменству въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ; впрочемъ, Θεодосій, склонившись на просьбу братіи, назначилъ въ игумены послѣ себя другое лицо. Объ авторствѣ Іакова тутъ не говорится ни слова, но надъ однимъ произведеніемъ старой письменности „Память и похвала князю русскому Володимеру“ имѣется въ нѣкоторыхъ спискахъ надпись „списано Іаковымъ-мнихомъ“, причемъ нѣкоторыми изслѣдователями, напр. митр. Макаріемъ, была установлена предположительная связь между этой надписью и личностью Іакова, современника Θεодосія¹⁾. Однако, при дальнѣйшемъ изученіи вопроса для такого отождествленія не оказалось положительныхъ данныхъ ни въ указаніяхъ рукописей, ни въ прямыхъ свидѣтельствахъ объ Іаковѣ-мнихѣ со стороны другихъ памятниковъ; нѣкоторые изслѣдователи склонны были не отрицать правильность надписанія „памяти и похвалы“, т. е. собственно житія Владиміра Святого, именемъ „Іакова-мниха“, но, не отождествляя этого послѣдняго съ современникомъ Θεодосія, переносили его жизнь и написаніе упомянутаго житія въ слѣдующее, XII столѣтіе. Еще менѣе достовѣрнымъ представляется приписаніе тому же Іакову-мниху другого житійнаго труда, „Сказанія о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ“, древнѣйшій списокъ котораго имѣется въ извѣстномъ Сборникѣ Московскаго Успенскаго Собора XII—XIII вв.²⁾; тутъ уже мы не располагаемъ даже и надписью о какомъ бы то ни было авторѣ этого произведенія.

1) Н. К. Никольскій. Матеріалы. 1906, стр. 225—227, тр. 1; 229—233.

2) Тамъ же, стр. 253—255.

Т. о., приходится признать, руководясь лишь несомнѣнными данными, что говорить объ Іаковѣ-мнихѣ, какъ первомъ нашемъ агіобіографѣ и въ частности какъ объ авторѣ произведеній конца XI вѣка, Житія Владиміра Святого и Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, невозможно; но, съ другой стороны, нельзя и отрицать ни того, что названныя произведенія могли быть написаны въ XI вѣкѣ, ни того, что въ числѣ писателей древнѣйшаго періода былъ какой-то Іаковѣ-мнихъ, о жизни и трудахъ котораго мы однако же ничего положительнаго сказать не можемъ; едва ли даже и самое тщательное сравнительное изученіе всѣхъ относящихся сюда текстовъ¹⁾, безъ случайныхъ рукописныхъ находокъ съ болѣе точными указаніями, можетъ привести къ полному разрѣшенію этого вопроса.

Агіографическіе труды преп. Нестора. Въ противоположность Іакову-мниху, авторство Нестора, черноризца Кіево-Печерскаго монастыря и современника Θεодосія Печерскаго, не вызываетъ никакихъ сомнѣній. Время его жизни — вторая половина XI вѣка. Ему принадлежать: „Чтеніе о житіи и о погубленіи блаженную страстотерпцю Бориса и Глѣба“ и „Житіе Θεодосія“. На обоихъ памятникахъ стоитъ имя автора, и достовѣрность этого показанія подтверждается содержаніемъ самыхъ произведеній, а равно и заключающихся въ нихъ ссылокъ частнаго характера. Кромѣ того, на основаніи сравнительнаго изученія обоихъ памятниковъ можно видѣть, что Несторъ написалъ сначала „Чтеніе о житіи и о погубленіи Бориса и Глѣба“, а потомъ уже житіе Θεодосія, относящееся, вѣроятно, къ послѣднимъ годамъ XI вѣка.

Житіе Бориса и Глѣба, написанное на ту же тему, что и упомянутое предполагаемое произведеніе Іакова-мниха, было въ нашей древней письменности, судя по количеству сохранившихся списковъ, менѣе популярно, нежели это по-

1) Ср. тамъ же, стр. 257. 289—301.

И. И. ЛАШКО.

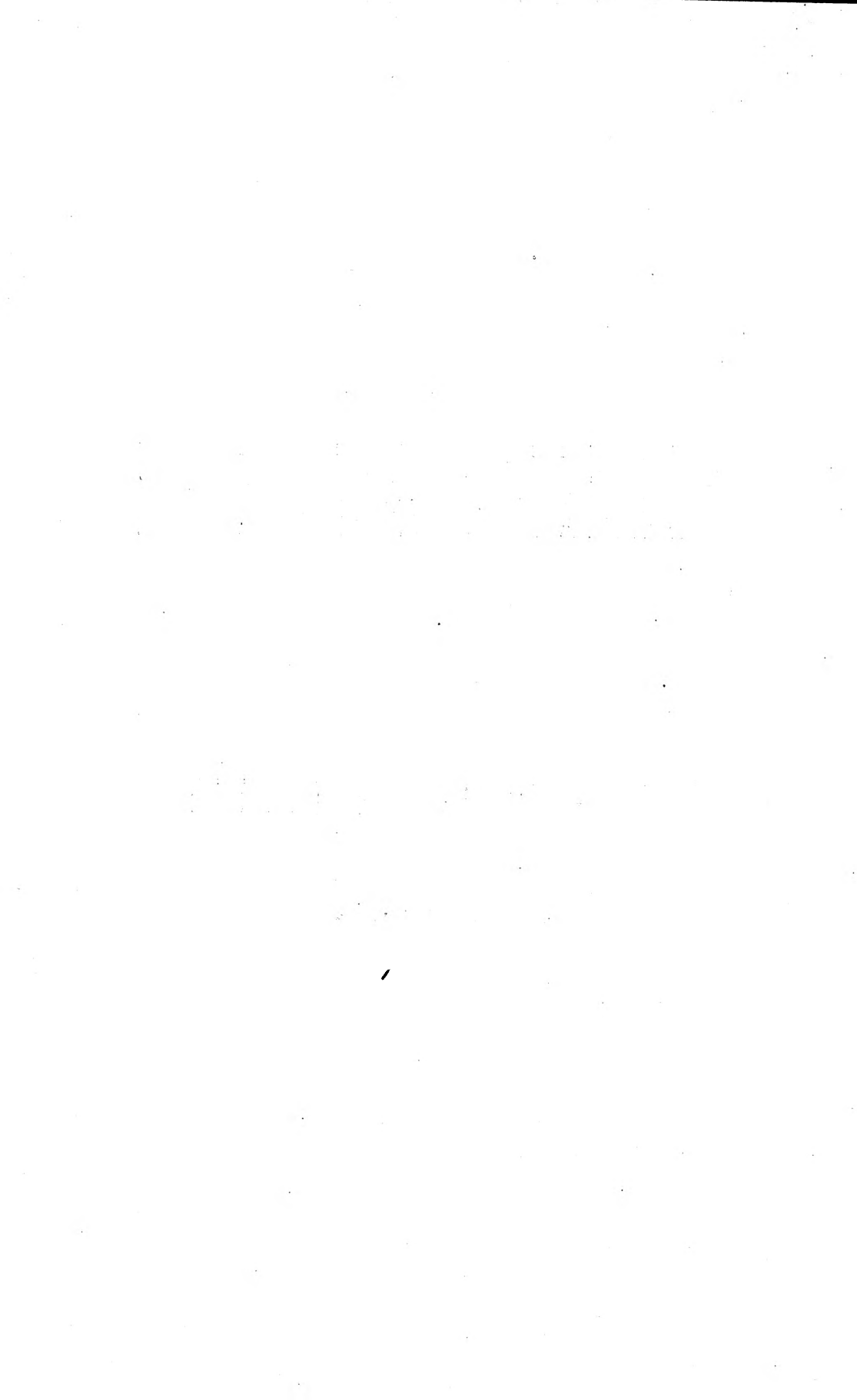
**ВЕЛИКОЕ
КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ**

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ
XVI СТОЛѢТІЯ.

Литовско-Русскій повѣтъ

и

его сеймикъ.

Настоящее изслѣдованіе представляетъ собою часть задуманнаго авторомъ труда, посвященнаго изученію строя Великаго Княжества Литовскаго въ первыя десятилѣтія послѣ Люблинской Уніи. Уже работая надъ первымъ томомъ этого труда, вышедшимъ въ свѣтъ въ 1901 году¹⁾, авторъ собиралъ матеріалы, относящіяся къ различнымъ сторонамъ строя и жизни Великаго Княжества Литовскаго второй половины XVI столѣтія, постоянно чувствуя невозможность при современномъ состояніи изслѣдованія этой научной области ограничивать себя лишь строго опредѣленными рамками, и изученіе Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика было имъ начато еще во время этой работы. Авторъ даже сначала предполагалъ закончить его одновременно съ выпускомъ въ свѣтъ этого перваго тома.

Случилось, однако, иначе. Трудъ, отложенный на время, обычно для изслѣдователя превращается въ почти совершенно новую работу. Опубликованіе новыхъ источниковъ давало новые матеріалы. Ихъ продолжалъ авторъ собирать и въ своихъ занятіяхъ надъ рукописями. Это расширяло матеріаль, который вводился въ изслѣдованіе, и уже само по себѣ

1) Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586), Опытъ изслѣдованія политическаго и общественнаго строя. Томъ первый. Спб. 1901.

отсрочивало время, когда болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ начатая работа могла вылиться въ окончательную редакцію, тѣмъ болѣе, что университетское преподаваніе не такъ много оставляло и времени, которое авторъ имѣлъ возможность отдавать своимъ занятіямъ надъ спеціальнымъ изслѣдованіемъ. Работая надъ выпускаемымъ въ свѣтъ томомъ, авторъ совершенно измѣнилъ его первоначальный планъ. Вмѣсто изученія повѣтоваго сеймика и сѣзда Великаго Княжества Литовскаго, предположеннаго какъ содержаніе настоящей части его труда, авторъ рѣшилъ ограничиться въ ней лишь изслѣдованіемъ повѣтоваго сеймика, но поставить его въ связь съ изученіемъ Литовско-Русскаго повѣта, отложивъ изслѣдованіе сѣзда Княжества до продолженія своего труда. Учрежденіе Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика было органическою частью всей реформы 1565—1566 годовъ, создавшей почву для конституціи II-го статута и выработавшей организацію Великаго Княжества Литовскаго, съ которою оно вступило въ 1569 году въ соединеніе съ Польшею. Эта организація создавала изъ шляхетскаго „народа“ Княжества повѣтовыя корпораціи, раздѣлившись на которыя, онъ осуществлялъ свои права въ своемъ государственномъ союзѣ. Отдѣлить изученіе повѣтоваго сеймика отъ изученія повѣта было невозможно и потому, что историческое изслѣдованіе до настоящаго времени еще не опредѣлило вполне значенія повѣтоваго строя, созданнаго этою реформою, и тѣмъ не дало возможности при изученіи Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика ограничить задачи изслѣдованія имъ однимъ. Авторъ долженъ былъ остановиться на повѣтовой реформѣ 1565—1566 годовъ и постараться опредѣлить то, чѣмъ былъ повѣтъ, созданный

ею, какъ единица дѣленія шляхетскаго „народа“ и единица областного дѣленія Литовско-Русскаго государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ былъ остановиться и на подготовкѣ этой реформы, т. е. на до-реформенномъ повѣтѣ и на постепенномъ выясненіи сторонъ новаго повѣтоваго строя, которыя назрѣвали въ сознаніи шляхты и въ потребностяхъ государства. Все это объясняетъ происхожденіе двухъ первыхъ главъ предлагаемаго вниманію читателя изслѣдованія.

Но изученіе сеймика потребовало и изученія повѣтовой шляхты, какъ корпорацій Литовско-Русскихъ повѣтовъ. Стараясь дать въ первомъ томѣ своего труда изученіе Литовско-Русской шляхты, какъ „народа“ Великаго Княжества Литовскаго, въ ея слояхъ, признававшихся жизнью того времени, авторъ долженъ былъ теперь вновь вернуться къ ней и рассмотреть ее какъ повѣтовые шляхетскія корпораціи, собраніями которыхъ были сеймики повѣтовъ Княжества. Таково происхожденіе третьей главы настоящаго изслѣдованія. Остальныя его главы изучаютъ повѣтовый сеймикъ и повѣтовые собранія шляхты Великаго Княжества Литовскаго.

Расширеніе задачъ, поставленныхъ себѣ авторомъ, вызвало и увеличеніе размѣровъ книги, которая должна дать посильное ихъ выполненіе. Эти размѣры отняли возможность изученія повѣтоваго сеймика въ связи съ Литовско-Русскимъ съѣздомъ. Приходилось выбирать между изученіемъ сеймика въ связи съ повѣтовымъ строемъ и изученіемъ его въ связи со съѣздомъ Княжества. Авторъ избралъ первое, и онъ не думаетъ, что этимъ сдѣлалъ ошибку. Изученіе съѣзда онъ предполагаетъ дать въ дальнѣйшемъ продолженіи своего труда, ставя его въ связь съ изученіемъ значенія для Великаго Княжества Литов-

скаго вальнаго Польско-Литовскаго сейма. Эта связь представляется еще болѣе естественною, кромѣ того что она даетъ больше удобства въ распредѣленіи соотвѣтствующаго матеріала. Та же необходимость отложить на время изслѣдованіе Литовско-Русскаго сѣзда отразилась и на изученіи сеймика времени безкоролевій. Онъ тѣсно связанъ со сѣздомъ Великаго Княжества Литовскаго, и авторъ рѣшился въ настоящемъ томѣ ограничиться лишь бѣглымъ его очеркомъ, оставляя за собою право остановиться на этомъ видѣ повѣтоваго сеймика, изучая Литовско-Русскій сѣздъ.

При изученіи строя Великаго Княжества Литовскаго во второй половинѣ XVI столѣтія возможно установленіе хронологическихъ границъ этого изученія двумя способами: можно изучать этотъ строй до времени утвержденія статута 1588 года, или же захватывая и годы XVI вѣка послѣ утвержденія этого кодекса. Въ первомъ случаѣ изслѣдованіе изучаетъ строй Литовско-Русскаго государства, созданный II-мъ статутомъ, и слѣдитъ за его измѣненіями, внесенными соединеніемъ съ Польшею; во второмъ случаѣ оно принимаетъ во вниманіе и закрѣпленіе нарославшихъ въ этотъ періодъ времени явленій выработаннымъ въ эту эпоху кодексомъ. Въ вышедшемъ въ 1901 году томѣ своего труда авторъ становился на первый изъ этихъ путей; дальнѣйшая работа заставила его предпочесть второй. Этимъ объясняется и нѣсколько измѣненное общее заглавіе, которое имъ принято для настоящаго тома и для дальнѣйшаго продолженія труда.

Довольно большое количество архивныхъ документовъ, которые пришлось привлечь къ работѣ, заставило автора выдѣлить часть ихъ въ Прило-

женія¹⁾. При этомъ выдѣленіи онъ старался собрать въ изданіи сколько-нибудь цѣльный матеріаль, удерживаясь отъ большого его расширенія.

Юрьевъ Лифляндскій.

17 ноября 1910 года.

1) При воспроизведеніи текста этихъ документовъ въ изданіи (какъ въ Приложеніяхъ, такъ и въ самой книгѣ) оригиналь передавался съ возможною точностью. Всѣ вставки и дополненія, дѣлаемые при изданіи, ставились въ прямыя скобки. „Ѳ“ замѣнялась черезъ „ф“; „и“ въ случаяхъ, требуемыхъ нашимъ современнымъ правописаніемъ, передавалось черезъ „і“; „ъ“ и „ь“ на концѣ словъ, въ случаѣ опущенія ихъ оригиналомъ, приставлялись сообразно съ тѣмъ, какъ эти буквы даются имъ въ случаяхъ, когда данныя слова написаны въ немъ съ ними; при возможности колебаній „ъ“ и „ь“ на концѣ ставились въ прямыхъ скобкахъ; въ предлогахъ „ъ“ не приставлялся въ тѣхъ случаяхъ, когда согласная, къ которой онъ долженъ быть присоединенъ, измѣнена по сравненію съ нашимъ современнымъ правописаніемъ. Такимъ же способомъ передавались и въ текетѣ цитируемыя мѣста изъ изданныхъ актовъ, переданныя въ ихъ изданіи иначе. Изъ документовъ, напечатанныхъ въ Приложеніяхъ, были изданы раньше: №№ I, 1 (А. Ю. и З. Р. II, № 148 — безъ окончанія) и VIII, 1 (А. З. Р. III, № 119). Когда были уже напечатаны первыя восемь главъ настоящаго изслѣдованія, вышелъ въ свѣтъ трудъ проф. М. К. Любавскаго „Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи включительно“ (М. 1910). Авторъ сожалѣетъ, что не имѣлъ, такимъ образомъ, возможности воспользоваться этимъ трудомъ и сдѣланнымъ въ немъ изданіемъ привилеевъ, выданныхъ Великому Княжеству Литовскому и его областямъ.

Оглавление.

Глава I. Литовско-Русский повѣтъ времени до реформъ шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія 1—53.

Литовско-Русский повѣтъ до и послѣ реформъ шестидесятихъ годовъ XVI вѣка 1. Административно-судебное и военное значеніе стараго повѣта 2. Повѣтъ въ „ухвалѣ“ 1528 года о земской оборонѣ и происхождение текста этой „ухвалы“ 8. Повѣтъ по статуту 1529 года 16. Развитие судебнаго, военнаго и политическаго значенія повѣта въ годы между утвержденіемъ перваго Литовскаго статута и реформами шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія 18. Повѣтъ по „Реестру пописа“ 1565 года 30. Общій выводъ изъ изученія стараго повѣта 34. Литовско-Русский повѣтъ въ русской исторической литературѣ 35. Вопросъ о происхожденіи слова „повѣтъ“ въ значеніи дѣленія Литовско-Русскаго государства 48.

Глава II. Литовско-Русский повѣтъ послѣ реформы шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія 54—173.

Повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ и ея значеніе 54. Воеводства и повѣты, созданные реформою 58. „Списанье поветовъ и границъ“, сохранившееся въ Литовской Метрицѣ и „Попись“ 1567 года 58. Установленіе границъ новыхъ повѣтовъ и разрѣшеніе вопросовъ, съ нимъ связанныхъ 66. Измѣненія въ составѣ повѣтовъ отдѣльныхъ воеводствъ послѣ реформы 1565—1566 годовъ 74. Люблинская Унія 1569 года и воеводства и повѣты Великаго Княжества Литовскаго послѣ нея 76. Вопросъ о границахъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, смежныхъ съ Польшею 76. Смоленское воеводство 80. Просьбы Литовско-Русскихъ повѣтовъ объ измѣненіи отдѣльныхъ сторонъ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ 82. Определеніе центровъ для новыхъ повѣтовъ 87. Вопросъ о повѣтовомъ центрѣ Жомойтской земли 89. Перенесеніе повѣтоваго центра Упитскаго повѣта изъ Упиты въ Поневѣжь 96. Созданіе временныхъ повѣтовыхъ центровъ 98. Господарскіе дворы и замки, какъ мѣсто функционированія повѣтовыхъ урядовъ 98. Повѣтовый дворъ

и „изба судовая“ 101. Новый повѣтъ въ значеніи шляхетскаго округа и шляхетской корпораціи 104. Новый повѣтъ въ значеніи единицы областного дѣленія Великаго Княжества Литовскаго 131. Итоги изученія новаго повѣта 143. Подляшье въ XVI столѣтїи и его строй до присоединенія Подляшской земли къ Польшѣ въ 1569 году 146.

Глава III. Шляхта Литовско-Русскихъ повѣтовъ 174—285.

Повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ и тотъ общественный классъ, который обращался въ повѣтовыхъ обывателей по-реформенныхъ повѣтовъ 174. Тяглая и военная служба господарскихъ подданныхъ, въ общемъ значеніи этого выраженія, въ до-реформенное время 175. Группы населенія, служившія въ эту эпоху военную земскую службу: слуги замковые, путные, панцырные, dospѣшныя, щитные и конные, бояре и земляне 178. Шляхетство въ до-реформенное время 196. Панскіе бояре и земляне въ ту же эпоху 204. Повѣтовое шляхетство послѣ реформы 1565—1566 годовъ 209. Основанія для признанія шляхтичемъ 210. Шляхетская осѣлость въ повѣтѣ 221. Осѣлость въ нѣсколькихъ повѣтахъ одновременно 222. „Спольныя“ имѣнія 227. Сыновья при родителяхъ 229. Мобилизація шляхетскаго землевладѣнія и имѣнія, не подлежавшія отчужденію 231. Шляхта „убогая“ 237. Шляхта „неосѣлая“ 240. Шляхта, служащая панамъ 243. Шляхта „спадковая“ 249. Татары-шляхта 261. Конные мѣщане въ ихъ повѣтовыхъ правахъ 277. Общій взглядъ на повѣтовую шляхту эпохи послѣ реформы 1565—1566 годовъ 279.

Глава IV. Учрежденіе Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика 286—308.

Учрежденіе Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика въ декабрь 1565 года 286. Постановленія II-го статута о сеймикѣ 287. Привилей 30 декабря 1565 года 290. Первые повѣтовые сеймики передъ Берестейскимъ сеймомъ 1566 года 292. Вопросъ о времени учрежденія Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика въ исторической литературѣ 293. Значеніе повѣтоваго сеймика въ связи съ реформою 1565—1566 годовъ и областными собраніями до-реформеннаго времени 296. Пониманіе повѣтоваго сеймика актами, его учреждающими 303. Расширеніе понятія повѣтоваго сеймика въ послѣдующее время и появленіе другихъ видовъ сеймика кромѣ сеймика председеймоваго 305. Необходимыя условія для признанія того или другаго вида собраній шляхты повѣта повѣтовымъ сеймикомъ 308.

Глава V. Документы, составлявшіеся въ канцеляріи Великаго Княжества Литовскаго при созывѣ председеймовыхъ сеймиковъ 309—430.

Дѣятельность центральныхъ и повѣтовыхъ органовъ Великаго Княжества Литовскаго при созывѣ председеймовыхъ сеймиковъ

309. Документы, сохранившіеся въ Литовской Метрицѣ по созыву предсеймовыхъ сеймиковъ времени отъ ихъ учрежденія до заключенія Люблинской Уніи 310. Повѣтвые господарскіе листы-универсалы, созывающіе сеймы и предворяющіе ихъ повѣтвые сеймики 313. Записи разсылки этихъ универсаловъ 330. Составъ господарскихъ пословъ на предсеймовые повѣтвые сеймики 346. „Науки“—инструкціи господарскимъ посламъ на сеймики 352. „Листъ вѣрущій“ или „креденсъ“ 367. Господарскіе листы, поручающіе исполненіе посольскихъ обязанностей на повѣтовыхъ сеймикахъ 369. Господарскіе листы къ панамъ-радѣ передъ сеймиками предсеймовыми 370. Документы Литовской Метрики, относящіяся къ созыву предсеймовыхъ и предсѣдательскихъ сеймиковъ эпохи отъ заключенія Люблинской Уніи до утвержденія III-го статута 375. Господарскіе повѣтвые листы-универсалы, созывающіе сеймы и предсеймовые и предсѣдательские повѣтвые сеймики 382. Предписанія повѣтовымъ властямъ объ опубликованіи этихъ универсаловъ 391. Господарскіе листы къ княжатамъ, панятамъ и урядникамъ земскимъ и дворнымъ передъ сеймиками 392. Записи разсылокъ господарскихъ листовъ передъ сеймиками 395. Господарскіе листы къ панамъ-радѣ передъ сеймиками 399. Составъ господарскихъ пословъ на предсеймовые повѣтвые сеймики 409. Документы, для этихъ пословъ составляемые: порученіе посольства, „креденсъ“ и „наука“ 410. Сравненіе документовъ, составляемыхъ при созывахъ повѣтовыхъ предсеймовыхъ сеймиковъ въ Литовской канцеляріи, съ документами, составляемыми передъ сеймиками одновременнаго созыва въ канцеляріи Коронной 416.

Глава VI. Сеймикъ предсеймовый 431—479.

Основные моменты въ дѣятельности предсеймоваго повѣтоваго сеймика 431. Послы повѣтоваго сеймика 432. Вопросъ о „стравныхъ“ деньгахъ для нихъ и его разрѣшеніе 434. Составъ повѣтовыхъ пословъ на вальные сеймы 450. Полномочія этихъ пословъ 454. Инструкція, составляемая повѣтовымъ сеймикомъ для своихъ пословъ сеймовыхъ 455. Утвержденіе инструкціи повѣтовымъ сеймикомъ 457. Инструкція Виленскаго сеймика отъ 30 декабря 1594 года и инструкція Берестейскаго сеймика отъ 30 декабря 1596 года, какъ образцы этого вида сеймиковыхъ документовъ 458. Языкъ инструкцій посламъ повѣтовыхъ сеймиковъ на Польско-Литовскіе вальные сеймы 477. Языкъ инструкцій повѣтовымъ посламъ на сѣзды Великаго Княжества Литовскаго 478. Внесеніе повѣтовой инструкціи въ официальныя книги уряда 479.

Глава VII. Сеймикъ посеимовый 480—497.

Необходимость существованія посеимоваго повѣтоваго сеймика рядомъ съ сеймикомъ предсеймовымъ 480. Постановленія статута 1588 года о посеимовомъ сеймикѣ 481. Значеніе посеимоваго сеймика въ глазахъ повѣтовой шляхты 483. Возникновеніе Литовско-Русскаго посеимоваго повѣтоваго сеймика 483. Отчетъ повѣтовыхъ пословъ послѣ ихъ возвращенія съ вальнаго сейма

484. Обсужденіе приведенія въ исполненіе сеймовыхъ постановленій въ повѣтахъ 490. Образецъ акта постановленій посеймаго повѣтоваго сеймика Великаго Княжества Литовскаго XVII столѣтія 491. Значеніе посеимовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ для центральной власти 493. Документы, выходившіе съ посеимовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ 495. Языкъ, на которомъ составлялись акты постановленій посеимовыхъ сеймиковъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, и внесеніе этихъ актовъ въ официальные книги 496.

Глава VIII. Сеймикъ для избранія членовъ земскихъ судовъ и другихъ должностныхъ лицъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ 498—523.

Сеймикъ для избранія кандидатовъ на уряды членовъ земскихъ судовъ, какъ первое по времени признанія закономъ собраніе повѣтовой шляхты для выбора должностныхъ лицъ повѣтовъ 498. Организация этого вида повѣтоваго сеймика статутомъ 1566 года 499. Начало дѣятельности земскихъ судовъ въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ и начало избранія ихъ состава повѣтовую шляхтою 502. Акты назначенія членовъ земскихъ судовъ времени дѣйствія II-го статута 507. Черты для изученія сеймика, избирающаго членовъ земскихъ судовъ, почерпаемыя изъ документовъ, говорящихъ объ осложненіяхъ дѣла этого избранія 508. Статутъ 1588 года о сеймикѣ для выбора членовъ земскихъ судовъ и организація этимъ кодексомъ избранія кандидатовъ на уряды повѣтовыхъ подкоморіевъ и хоружихъ по образцу избранія кандидатовъ на земскіе судебные уряды 516. Избраніе повѣтовыхъ возныхъ и генераль-возныхъ, введенное III-мъ статутомъ 519.

Глава IX. Сеймикъ для выбора членовъ трибунала Великаго Княжества Литовскаго 524—542.

Учрежденіе трибунала Великаго Княжества Литовскаго и организація „Способомъ правъ трибунальскихъ“ выбора Литовско-Русскими повѣтами судей трибунала 524. Земля Жомойтская и трибуналъ Великаго Княжества Литовскаго 529. Введеніе сеймика для выбора членовъ трибунала и въ Жомойти 531. Пользованіе сеймикомъ для выбора судей трибунальскихъ шляхтою для цѣлей, не имѣвшихъ прямой связи съ главнымъ предметомъ его занятій 534. Такое же пользованіе имъ верховною властью 535. Совпаденія сеймика для выбора членовъ трибунала съ другими видами повѣтоваго сеймика 536. Пользованіе сеймикомъ для избранія трибунальскихъ судей лицами, вѣдавшими сборъ податковъ съ повѣтовъ, для внесенія въ сеймиковое собраніе шляхты дѣлъ по этому сбору 537.!

Глава X. Внутренняя организація Литовско-Русскаго повѣтоваго сеймика 543—604.

Составъ сеймикующихъ 544. Необходимость принадлежности къ повѣтовому шляхетству для права участія въ занятіяхъ соот-

вѣтствующаго сеймика 545. Вопросъ объ участіи въ сеймикованьѣ повѣтовыхъ шляхтичей, принадлежавшихъ къ „стану духовному“ 547. Должностныя лица въ составѣ сеймикующихъ 548. Отношеніе привилеевъ на уряды къ участію въ сеймикованьѣ должностныхъ лицъ, которымъ они выдавались 549. Участіе соотвѣствующихъ должностныхъ лицъ на сеймикахъ ихъ и другихъ повѣтовъ 556. Мѣсто сеймикованья 558. Помѣщенія, въ которыхъ повѣтовые сеймики собирались 558. Сеймикованье не повѣтами, а воеводствами 562. Предсѣдатель повѣтоваго сеймика и его секретари 567. Сеймиковая „згода“ 575. Значеніе во время сеймикованья отдѣльныхъ группъ сеймикующихъ: паны-рада, прочія должностныя лица и недолжностная шляхта 576. Продолжительность повѣтовыхъ сеймиковъ 591. Ихъ компетенція и соединеніе различныхъ дѣлъ на сеймикахъ опредѣленнаго назначенія 592. Повѣтовый сеймикъ и нешляхетское населеніе 600. Города и повѣтовый сеймикъ 601.

Глава XI. Военные сборы и земскіе роки въ значеніи собраній повѣтовой шляхты. Сеймикъ времени безкоролья 605—624.

Военные сборы шляхетскихъ повѣтовъ, какъ собранія, во время которыхъ происходили совѣщанія и вырабатывались постановленія повѣтовой шляхты 606. Групповыя собранія шляхты 611. Земскіе роки въ значеніи собраній повѣтовой шляхты и ея коллективныя выступленія съ этихъ роковъ 611. Повѣтовый сеймикъ времени безкоролья и невозможность его изученія безъ знакомства съ дѣятельностью и значеніемъ общихъ сѣздовъ Великаго Княжества Литовскаго 616. Виленскіе сѣзды эпохи третьяго безкоролья въ ихъ постановленіяхъ о Литовско-Русскихъ повѣтовыхъ собраніяхъ этого времени 617. Виды собраній шляхетскихъ повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго въ эпохи безкоролья и задачи, которыя передъ ними стояли 623.

Оглавление Приложений.

- I. Повѣтовые сеймики передъ Варшавскимъ сеймомъ 1572 года 1—42.
 - II. Повѣтовые сеймики передъ Торунскимъ сеймомъ 1576 года 43—54.
 - III. Повѣтовые сеймики передъ Волковыйскимъ съѣздомъ 1577 года 55—73.
 - IV. Инструкція посламъ Волковыйскаго съѣзда 1577 года 74—85.
 - V. Воыньскій сеймикъ 1577 года 86—96.
 - VI. Повѣтовые сеймики передъ Варшавскимъ сеймомъ 1578 года 97—118.
 - VII. Виленскій съѣздъ 1578 года 119—122.
 - VIII. Виленскій съѣздъ 1580 года 123—133.
 - IX. Артикулы проекта третьяго статута, представленныя Виленскимъ съѣздомъ 1584 года для сообщенія ихъ черезъ господарскихъ пословъ на обсужденіе предсеймовыхъ повѣтовыхъ сеймиковъ 134—139.
 - X. Повѣтовые сеймики передъ Варшавскимъ сеймомъ 1587 года, не состоявшимся за смертью короля Стефана 140—143.
 - XI. Универсалъ Виленскаго съѣзда отъ 11 октября 1587 года 144—148.
 - XII. Универсалъ Виленскаго съѣзда отъ 17 ноября 1587 года 149—155.
- Указатель именъ географическихъ 157—167.
Указатель именъ личныхъ 168—191.
-

Литовско-Русскій повѣтъ .

и

его сеймикъ.

Глава I.

Литовско-Русскій повѣтъ времени до реформъ шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія.

Литовско-Русскій повѣтъ до и послѣ реформъ шестидесятихъ годовъ XVI вѣка. Административно-судебное и военное значеніе стараго повѣта. Повѣтъ въ „ухвалѣ“ 1528 года о земской оборонѣ и происхожденіе текста этой „ухвалы“. Повѣтъ по статуту 1529 года. Развитие судебнаго, военнаго и политическаго значенія повѣта въ годы между утвержденіемъ перваго Литовскаго статута и реформами шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія. Повѣтъ по „Реестру пописа“ 1565 года. Общій выводъ изъ изученія стараго повѣта. Литовско-Русскій повѣтъ въ русской исторической литературѣ. Вопросъ о происхожденіи слова „повѣтъ“ въ значеніи дѣленія Литовско-Русскаго государства.

Слово „повѣтъ“ хорошо извѣстно областному дѣленію Великаго Княжества Литовскаго задолго до реформъ 65—66 годовъ XVI столѣтія, создавшихъ его строй, съ которымъ оно вступаетъ въ унію съ Польшей на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года. Но старый повѣтъ не то, чѣмъ явился повѣтъ, бывшій созданиемъ этихъ реформъ, закрѣпленныхъ конституціею II-го Литовскаго статута. Однако, въ то же время, какъ эта конституція, такъ и повѣтъ, ставшій потомъ основною ячейкою политической жизни Княжества, тѣсно связаны съ предшествующею жизнью Литовско-Русскаго государства, развились на ея исторической основѣ, но само это развитіе, являясь естественнымъ ростомъ Княжества, сдѣлало ихъ отличными отъ того, чѣмъ они были въ предшествующее время. Старый повѣтъ былъ единицею судебно-административнаго и военнаго дѣленія Литовско-Русскаго государства. Оба эти значенія сохранилъ и повѣтъ пореформенный, но его характеръ совершенно измѣнился на основѣ выросшаго къ этому времени значенія народа-

шляхты Княжества и на основѣ новаго строя его парламента съ иною системою шляхетскаго представительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и предѣлы повѣтовъ, въ значеніи единицъ областного дѣленія, путемъ созданія новыхъ повѣтовыхъ округовъ, ставшихъ необходимыми, какъ часть общей реформы 1565—1566 годовъ. Но значеніе повѣта въ эту эпоху не было созданіемъ простой теоретической мысли, отвлекшейся отъ дѣйствительности предшествующаго времени. Реформа развила тѣ стороны стараго повѣта, которыя подлежали развитію согласно ея цѣлямъ, а не создавала ихъ совершенно вновь. Посмотримъ, чѣмъ же былъ Литовско-Русскій повѣтъ до реформы и какъ развивалось его значеніе ко времени ея осуществленія.

Въ значеніи округа слово „повѣтъ“ встрѣчается уже въ Литовско-Русскихъ актахъ XIV столѣтія¹⁾. Присматриваясь къ значенію этого слова въ источникахъ XIV, XV и начала XVI столѣтій, можно вывести заключеніе, что оно употребляется для обозначенія округа, объединеннаго одною административною властью. „Тежъ, естли бы жидове, подлугъ своего обычая, нѣкоторого жида умерлого, отъ мѣста до мѣста, отъ повѣта до повѣта, або отъ одное земли до другое везли бы чрезъ мыта: ничого на нихъ мыта не маеть брано быти“ — читаемъ въ привилеѣ Витовта, данномъ Литовскимъ евреямъ въ 1388 году²⁾. Въ грамотахъ, которыя опредѣляютъ права господарскихъ намѣстниковъ, можно уловить значеніе слова „повѣтъ“ какъ округа, подлежащаго управленію намѣстника и тянущаго къ центру, въ которомъ намѣстникъ находится. Такъ, въ грамотѣ Сигизмунда I, данной 20 апрѣля 1514 года³⁾ и обращающейся отъ имени великаго князя къ „княземъ и паномъ, и бояромъ и дворяномъ“ господарскимъ, „и войту и мѣщаномъ, и тивуномъ,

1) Нпр., Каменецкій повѣтъ — А. З. Р. I. № 6 (1383 г.).

2) А. З. Р. I. № 9. С. А. Бершадскій. Документы и Регесты къ исторіи Литовскихъ евреевъ. Т. I. СПб. 1882. Стр. 11 (№ 1, арт. 12). *Działyński. Zbiór praw Litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudzież rozprawę sejmową o tych że prawach od roku 1544 do roku 1563. Poznań 1841. Str. 105.* С. А. Бершадскій датируетъ этотъ документъ 2-мъ іюля 1388 года. Редакторъ Актовъ Западной Россіи, протоіерей І. Григоровичъ, и Дзялыньскій — 1-мъ іюля того же года.

3) А. З. Р. II. № 87.

и сотникомъ, и людемъ“ господарскимъ „путнымъ и тяглымъ“ Городенскихъ дворовъ господаря, сообщается имъ всѣмъ о томъ, что великій князь далъ пану Юрію Николаевичу Радивиловича¹⁾ „держати“ отъ себя господарскій замокъ Городень²⁾ со всѣми господарскими дворами, „которые къ тому замку“ великаго князя „прислушаютъ“. Всѣ перечисленныя выше группы населенія должны быть „послушни“ новому старостѣ-державцѣ. Далѣе въ томъ же документѣ упоминаются соляники и бобровники, „колько-кольвекъ ихъ есть въ Городенскомъ повѣтѣ“, а также озера и езы по рѣкамъ, опять „у повѣтѣ Городенскомъ“. Такимъ образомъ, всѣ господарскіе дворы, подлежащіе управленію Городенскаго старосты, съ ихъ округами и съ населеніемъ, такъ или иначе тянущимъ къ этимъ дворамъ, составляютъ Городенскій повѣтъ. Повѣтъ — округъ, подлежащій власти одного господарскаго намѣстника-державцы. Значеніе такого округа слово „повѣтъ“ имѣетъ и въ XV столѣтіи, что совершенно ясно изъ слѣдующей статьи Судебника Казимира: „а коли бы нашъ человекъ вину далъ князьскому или паньскому или боярьскому человеку, а въ которомъ повѣтѣ, подѣ нашимъ намѣстничьствомъ или тивуньствомъ: ино нашему намѣстнику, а любо тивуну, обослати, ижьбы нашему человеку стало ся право“³⁾.

При такомъ значеніи слова „повѣтъ“, оно прилагается одинаково и къ округамъ замковъ, и къ округамъ дворовъ господарскихъ. Оно можетъ обозначать и округъ болѣе крупныхъ размѣровъ, и округъ размѣровъ меньшихъ, причемъ округъ этихъ послѣднихъ размѣровъ можетъ даже составлять часть повѣта болѣе крупнаго. Послѣ смерти Путивльскаго князя Богдана⁴⁾ Сигизмундъ I распорядился

1) Кіевскій воевода, подчашій, намѣстникъ Меречскій и Мозырскій.

2) Т. е. Городно.

3) А. З. Р. I. № 67. По дѣленію М. Ф. Владимірскаго-Буданова статья 9 (Христоматія по исторіи русскаго права. Выпускъ второй).

4) Князь Богданъ Феодоровичъ Глинскій, отвезенный плѣнникомъ въ Москву въ 1500 году, вступившій въ Московскую службу и оставшійся въ Москвѣ послѣ освобожденія плѣнныхъ въ 1509 году. Ср. J. Wolff. *Kniaziowie Litewsko-Ruscy od końca czternastego wieku*. Warszawa 1895. Str. 87 i 405.

въ 1512 году: „ино, коли князя Богдана въ животѣ не стало, мы во вси его имѣнья, которые у Кіевскомъ повѣтѣ и индѣ гдѣ кольвекъ будутъ въ повѣтѣхъ замковъ и дворовъ нашихъ, казали есьмо на насъ ся увязати, къ замку нашому Кіевскому, воеводѣ Кіевскому пану Юрью“¹⁾. Еще примѣръ. Въ листѣ Сигизмунда I отъ 18 марта 1507 года, выданномъ въ Виленскій повѣтъ, читаемъ: „намѣстникомъ нанимъ и тивуномъ по дворомъ нашимъ Виленского повѣта, и княземъ, и паномъ, кнегинямъ и паньямъ вдовамъ, и бояромъ и дворяномъ нашимъ, тымъ, которые имѣнья свои мають въ повѣтѣ тыхъ дворовъ нашихъ, и татаромъ, и слугамъ путнымъ“²⁾. Читая дальше тотъ же листъ Сигизмунда I, встрѣчаемъ въ немъ такія слова: „державцы наши мають тую серебщину“³⁾ выбирать, безъ всякого умѣшканья, каждый у своемъ повѣтѣ, зъ нашихъ людей; а хоружій каждый у своемъ повѣтѣ має выбирать зъ людей боярскихъ и дворянскихъ и вдовыхъ и татарскихъ, подъ свѣдомомъ каждого державцы нашего“. Приведенныя слова документа совершенно отчетливо отмѣчаютъ три явленія: 1) Виленскій повѣтъ, какъ повѣтъ воеводства, вмѣщаетъ въ себѣ рядъ повѣтовъ державъ, 2) повѣты имѣютъ своихъ хоружихъ, т. е. они имѣютъ значеніе военного дѣленія земскаго войска Княжества и 3) серебщина, установленная сеймомъ, собирается съ имѣній землевладѣльцевъ, подлежащихъ несенію земской военной службы, не державцею, а хоружимъ, т. е. должностнымъ лицомъ, стоящимъ во главѣ той части населенія даннаго округа, которая позднѣе стала именоваться его шляхтою; державца лишь сохраняетъ надзоръ за сборомъ серебщины хоружимъ съ этой части земель, входящихъ въ повѣтъ-державу, самъ же онъ непосредственно собираетъ серебщину только съ господарскихъ людей державы. Такъ уже въ началѣ XVI столѣтія намѣ-

1) А. З. Р. II. № 76. Кіевскимъ воеводою былъ въ это время панъ Юрій Николаевичъ Радзивиль.

2) А. З. Р. II. № 17.

3) Рѣчь идетъ о сборѣ серебщины, установленной Городенскимъ сеймомъ 1507 года. М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Опытъ по исторіи учрежденія въ связи съ внутреннимъ строемъ и внѣшнею жизнью государства. М. 1900 (и въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Др. Російскихъ при Московскомъ Университетѣ). Стр. 179.

чается различіе повѣта державцы и повѣта шляхетскаго въ ихъ значеніи: они совпадаютъ въ своихъ границахъ округа намѣстничества-державы, но различаются по правамъ земле-владѣльцевъ — земли господарскія, съ одной стороны, и земли княжескія, панскія, боярскія, дворянскія и татарскія, съ другой.

Итакъ слово „повѣтъ“, какъ обозначеніе административно-судебнаго округа, было общимъ названіемъ, которое могло прилагаться и къ цѣлой землѣ или воеводству¹⁾, и къ тѣмъ староствамъ и державамъ, которыя лежали внутри этихъ земли или воеводства. „Повѣтовый державца“²⁾ управляетъ и судить въ предѣлахъ своего повѣта, будетъ ли это воеводство, староство, или держава. Когда панъ Янъ Литаворъ Хребтовичъ былъ „державъцою Слонимскимъ“, то господарскіе люди „Белавичане и Гошовъцы на оный часъ подъ его жъ поветомъ были“, какъ говорить одинъ судный документъ 1511 года³⁾. Административно-судебнымъ центромъ повѣта могъ быть крупный городъ, со своимъ замкомъ стоявшій во главѣ цѣлой земли или воеводства, но могъ быть и городъ помельче, а также простой господарскій дворъ. Рядомъ съ повѣтами Виленскимъ или Троцкимъ встрѣчаемъ повѣты Мартиновскаго двора⁴⁾, Молодеченскій⁵⁾ и т. д. Въ предѣлахъ своихъ повѣтовъ воеводы, старосты и державцы творятъ судъ и управу не только по отношенію къ городскимъ и сельскимъ подданнымъ госпо-

1) Полоцкій повѣтъ — А. Ю. и З. Р. I. № 42 (1507 г.), № 47 (1508 г.); Кіевскій повѣтъ — *ibidem*, № 72 (1522 г.) и т. д. Перечни Литовско-Русскихъ повѣтовъ времени до реформы 1565—1566 годовъ см. въ указателяхъ: 1) къ Актамъ Литовской Метрики Ѳ. И. Леонтовича (Т. I. Вып. II. Варшава 1897. Стр. XVIII), 2) къ Сборнику Матеріаловъ I. Малиновскаго (стр. CXLIV) и 3) къ XX-му тому Русской Исторической Библіотеки (стр. 226).

2) „... якожь онъ на онъ часъ то объявилъ пану Шимку Мацковичу, яко державцы поветовому“ (панъ Шимко Мацковичъ — тивунъ Виленскій, державца Ушпольскій, Пеняскій и Радунскій) А. Вил. XXIV. № 43. „Тыхъ поветовъ державцы“. I. Малиновскій. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи пановъ рады Великаго Княжества Литовскаго. Томскъ 1901. Стр. 165.

3) Р. Ист. Б. XX. Ст. 696.

4) Р. Ист. Б. XXVII. Ст. 571, 592, 593.

5) Р. Ист. Б. XX. Ст. 904.

дарскимъ, но и по отношенію къ боярамъ-шляхтѣ¹⁾. Извѣстенъ характеръ этихъ суда и управы. Они были судомъ и управою господарскаго намѣстника, съ перевѣсомъ надъ публичнымъ началомъ начала личнаго, котораго ограниченіями были Уставныя земскія грамоты для отдѣльныхъ земель, Нѣмецкое право для нѣкоторыхъ „упривилъеванныхъ“ городовъ, да возможность вмѣшательства господаря. Господарь освобождалъ отъ власти намѣстника или ее ограничивалъ своимъ привилеемъ. Онъ ограничивалъ эту власть и своимъ разборомъ дѣла по жалобѣ обиженныхъ намѣстникомъ или отъ него потерпѣвшихъ. Личное начало управленія несомнѣнно перевѣшиваетъ въ эту пору въ областной жизни его значеніе государственное. Самыя книги суда воеводы или старосты этого времени называются иногда именемъ пана, занимающаго старостинскій или воеводскій урядъ, а не обозначеніемъ этого уряда²⁾. Жалобы на произволъ намѣстниковъ, на „новины“, которыя они нерѣдко вводятъ, также иллюстрируютъ это личное начало въ дѣятельности намѣстниковъ, но въ то же время иллюстрируютъ и отстаиваніе „старинны“ въ областной жизни и въ областномъ управленіи³⁾. Передъ нами тутъ выступаетъ вторая характерная черта дореформеннаго областного строя — „старина“, которая какъ руководящій принципъ признается официально и великими князьями въ ихъ заявленіяхъ: „бо мы старинны не рушаемъ, а новинъ не уводимъ“⁴⁾. Но ниже увидимъ не разъ, какъ подъ покровомъ этого принципа въ областномъ строѣ раз-

1) М. К. Любавскій. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута. М. 1892 (и въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. Университетѣ). Очеркъ III. Стр. 297—764.

2) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 51.

3) Ср. стр. 24—25 изслѣдованія М. В. Довнаръ-Запольскаго Государственное хозяйство Великаго Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ, томъ I, Кіевъ 1901 (и въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ) и стр. 13—36 его же изслѣдованія Очерки по организаціи Западно-Русскаго крестьянства въ XVI вѣкѣ, Кіевъ 1905.

4) Ср. систематическій сводъ уставныхъ земскихъ грамотъ на стр. 113 изслѣдованія М. Ясинскаго Уставныя земскія грамоты Литовско-Русскаго государства, Кіевъ 1889 (и въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ).

вивались новыя явленія, которыя этотъ строй постепенно измѣняли, пока наконецъ не выразились ясно и опредѣленно въ конституціи статута 1566 года.

Рядомъ со значеніемъ единицы административно-судебнаго дѣленія дореформенный повѣтъ имѣлъ и значеніе единицы дѣленія военнаго. Повѣтъ былъ хоружествомъ; повѣты были частями земскаго войска, въ которыя формируются господарскіе бояре и земяне для отбыванія земской военной службы. Въ датированныхъ октябрѣмъ 1509 года посольскихъ рѣчахъ отъ рады Великаго Княжества Литовскаго къ великому князю Сигизмунду I читаемъ: „а мы, милостивый государю, подле росказанья ваше милости, приехали здесе до Лиды. Сами з нашими слугами лежимъ, а при насъ поветовъ велми мало“¹⁾. Въ „отказѣ“ того же великаго князя посольству рады Княжества, относящемуся ко второй половинѣ 20-хъ годовъ XVI столѣтія, стоитъ: „тежь его милость первой сего по всимъ поветамъ до всихъ подданныхъ Великаго Князства Литовскаго писалъ, приказуючи, абы были вси на службу его милости поготове коньне а збройне“²⁾. Наканунѣ утвержденія I-го статута военныя нужды Великаго Княжества Литовскаго требовали особаго къ себѣ вниманія. Государству грозили серьезныя опасности отъ Москвы, Татаръ и Турокъ³⁾. 1 мая 1528 года на Виленскомъ сеймѣ были на 10 лѣтъ установлены размѣры земской военной службы съ имѣній⁴⁾. 21 января 1529 года на томъ же исключительномъ по своей продолжительности Виленскомъ сеймѣ Сигизмундъ I „зо всеми паны радами его милости, такъ духовными, яко и свѣтскими, рачиль установити и замкнути раду свою господарскую къ оборонѣ посполитого добраго рѣчи земской“ и дополнилъ предшествующее постановленіе, введя рядъ новыхъ постановленій для военной земской службы, а также опредѣливъ размѣры денежныхъ сборовъ на военныя нужды⁵⁾. Къ этому времени подоспѣло и окончаніе переписи всего

1) Сборникъ Матеріаловъ I. Малиновскаго. Стр. 140.

2) Сборникъ Матеріаловъ I. Малиновскаго. Стр. 183.

3) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 247.

4) А. З. Р. II. № 152.

5) А. З. Р. II. № 161.

служащаго военную земскую службу населенія Княжества — извѣстный „попись“ 1528 года, получившій официальное значеніе „ухвалы“ сейма¹⁾.

Посмотримъ, какъ эта „ухвала“ (о размѣрахъ военной службы обывателей Княжества съ ихъ земскихъ имѣній) употребляетъ слово „повѣтъ“. „Ухвала“ 1528 года знаетъ два большихъ повѣта: Виленскій и Трощкій²⁾. Части зем-

1) „Ухвала на великомъ сойме Виленскомъ, въ року 1528 мѣсяца мая 1 дня учиненая, з стороны обороны земское, колько хто съ пановъ радъ, врядниковъ и всихъ обывателей Великого Князства Литовского з ыменей своихъ ку службѣ военной коней ставити маеть“. Литовская Метрика, Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ книга 1. Части этой „ухвалы“ изданы Виленскою Коммиссією для разбора древнихъ актовъ въ XIII-мъ („попись земли Волинское“ — стр. 19—21) и XXIV-мъ (значительная часть „ухвалы“ — стр. 32—69) томахъ издаваемыхъ ею Актовъ, а также въ Архивѣ Сангушковъ (Archiwum książąt Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie, tom III. № CCCXL — общій перечень повѣтовъ Трощкаго воеводства, земяне Берестейскіе, Подляшскіе и „попись земли Волинское“). „Реестръ бояръ Пинскихъ пописа 1528“ напечатанъ въ Пинскихъ Актахъ, приложенныхъ къ труду А. С. Грушевскаго Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-Русскаго государства XIV—XVI в. — № XXXVI (Кіевскія Унив. Извѣстія 1903 г. и въ отдѣльномъ отискѣ этого труда — стр. 45—47). Изданіе части „ухвалы“ въ *Źródła Dziejowe*, къ сожалѣнію, сдѣлано не по русскому оригиналу, что значительно уменьшаетъ научную цѣнность этого изданія. Неудобство передачи русскаго текста оригинала Лит. Метрики въ польско-латинской транскрипціи отмѣчено И. Т. Варановскимъ (Ignacy Tadeusz Baranowski — рецензія первой части XVII-го тома *Źródła Dziejowe*. *Kwartalnik Historyczny*, 1909, zeszyt 3, str. 423). Въ настоящее время 1-я книга Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ издается Императорской Археографической Коммиссією вмѣстѣ съ „пописами“ 1565 и 1567 годовъ. За любезное предоставленіе возможности воспользоваться уже напечатанными первыми 24-мя листами этого изданія приносимъ благодарность г. правителю дѣлъ Коммиссіи В. Г. Дружинину. Для удобства провѣрки нашихъ ссылокъ на „ухвалу“ 1528 года, въ виду невыхода еще въ свѣтъ ея изданія, даемъ указанія и на листы рукописи, и на столбцы изданія.

2) Названіе Виленскаго повѣта „ухвала“ даетъ совершенно ясно передъ началомъ перечня частей земскаго войска этого повѣта — „то поветъ Виленскій“ (л. 11 об., ст. 21 изданія). Названіе Трощкаго повѣта передъ началомъ перечня частей его земскаго войска дано такъ: „реестръ бояръ Ковенского повѣту Трощкаго“ (л. 68, ст. 63 изданія). Но совершенно опредѣленно дано это названіе при подведеніи итога по этому повѣту: „сума великая всихъ реестровъ Трощкаго повету“ (л. 108, ст. 109 изданія).

скаго войска Виленскаго повѣта, выдѣляемыя „ухвалою“, слѣдующія: дворъ Опмена, дворъ Мѣдники, дворъ Менскій, дворъ Айна, дворъ Лидскій, замокъ Новгородскій, дворъ Марково, хоружество Кревское и Свирское, бояре Рудоминскіе, бояре Мемижскіе, бояре Керновскіе, бояре Мойшагольскіе, бояре Вилькомирскіе, бояре Пенянскіе, князья и бояре Гедройтскіе, бояре Судеревскіе, бояре Неменчинскіе, бояре Оникштенскіе и владѣющіе имѣніями въ Браславль бояре Смоленскіе ¹⁾. Слово „повѣтъ“ приложено „ухвалою“ къ тремъ изъ этихъ частей земскаго войска Виленскаго повѣта; она называетъ повѣты Керновскій, Мойшагольскій и Вилькомирскій ²⁾. Въ составъ Троцкаго повѣта „ухвала“ выдѣляетъ слѣдующія части земскаго войска: повѣтъ Ковенскій ³⁾, бояре Жижморскіе, бояре Сомилишскіе, бояре Лепуньскіе, бояре Высокодворскіе, бояре Ейшишскіе, бояре Радуньскіе, бояре Перелайскіе, бояре Коневскіе, бояре Дорсунишскіе, бояре Бирштанскіе, бояре Мерецкіе, бояре Василишскіе, бояре Острыньскіе, бояре Жолудскіе, бояре Городенскіе, бояре Волковыйскіе, бояре Слонимскіе, бояре Каменецкіе, земляне Берестейскіе, не имѣющіе людей земляне Подляшскіе, бояре Упитскіе, бояре Троцкіе и бояре Курк-

1) Къ реестру бояръ Керновскихъ текстъ „ухвалы“ присоединяетъ путныхъ слугъ села Жолдунскаго, къ реестру бояръ Вилькомирскихъ — бояръ Товянцевъ, къ реестру бояръ Пенянскихъ — бояръ Бетиголцевъ и бояръ Шейвянцевъ. Весь повѣтъ Виленскій переписанъ на л. л. 11 об. — 67 об. (ст. 21—62 изданія).

2) „Того жъ повѣту Керновскаго слуги господарскіи путныи, кождый именемъ написанъ“ (л. 50 об., ст. 48 изданія), „бояре повету Мойшокгольскаго жъ, которіи людей не мають, сами мають ку службе ехати“ (л. 52 об., ст. 49 изданія), „то реестръ повѣту Вилькомирскаго“ (л. 53 об., ст. 50 изданія). Виленскій „повѣтъ“ упоминается дважды: 1) въ общемъ заголовкѣ (см. выше въ примѣчаніи 2 на стр. 8 и 2) при подведеніи общаго итога — „сума всего повету Виленскаго 2000 осемъ сотъ 95 коней“ (л. 67 об., ст. 62 изданія).

3) Заголовокъ, стоящій въ I-ой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Литовской Метрики („реестръ бояръ Ковенскаго повѣту Троцкаго“) можетъ давать поводъ къ сомнѣнію въ томъ, что имѣемъ въ немъ названіе Ковенскаго „повѣта“. Но, что это такъ, видно изъ слѣдующаго: 1) сама эта книга Троцкихъ бояръ переписываетъ много ниже (л. л. 106—107, ст. 106—108 изданія) и 2) въ выписи, выданной 5 марта 1641 года изъ Литовской канцеляріи, этотъ заголовокъ переданъ болѣе ясно — „реестръ повету Ковенскаго, бояръ Троцкаго первый реестръ“ (А. Вил. XXIV, стр. 48).

левскіе¹⁾. Въ реестрѣ земскаго войска Троцкаго повѣта слово „повѣтъ“ при переписи частей его встрѣчается три раза. Уже отмѣчено выше указаніе этимъ реестромъ Ковенскаго повѣта, какъ части повѣта Троцкаго. Въ реестрѣ Бирштанскихъ бояръ передъ началомъ переписи бояръ, не имѣющихъ людей, находится слѣдующій заголовокъ: „а то бояре, которыи людей не мають, Бирштанского жъ повету“²⁾. Наконецъ въ реестрѣ Мерецкихъ бояръ встрѣчаемъ такой заголовокъ: „реистръ бояръ Мерецкихъ; по тому жъ вся шляхта писана, яко в ыншыхъ поветехъ“³⁾. Окончивъ перепись земскаго войска Троцкаго повѣта, „ухвала“ 1528 года переписываетъ господарскихъ татаръ, служащихъ военную службу со своихъ имѣній⁴⁾, и затѣмъ переходитъ къ переписи земскаго войска Подляшья, которая состоитъ изъ трехъ частей: 1) „реестръ земянъ Мельницкихъ“, 2) „реистръ земли Дорогицкое“ и 3) „земля Бельская“⁵⁾. Послѣдняя часть переписи войска Подляшья, т. е. „земля Бельская“, подраздѣляется на парафіи (Бѣльская, Лубинская, Вышковская, Топичевская, Саражская, Кулешская, Соколовская, Кобылинская, Плонская, Яблонская, Дубровская, Вышенская, Домановская, Бронская и Долобовская). Парафіи состоятъ въ „ухвалѣ“ изъ селъ земянъ. При этомъ въ парафіи Плонской обозначены бояре Бѣльскіе Гриневичи (безъ указанія селъ, въ которыхъ они живутъ)⁶⁾ и бояре Бѣльскіе Роговскіе (два села — Рогово и Оплотъ Волчки)⁷⁾. За реестромъ Подляшья „ухвала“ 1528 года даетъ „попись земли Волянское“, за которымъ слѣдуютъ „реистръ бояръ Пинскихъ“, „реистръ бояръ Клецкихъ“, „реистръ бояръ Городецкихъ“, „реистръ бояръ Рогачовскихъ“, „реистръ бояръ Кобринскихъ“⁸⁾. Затѣмъ слѣдуютъ „реистръ земли

1) Весь Троцкій повѣтъ переписанъ на л. л. 68—108 (ст. 63—109 изданія).

2) Л. 87 об. (ст. 84 изданія).

3) Л. 88 (ст. 85 изданія).

4) Л. л. 108 об. — 117 (ст. 109—120 изданія).

5) Все Подляшье переписано на л. л. 117—193 (ст. 120—182 изданія).

6) Л. л. 173 и об. (ст. 167—168 изданія).

7) Л. л. 175 об. и 176 (ст. 169 изданія).

8) „Попись земли Волянское“ — л. л. 193 об. — 201 об. (ст. 183—188 изданія), „реистръ бояръ Пинскихъ“ — л. л. 202—205 (ст. 188—189 изданія), „реистръ бояръ Клецкихъ“ (а вмѣстѣ съ ними и Клецкихъ та-

Полоцкое“, „реистръ земли Витебское“, „бояре замьку Мьстиславьского“ и, наконецъ, „попись шляхты земли Жомойтское и ихъ людей“, которымъ заканчивается текстъ „ухвалы“ въ первой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ Литовской Метрики. „Попись“ шляхты Жомойтской дѣлится ее на части по господарскимъ дворамъ и волостямъ Жомойти: дворы — Вилькея, Велена и Ясвойни, волости — Ойрягола, Росейни, Видукли, Коршогово, Поюре, Шовды, Ретово, Гондинга, Вешвяне, Телшы, Биржаняны, Дирвяны¹⁾, Медингоны, Жоряны, Потумшы, Коркляне, Ужвента, Бержаны, Крожы, Келменская, Тондягола, Видукльская.

Присматриваясь къ употребленію слова „повѣтъ“ текстомъ „ухвалы“ 1528 года, сразу легко сдѣлаемъ два вывода: 1) это слово употребляется лишь въ тѣхъ частяхъ „ухвалы“, которыя заключаютъ въ себѣ перепись земскаго войска Виленскаго и Троцкаго воеводствъ²⁾, и 2) это слово употребляется и для обозначенія каждаго изъ этихъ двухъ воеводскихъ округовъ въ ихъ значеніи военнаго дѣленія Литовско-Русскаго государства, и для обозначенія ихъ подраздѣленій. Первый изъ сдѣланныхъ выводовъ находить свое объясненіе въ техникѣ составленія текста „ухвалы“ 1528 года. Этотъ текстъ составился изъ ряда отдѣльныхъ реестровъ, составленныхъ въ отдѣльныхъ частяхъ государства различными лицами и затѣмъ присоединенныхъ одинъ къ другому. Эта перепись земскаго войска Литовско-Русскаго государства, которою, по выраженію Западно-Русской лѣтописи, „всю землю Литовскую пописали“³⁾, представляетъ собою рядъ переписей отдѣльныхъ частей государства, веденныхъ одновременно въ 1528 году и слитыхъ

тарь) — л. л. 205—206 (ст. 189—190 изданія), „реистръ боярь Городецкихъ“ — л. л. 206—207 (ст. 190—191 изданія), „реистръ боярь Рогачовскихъ“ (вмѣстѣ съ ними и путныхъ слугъ) — л. 207 об. (ст. 191 изданія), „реистръ боярь Кобрынскихъ“ (вмѣстѣ съ ними бояре Грушовскіе и Черевачицкіе, бывшіе за князьями Сангушковичами) — л. л. 208—210 (ст. 191—192 изданія).

1) Эта волость раздѣляется на два тивунства.

2) Новгородское воеводство входило въ военный округъ Виленскаго воеводы. М. К. Любавскій. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе. Стр. 126.

3) П. С. Р. Л. XVII, ст. 405.

затѣмъ въ одинъ текстъ „ухвалы“¹⁾ .Такъ, въ Жомоитскую землю для переписи были посланы въ 1528 году господарскій секретарь, державца Скерстомонскій, панъ Станиславъ Якубовичъ Скопъ вмѣстѣ съ господарскимъ дворяниномъ, паномъ Яномъ Орвидовичемъ. Но эти лица получаютъ списки боярь-шляхты уже готовыми изъ рукъ Жомоитскаго старосты. Послѣдній распоряжается, чтобы всѣ тивуны Жомойти, каждый въ своемъ тивунствѣ, вмѣстѣ съ присоединенными къ каждому изъ нихъ двумя землянами и дякомъ отъ старосты Жомоитскаго, „пописали“ бы всѣхъ господарскихъ боярь-шляхту съ имѣніями и людьми. Каждый землянинъ и мѣщанинъ, „пописавшы имѣнья свои и люди, и сохи ихъ“, присягаютъ передъ производящими перепись комиссіями (тивунъ, два землянина и дякъ старосты) въ томъ, что „вѣрне а справедливе все пописали, а ничего не втаили“. Что касается до духовныхъ лицъ, то „плебани“ освобождаются отъ присяги при этомъ пописѣ, давая свѣдѣнія безъ присяги „подъ духовенствомъ своимъ“. Когда эти комиссіи переписутъ господарскую шляхту „и ихъ имѣнья и люди, и тежъ люди плебаньскіе и мѣщаньскіе, и сохи, и кони, и маемость каждого чоловѣка“, тогда онѣ представляютъ свои реестры Жомоитскому старостѣ и приносятъ передъ нимъ присягу въ томъ, что „справедливе“ господарскую шляхту „и ихъ имѣнья и люди и тежъ люди плебаньскіи и мѣщаньскіи, фольварки и сохи, и кони пописали, а ничего не втаили“. Скопъ и Орвидовичъ должны сами „пописати“ въ тивунствахъ земли Жомоитской лишь „боярь посѣдныхъ и слугъ путныхъ, и мѣщанъ, и всихъ людей“ господарскихъ съ ихъ „маемостью“, земли пустыя, земли, розданныя великими князьями Александромъ и Сигизмундомъ, ими же розданныхъ людей, а также сколько людей тивуны на господаря „присадили“ и сколько ихъ „убыло“ послѣ пописа господарскихъ писарей²⁾. Можно думать, что въ 1528 году подобныя же распоряженія были посланы и въ другія земли и воеводства Литовско-Русскаго

1) Ср. замѣчаніе С. А. Бершадскаго на стр. 25 Отчета о второмъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова (М. 1894).

2) М. К. Любавскій. Областное дѣленіе и мѣстное управленіе. Приложенія. № 44.

государства¹⁾. Съ другой стороны, трудно предполагать, что рядомъ съ такою общею переписью населенія, когда дѣйствительно „всю землю Литовскую пописали“, была предпринята еще другая перепись исключительно для землевладѣльцевъ, служившихъ земскую военную службу. Надо думать, что изъ этой общей переписи, составлявшейся по типу такъ называемыхъ „ревизій“, т. е. подробныхъ описаній²⁾, были лишь выбраны простые списки лицъ, обязанныхъ служить земскую службу съ указаніемъ размѣровъ этой службы. Составленный такимъ образомъ общій реестръ былъ представленъ Виленскому сейму и имъ санкціонированъ, т. е. получилъ значеніе „ухвалы“, сеймоваго постановленія.

Если принять сейчасъ изложенный способъ составленія „ухвалы“ 1528 года, то, конечно, отдѣльные реестры частей государства должны отражать въ себѣ и мѣстныя особенности, притомъ не только по отношенію къ явленіямъ жизни, но и по отношенію къ терминологіи, державшейся въ данное время въ различныхъ частяхъ Литовско-Русскаго государства, такъ какъ передъ нами работа мѣстныхъ дѣятелей, безъ переработки ея вновь въ центрѣ государства, такой переработки, которая могла бы ввести и общую терминологію въ отдѣльные реестры, составившіе текстъ „ухвалы“ 1528 года. Если всѣ представленныя соображенія могутъ быть приняты, то по отношенію къ употребленію слова „повѣтъ“ этою „ухвалою“ можетъ быть сдѣлано слѣдующее замѣчаніе: слово „повѣтъ“ къ 1528 году привилось въ предѣлахъ Виленскаго и Троцкаго воеводскихъ военныхъ округовъ, но не вошло еще вполне въ число словъ, употреблявшихся обывателями остальныхъ частей государства. Иначе говоря, слово „повѣтъ“ можетъ, на основаніи его употребленія текстомъ „ухвалы“ 1528 года, считаться употребительнымъ въ эту эпоху главнымъ образомъ въ государственномъ ядрѣ территоріи Литовско-Русской, территоріи старыхъ удѣловъ Ольгерда и Кейстута эпохи политическаго дуализма Княже-

1) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 248.

2) См., напр., Полоцкую Ревизію 1552 года. Полоцкая ревизія 1552 года. Къ изданію приготовилъ И. И. Лаппо. Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Др. Р. при Моск. Ун. 1905, II и отдѣльно М. 1905.

ства XIV столѣтія, гдѣ Вильна и Троки сначала дѣлили между собою значеніе общегосударственныхъ центровъ¹⁾, но затѣмъ одно „столечное мѣсто“ Вильна взяло на себя всю роль государственнаго центра Великаго Княжества Литовскаго.

Для органовъ центральнаго управленія слово „повѣтъ“ въ значеніи округа, въ предѣлахъ котораго дѣйствуетъ опредѣленная власть, должно было представлять несомнѣнное удобство. При различіи названій носителей этой власти — воеводы, намѣстники, старосты, державцы и т. д. — подыскать слово, обозначающее административный округъ безъ различія его предѣловъ, въ значеніи просто подчиненности его опредѣленной власти, представлялось желательнымъ, и слово „повѣтъ“, какъ не выработанное предшествующимъ уже временемъ, которое могло бы его приурочить лишь къ одному опредѣленному виду правительственныхъ округовъ, должно было представлять собою удобство въ практикѣ центральной власти, свободное отъ болѣе частныхъ чертъ. Отсюда и возможность названія повѣтомъ и цѣлаго воеводства, и округовъ господарскихъ дворовъ, входившихъ въ его составъ, т. е. обозначеніе однимъ и тѣмъ же словомъ и цѣлаго, и его частей. Выше приведены слова „ухвалы“: „реистръ бояръ Мерецкихъ; по тому жъ вся шляхта писана, яко в њншихъ поветехъ“. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что подъ „иными“ повѣтами тутъ понимаются тѣ округи Троцкаго повѣта-воеводства, именами которыхъ названы части земскаго войска, составляющія войско этого повѣта-воеводства. И въ самомъ дѣлѣ акты первыхъ десятилѣтій XVI столѣтія называютъ всѣ эти округи повѣтами²⁾.

1) Такъ, главный скарбъ находился долго не въ Вильнѣ, а въ Трокахъ. М. В. Довнаръ-Запольскій. Литовскія упоминки Татарскимъ ордамъ. Симферополь 1898. Стр. 4.

2) Повѣты Берестейскій, Василюшскій, Волковыскій, Городенскій, Ейшишскій, Жижморскій, Каменецкій, Ковенскій, Радунскій, Слонимскій, Сомилюшскій и Троцкій см. по указателямъ къ Актамъ Литовской Метрики Ѳ. И. Леонтовича (Томъ первый, выпускъ второй, стр. XVIII) и къ XX-му тому Русской Исторической Библіотеки (стр. 226). Повѣты Бириштанскій, Дорсунишскій, Жолудскій, Лепунскій, Мерецскій, Остринскій — въ указателѣ къ первому изъ этихъ изданій. Упитскій повѣтъ — Русск. Ист. Библ.

Таковы наблюденія, которыя могутъ быть сдѣланы надъ употребленіемъ „ухвалою“ 1528 года слова „повѣтъ“ въ значеніи подраздѣленія Виленскаго и Троцкаго воеводствъ-повѣтовъ. Но части земскаго войска этихъ воеводствъ, становящіяся въ военныхъ сборахъ около своихъ воеводъ, должны имѣть своихъ хоружихъ, стоящихъ во главѣ ихъ съ хоругвями повѣтовъ. „Ухвала“ 1528 года называетъ ихъ не во всѣхъ частяхъ, на которыя распадается земское войско Виленскаго и Троцкаго воеводствъ-повѣтовъ. Въ Виленскомъ воеводствѣ названы только хоружіе Опменскій, Медницкій, Новгородскій, Рудоминоскій, Мемижскій, Мойшагольскій, Пенянскій¹⁾. Въ воеводствѣ Троцкомъ названы хоружіе Ковенскій, Сомилишскій, Лепуньскій, Высокодворскій, Ейшишскій, Бириштанскій, Меречскій, Василишскій, Остринскій, Троцкій и Курклеветскій²⁾. Но трудно видѣть въ отсутствіи упоминанія „ухвалою“ хоружихъ въ другихъ частяхъ земскаго войска Виленскаго и Троцкаго воеводствъ основаніе для того, чтобы отрицать въ нихъ существованіе уряда хоружія: въ реестрѣ хоружества Кревскаго и Свирскаго „ухвалою“ не названъ хоружій, а между тѣмъ самое названіе этой части земскаго войска Виленскаго воеводства

XXVII, ст. 710. Въ выписи части „уфалы“ 1528 года, выданной изъ Литовской Метрики въ 1619 году, стоитъ — „повѣтъ Троцкій, который въ себе маеть поветы: напродъ Ковенскій, Жижморскій, Сомилишскій, Лейпунскій, Высокодворскій и Ейшишскій, Радунскій, Перелайскій, Коневскій, Дорсунишскій, Бириштанскій, Меречскій, Василишскій, Остринскій, Жолудскій, Городенскій, Волковыскій, Слонимскій, Каменецскій, Берестейскій, Упитскій, Троцкій, Курклеветскій“. (Archiwum Sangusków. Tom III. № CCCXL).

1) Опменскій хоружій Николай Якубовичъ (л. 11 об., ст. 21), Медницкій — Станиславъ Стецковичъ (л. 19 об., ст. 27), Новгородскій — Михно (л. 29 об., ст. 34), Рудоминоскій — Томашъ Якубовичъ (л. 37, ст. 39), Мемижскій — Юри Войдатовичъ (л. 43, ст. 43), Мойшагольскій — Якубъ Товтигиновичъ (л. 51 об., ст. 49), Пенянскій — Матей Стецковичъ (л. 61, ст. 56).

2) Ковенскій хоружій „Война хоружій Лабуньскій (л. 69, ст. 64), Сомилишскій — Николай Ивашковичъ (л. 75, ст. 70), Лепуньскій — Янъ Гестовтовичъ (л. 77, ст. 73), Высокодворскій — Николай Федевичъ (л. 78, ст. 73), Ейшишскій — Станько (л. 81, ст. 77), Бириштанскій — Станиславъ Мацковичъ (л. 87, ст. 84), Меречскій — „хоружій Меречскій самъ“ (л. 88, ст. 85), Василишскій — Янъ Богданъ Довгирдовичъ (л. 89, ст. 86), Остринскій — Миклашъ (л. 90 об., ст. 88), Троцкій — Андрушко Богдановичъ (л. 106 об., ст. 107), Курклеветскій — Матей Бернатовичъ (л. 107 об., ст. 108).

говорить о наличности въ ней уряда хоружія¹⁾. Однако, съ другой стороны, возможно и предположеніе о соединеніи нѣсколькихъ частей земскаго войска воеводства подь одною и тою же хоругвью — такому предположенію текстъ „ухвалы“ не противорѣчить.

Подведемъ итогъ извлеченному изъ текста „ухвалы“ 1528 года для изученія Литовско-Русскаго повѣта. Повѣтами она называетъ и воеводства Виленское и Троцкое, и ихъ части, т. е. округа господарскихъ дворовъ и замковъ. Хоружіе обозначены ею не во всѣхъ повѣтахъ. Не указаны ею и хоружіе цѣлыхъ воеводствъ, которые бы держали общія хоругви для всѣхъ частей воеводствъ-повѣтовъ, становясь рядомъ съ воеводою и объединяя около своихъ хоругвей всѣ части земскаго войска, образуемая повѣтами-частями каждаго изъ двухъ воеводствъ-повѣтовъ. Не указываетъ „ухвала“ хоружихъ и въ рядѣ повѣтовъ, составляющихъ воеводства. Нельзя не признать, что текстъ „ухвалы“ 1528 года не даетъ вполне точнаго и опредѣленнаго, ограничивающаго слишкомъ широкую возможность пониманія, значенія для слова „повѣтъ“, и, конечно, въ этомъ вина не редакціи его, а вина жизни, не успѣвшей еще выработать точнаго и опредѣленнаго содержанія для понятія „повѣта“.

Ту же неопредѣленность найдемъ и въ статутѣ 1529 года, въ тѣхъ его артикулахъ, въ которыхъ ему приходится употреблять слово „повѣтъ“. Воеводы, канцеляны, канцлеръ, маршалки, старосты, державцы и всѣ уряды господарскіе имѣютъ, по этому кодексу, свои повѣты, въ которыхъ они вѣдаютъ судъ и управление²⁾. Такимъ образомъ повѣты свои имѣютъ не только носители власти въ областяхъ, притомъ какъ въ цѣлыхъ воеводствахъ, такъ и въ подраздѣленіяхъ по-

1) „Ренстръ хоружства Кревскаго и Свирскаго“ л. л. 35 об. — 36 об. (ст. 38—39 изданія).

2) „Тежъ уставуемъ: ачъ колве права писаные дали есмо земли, Великому Князству Литовскому, а вшакже старыхъ владовъ, воеводства Виленскаго и воеводства Троцкого и иныхъ воеводъ, кашталяновъ и канцлерства, маршалства земскаго и маршалства дворного и староствъ, и вси влады наши ничимъ не меншаемъ — маеть ся каждый съ нихъ у своемъ повете справовати и судити и радити, и децкихъ своихъ всылати, и владовъ своихъ уживати подле давного обычая, одно судити мають съ тымъ писанымъ правомъ“. I ст., III, 4. Ср. I ст., I, 15 и I ст., VI, 1 и 3.

слѣднихъ, старостахъ и державахъ, но и представители центрального управленія, канцлеръ и маршалки. Рядомъ съ этимъ значеніемъ округовъ компетенціи того или другого уряда въ статутъ 1529 года ясно обрисовывается и значеніе повѣтовъ, какъ единицъ военнаго дѣленія, т. е. какъ частей земскаго войска. Статутъ требуетъ, чтобы всѣ подданные господаря, обязанные служить военную службу, „не инде бы ся шиховали¹⁾ ани ся инде становили персонами своими, толко подъ хоруговою своею поветовою, въ которомъ повете суть осели“. Исключеніями могутъ быть лишь случаи съ „особного росказанья гетманскаго“. Служащіе раднымъ панамъ, господарскимъ урядникамъ, или вообще кому-либо, въ случаѣ сбора земскаго войска, должны замѣстить себя „подле пана своего“ другимъ лицомъ, не обязаннымъ земскою военною службой, а сами „местца своего хоруговного, яко повиннейшого, жадною мерою опустити и омешкати“ не смѣютъ, подъ угрозой утраты своего имѣнія. Кто владѣетъ имѣніями въ разныхъ повѣтахъ одновременно, „тотъ маеть въ повете своемъ томъ со всимъ своимъ почтомъ зыменей купленныхъ и выслужонныхъ и отчизныхъ и з женного имения стати, въ которомъ повете будетъ его имене отчизное головное“²⁾. Такимъ образомъ статутъ 1529 года закрѣпляетъ то двойное значеніе повѣта, которое, какъ мы видѣли уже выше, устанавливалось ко времени его утвержденія. Но и въ этомъ кодексѣ слово „повѣтъ“ остается обозначеніемъ въ одно и то же время и цѣлаго, и его части. Повѣтами продолжаютъ называться и округи воеводъ, и округи державцевъ, лежащіе внутри границъ воеводскихъ повѣтовъ. „А вшакже который бы з державецъ нашихъ таковою речью былъ обвиненъ, таковой кождый маеть припозванъ быти передъ воеводу повету своего и будетъ повиненъ судъ свой оказовати“ — гласитъ одинъ изъ артикуловъ статута³⁾. Державцы, имѣя свои повѣты, въ то же время имѣютъ и своего повѣтоваго воеводу, котораго повѣтъ

1) О значеніи слова „шихъ“ см. И. И. Лаппо, Великое Княжество Литовское за время отъ заключенія Люблинской Уніи до смерти Стефана Баторія (1569—1586), томъ первый (СПБ. 1901), стр. 544.

2) I ст., II, 2.

3) I ст., VI, 1.

вбираетъ въ себя повѣты всѣхъ державцевъ его воеводства. Нѣкоторая неопредѣленность значенія слова „повѣтъ“, какъ термина, на лицо въ статутѣ 1529 года. Кромѣ того, въ рядахъ населенія, служащаго со своихъ имѣній, осѣлостей въ повѣтѣ, земскую военную службу, статутъ различаетъ двѣ группы: 1) „шляхту, которые суть у поветехъ“ и 2) „пановъ, которые не судятся у поветехъ“¹⁾. Такимъ образомъ повѣтъ еще не объединяетъ подсудностью повѣтовому суду всѣхъ, служащихъ со своихъ осѣлостей военную земскую службу въ его предѣлахъ.

Итакъ статутъ 1529 года и правительственные акты его времени еще не выработали вполнѣ опредѣленнаго значенія для слова „повѣтъ“, не успѣли еще создать изъ него термина, подъ которымъ понималось бы значеніе только одного опредѣленнаго вида областного дѣленія Литовско-Русскаго государства. Акты послѣдующихъ годовъ сохраняютъ ту же сбивчивость въ пониманіи этого слова, но чѣмъ ближе приближаемся ко времени утвержденія статута 1566 года, тѣмъ яснѣе начинаетъ выступать одна черта при примѣненіи слова „повѣтъ“. Эта черта — значеніе повѣта какъ округа, который составляетъ боярство-шляхта. Двѣ задачи особенно настойчиво встали въ эту эпоху для областной организаціи съ точки зрѣнія устройства шляхетскаго класса: 1) организація суда въ повѣтѣ и 2) организація земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго въ его частяхъ, которыя составлялись боярствомъ-шляхтою областей. Первая изъ этихъ задачъ сильно интересовала саму шляхту. Судъ державцы повѣта затрагивалъ шляхетскіе интересы неизмѣримо больше, чѣмъ его администрація, мало въ общемъ чувствуемая шляхтою въ ея „власныхъ маетностяхъ“ и „господарствахъ“. Заботы о лучшемъ устройствѣ мѣстнаго суда съ большимъ постоянствомъ обнаруживаетъ шляхта эпохи между I-мъ и II-мъ статутами. Уже статутъ 1529 года отъ имени господаря постановляетъ: „кожды воевода и старосты и державцы наши мають обрати дву земляновъ въ повете своемъ и ку присязе ихъ привести, которые мають судити посполе з урадники“²⁾. За этимъ общимъ

1) I ст., VI, 4.

2) I ст., VI, 3.

постановленіемъ слѣдуетъ его развитіе: „засе тежъ уставуемъ, ижъ воеводы и старосты и державцы наши мають кожды у своемъ повете обрати двоухъ земляниновъ, людей добрыхъ а годныхъ веры, и ку присяже привести“. Во время отсутствія или недосуга воеводы, старосты, державцы, эти два землянина вмѣстѣ съ намѣстниками и маршалками сейчасъ названныхъ областныхъ правителей будутъ разбирать дѣла, руководствуясь статутомъ, а присяжные писари воеводъ, старость или державцевъ „мають также при нихъ быти и то все пописовати и къ тому винъ“ господарскихъ и пановъ своихъ, а также и „иныхъ доходовъ“ послѣднихъ „смотриети“. Безъ „пановъ землянь присяжныхъ“ намѣстники и маршалки воеводъ, старость и державцевъ судить не должны — по крайней мѣрѣ „одинъ съ тыхъ земляниновъ“ долженъ быть при нихъ „вставичне“. Этимъ признается участіе въ повѣтовомъ судѣ двухъ представителей шляхетскаго населенія повѣта, хотя и избираемыхъ еще не самую шляхтою, а повѣтовымъ намѣстникомъ-державцею.

Порядокъ, установленный статутомъ 1529 года, однако, не удовлетворилъ шляхту, да фактически онъ и не осуществился, по крайней мѣрѣ во всѣхъ повѣтахъ¹⁾. На Берестейскомъ сеймѣ 1544 года станы сейма представили господарю просьбу объ исправленіи статута и напечатаніи его въ исправленномъ видѣ, что было, очевидно, необходимо для исполненія требованія его о томъ, чтобы урядники, управлявшіе судъ, руководились имъ въ своей дѣятельности. Отвѣтомъ господаря на эту просьбу было изъявленіе его желанія, чтобы была составлена избранная станами коммиссія для исправленія статута²⁾. Но просьбы становъ, касающіяся суда, на сеймѣ 1544 года этимъ не исчерпывались. Станы просили, чтобы воеводы, старосты и державцы судили шляхту не одни, а съ повѣтовыми судьями и писаремъ, которыхъ она будетъ избирать и которые принесутъ передъ нею присягу. Этому суду должны подлежать также всѣ князья, паны и духовенство, а отъ него аппелляція возможна къ господарю или къ панамъ-радѣ на сеймѣ. Сигизмундъ Августъ не согласился, однако, исполнить эту

1) См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 295—298.

2) Zbior Praw Litewskich. Str. 406—407.

просьбу и оставилъ устройство суда въ повѣтахъ по старому¹⁾. На томъ же Берестейскомъ сеймѣ 1544 года были представлены господарю и другія просьбы, имѣвшія въ виду преобразование повѣтоваго суда. Въ числѣ ихъ отмѣтимъ просьбы объ учрежденіи при каждомъ господарскомъ дворѣ присяжныхъ вижей, которые одни должны быть признаны имѣющими компетенцію официального удостовѣренія²⁾, объ установленіи обязательства для воеводъ, старостъ и державцевъ судить шляхту лишь въ ея повѣтахъ, а не въ другихъ ихъ державахъ³⁾, и о томъ, чтобы книги повѣтовыхъ судовъ не вывозились изъ повѣтовъ воеводами, старостами и державцами, а оставались бы всегда въ соотвѣтствующихъ повѣтахъ⁴⁾. Во всѣхъ этихъ просьбахъ ясно сказывается такая тенденція: сдѣлать повѣтъ опредѣленною единицею въ значеніи шляхетскаго судебного округа, ввести выборное начало въ замѣщеніе урядовъ, имѣющихъ къ повѣтовому суду отношеніе, и ограничить судебное значеніе господарскихъ намѣстниковъ въ повѣтахъ, т. е. воеводъ, старостъ и державцевъ.

На Виленскомъ сеймѣ 1547 года княжата, панята и

1) Вотъ отвѣтъ Сигизмунда Августа: „его милость туя речъ, коло справъ и судовъ въ поветехъ, рачилъ зоставити и подле первшого постановеня и статуту земского, а теперь не видело ся его милости иначее гое справы вчиненое установляти“. Ibidem, str. 411 (Дзялыньскій передаетъ текстъ латинскими буквами).

2) Ibidem, str. 410—411. Вопросъ объ учрежденіи повѣтовыхъ вижей былъ переданъ Сигизмундомъ Августомъ на разсмотрѣніе коммисіи по исправленію статута.

3) На эту просьбу отвѣтъ былъ данъ такой: „его милость коло того съ паны радами своими рачилъ обмову вчинити и на томъ з ихъ милостью зостать, ижъ воеводове, старосты и иншіе врадники и суди не мають васъ нигде инде судити, одно на своихъ местцахъ въ поветехъ; на штожъ панове воеводы и старосты и сами призволили, кромъ которые бы з васъ сами по своей доброй воли хотели инде, а не въ повете передъ ними ся становити — то будеть на вашей воли“. Ibidem, str. 411—412

4) Ibidem, str. 412. На эту просьбу послѣдовало согласіе Сигизмунда Августа: „тые книги съ паны воеводами, старосты и державцы не мають нигде съ повету быть вывожены, одно тамъ на местцу мають быти“. О просьбахъ касательно суда, представленныхъ на Берестейскомъ сеймѣ 1544 года, см. М. К. Л ю б а в с к і й, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 296 и сл.

все рыцарство Литовско-Русскаго государства представили просьбу о томъ, чтобы господарь далъ имъ, „водле статуту“, въ ихъ повѣтахъ судьями, „людей добрыхъ“, которыхъ бы они „сами межы собою обрали“; присяжный писарь, согласно этой просьбѣ, долженъ быть въ каждомъ повѣтѣ также „отъ шляхты обраный“¹⁾. Такимъ образомъ повѣтовая шляхта вновь предъявляетъ притязаніе на право выбора своихъ повѣтовыхъ судей и писаря. Въ признаніи этого начала избранія шляхетскимъ населеніемъ повѣтовъ состава повѣтовыхъ судовъ было, однако, отказано господаремъ. Его отвѣтъ гласить: „тая рѣчь о судьяхъ повѣтовыхъ маеть справована быти водлѣ первшого застановенья и статуту земского, яко около того въ статутѣ есть описано“. Добиваясь права избранія судей и присяжнаго писаря въ каждомъ повѣтѣ, на томъ же Виленскомъ сеймѣ 1547 года княжата, панята и рыцарство просили и о томъ, чтобы „въ кождомъ повѣтѣ, при судьяхъ повѣтовыхъ были обраны по три, по чотыри, альбо по пяти, колько будетъ потреба, бояре, люди добрыи и вѣры годныи, неподозрѣныи, въ томъ же повѣтѣ осѣлыи, которые бы вижъми присяжными были“. На эту просьбу отъ Сигизмунда Августа получился такой отвѣтъ: ее „рачить его милость подлѣ тоѣ жъ ухвалы прошлоѣ Берестейскоѣ вскладати на тыхъ, хто статутъ поправовати будетъ, а тыи на онъ часъ нехай бы тому слушный посредокъ и постановенье нашли и его королевской милости при ономъ поправленью статуту то ознакомили; а его милость на онъ часъ на то призоволити рачить, што ся его милости слушного и годного видѣти будетъ“²⁾. Господарь вновь не счелъ возможнымъ немедленно удовлетворить и эту просьбу, относящуюся къ реформѣ суда. Причина его нерѣшитель-

1) А. З. Р. III. № 4 (9). Ср. М. К. Любавскій, Литовско-Русскій сеймъ, стр. 526 и сл. Текстъ выписки изъ статута 1529 года въ этой просьбѣ не вполне соответствуетъ тексту 3-го артикула VI-го раздѣла этого кодекса, давая больше шляхтѣ, чѣмъ даетъ этотъ артикулъ въ дѣйствительности: „ижъ въ статутѣ права земского есть описано, штожъ панове воеводы мають въ кождомъ повѣтѣ воеводства своего обрати судей, которые мають судити шляхту на роки слушныи, ижъбы кождый въ повѣтѣ своемъ могъ завжды справедливости своее за малымъ накладомъ дойти“.

1) А. З. Р. III. № 4 (10).

ности ясна: права, которыхъ добивалась шляхта, не только замѣтно поднимали ея значеніе, но шли въ разрѣзъ съ правами суда и управленія высшихъ сановниковъ и вельможъ Литовско-Русскаго государства, правившихъ воеводствами, староствами и державами, а въ данное время кромѣ могущества этой группы вообще нужно считаться и съ исключительнымъ вліяніемъ на Сигизмунда Августа виднѣйшихъ представителей ея, Радивиловъ, благодаря близости къ нимъ великаго князя черезъ его бракъ съ Варварою Радивиловною ¹⁾.

Но неуспѣхъ не остановилъ шляхту повѣтовъ въ ея стремленіи къ введенію выборнаго и осѣлаго въ соотвѣствующихъ повѣтахъ состава повѣтовыхъ судовъ. На Виленскомъ сеймѣ 1551 года встрѣчаемся вновь съ просьбами Литовско-Русской шляхты по тому же предмету, т. е. по дѣлу новой организациі повѣтоваго суда. Шляхта просить, чтобы „въ каждомъ повѣтѣ были судья и писарь присяжные“ ²⁾, чтобы передъ этими повѣтовыми судьями „были справованы и записываны“ въ повѣтахъ „записы на вѣчность, на имѣнія и на заставы“ ³⁾, чтобы въ повѣтахъ были учреждены присяжные вижы — „шляхта осѣлая“, подобно вознымъ Подляшья и съ доходами послѣднихъ ⁴⁾, чтобы изъ повѣтовъ не вывозились „книги судовые воеводинскіе и судей повѣтовыхъ“ ⁵⁾. Эти просьбы, часть которыхъ была

1) Лучшимъ, художественнымъ изложеніемъ исторіи брака Сигизмунда Августа съ Варварою Радивиловною, вдовою Троцкаго воеводы Станислава Гаштольда, остается старая работа Шайнохи — Barbara Radziwiłłówna (Szkice historyczne przez Karola Szajnochę. Tom I. Warszawa 1881. Str. 139—210).

2) А. З. Р. III. № 11, II, 2-я просьба.

3) Ibidem, 3-я просьба.

4) Ibidem, 5-я просьба.

5) Ibidem, 6-я просьба. Примѣромъ вывезенной воеводою книги повѣтоваго суда можетъ служить 16-я книга Записей Литовскихъ Литовской Метрики („Книги справъ судовыхъ бояръ, мещанъ и волостныхъ людей Витебскаго и Полоцкаго повету, за пана Яна Юревича Глебовича, воеводы Витебскаго и потомъ Полоцкаго, отправованныхъ отъ року тисеча пятьсотъ тридцатого ажъ до року тисеча пятьсотъ тридцать осмого“), попавшая въ Метрику, конечно, потому, что Янъ Глѣбовичъ, сдѣлавшись канцлеромъ (уже въ бытность свою Виленскимъ воеводою), присоединилъ ее къ книгамъ государственнаго архива.

удовлетворена господаремъ уже раньше, получили въ общемъ благопріятные отвѣты господаря, но принципъ избранія состава повѣтовыхъ судовъ шляхтою повѣтовъ все еще не былъ признанъ. Отмѣтимъ и то, что возобновленіе просьбъ, получившихъ согласіе господаря на предшествующихъ сеймахъ, показываетъ, что проведеніе ихъ въ жизнь встрѣчало противодѣйствіе со стороны повѣтовыхъ державцевъ.

Черезъ три года, на Виленскомъ сеймѣ 1554 года, шляхта выступила, однако, опять съ просьбою о томъ же. Она просила, „абы судьи въ каждомъ хоружствѣ установлены были и писарь присяглый, обираючи ихъ водлѣ звычайю Подляскоѣ земли, которые ижьбы судили каждого стану особу одинако, хто бы въ которомъ хоружствѣ имѣнья мѣлъ“. Шляхта просила, чтобы и паны-рада судились въ повѣтахъ, чего не было до этого времени. Возобновлена была просьба и о присяжныхъ вижахъ при „каждомъ урядѣ“. Отвѣтъ господаря на эту просьбу говорить, что со времени утвержденія статута 1529 года шляхта чинить на каждомъ сеймѣ „о такихъ правовыхъ потребахъ змѣнки“. Для исправленія статута „высажоны суть особы менованые“, и, когда они сдѣлають свое дѣло, господарь разсмотритъ исполненную ими работу вмѣстѣ съ панами-радою и утвердить то, что въ ней найдетъ подходящимъ. До этого времени, отвѣчаетъ великій князь шляхтѣ, „будете ся справовати по тому, яко на прошломъ соймѣ ухвалено и постановлено около судей и вижовъ присяжныхъ“. Сигизмундъ Августъ далѣе лишь дѣлаетъ постановленіе о приведеніи въ исполненіе воеводами требованія закона касательно назначаемыхъ ими судей и вижовъ, а также устанавливаетъ мѣры для лучшаго отправленія суда, но на старой его основѣ, т. е. на основѣ власти намѣстника-державцы¹⁾.

Таково развитіе требованій шляхты повѣтовъ въ области реформы повѣтоваго суда въ эпоху до Бѣльскаго сейма 1564 года и Виленскаго сейма 1565—1566 годовъ, изъ которыхъ первый создалъ почву для этой реформы, а второй ее совершилъ, внеся ее въ статутъ 1566 года. Требования шляхты, изложенныя выше, намѣчали: 1) подсудность повѣтовому суду всѣхъ „повѣтниковъ“, 2) избраніе „повѣтни-

1) А. З. Р. III. № 13, I, 3-я просьба и отвѣтъ.

ками“ повѣтовыхъ судей и вижовъ, 3) осяблость въ повѣтѣ кандидатовъ на эти должности, 4) значеніе книгъ повѣтоваго суда, какъ хранилища актовъ по землевладѣнію „повѣтниковъ“ и 5) принадлежность этихъ книгъ не намѣстнику-державцѣ, а повѣту въ лицѣ его повѣтоваго суда.

Итакъ, въ области повѣтоваго суда повѣтъ стремится сдѣлаться самостоятельною единицею для тѣхъ, кто подъ нимъ находится, т. е. для „повѣтниковъ“. Подъ „повѣтниками“ понимаются въ 50-хъ годахъ XVI столѣтія землевладѣльцы повѣта, служащіе земскую военную службу и сливающіеся въ классъ, который именуется шляхтою. Эта связь земской военной службы въ повѣтѣ съ правами, которыхъ домогается шляхта для повѣта, ярко иллюстрируется замѣною слова „повѣтъ“ словомъ „хоружество“, которую мы видѣли выше въ просьбѣ шляхты на Виленскомъ сеймѣ 1554 года¹⁾. И несомнѣнно, что организація земской военной службы въ представленіяхъ шляхты ложилась въ основу дѣленія ея на повѣты; эти послѣдніе становятся хоружествами, и каждый повѣтъ получаетъ своего хоружія, около котораго повѣтники становятся, собираясь въ земское войско²⁾. Въ годы, наступившіе послѣ утверженія статута 1529 года, хоружіе начинаютъ выступать въ источникахъ, какъ урядники, имѣющіеся въ каждомъ повѣтѣ³⁾. Шлях-

1) См. выше, стр. 23.

2) Вотъ нѣсколько выписокъ изъ источниковъ, говорящихъ о значеніи повѣтовъ, какъ частей земскаго войска: „што панове рада писали до короля его милости, поведаючи, ижъ они послали въ листе своемъ рейстръ попису поветовъ, которые бы мели до замку Кіевского посланы быти“ (Сборникъ Матеріаловъ І. М а л и н о в с к а г о, стр. 191); „... и яко бы болшая послуга съ тыхъ людей пеняжныхъ, нижли съ поветовъ намъ была“ (ibidem, стр. 203); „лечъ пишете ваша милость до насъ, ижъ того есть большая потреба, абы вся земля повету тамошняго паньства нашего ку вашей милости послушенство мели и въ часъ, за обосланьемъ ваше милости, ку службе нашей до ваше милости збирали“ (ibidem, стр. 219); „абы вси поветы, подданы наши, ку службе нашей чимъ нарыхлей тягнули“ (ibidem, стр. 220; ср. ibidem, стр. 43, 184, 190, 215). Ср. А. Ю. и З. Р. I, № 171 (документъ этотъ относится къ 1535-му, а не къ 1576 году, какъ онъ датированъ въ изданіи).

3) „А про то, штобы твоя милость въ воеводствѣ и повѣтѣхъ своихъ всимъ хоружимъ, княземъ и паномъ, и княгинямъ, и панямъ вдовамъ, и бояромъ, и дворяномъ, и всимъ подданымъ нашимъ грозно

тичь долженъ принадлежать къ той или другой хоругви. На Виленскомъ сеймѣ 1551 года княжата, панята и шляхта Литовско-Русскаго государства просятъ господаря, чтобы шляхта спадковыхъ имѣній¹⁾ или имѣла бы своихъ особыхъ хоружихъ, или же „къ которымъ иньшимъ хоругвямъ повѣтовымъ привернены были“²⁾. Въ земскомъ войскѣ хоружіе находятся „съ повѣты своими“³⁾.

Наканунѣ утвержденія II-го статута Виленскій сеймъ 1563 года организуетъ земскую военную службу слѣдующимъ образомъ. Съ десяти службъ людей выставляется одинъ пахолокъ „конно и збройно“ съ имѣній отчизныхъ, выслуженныхъ и купленныхъ, одинаково, какъ панами-радою, такъ и всѣми станами, обязанными нести земскую военную службу. Шляхтичи, „на имѣньяхъ осѣлые“, но служащіе панамъ, остаются во время сбора земскаго войска при своихъ панахъ, „а подъ хоруговью съ имѣнья своего, подлѣ повинности своей“, вмѣсто себя выставляютъ такихъ же шляхтичей, какъ они сами, „на добромъ конѣ, водлѣ уставы, съ почтомъ слугъ своихъ“. Эти выставляемые шляхтичи должны „съ почтомъ“ выставляющаго ихъ „въ войску обещнѣ съ хоружимъ“ находиться „на службѣ господарской“⁴⁾. Каждый хоружій „передъ рушеньемъ на войну“ долженъ сообщить о рушеньѣ „шляхтѣ всей хоругви своею въ часъ“, поступаая въ этомъ „по старому обычаю“. Собравшись около своего хоружія, шляхта повѣта отправляется вмѣстѣ съ нимъ къ гетману, на назначенное для сбора господарскихъ войскъ мѣсто. Шляхтичей, оставшихся дома, „каждый хоружій въ хоружствѣ своемъ повиненъ будетъ имени на реистрѣ списати справедливѣ, подъ присягою своею, и, приѣхавши до войска, господарю королю его милости и тежъ пану гетману оповѣдити и справу въ томъ

приказалъ, ажъбы они того часу, ничого не мѣшкаая, къ той ся службѣ нашей справили и знарядили, конно и збройно. . . .“ А. З. Р. II. № 173 (Листъ Сигизмунда I отъ 3 сентября 1533 года къ пану Олбрахту Мартиновичу Гаштольду, Виленскому воеводѣ, канцлеру, старостѣ Бѣльскому и Мозырскому).

- 1) О спадковой шляхтѣ см. ниже, въ третьей главѣ.
- 2) А. З. Р. III. № 11, I, 27.
- 3) А. З. Р. III. № 24, I, 18.
- 4) А. З. Р. III. № 33, 1.

дати¹⁾. Нельзя не отмѣтить, что шляхта въ своей просьбѣ, отвѣтомъ на которую является это постановленіе о дѣятельности хоружихъ во время рушенья, говорила о дѣятельности ихъ совмѣстно со старостами и державцами „въ повѣтѣхъ своихъ“, какъ при назначеніи дня и мѣста для сбора повѣтовой шляхты передъ рушеньемъ, такъ при переписи собравшейся повѣтовой шляхты и ея почтовъ, при передвиженіи въ ставку гетмана и при дачѣ ему и господарю отчета о собравшихся въ рушеньѣ. Но Сигизмундъ Августъ въ своемъ отвѣтѣ на эту просьбу „для нѣкоторыхъ слушныхъ причинъ, старость и державцовъ въ то не вкладаючи, рачить на хоружихъ то прекладати“, т. е. представители повѣтовой администраціи отстранялись господаремъ отъ всякой роли въ военномъ рушеньѣ повѣтовой шляхты. Признавая повѣты-хоружества отдѣльными единицами земскаго войска, пересказываемое постановленіе Виленскаго сейма 1563 года знаетъ и недостатокъ этого дѣленія съ точки зрѣнія военнаго дѣла, а именно неравенство силъ отдѣльныхъ хоружествъ, которыя составлялись не по числу конныхъ ратниковъ, служившихъ подъ хоругвями, а по осѣлости шляхтичей въ повѣтахъ-хоружествахъ. Поэтому постановленіе 1563 года говоритъ: „гдѣ бы и колько хоругвей въ малыхъ почтѣхъ было, ино за росказаньемъ его королевской милости панъ гетманъ великій, водлѣ баченья своего, по кольку хоругвей до одного хоружества маеть зложити“²⁾.

При такомъ значеніи своего уряда хоружій долженъ, конечно, получать отъ центральной власти извѣщенія о созывахъ ея земскаго войска. Дѣйствительно, военные листы о сборѣ шляхты на земскую военную службу рассылаются хоружимъ, наряду съ державцами, тивунами Жомойти, панами и землянами. Такъ, военные листы, выданные Сигизмундомъ Августомъ по всему Литовско-Русскому государству изъ Петрова 23 ноября 1564 года³⁾, въ числѣ

1) Ibidem, 2. Ср. ibidem, 4.

2) А. З. Р. III. № 33, 2.

3) „Року 1564, м[е]с[я]ца ноября 23 дня листы военные отъ г[о]с[по]д[ар]а его милости принесены съ Петрикава, писаны по всему паньству, Великому Князству Литовьскому, и, складаючи рокъ ку збранью въ Меньску по Светомъ Мартине у двухъ неделяхъ, розосланы

другихъ лицъ были адресованы хоружимъ Гераноинскому, Стоклишскому, Ковенскому, Керновскому, Вилкомирскому, Оникштенскому, Медницкому, Мойшаголскому, Судеревскому, Мемежскому, Упитскому, Рудоминскому, Гедройтскому, Бирштанскому, Дорсунишскому, Ошменскому, Пенянскому, Василишскому, Радуньскому, Ейшипскому, Волковыйскому, Коневскому, Довговскому, Остринскому, Лепунскому, Меречскому, Пунскому, Городенскому, Новгородскому, Лидскому, Марковскому, Менскому, Кревскому, Мстиславскому и Слонимскому ¹⁾).

Такъ опредѣлилось значеніе повѣта-хоружества какъ военнаго дѣленія шляхты ко времени утвержденія статута 1566 года. Нужно отмѣтить и естественный выводъ, который дѣлала шляхта изъ этого значенія повѣта-хоружества. Являясь военною корпораціею повѣта, повѣтовая шляхта считаетъ себя въ правѣ и ходатайствовать передъ господаремъ о назначеніи въ свои хоружіе такого лица, которое она сама желаетъ видѣть во главѣ себя во время военнаго рушенья своего повѣта. На Виленскомъ сеймѣ 1559 года Мстиславскій повѣтъ представилъ великому князю просьбу о назначеніи на вакантный урядъ Мстиславскаго хоружія своего „брата“ Богдана Селицкаго, и Сигизмундъ Августъ исполнилъ эту просьбу ²⁾).

Итакъ, повѣтъ вырабатывается въ округъ шляхетскаго суда и въ единицу шляхетскаго военнаго дѣленія. Изъ послѣдняго, естественно, должно было опредѣлиться и его политическое значеніе. Исторія Великаго Княжества Литовскаго хорошо знаетъ такъ называемые военные, полевые сеймы. Они происходили во время сборовъ земскаго войска, въ которыхъ шляхта стояла раздѣленною отрядами по своимъ повѣтамъ-хоружествамъ. Очевидно, что и обсужденіе дѣлъ на такихъ сеймахъ должно было отражать на себѣ это дѣленіе шляхты на ея единицы-хоружества. Соединен-

тые листы в Новагородка черезъ дворагъ г[о]с[по]д[а]рскихъ ноябра 24 дня“. Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 59 об. Списокъ адресатовъ этихъ листовъ находится на л. л. 59 об.—61 об. книги.

1) Кромѣ этихъ 35-ти хоружихъ въ списокъ обозначены и хоружій дворный, а также хоружіе (и маршалки) стяговъ татарскихъ.

2) А. З. Р. III. № 24, V, 3.

ные въ хоружества-повѣты, шляхтичи не могли не обсуждать сеймовыя дѣла по этимъ группамъ, на которыя они распались. Дѣятельность боярства-шляхты на полевыхъ сеймахъ должна была протекать при наличности раздѣленія его по повѣтовымъ хоружествамъ. Такимъ полевымъ сеймомъ былъ, на примѣръ, сеймъ, образовавшійся въ 1521 году изъ земскаго войска, собравшагося подъ Минскомъ¹⁾. Въ своемъ обращеніи къ панамъ-радѣ, собравшимся вмѣстѣ со шляхтою подъ Минскомъ, Сигизмундъ I говоритъ: „и то есмо надеи, ижъ ваша милость, панове рада наша, для потребы нашею и земское вже весполокъ до Менъска ся зъехали, а подѣданы наши зъ земль и поветовъ отчизны нашею Великого Князства, надеваемыся, тамъ же при вапой милости суть. Господарь король его милость вашею милости, яко пановъ радѣ своихъ высокихъ а верныхъ, велико жадаеть, ижъ бы ваша милость рачили, тамъ весполокъ на томъ местцы будучи, о томъ пильне а охотне мыслити и радити, и то находити, откуль бы тотъ упоминокъ мяль собранъ и безъ умешканья зготованъ быти . . .“²⁾. Съ ростомъ политическаго значенія шляхты, и выраженія источниковъ объ ея участіи въ обсужденіяхъ дѣлъ становятся иными. Въ листахъ Сигизмунда Августа, созывающихъ въ 1564 году земское войско Литовско-Русскаго государства въ Минскъ, при чемъ это собраніе войска должно было обратиться въ полевой сеймъ для обсужденія государственныхъ дѣлъ, читаемъ: „писали есмо до пановъ радѣ нашихъ, князей, пановъ и всихъ становъ, якожь и“ адресату даннаго листа³⁾ „приказуемъ, абы еси подѣ тымъ же зъеханьемъ своимъ ку пану гетьману на войну и въ томъ же часе, где вси будете споломъ, о томъ о всемъ, яко вышей описано, и на што есте привилей одержали, и чога до порадку судовъ, права и справедливости потреба, намовилися, згодливе и одностайне тые речи постановивши и докончивши а списавши, намъ ознаймили и послали; а мы

1) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 223—224.

2) Сборникъ Матеріаловъ І. Малиновскаго. Стр. 177. Рѣчь идетъ объ уплатѣ упоминковъ, которыхъ требовалъ Крымскій ханъ.

3) Листъ адресованъ господарскому чашнику Великаго Княжества Литовскаго, державцѣ Скерстомонскому и Росейнскому, пану Матѣю Петковичу.

вжо на то позволимъ и то съ. тымъ учинимъ, што будетъ слушного и годного“¹⁾.

Но не одни военные полевые сеймы должны были создавать почву для выработки политическаго значенія повѣтовъ-хоружествъ. Осѣлость въ нихъ, необходимо устанавливавшая, благодаря принадлежности къ одному хоружеству, знакомства и связи, должна была соединять шляхту хоружества въ одну корпорацію и во время ея жизни въ повѣтъ, а не только на полѣ военного сейма. „Ухвала“ Виленскаго сейма 1554 года упоминаетъ просьбу, которую принесла къ господарю „шляхта хоружества Ейшишского, Сомилишского, Высокодворского, Жижморского и Стоклишского“²⁾. Хоружіе являются представителями шляхты на вальныхъ сеймахъ³⁾ и хлопочуть въ 1559 году на Виленскомъ сеймѣ, „абы шляхта на съемъ при хоружихъ братью свою обирали и слали“⁴⁾. Въ числѣ просьбъ, на которыя долженъ былъ дать свои „отказы“ Сигизмундъ Августъ во

1) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія, стр. 146—147.

2) А. З. Р. III. № 13, I, 17.

3) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ (страницы указаны на LXIX стр. указаателя „хоружій — участіе на сеймахъ“). Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи 1569 г. Харьковъ 1902. Стр. 80—81. Вотъ два образца текста, ясно говорящіе о мѣстѣ хоружихъ на вальныхъ сеймахъ. „Господаръ король его милость и великій князь Жижгимонтъ Августъ казаль записати: ижъ будучи его королевѣской милости съ паны радами ихъ милостью, духовными и свецкими, и княжаты, и паняты хоружовными, и хоружими и зо всими землями рицерствомъ шляхтою павѣства его милости отчизного Великаго Князства Литовского на великомъ вальномъ сойме у Вилни, рачиль король его милость намову мети и зъ ихъ милостью паны радами, и со всими княжаты и паняты, хоружими и рицерствомъ шляхтою, на тотъ съемъ приехаными, около постановенья...“ (постановленіе о лѣсныхъ товарахъ, сдѣланное на Виленскомъ сеймѣ 1547 года — Книга Посольская Метрики Великаго Княжества Литовскаго издана, по порученію Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, кн. М. Оболенскимъ и проф. И. Даниловичемъ. М. 1843. Стр. 36); „вси станы, до сойму належачіе, такъ панове рада наша, яко тежъ панове вранники наши столовые и земскіе, кнежата, панята, хоружіе, шляхта, все собранье того сойму...“ (универсалъ Сигизмунда Августа, данный въ Вильнѣ 19 іюня 1563 года. — А. З. Р. III. № 34).

4) А. З. Р. III. № 24, I, 14.

время этого сейма, были просьбы „повѣтовъ“ Витебскаго и Мстиславскаго¹⁾. Повѣты становятся, такимъ образомъ, единицами и политическими, не только сеймуя на полевыхъ сеймахъ, составляя свои просьбы господарю и получая на нихъ его отвѣты, но получивъ и свое повѣтовое представительство на вальныхъ сеймахъ Литовско-Русскаго государства.

Такъ намѣчались стороны, которыя должны были опредѣлить значеніе повѣта въ подготовлявшейся его реформѣ. Наканунѣ этой реформы, въ 1565 году, была произведена перепись земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго. Текстъ ея рисуетъ старое повѣтовое дѣленіе Литовско-Русскаго государства предъ самымъ его преобразованиемъ, хотя дѣлаетъ это и не совсѣмъ полно, благодаря неполнотѣ переписи. Въ 1565 году былъ составленъ „Реестръ попису войска господарскаго Великаго Княжества Литовскаго“, дошедшій до насъ въ коніи XVII-го столѣтія²⁾. Этотъ „Реестръ“ переписываетъ земское войско повѣтовъ Кіевскаго, Виленскаго, Троцкаго и Новгородскаго, а также земли Волынской и татарскихъ хоругвей. Его неполнота очевидна. Кромѣ того, что нѣтъ въ переписи земскаго войска земель Жомитской, Полоцкой и Витебской, и описанныя части войска представлены далеко не полно: Кіевскій повѣтъ представленъ только двумя лицами (панъ Богданъ Заморенокъ

1) А. З. Р. III. № 24 (IV и V).

2) „Реестръ попису войска господарскаго Великаго Княжества Литовскаго, которое се пописовало збираты и пописоваты въ Ракове року отъ Нароженя Сына Божого тысяча пятьсотъ шестьдесятъ пятого мѣсяца ѡлюля девятого дня за гетманства и sprawy его милосъты пана Миколая Радывила, воеводы Троцкаго, гетмана найвышшого Великаго Княжества Литовскаго, старосты Мерецкаго, державцы Лидзкаго и Сумилнскаго; а пописовано тое войско черезъ мене, Михала Грыгорьевича Коледу, служебника его королевской милосъты“. Имп. Публ. Библ. F. IV. 82. Время происхожденія копіи этого „Реестра“, хранящейся въ Имп. Публичной Библіотекѣ, обозначено въ концѣ рукописи: „тотъ реестръ выписалъ есми з метрыкъ его королевской милосъты Великаго Княз[ства] Литовскаго, году 1600 трыцать четвѣртого, у Вертникахъ“ (Л. 122 об.). Этотъ „Реестръ“, какъ было указано выше (стр. 8, прим. 1), издается въ настоящее время Имп. Археографическою Комиссією вмѣстѣ съ „ухвалою“ 1528 года и „пописомъ“ 1567 года. Въ виду невыхода еще въ свѣтъ этого изданія, въ ссылкахъ на „Реестръ“ 1565 года указываемъ листы рукописи и столбцы изданія рядомъ.

и панъ Малхеръ Носыловскій), земля Волынская, да и другіе повѣты не могутъ быть признаны также представленными съ полнотою. Но, несмотря на эти дефекты, „Реестръ“ 1565 года даетъ цѣнные данныя для изученія повѣтоваго дѣленія Великаго Княжества Литовскаго наканунѣ реформы его, произведенной въ 1565—1566 годахъ. Эти данныя и постараемся привести.

Виленскій и Троцкій повѣты представлены „Реестромъ“ 1565 года раздѣленными на рядъ хоругвей или хоружествъ. Въ составѣ повѣта Виленскаго¹⁾ обозначены хоругви Ошменская, Кревская, Медницкая, Рудоминская, Немежская, Лидская, Гераноинская, Гедройтская, Немечинская, Мойшагольская, Вилкомирская, Керновская, Оникштенская, Пенянская, Корклевская и кромѣ того Воложинцы. Такимъ образомъ Виленскій повѣтъ показанъ составленнымъ изъ пятнадцати хоружествъ и стоящихъ внѣ ихъ бояръ Воложинцевъ. Составъ Троцкаго повѣта²⁾ по „Реестру“ сложнѣе. Въ него входятъ хоругви Берестейская, Кобринская, Пинская, Слонимская, Волковыйская, Василишская, Острынская, Коневская, Радунская, Ейшишская, Троцкая, Сомилишская, Лепунская, Довговская и Перелайская, Жижморская, Высокодворская, Стоклишская, Олитская, Дорсуншская, Бирштанская, Пунская, Меречская, Городенская, Упитская и внѣ этихъ хоругвей стоящіе господарскіе бояре Переломскіе. Но кромѣ этихъ двадцати четырехъ хоружествъ и Переломчанъ въ составъ земскаго войска Троцкаго повѣта входили земляне Подляшья, принадлежавшаго къ военному округу Троцкаго воеводы, несмотря на то, что съ 1514 года существовалъ особый Подляшскій воевода³⁾. „Реестръ“ 1565 года называетъ, не выдѣляя ихъ въ особый отдѣлъ (т. е. съ особымъ заголовкомъ для Подляшской части войска), хоругви Бѣльскую, Дорогицкую и Мельницкую⁴⁾. Двѣ первыя изъ

1) Виленскій повѣтъ переписанъ на л. л. 14 об. — 37 (ст. 260—299 изданія).

2) Троцкій повѣтъ (безъ Подляшья и Новгородскаго повѣта — л. л. 37 об. — 75 об. (ст. 299—358 изданія).

3) См. М. К. Любавскій, Областное дѣленіе и мѣстное управленіе, стр. 20.

4) Л. л. 75 об.—106 об. (ст. 358—409 изданія).

этихъ хоругвей состоятъ изъ ряда парафій каждая¹⁾. Новгородскій повѣтъ показанъ „Реестромъ“ безъ подраздѣленія его на хоружества²⁾. Что касается земли Волынской, то она, имѣя своего общаго хоружія „земли Волыньское“ (пань Михайло Ѳедовичъ Сербинъ), не подраздѣлена также „Реестромъ“ на болѣе мелкія хоругви³⁾. Изъ общаго состава ея шляхты подъ особыми заголовками описаны „Реестромъ“ лишь бояре Ковелскіе и бояре Гуляницкіе. Оканчивается „Реестръ“ 1565 года переписью Литовскихъ татаръ, которые представлены четырьмя хоругвами: Виленскою, Городенскою, Троцкою и Новгородскою⁴⁾.

„Реестръ“ 1565 года старается по отношенію къ слову „повѣтъ“ выдержать терминологію и въ своихъ заголовкахъ называетъ повѣтами лишь воеводскія части земскаго войска. Но тотъ же „Реестръ“ въ своемъ текстѣ обнаруживаетъ ясно, что въ его время и хоружества также назывались повѣтами. Обозначивъ въ своихъ заголовкахъ хоругви Рудоминскую⁵⁾, Немежскую⁶⁾, Лидскую⁷⁾, Вилкомирскую⁸⁾ и Ейшишскую⁹⁾, онъ въ разныхъ мѣстахъ своего текста называетъ повѣты Рудоминскій, Немежскій, Лидскій, Вилко-

1) Бѣльская хоругвь — парафій Добровская, Яблонская, Кулевская, Кобыленская, Соколовская, Плонская, Сарабская Посвентенская, Тошичевская, Вышковская и Бѣльская, Лубинская, Бранская, Домановская, Вышинская, Яновская и Тыкотинская, Райгородская и Трученская, Дязковская, Долобовская. Дорогицкая хоругвь — парафій 1) Дрогицкая, 2) Рудкая, Долобойская и Дятковна, 3) Кожуховская и Кобыленская, 4) Острожанская и Будешская, 5) Кодлубовская, 6) Мортаская, 7) Перлевская и Граненская, 8) Венская, Руденская, Техановская и Побрыковская, 9) Кучинская, 10) Длуская, Домбровская и Яблонковская, 11) Пресмыцкая, Вереземская и Суховейская, 12) Яблонская, Нетецкая и Розбитская, 13) Папротская, 14) Скрычевская, Соколовская, Медзилеская, Косовская и Скиневская, 15) Маковецкая и Стердынская. Въ Мельницкой хоругви парафій не обозначены.

2) Л. л. 106 об. — 113 (ст. 409—418 изданія).

3) Л. л. 113—118 (ст. 418—424 изданія).

4) Л. л. 118—122 (ст. 424—430 изданія).

5) Л. 24 (ст. 276 изданія).

6) Л. 26 об. (ст. 281 изданія).

7) Л. 27 об. (ст. 283 изданія).

8) Л. 33 (ст. 293 изданія).

9) Л. 59 (ст. 334 изданія).

мирскій и Ейшишскій¹⁾). Такимъ образомъ, привычное именованіе хоружествъ повѣтами не позволило составителю „Реестра“ удержаться отъ того, чтобы этимъ болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ земскаго войска дать имя повѣтовъ. Между тѣмъ, какъ разъ въ это время готовымъ проектомъ II-го статута было уже предположено приурочить его къ болѣе крупнымъ, хотя и не воеводскимъ, частямъ земскаго войска Литовско-Русскаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ частямъ территоріи послѣдняго, на которыхъ размѣщались своимъ землевладѣніемъ эти части земскаго войска.

„Реестръ“ 1565 года раздѣляетъ Литовскихъ господарскихъ татаръ на хоругви. Современные ему документы называютъ эти хоругви также находящимися въ повѣтахъ. Въ одной изъ записей Литовской Метрики, относящихся къ 1563 году, которая говоритъ о разсылкѣ военныхъ листовъ татарамъ въ іюль 1563 года, стоитъ: „хоружому татарскому въ повете Мерешлянскомъ Всеину и всимъ княземъ, вланомъ и мураамъ, и татаромъ, которые именья и оселости свои въ повете того хоружства мають“²⁾). Такимъ образомъ въ повѣтахъ, какъ административно-судебныхъ округахъ и въ то же время округахъ-хоружествахъ шляхты, помѣстились и хоружества татарскія, независимыя отъ хоружествъ шляхетскихъ. Это вносило еще одно противорѣчіе въ Литовско-Русскую терминологію времени до повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, на этотъ разъ по отноше-

1) Рудоминскій повѣтъ л. 108 (ст. 410), Немежскій — л. 18 (ст. 266), Лидскій, — л. л. 27 об. и 30 (ст. 283 и 288), Вилкомирскій — л. 33 (ст. 293), Ейшишскій — л. 61 (ст. 338). Сверхъ того названъ повѣтъ Ляховицкій — л. 27 об. (ст. 283).

2) Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 12 об. Запись, стоящая передъ приведенными нами въ текстъ словами, слѣдующая: „року 63, м[е]с[е]ца іюля 16 дня писаны военныя листы до татаръ, абы на день Светого Якуба у Радошковицхохъ становилися; и розосланы тые листы того жъ м[е]с[е]ца іюля 17 дня. Василей Кошка понесъ до тыхъ: до царевича Пуньского, до хор[ужого] татарского повету Виленского, до хор[ужого] татарского повету Троцкого, до хор[ужого] татарского стягу Аларского, до хор[ужого] татарского повету Новгородского, до хор[ужого] татарского повету Городенского, до хор[ужого] татарского повету Мерешлян[ского], до хор[ужого] Кревского. Тые листы тымъ обычаемъ писаны“ (л. л. 12—12 об.). За этими словами слѣдуетъ обращеніе, приведенное нами въ текстъ.

нію къ словамъ „хоругвь“ и „хоружество“ въ ихъ значеніи военнаго дѣленія — хоругви и хоружества Городенское, Кревское и другихъ повѣтовъ, въ которыхъ имѣлись служащіе войну господарскіе татаре, могли обозначать и хоружества шляхетскія, и хоружества татарскія одновременно.

Подведемъ итогъ нашему изученію Литовско-Русскаго повѣта эпохи до повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ. Старый повѣтъ въ значеніи единицы областного дѣленія Литовско-Русскаго государства былъ округомъ, въ предѣлахъ котораго дѣйствовала административно-судебная власть господарскаго намѣстника-державцы того или другого ранга. Этому же округу принадлежало значеніе военнаго дѣленія государства, такъ какъ обязанные военною земскою службою землевладѣльцы, имѣвшіе осѣлость въ предѣлахъ этого округа-повѣта, образовывали особую часть въ составѣ земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго. Въ эпоху между изданіемъ статута 1529 года и реформами статута 1566 года Литовско-Русскій повѣтъ начинаетъ превращаться въ округъ шляхетскихъ суда, военнаго дѣленія и представительства на вальныхъ сеймахъ, вырабатывая отдѣльныя стороны этого значенія, но не успѣвъ еще ихъ выработать окончательно. Противорѣчій было еще слишкомъ много въ томъ строѣ, который вырабатывался, но не успѣлъ еще опредѣлиться вполнѣ и еще не успѣлъ значительно примирить одни изъ этихъ противорѣчій и отбросить совсѣмъ другія. Старыя права господарскихъ намѣстниковъ-державцевъ, въ общемъ смыслѣ этого послѣдняго слова, были еще въ ихъ рукахъ по отношенію къ повѣтовому суду. Не опредѣлилось еще вполнѣ и устройство повѣта, какъ военнаго дѣленія шляхты. Наконецъ не выработалась окончательно и форма, въ которую бы вылились собранія шляхты повѣтовъ-хоружествъ для обсужденія государственныхъ и повѣтовыхъ нуждъ, въ связи съ болѣе стройной организаціей шляхетскаго представительства на вальныхъ сеймахъ. Кромѣ стараго значенія областныхъ урядовъ, державшихъ въ своихъ рукахъ судъ надъ шляхтою, осуществленію задачъ, которыя стояли въ эту эпоху и передъ верховною властью, и передъ шляхтою, требуя своего разрѣшенія, мѣшало слишкомъ большое неравенство размѣровъ старыхъ повѣтовъ. Оно не давало возможности болѣе или менѣе

равномѣрнаго раздѣленія шляхты по повѣтамъ ни на части земскаго войска, ни на округи сеймоваго представительства, ни на округи областного суда — рядомъ со слишкомъ большимъ числомъ шляхты въ одномъ повѣтѣ, ея оказывалось слишкомъ мало въ другомъ¹⁾. Этимъ внутреннимъ недостаткамъ повѣтоваго дѣленія соотвѣтствуетъ и противорѣчье въ употребленіи термина „повѣтъ“, употреблявшася одновременно и для обозначенія воеводства, какъ цѣлаго, объединяющаго повѣты-части его, и для обозначенія этихъ послѣднихъ. Реформа была необходима. Литовско-Русская шляхта до нея доросла. Въ ея требованіяхъ, кромѣ указаній на недостатки стараго повѣтоваго строя, эти требованія и вызывавшіе, встрѣчаемъ указанія на судебные порядки Подляшья. Такимъ образомъ Подляшье, т. е. одна изъ земель Великаго Княжества Литовскаго, имѣло въ своемъ повѣтовомъ строѣ уже до реформы II-го статута судъ, котораго общія очертанія представлялись шляхтѣ другихъ земель государства заслуживающими въ нихъ перенесенія. Но судебная организація Подляшья, какъ стоящая въ тѣсной связи съ устройствомъ суда въ пореформенномъ повѣтѣ, уже вводитъ насъ въ изученіе новаго повѣта, а потому и должна быть разсмотрѣна въ связи съ организаціей этого послѣдняго.

Опредѣленіе значенія слова „повѣтъ“, какъ оно дѣлалось и отчасти дѣлается въ русской исторической литературѣ, въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть признано ни вполне яснымъ, ни вполне правильнымъ. Н. Г. Устряловъ, первый изъ общихъ историковъ Россіи такъ энергично отстаивавшій равное право исторіи Великаго Княжества Литовскаго „на вниманіе бытописателя, какъ и судьба Московскаго государства“²⁾, и требовавшій включенія его

1) Ср. выше (стр. 26) сознаніе этого въ постановленіяхъ Виленскаго сейма 1563 года о военной земской службѣ.

2) О системѣ прагматической русской исторіи. (Разсужденіе, написанное на степень доктора философіи Николаемъ Устряловымъ). СПб. 1836. Стр. 36.

исторіи въ общую исторію Россіи¹⁾, уже допустилъ въ своемъ изложеніи неточность въ употребленіи слова „повѣтъ“. Говоря о времени Ягайла, Устряловъ пишетъ, что уже тогда „государство раздѣлилось на воеводства и повѣты; воеводы, каштеляны, старосты, земскіе судьи замѣнили прежнихъ намѣстниковъ, посадниковъ, волостелей и тиуновъ“²⁾. Такимъ образомъ уже XIV-му вѣку были приписаны, благодаря слишкомъ большому обобщенію терминовъ, черты областного устройства, которыя опредѣлились лишь много позднѣе. Въ историческихъ трудахъ послѣдующаго времени „повѣтъ“ или считается словомъ не требующимъ опредѣленія³⁾, или опредѣляется просто какъ „уѣздъ“ или „округъ“⁴⁾. Только въ послѣднія десятилѣтія XIX-го столѣтія, когда стало значительно углубляться научное изу-

1) Кромѣ цитированнаго въ предыдущемъ примѣчаніи „разсужденія“ Устрялова см. его же Исслѣдованіе вопроса, какое мѣсто въ русской исторіи должно занимать великое княжество Литовское? (читано на торжественномъ актѣ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ 30 декабря 1838 года). СПб. 1839.

2) Н. Устряловъ. Русская Исторія. Часть первая. Стр. 341. (Цитируемъ по изданію 1837 года).

3) Неподписанная статья подъ заглавіемъ „Исторія управленія и законодательства Литвы“ (стр. 49—50), напечатанная въ Памятной Книжкѣ Виленской губерніи на 1853 годъ (эта статья извлечена изъ сборника „Историко-статистическіе очерки Виленской губерніи. Изданы съ разрѣшенія Начальства Виленскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ. Вильна 1853“. Въ оглавленіи къ этому сборнику авторомъ статьи обозначенъ Павелъ Кукольникъ). Словарь древняго актоваго языка Сѣверо-Западнаго Края и Царства Польскаго, составленный Н. Горбачевскимъ, Вильна 1874) не считаетъ слова „повѣтъ“ требующимъ поясненія. Въ числѣ значеній слова „districtus“ въ этомъ Словарѣ находимъ такое: „повѣтъ или уѣздъ“ (стр. 99).

4) О. Турчиновичъ. Обзорѣніе исторіи Бѣлороссіи. СПб. 1857 (стр. 238). И. Порай-Кошицъ. Историческій разсказъ о Литовскомъ дворянствѣ. СПб. 1858 (стр. 32—33). И. Д. Бѣляевъ. Разказы изъ Русской Исторіи. Книга четвертая. Часть первая. Исторія Полотска или Сѣверо-Западной Руси, отъ древнѣйшихъ временъ до Люблинской Уніи. М. 1872 (стр. 328, примѣчаніе). М. О. Коляловичъ. Чтенія по исторіи Западной Россіи. Изданіе четвертое. СПб. 1884 (стр. 170). К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. Русская Исторія. Томъ второй. Выпускъ первый. СПб. 1885 (стр. 60; ср. стр. 62). П. Дм. Брянцевъ. Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ. Вильна 1889 (стр. 355 и 357). Д. И. Иловайскій. Исторія Россіи. Томъ третій. М. 1890 (стр. 77).

ченіе историческаго прошлаго Литовско-Русскаго государства, были сдѣланы опыты выясненія болѣе опредѣленнаго значенія для слова „повѣтъ“.

В. Б. Антоновичъ, изучая въ напечатанной имъ въ 1882 году статьѣ строй Кіевской земли въ Литовскую эпоху, опредѣляетъ повѣты¹⁾ какъ „округи, на которые распадалось Кіевское княженіе“. Жители повѣтовъ, „къ какой бы сословной категоріи ни принадлежали, были подчинены намѣстнику“ князя, правившему господарскимъ замкомъ и „обширнымъ территоріальнымъ округомъ“, тянувшимъ къ этому замку. Это подчиненіе было „въ военномъ, судебномъ и административномъ отношеніяхъ“. Жители повѣта „несли по его (намѣстника) распоряженію извѣстныя въ пользу князя повинности и давали намѣстнику извѣстныя дани“. Когда вмѣсто князей въ Кіевѣ явились воеводы, „Кіевская земля потеряла связь административную, объединявшую ея повѣты, распалась на нѣсколько независимыхъ отъ главнаго города областей“, хотя „понятіе объ историческомъ единствѣ земли сохранилось какъ въ сознаніи жителей, такъ и въ отношеніи къ нимъ правительства“. В. Б. Антоновичъ дѣлаетъ опытъ и объясненія происхожденія слова повѣтъ, сближая его со словомъ „повѣщать“²⁾. Опредѣленіе, которое далъ „повѣту“ В. Б. Антоновичъ, выведено имъ изъ данныхъ, почерпнутыхъ имъ въ группѣ однородныхъ матеріаловъ, въ составленныхъ въ 1552 году описаніяхъ господарскихъ замковъ — Кіевскаго, Мозырскаго, Чернобыльскаго, Остерскаго, Овруцкаго, Житомирскаго, Черкаскаго и Каневскаго. Это опредѣленіе несо-

1) В. Б. Антоновичъ. Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569). Монографіи по исторіи Западной и Юго-Западной Россіи. Томъ I. Кіевъ 1885. Стр. 246—247. (Статья была первоначально напечатана въ январьской книжкѣ Кіевской Старины за 1882 годъ).

2) Терминъ „повѣтъ“ возникъ, вѣроятно, отъ того, что намѣстникъ, созывая жителей своего округа „на военную потребу“, призывая ихъ въ судъ или сообщая имъ административныя распоряженія, „повѣщалъ“ ихъ или „давалъ имъ вѣсти“, какъ тогда выражались официально. Для разсылки „вѣстей“ староста располагалъ особыми „замковыми слугами“ или такъ называемыми „путными боярами“, которые по его приказанію „ѣздили въ путь“ развозить „вѣсти“ (Op. cit., примѣчаніе 2-е на стр. 246).

мнѣнно было шагомъ впередъ въ дѣлѣ изученія Литовско-Русскаго повѣта. Оно ставило это изученіе на почву актовaго матеріала, не довольствуясь ходячими представленіями о значеніи слова „повѣтъ“, повторявшимися раньше. Антоновичъ указалъ вѣрно и нѣкоторыя черты значенія повѣтоваго дѣленія. Но онъ въ своемъ опредѣленіи распространилъ данныя пятидесятихъ годовъ XVI-го вѣка и на предшествующее время, а кромѣ того, изучая лишь одну опредѣленную группу источниковъ, не могъ указать тѣхъ сторонъ значенія слова „повѣтъ“, которыя обрисовываются другими группами источниковъ. Путь, на который ступилъ Антоновичъ, долженъ былъ привести къ расширенію объема его опредѣленія въ однихъ отношеніяхъ и къ сокращенію въ другихъ, а также и къ опредѣленію эпохъ въ исторіи Литовско-Русскаго повѣта, еслибы къ изученію „повѣта“ были привлечены матеріалы болѣе разнородные и еслибы было разграничено время, для котораго можетъ имѣть силу дѣлаемое опредѣленіе.

Случилось, однако, иначе. Опредѣленію „повѣта“, сдѣланному В. Б. Антоновичемъ, сразу было дано самое широкое значеніе, а эпохи, которыя должны были быть различены въ исторіи этого дѣленія, были оставлены безъ всякаго вниманія. Образцомъ перваго можетъ служить слѣдующее опредѣленіе, которое даетъ „повѣту“ Н. В. Стороженко¹⁾. Въ эпоху Витовта происходитъ преобразование удѣловъ „въ намѣстничества, зависѣвшія отъ самого великаго князя. Единицей такого новаго устройства былъ такъ называемый повѣтъ — самая крупная единица, въ родѣ нашей губерніи. Центромъ cadaго повѣта былъ замокъ, имѣвшій не только значеніе укрѣпленія, но и главнаго административнаго центра. Замокъ отдавался въ управленіе намѣстнику“, котораго власть „въ данной области“ вполне замѣняла власть великаго князя и который былъ „начальникомъ военныхъ силъ повѣта“ съ одной стороны и „главнымъ судьей, военнымъ и гражданскимъ, въ своемъ повѣтѣ“ съ другой. Кромѣ того, „у намѣстника была еще широкая административная власть: онъ приводилъ въ испол-

1) Н. В. Стороженко. Западно-Русскіе провинціальныя сеймики во второй половинѣ XVII вѣка. Кіевъ 1888. Стр. 8—9.

неніе распоряженія правительства, наблюдавъ за распредѣленіемъ поземельной собственности, за правильнымъ исполненіемъ воинской повинности, долженъ былъ слѣдить за переходомъ земельного имущества“. Такимъ было, по мнѣнію Н. В. Стороженка, „областное управленіе“ вплоть до Люблинской Уніи. Послѣ этой Уніи „все областное управленіе на всемъ пространствѣ Литовско-Русскихъ земель было реформировано по польскому образцу. Административная единица сдѣлалась крупнѣе: вмѣсто повѣта воеводство, состоявшее изъ двухъ, трехъ повѣтовъ, во главѣ котораго стоялъ воевода“. Если первая часть приведеннаго сейчасъ мнѣнія страдаетъ въ общемъ тѣмъ же недостаткомъ, который имѣетъ и породившее его опредѣленіе „повѣта“, данное В. Б. Антоновичемъ, причемъ Н. В. Стороженко еще болѣе усиливаетъ этотъ недостатокъ, еще шире обобщая это опредѣленіе, то вторая часть его должна быть признана совершенно уже неправильною, такъ какъ въ ней имѣемъ утвержденіе, что созданіе воеводствъ, въ которыя сливаются повѣты, было дѣломъ Люблинской Уніи. Н. В. Стороженко совершенно упустилъ изъ виду реформу воеводствъ и повѣтовъ, совершенную въ 1565—1566 годахъ. Нѣкоторое вліяніе опредѣленія, даннаго повѣту В. Б. Антоновичемъ, замѣтно и во взглядѣ М. Ф. Владимірскаго-Буданова на значеніе этого термина. Въ своей статьѣ „Формы крестьянскаго землевладѣнія въ Литовско-Русскомъ государствѣ XVI в.“¹⁾ М. Ф. Владимірскаго-Будановъ говоритъ: „названіе волость въ XV вѣкѣ и въ 1-ой половинѣ XVI вѣка одинаково примѣнялось какъ къ цѣлымъ областямъ, такъ и подраздѣленіямъ ихъ“; измѣненіе значенія этого слова происходитъ въ слѣдующемъ столѣтіи — „со второй половины XVI вѣка для первой единицы является названіе повѣтъ, заимствованное отъ Польши (названіе, нелегко изъяснимое филологически); названіе же волости удержалось для подраздѣленія повѣтовъ“²⁾.

Въ 1883 году, т. е. пятью годами раньше выхода книжки Н. В. Стороженка, вышло въ свѣтъ изслѣдованіе С. А. Бер-

1) Кіевскій Сборникъ 1892 г.

2) Цитируемъ по отдѣльному оттиску этой статьи — стр. 24.

шадскаго, посвященное исторіи евреевъ въ Литвѣ¹⁾, но заключающее въ себѣ главу о „государственной власти и Литовскомъ обществѣ“²⁾, въ которой дано изображеніе государственнаго и общественнаго строя Великаго Княжества Литовскаго до Люблинской Уніи включительно. Обширный и разнообразный матеріаль, собранный для его изслѣдованія С. А. Бершадскимъ и въ изданіяхъ, имѣвшихъ въ то время, и въ архивахъ, заставляеть ожидать отъ его труда болѣе правильнаго и всесторонняго опредѣленія Литовско-Русскаго повѣта. Но этого въ изслѣдованіи его не находимъ. Помѣшали С. А. Бершадскому это сдѣлать: 1) чрезвычайная краткость и сжатость его очерка власти и общества Литовско-Русскаго государства, явившагося лишь вводною главою въ его книгѣ, и 2) его желаніе дать одно опредѣленіе „повѣту“ на всемъ громадномъ протяженіи времени отъ эпохи Витовта до Люблинской Уніи. Вотъ слова С. А. Бершадскаго о Литовско-Русскомъ повѣтѣ. „Въ административномъ отношеніи Великое Княжество было раздѣлено на воеводства, повѣты, державства, ключи и тивунства. Во главѣ каждаго изъ этихъ округовъ стояли особенные чиновники: воеводы, старосты, державцы, ключники и тивуны. Округи эти не находились въ какой-либо іерархической зависимости одинъ отъ другого, и различіе между ними сводилось, главнымъ образомъ, къ пространству и населенности“³⁾. Такимъ образомъ, повѣтомъ является округъ, во главѣ котораго стоитъ староста. Можно догадываться о томъ, что лежитъ въ основѣ этого опредѣленія. Въ эпоху послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ во главѣ повѣтовой администраціи и гродскаго суда дѣйствительно стоялъ староста. Но 1) это утвержденіе правильно лишь по отношенію къ такъ называемымъ старостамъ судовымъ, а не ко всемъ старостамъ, притомъ эпохи лишь послѣ реформы, 2) воеводы воеводствъ, существовавшихъ уже до этой реформы, также обладали значеніемъ судебного старосты

1) С. А. Бершадскій. Литовскіе Евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ отъ Витовта до Люблинской уніи. СПб. 1883.

2) Глава V.

3) Op. cit. Стр. 295.

въ своихъ центральныхъ повѣтахъ и 3) даже для эпохи послѣ реформы опредѣленіе значенія повѣта С. А. Бершадскимъ не можетъ быть признано вполне правильнымъ, такъ какъ имъ оставлены безъ вниманія значеніе новыхъ повѣтовъ, какъ округовъ шляхетскаго суда, сеймиковастья и военнаго дѣленія¹⁾.

Такимъ образомъ и опредѣленіе „повѣта“, сдѣланное совершенно независимо отъ взгляда В. Б. Антоновича, оказалось неудовлетворительнымъ, и мы уже указали причины этого, изъ которыхъ основною должно быть признано смѣшеніе эпохъ въ исторіи повѣтоваго дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Отъ этого недостатка первый избавился М. К. Любавскій, и въ его изученіи Литовско-Русскій повѣтъ эпохи до статута 1529 года впервые получилъ правильное опредѣленіе своего значенія, какъ административно-судебнаго округа. М. К. Любавскій говоритъ о повѣтѣ времени до перваго Литовскаго статута такъ²⁾: „чаще всего въ актахъ изучаемаго времени встрѣчаемся съ заимствованнымъ у поляковъ словомъ „повѣтъ“ въ приложеніи къ правительственнымъ округамъ разныхъ величинъ: и къ воеводствамъ, и къ староствамъ, и къ округамъ намѣстниковъ-державцевъ и тивуновъ, и даже къ болѣе мелкимъ, административно-объединеннымъ, территоріямъ“. М. К. Любавскій отмѣчаетъ въ актахъ, какъ слово „повѣтъ“ является равнозначащимъ и со словомъ „земля“, и со словомъ „волость“. По его объясненію „название „повѣтъ“ потому и заимствовано было отъ поляковъ, что въ русскомъ языкѣ не находилось слова для обозначенія правительственнаго округа въ полномъ его составѣ“, а между тѣмъ въ такомъ словѣ нужда была, ибо „въ составъ правительственнаго округа намѣстника-державцы и тивуна входили не только земли господарскія и господарскихъ подданныхъ, составлявшія господарскую волость, но также земли кня-

1) Позднѣе С. А. Бершадскій называлъ повѣтъ и уѣздомъ. См. стр. 13 его работы Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земскій, членъ рады Великаго Княжества Литовскаго (оттискъ изъ Кіевской Старины), Кіевъ 1888.

2) М. К. Любавскій. Областное дѣленіе и мѣстное управление. Стр. 74—77.

жескія и панскія, населенныя подданными князей и пановъ“. Такимъ образомъ М. К. Любавскій, признавая „чисто-нарицательное“ значеніе слова „повѣтъ“, считаетъ его употребившимся для обозначенія вообще округа, въ предѣлахъ котораго осуществлялась одна административная власть въ лицѣ стоявшаго во главѣ его правителя, независимо отъ размѣровъ округа и ранга должностного лица на іерархической лѣстницѣ Княжества. Если бы къ этому опредѣленію „повѣта“ было добавлено поясненіе его значенія, какъ военнаго дѣленія земскаго войска Литовско-Русскаго государства, то къ нему прибавить было бы нечего. Оно страдаетъ лишь упущеніемъ изъ виду именно этой стороны значенія повѣта, которая успѣла обнаружиться достаточно къ эпохѣ изданія перваго Литовскаго статута¹⁾. Можетъ быть возможно возраженіе и противъ слишкомъ категорической формы, въ которой выражено утвержденіе о существованіи слова „повѣтъ“ отъ поляковъ.

Сейчасъ изложенное опредѣленіе „повѣта“, сдѣланное М. К. Любавскимъ въ 1892 году, было отвергнуто въ 1894 году Ѳ. И. Леонтовичемъ, какъ „совершенно произвольное“. По мнѣнію самого Ѳ. И. Леонтовича, высказанному тогда, „главной связью, сводившей населеніе каждой волости-повѣта въ одно цѣлое (подъ общимъ титуломъ „повѣтниковъ“), является прежде всего общая для всѣхъ ратная и замковая „служба“ („потреба“). Позже тѣ же волости-повѣты являются съ общимъ значеніемъ административно-судебныхъ округовъ, но такъ могло быть и раньше. Мѣстные центры военной организациі государства, повѣтовые замки, изстари являлись также главными центрами областной администраціи; „повѣтники“ тянутъ къ своей волости-повѣту, къ своему замку, не только въ пору ратной „потребы“ или замковой „службы“, но и по суду, данямъ и т. д.“²⁾. Такимъ

1) Въ другомъ трудѣ — Литовско-Русскій сеймъ — М. К. Любавскій далъ и положеніе реформы 1565—1566 годовъ (глава VI, §§ 9 и 10). На страницахъ обоихъ своихъ капитальныхъ трудовъ М. К. Любавскимъ разбѣяны весьма цѣнные указанія и на развитіе повѣтоваго строя въ XVI столѣтіи.

2) Ѳ. И. Леонтовичъ. Очерки исторіи Литовско-Русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства. СПб. 1894 (первоначально въ Журналѣ Мин. Нар. Пр. за 1893 и 1894 годы). Стр. 317—318.

образомъ Ѳ. И. Леонтовичъ полагалъ въ основу опредѣленія слова „повѣтъ“ военное значеніе его центра, который притягиваетъ къ себѣ служащее ратную и замковую службу населеніе по этой службѣ, а съ этимъ соединяется и подчиненіе этого населенія центральной власти повѣта по суду и администраціи. Этотъ взглядъ на значеніе повѣта Ѳ. И. Леонтовичъ, однако, вскорѣ измѣнилъ подѣ влияніемъ изученія актовъ Литовской Метрики и въ 1897 году опредѣлилъ „повѣтъ“, отказавшись отъ приуроченія его исключительно къ военнымъ центрамъ. „Въ Литвѣ до начала XVI в. понятія повѣта и волости совпадали, какъ административныя подраздѣленія земель-воеводствъ. Съ образованіемъ шляхетской „Речи Посполитой“, повѣтъ сталъ обозначать собственно шляхетскій округъ; впрочемъ, и сельскія волости иногда называются повѣтами“. Такъ формулировалъ свой взглядъ на повѣтъ Ѳ. И. Леонтовичъ въ это время¹⁾. Наконецъ, въ 1908 году Ѳ. И. Леонтовичъ еще разъ вернулся къ опредѣленію „повѣта“ въ трудѣ, посвященномъ изученію областного управленія Великаго Княжества Литовскаго времени до и послѣ Люблинской Уніи²⁾. Въ этомъ трудѣ повѣты Литовско-Русскаго государства относятся „къ длинному ряду институтовъ, заимствованныхъ изъ стараго административнаго строя Польши. Польскіе воеводы (comes), управлявшіе powiatami (districti), уже при Болеславѣ I³⁾ (конца X и начала XI в.) составляли главныхъ его радныхъ пановъ. О повѣтахъ, какъ административныхъ районахъ, говоритъ, затѣмъ, Вислицкій Статутъ, какъ и другіе памятники стараго польскаго права“. Что касается Литвы, то въ ней „повѣты существовали уже во время изданія перваго земскаго привилея 1387 г. Въ русскихъ земляхъ, въ особен-

1) Акты Литовской Метрики. Томъ первый. Выпускъ второй. Собраны заслуж. профессоромъ Императорскаго Варшавскаго Университета Ѳ. И. Леонтовичемъ. Варшава 1897. Указатель, стр. XVIII.

2) Ѳ. И. Леонтовичъ. Областное управленіе въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до и послѣ Люблинской уніи. Юридическія Записки, издаваемыя Демидовскимъ Юридическимъ Лицеумъ. 1908 г. вып. II, 1909 г. вып. I (III).

3) Въ цитируемомъ текстѣ напечатано „при Болеславѣ III“ (Юридическія Записки, издав. Демидовскимъ Юридическимъ Лицеумъ. 1908 г. Вып. II. Стр. 253). Исправляемъ эту очевидную опечатку.

ности рано подвергшихся полонизации (напр. Подляхін, Подольи, Волини), еще въ первой половинѣ XIV в. становятся извѣстными *districti*, или повѣты, которыми управляли мѣстные воеводы, старосты и пр.". Указавъ на упоминаніе повѣтовъ „въ Статутѣ Литовскомъ и другихъ актахъ до и послѣ Люблинской уніи“, Ө. И. Леонтовичъ отмѣчаетъ, что „въ актахъ XV и XVI в. повѣты имѣютъ различное значеніе. Иногда подъ повѣтомъ разумѣется цѣлая земля, иногда ея меньшая часть, округъ, подвѣдомый воеводѣ, старостѣ и пр. Въ актахъ встрѣчаются указанія даже на повѣтъ въ повѣтѣ. Съ половины XV в. установилось вполне понятіе о повѣтѣ, какъ вообще объ административномъ подраздѣленіи княжихъ удѣловъ или большихъ округовъ, бывшихъ въ завѣдываніи областныхъ урядниковъ-намѣстниковъ, воеводъ, старость и проч.“¹⁾.

1) Къ этому Ө. И. Леонтовичъ прибавляетъ: „повѣтъ въ послѣднемъ значеніи изрѣдка замѣняется въ актахъ древне-русскимъ уѣздомъ, также трактомъ“. Первая изъ этихъ замѣнъ, т. е. замѣна слова „повѣтъ“ словомъ „уѣздъ“, указана Ө. И. Леонтовичемъ на основаніи слѣдующихъ словъ М. К. Любавскаго: „для обозначенія округовъ, которыми завѣдывали областные правители, въ официальномъ языкѣ Литовской Руси существовали три названія: „волость“, „держава“ и „повѣтъ“ (изрѣдка попадаетъ въ актахъ и слово „уѣздъ“)“. Въ подтвержденіе своихъ словъ объ „уѣздѣ“ М. К. Любавскій приводитъ (Обл. дѣленіе и мѣстн. упр., стр. 71) только одно указаніе источника, а именно документъ № 4 въ 1-мъ отдѣлѣ XIII-го тома Актовъ, изд. Виленскою Археографическою Коммиссіею. Но на этомъ документѣ едва ли возможно обосновать наличность „уѣзда“, какъ дѣленія Литовско-Русскаго государства. Указанный М. К. Любавскимъ документъ представляетъ собою листъ Сигизмунда I-го, внесенный въ 1728 году въ гродскія книги Ошмянскаго повѣта, а изъ нихъ перенесенный въ 1762 году въ книги Литовскаго трибунала. При внесеніи этого листа въ Ошмянскія гродскія книги подстароста вписалъ его, „z ruskich na polskie litery przekladając u tłumacza“ (А. Вил. XIII, стр. 7). Такимъ образомъ въ изданіи этотъ листъ является обратнымъ переводомъ съ польскаго языка на русскій; при такомъ переводѣ, надо думать, и слово „powiat“ обратилось въ „уѣздъ“. Послѣднее слово едва ли возможно въ дѣйствительности встрѣтить въ Литовско-Русскихъ актахъ для обозначенія дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Что касается слова „трактъ“ въ его приложеніи къ дѣленію земли Жомойнтской, то мы считаемъ это слово ведущимъ свое происхожденіе отъ латинскаго „tractus“ въ общемъ значеніи, которое это слово имѣло въ средне-вѣковой латыни. См. выписку изъ словаря Дю-Канжа ниже (стр. 50, прим. 2).

Уже въ приведенныхъ опредѣленіяхъ „повѣта“, сдѣланныхъ въ различное время Ѡ. И. Леонтовичемъ, обнаруживаются двѣ стороны въ значеніи этого термина: 1) „административное подраздѣленіе земель-воеводствъ“, 2) „собственно шляхетскій округъ“ со времени образованія „шляхетской Речи Посполитой“. Последняя сторона значенія „повѣта“ болѣе подробно опредѣлена Ѡ. И. Леонтовичемъ въ его изслѣдованіи „Сословный типъ территоріально-административнаго состава Литовскаго государства и его причины“¹⁾. Здѣсь о „повѣтѣ“ читаемъ слѣдующее: „нобилитация государства неизбѣжнымъ образомъ должна была повлечь за собой также нобилитацию составныхъ его частей. Такимъ образомъ, уже въ актахъ 30-хъ годовъ XVI вѣка названіе „земли“ начинаетъ приурочиваться къ одной шляхтѣ. Такой же шляхетскій характеръ получаютъ въ XVI вѣкѣ воеводства и повѣты, — „повѣтниками“ уже до Люблинской уніи считалась въ Литвѣ одна повѣтовая шляхта. И дѣйствительно, вся административная дѣятельность повѣтовъ и воеводствъ имѣетъ въ виду лишь одну шляхту; все здѣсь функционируетъ для нея одной, все вращается въ сферѣ ея интересовъ и никого больше. Областные соймы собираются изъ одной шляхты и ради ея сословныхъ дѣлъ, какъ и всѣ земскіе уряды отъ высшихъ и до низшихъ принадлежатъ той же шляхтѣ. Для не-шляхтича повѣтъ, земля и воеводство — только географическіе термины: тамъ нѣтъ для него ни правовой охраны, ни другихъ общественныхъ связей и интересовъ“²⁾.

Такимъ образомъ, Ѡ. И. Леонтовичъ далъ рядъ опредѣленій „повѣта“ въ различныхъ своихъ трудахъ. Эти опредѣленія не совсѣмъ совпадаютъ. Подъ вліяніемъ дальнѣйшаго изученія источниковъ и появленія новыхъ изслѣдованій Ѡ. И. Леонтовичъ вносилъ новыя черты въ свое пониманіе Литовско-Русскаго повѣта. То же заставляло его дѣлать и примѣненіе имъ различныхъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ онъ изучалъ строй Великаго Княжества Литовскаго въ различныхъ своихъ трудахъ: изученіе административнаго строя обращало его вниманіе на однѣ стороны

1) Журн. Мин. Нар. Пр. 1895. VI и VII.

2) Журн. Мин. Нар. Пр. 1895. VII. Стр. 2.

повѣта, изученіе „сословнаго типа“ государства — на другія. Но взгляды на „повѣтъ“ Княжества, какъ на заимствованный изъ Польши, проводился *Θ. И. Леонтовичемъ* постоянно. На протяженіи времени съ 1863 года¹⁾ *Θ. И. Леонтовичъ* опубликовалъ длинный рядъ своихъ трудовъ по исторіи Великаго Княжества Литовскаго, изучая отдѣльные вопросы и стороны строя его за все время отъ образованія государства до конца XVIII столѣтія. Но *Θ. И. Леонтовичъ* не отдѣняетъ въ своемъ изученіи значенія реформъ шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія, реформъ, создавшихъ конституцію II-го статута и строй Литовско-Русскаго государства, съ которымъ оно вступило въ соединеніе съ Польшею въ 1569 году. Не остановившись на повѣтовой реформѣ 1565—1566 годовъ и не выдѣливъ въ исторіи Литовско-Русскаго повѣта эпохъ до и послѣ этой реформы, *Θ. И. Леонтовичъ* лишилъ свои опредѣленія повѣта той ясности и полноты, которая должно было обезпечить этимъ опредѣленіямъ его многолѣтнее и широкое изученіе Литовско-Русскаго права. Это мы считаемъ главнымъ возраженіемъ, которое должно быть сдѣлано по отношенію ко всѣмъ опредѣленіямъ „повѣта“, которыя даны *Θ. И. Леонтовичемъ*.

Значеніе повѣта, какъ шляхетской корпораціи, выдвинулъ и *М. В. Довнаръ-Запольскій*. Изучая „земскія подати и повинности“ и шляхту въ ея отношеніяхъ къ нимъ²⁾, *М. В. Довнаръ-Запольскій* говоритъ, что въ шестидесятихъ годахъ XVI столѣтія „каждый повѣтъ представляетъ собою общину, объединенную въ военно-административномъ, судебномъ и политическомъ отношеніяхъ“. Повѣтъ составляетъ только шляхта; „въ свою очередь повѣтъ разбивается на шляхетскіе роды, состоящіе изъ гербовной братіи“³⁾. Къ сожалѣнію, несмотря на знакомство съ обширнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ, *М. В. Довнаръ-Запольскій*

1) Въ 1863 году вышла въ свѣтъ его магистерская диссертация „Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI в. в.“ (въ № № 10 и 11 Киевскихъ Университетскихъ Извѣстій и отдѣльно — Киевъ 1863).

2) *М. В. Довнаръ-Запольскій*. Госуд. хозяйство Вел. Княжества Литовскаго при Ягеллонахъ. Т. I. Глава VI.

3) *Op. cit.* Стр. 655.

не вошелъ болѣе детально въ изученіе Литовско-Русскаго повѣта ¹⁾).

Въ дополненіе къ приведеннымъ опредѣленіямъ „повѣта“ Великаго Княжества Литовскаго, сдѣланнымъ въ русской исторической литературѣ, отмѣтимъ взглядъ на него М. С. Грушевскаго, изложенный имъ въ пятомъ томѣ написаннаго по-украински его труда „Історія України-Руси“ ²⁾. М. С. Грушевскій противопоставляетъ „польскій терминъ“ повѣтъ „старорусскому“ термину „волость“. Последнее слово въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ приурочилось къ меньшему округу — сельской организаціи. Что же касается до „повѣта“, то это слово стало обозначать округи болѣе крупныя, съ особыми намѣстниками или старостами во главѣ. М. С. Грушевскій признаетъ большую неравномѣрность территорій повѣтовъ и считаетъ возможнымъ отмѣтить, что въ собственной Литвѣ повѣты были гораздо меньше и много крупнѣе въ областяхъ-аннексахъ, а особенно на Украинѣ. Въ изложеніи М. С. Грушевскаго повѣтомъ является округъ, находящійся подъ административно-судебною властью намѣстника. На образованіе взгляда на повѣтъ, высказаннаго г. Грушевскимъ, повліяли несомнѣнно опредѣленія этого вида областного дѣленія, сдѣланныя В. Б. Антоновичемъ и М. Ф. Владимірскимъ-Будановымъ. На эту связь указываютъ признаніе необходимости крупныхъ размѣровъ территоріи округа для того, чтобы онъ могъ называться повѣтомъ, а также упоминаніе о повѣтовыхъ замкахъ, къ которымъ принадлежали господарскіе дворы ³⁾ и о центральномъ замкѣ повѣта ⁴⁾. Но дѣятельность и компетенція намѣстника, сто-

1) Ученая критика уже отмѣтила упущеніе изъ виду М. В. Довнаръ-Запольскимъ различія предѣловъ повѣтовыхъ округовъ до и послѣ реформы 1565—1566 годовъ. См. разборъ этого изслѣдованія М. В. Довнаръ-Запольскаго, сдѣланный М. К. Любавскимъ въ Отчетѣ о присужденіи премій П. Н. Батюшкова (СПб. 1904. Стр. 87).

2) Михайло Грушевський. Історія України-Руси. Том V. У Львові, 1905. Стр. 294 и сл.

3) *Op. cit.* Стр. 295.

4) *Op. cit.* Стр. 298. Г. Грушевскій, повидимому, думаетъ, что повѣтами могли называться лишь округи, управляемые господарскими намѣстниками, но не князьями, подчиненными великому князю. Онъ нишеть: „кн. Пинське і кн. Туровське також стали повітами в XVI в. по

явшаго во главѣ повѣта, изображена М. С. Грушевскимъ на основаніи изслѣдованія ихъ М. К. Любавскимъ и на основаніи самостоятельнаго изученія источниковъ.

Таковы мнѣнія о Литовско-Русскомъ повѣтѣ, высказанныя въ русской исторической литературѣ¹⁾. Въ вопросѣ о происхожденіи слова „повѣтъ“ и обозначаемаго этимъ словомъ вида областного дѣленія Литовско-Русскаго государства изложенныя ученія мнѣнія расходятся: одни изъ нихъ выводятъ Литовско-Русскій повѣтъ изъ Польши, другія считаютъ его возникшимъ самостоятельно въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. Въ утвержденіи, что Литовско-Русскій повѣтъ происхожденія польскаго, нужно отмѣтить двѣ стороны, противъ которыхъ должны быть сдѣланы возраженія. Первое изъ нихъ слѣдующее. Латинское слово „districtus“, переводимое польскимъ „powiat“ и русскимъ „повѣтъ“, не можетъ быть признано вполне соответствующимъ этимъ словамъ по своему значенію. Слово „powiat“ въ новомъ польскомъ языкѣ употребляется для обозначенія единицы областного дѣленія въ двоякомъ значеніи: 1) въ общемъ значеніи подраздѣленія крупной единицы областного дѣленія и 2) въ специальномъ значеніи того вида областного дѣленія, которое существовало въ Польшѣ съ послѣднихъ десятилѣтій XIV столѣтія вплоть до раздѣловъ Речи Посполитой. Въ первомъ случаѣ имѣемъ слово общаго значенія, во второмъ — опредѣленный терминъ. Примѣромъ употребленія слова „powiat“ въ первомъ изъ указанныхъ сейчасъ его значеній можетъ служить приложеніе его къ

вимертю княжихъ династій“ (стр. 294). Между тѣмъ Пинскій повѣтъ извѣстенъ актамъ конца XV столѣтія, когда Пинскъ находился еще во владѣніи семьи князя Семена Омельковича. Р. Ист. Б. XXVII, ст. 129, 130, 683. Ср. слѣдующее примѣчаніе.

1) А. С. Грушевскій въ своемъ трудѣ Очеркъ исторіи Турово-Пинскаго княжества въ составѣ Литовско-Русскаго государства XIV—XVI в. (Кіевскія Университетскія Извѣстія за 1902 и 1903 г. г. и отдѣльно), изучая „мѣстную администрацію“ (стр. 88—97, К. Унив. Изв. 1902 г. X), не останавливается на терминѣ „повѣтъ“, хотя указываетъ повѣты Пинскій и Городецкій въ изучаемой имъ территоріи (стр. 44 и сл.). Пинскій князь Феодоръ Ивановичъ Ярославичъ въ одномъ изъ своихъ листовъ говоритъ: „въ повѣтѣ нашомъ Городецкомъ“ (Ревнзія пущь и переходовъ звѣрпныхъ въ бывшемъ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. . . . Вильна 1867. Стр. 332). Ср. предыдущее примѣчаніе.

современнымъ уѣздамъ Россіи, такъ непохожимъ на повѣты старой Польши и Польско-Литовской Речи Посполитой¹⁾. Латинское слово „districtus“ переводилось на польскій языкъ словомъ „powiat“, и создалось утверждение, что повѣтовое дѣленіе въ Польшѣ было введено уже Болеславомъ I-мъ на рубежѣ X-го и XI-го столѣтій²⁾. Бракъ Ягайла съ Ядвигаю и обѣщанное предшествующей этому браку Кревскою уніей соединеніе Литвы съ Польшею дали поводъ говорить о перенесеніи Польскаго повѣта въ Великое Княжество Литовское. Такому утверженію благопріятствовали преувеличенные представленія о силѣ Польскаго вліянія на Литовско-Русское государство въ эту эпоху и о размѣрахъ власти великаго князя надъ этимъ государствомъ. Перенесеніе Польскаго повѣта въ Великое Княжество Литовское доказывалось ссылками

1) Примѣръ употребленія слова „powiat“ рядомъ въ обоихъ значеніяхъ даетъ слѣдующая выписка изъ труда г. Янковскаго, посвященнаго изученію Ошмянскаго повѣта: „Gdy mowa o powiecie oszmiańskim z przed więcej niż stu laty, należy przedewszystkiem nie tracić z oczu ówczesnych jego granic. Siegały one daleko po za dzisiejszy powiatu obszar, obejmując niemal cały dzisiejszy powiat święciański i znaczną część wilejskiego“. (Powiat Oszmiański. Materiały do dziejów ziemi i ludzi. Zebrał i wydał Czesław Jankowski. Część druga. Petersburg 1897. Str. 257). Ср. обозначеніе словомъ „powiat“ современныхъ уѣздовъ Виленскаго, Свенцянскаго, Вилейскаго, Новогрудскаго, Лидскаго и Ошмянскаго на картахъ послѣдняго уѣзда въ 1896 году, приложенныхъ ко всѣмъ четыремъ частямъ этого труда г. Янковскаго (всѣ онѣ вышли въ Петербургъ — 1-я часть въ 1896 году, 2-я въ 1897-мъ, 3-я въ 1898-мъ, 4-я въ 1900-мъ).

2) Бандтке еще избѣгаетъ называть Болеславово дѣленіе повѣтами (Dzieje Królestwa Polskiego przez Jerzego Samuela Bandtkie. Tom I. W Wroclawiu 1820. Str. 208—209. Русскій переводъ — Исторія государства Польскаго. Сочиненіе Георга Самуила Бандтке. Переводъ съ Польскаго П. Г. СПб. 1830. Стр. 103—104). Но другіе историки и историки права ведутъ начало повѣтоваго дѣленія Польши съ эпохи этого князя (напр., Joachim Lelewel — Polska, Dzieje i Rzeczy jęj, tom II, Poznań 1859, str. 20—21, 26; Jan Wincenty Bandtkie-Stężyński, Historia Prawa Polskiego, Warszawa 1850, str. 70). Русскіе труды и переводы польскихъ трудовъ по исторіи Польши также повторяютъ это (нпр., И. Кулжинскій, Исторія Польши, Кіевъ 1864, стр. 18; М. Бобржинскій, Очеркъ исторіи Польши, переводъ подъ редакціей проф. Н. И. Карѣва, томъ I, СПб. 1888, стр. 77—79; Влад. Грабенскій, Исторія Польскаго народа, переводъ подъ редакціей пр.-доцента Н. Ястребова, СПб. 1910, стр. 16).

на слово „*districtus*“, которое употребляют нѣкоторые документы, выданные Ягайломъ¹⁾. Но это слово отнюдь не можетъ считаться терминомъ, находившимъ свое примѣненіе исключительно въ Польшѣ. Слово „*districtus*“ было однимъ изъ обычныхъ словъ средневѣковой латыни, и употребленіе его латинскимъ языкомъ актовъ Великаго Княжества Литовскаго нисколько не говоритъ о перенесеніи Польскаго областного дѣленія или его наименованія въ Литовско-Русское государство. Гдѣ употреблялся латинскій языкъ, тамъ употреблялось и слово „*districtus*“, обозначая судебно-административные округа, столь различные по своему происхожденію въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, дѣйствовавшихъ въ различныхъ государствахъ²⁾.

Итакъ, первое изъ возраженій, которыя нужно сдѣлать

1) Большое вліяніе на усвоеніе этого взгляда оказалъ Ярошевичъ, трудъ котораго (*Obraz Litwy pod względem jęj cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII — przez J. Jaroszewicza, profesora prawa krajowego w b. Uniwersytecie Wileńskim*. Три тома, изданные въ Вильнѣ въ 1844 и въ 1845 годахъ) долго служилъ единственнымъ достаточно для своего времени полнымъ изложеніемъ внутренняго строя Великаго Княжества Литовскаго. Какъ мы видѣли выше, въ новѣйшее время на Польскомъ происхожденіи Литовско-Русскаго повѣта настаиваетъ Ѳ. И. Леонтовичъ. Но онъ ссылается въ подтвержденіе своего взгляда или на старые польскіе труды, которые еще не знаютъ результатовъ новыхъ изслѣдованій вопроса о Польскомъ повѣтѣ (*Jaroszewicz, Maciejowski, Bandtkie-Stężyński*), или на латинское слово „*districtus*“ въ актахъ, относящихся къ исторіи Литовско-Русскаго государства, принимая это слово равнозначущимъ слову „повѣтъ“ (при этомъ ссылка на № 464 собранія Даниловича, сдѣланная на стр. 317 Очерковъ исторіи Литовско-Русскаго права, относится даже не къ тексту переведеннаго на польскій языкъ документа, а къ примѣчанію издателя — *Skarbiec Dyplomatów Papieżkich, Cesarskich, Królewskich, Książęcych; Uchwał narodowych, Postanowień różnych władz i urzędów, posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów; zebrał i w treści opisał Ignacy Daniłowicz, tom I, Wilno 1860, str. 229*).

2) Въ словарь Дю-Канжа находимъ такое опредѣленіе для слова „*districtus*“: „*Districtus, Territorium feudi seu tractus, in quo Dominus vassallos et tenentes suos distringere potest: justitię exercendę in eo tractu facultas*“. Въ числѣ выписокъ изъ источниковъ въ словарь встрѣчаемъ слѣдующую: „*et totum Districtum ejusdem insulę cum tota justitia dedi eis*“. *Glossarium Medię et Infimę Latinitatis conditum a Carolo Dufresne Domino Du Cange cum supplementis integris monachorum ordinis S. Benedicti D. P. Carpenterii Adelungii, Aliorum, Suisque digessit P. A. L. Henschel. Tomus Secundus. Parisiis 1842. P. 889.*

по поводу ученых мнѣній о Польскомъ происхожденіи Литовско-Русскихъ повѣтовъ, касается самаго слова „повѣтъ“. Второе — относится къ содержанию понятія, выражаемаго этимъ словомъ. Разработка исторіи права Польши въ настоящее время обнаружила, что „повѣтъ“, въ спеціальномъ значеніи особаго вида областного дѣленія, въ самой Польшѣ возникаетъ лишь въ послѣднихъ десятилѣтіяхъ XIV столѣтія и что округа „городовъ“ предшествующаго времени не имѣютъ права называться въ ученой литературѣ повѣтами. Такимъ образомъ не только выяснилось несоотвѣтствіе термина „districtus“ термину „powiat“, но и самое существо Польскаго повѣта оказалось рѣзко отличнымъ отъ того, чѣмъ были дистрикты болѣе ранняго времени. Если въ основу повѣтоваго дѣленія Польши въ послѣднія десятилѣтія XIV вѣка ложился не административный принципъ, а принципъ компетенціи шляхетскаго повѣтоваго суда, какъ это выяснено теперь, то, естественно, является вопросъ: почему до-реформенный Литовско-Русскій повѣтъ, не имѣвшій этого суда повѣтовъ Польскихъ, долженъ былъ заимствовать отъ послѣднихъ свое названіе, хотя онъ не обладалъ именно тѣмъ, что было сутью повѣтоваго дѣленія Польши? ¹⁾

Но слово „повѣтъ“ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано чуждымъ русскому языку. Литовско-Русскіе акты знаютъ слово „повѣтъ“. Такъ, въ записи „шкоды“ людей князя Ивана Андреевича Полубенскаго, внесенной въ одну изъ книгъ Литовской Метрики между документами

1) „Te miejscowości, w których roczki się zbierały, stały się ośrodkami, około których utworzył się powiat. Kiedy pierwotnie można było pozywać to do tej, to do tamtej miejscowości, powoli w ciągu paru ostatnich dziesiątków lat XIV stulecia wyrabia się ściśle określenie zasady, że osiadłych w pewnych granicach należy pozywać tylko i wyłącznie do sądu tego okręgu. A taki okrąg — to powiat“ — такъ опредѣляетъ значеніе повѣта изслѣдователь областного суда Польши г. С. Кутшеба (Stanisław Kutrzeba. Starostwie, ich początki i rozwój do końca XIV w. Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Historyczno — Filozoficzny. Serya II. Tom XX. Str. 266). Результаты новѣйшей разработки вопроса о происхожденіи Польскаго повѣта см. въ переведенномъ на русскій языкъ трудѣ того-же д-ра Станислава Кутшебы — Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши. Переводъ подъ редакціей прив.-доцента Н. В. Ястребовъ. СПб. 1907. Стр. 51— 52. Ср. М. Грушевскій, Барское староство — историческіе очерки (Кіевъ 1894) стр. 130 и сл.

1521 года, читаемъ: „отъ тое пожоги выгорели дванадцать грядъ капусты, пять грядъ огурковъ, чосноку три гряды, куровъ тридцатеро, гусей пятеро; поветъ згорела; подъ поветью были трой колеса“¹⁾. Слово „повѣць“ въ значеніи навѣса, уменьшительныя отъ него „повѣтка“ и „повѣточка“, а также произведенное отъ него прилагательное „повѣтныи“ до настоящаго времени употребляются въ Бѣлоруссіи²⁾. Слово „повіт“ въ значеніи сарая извѣстно словарю языка „русскихъ южанъ“³⁾. Словари вообще русскаго и даже великорусскаго языка внесли слово „повѣтъ“ на свои страницы⁴⁾. Но и слово „повѣтъ“ извѣстно древне-русскому языку въ значеніи завѣта, зарока или запрещенія⁵⁾. Въ живомъ великорусскомъ языкѣ слово „повѣтъ“ также сохранилось по Далю въ отдѣльныхъ говорахъ въ значеніи завѣта, завѣщанія или наговора⁶⁾. Если уже наличность слова „повѣтъ“ въ русскомъ языкѣ даетъ нѣкоторую воз-

1) Р. Ист. Библи. XX. Ст. 1522—1523.

2) И. И. Носовичъ. Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія. СПБ. 1870. Стр. 434.

3) Пискуновъ Фортунатъ. Словарь живаго народнаго, письменнаго и актываго языка русскихъ южанъ Россійской и Австро-Венгерской имперіи. Изданіе второе. Кіевъ 1882. Стр. 193.

4) Словарь Академіи Россійской, по азбучному порядку расположенный. Часть IV. СПБ. 1822. Ст. 1194 (повѣтъ — „въ деревняхъ заборъ“). Общій церковно-славяно-россійскій словарь или Собраніе реченій какъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ . . . по порученію Комитета Устройства Учебныхъ Заведеній составленное П. С. съ присовокупленіемъ таблицъ склоненій и спряженій. Часть II. СПБ. 1834. Ст. 518 (повѣтъ — „въ деревняхъ заборъ“). Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Томъ III. СПБ. 1847. Стр. 243 (повѣтъ — „родъ чердака надъ сараемъ, или другимъ строеніемъ“; повѣтье — „крестьянскій сарай для телѣтъ, саней и всякой упряжи“). Толковый словарь живого великорусскаго языка Владимира Даля. Третье изданіе (подъ ред. проф. И. А. Бодуэна-де Куртневъ). П. Ст. 387 (повѣтъ — „вообще крытое мѣсто, . . .“).

5) „Они же не приша рѣчи его, Дарія боящися, бяху бо под рукою его и повѣтъ имуще не воевати на нь“. Жит. Алекс. Макед. Цитируемъ по Матеріаламъ И. И. Срезневскаго, который беретъ эту выписку отъ Востокова (Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ И. И. Срезневскаго. Томъ второй. СПБ. 1902. Ст. 1010). „Повѣтъ -- завѣтъ, зарокъ, запрещеніе“.

6) Толковый словарь жив. велик. языка. П. Ст. 387.

возможность искать сближенія съ нимъ „повѣта“ Литовско-Русскаго областного дѣленія, то употребленіе древне-русскимъ языкомъ слова „повѣтъ“ въ значеніи завѣта или запрещенія можетъ служить серьезнымъ основаніемъ для того, чтобы выводить изъ него это обозначеніе округа, въ предѣлахъ котораго править, т. е. приказываетъ, разрѣшаетъ и запрещаетъ опредѣленная власть. Употребленіе актами выраженія „подъ повѣтомъ“ въ значеніи „подъ управленіемъ“, приведенное выше¹⁾, вполне гармонируетъ съ общимъ характеромъ значенія слова „повѣтъ“ какъ зарокъ или запрещенія, заключающаго въ себѣ элементъ власти. Мы не рѣшились бы всецѣло настаивать на сдѣланныхъ сейчасъ филологическихъ сближеніяхъ. Но не можемъ, однако, не отмѣтить, что русское происхожденіе слова „повѣтъ“ Литовско-Русскихъ памятниковъ можетъ казаться вѣроятнымъ и по другому основанію. Это слово никогда не дается памятниками въ польскомъ его произношеніи, если оно написано русскими буквами. „Повятъ“ вмѣсто „поветъ“ едва ли возможно встрѣтить въ Литовско-Русскихъ памятникахъ, если они писаны русскимъ, а не польскимъ письмомъ. Между тѣмъ слова, употребляемая и польскимъ и русскимъ языками, встрѣчаются въ этихъ памятникахъ сплошь и рядомъ и въ польскомъ и въ русскомъ ихъ произношеніи: „одностайне“ и „едностайне“, „печать“ и „печеть“, „шапка“ и „чапка“, „сабля“ и „шабля“ и т. д. Во всякомъ случаѣ, едва ли возможно доказать, что старый „повѣтъ“ Литовско-Русскаго государства былъ перенесенъ изъ Польши, и едва ли возможно утверждать, что русскій языкъ не могъ дать названія тому, что въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ понималось подъ „повѣтомъ“ въ періодъ времени до реформъ 1565—1566 годовъ.

1) См. выше, стр. 5. Еще примѣръ. Въ листѣ-пожалованіи великаго князя Казимира на Пинскъ княгинѣ Маріи Семеновой Александровича (Олельковича) въ 1471 году стоитъ: „а которы пановѣ и бояре наши подѣ Пинскимъ повѣтомъ имене держать, то бы они такъ и держали, а кнегини въ то не надобе вступатися“ (А. С. Грушевскій. *Op. cit.* Приложенія. № 1. К. Ун. Изв. 1903 г. II). Ср. выше, на стр. 16—17, примѣненіе статутомъ 1529 года слова „повѣтъ“ къ обозначенію компетенціи урядовъ, не имѣвшихъ областного административнаго значенія.

Глава II.

Литовско-Русскій повѣтъ послѣ реформы шестидесятихъ годовъ XVI столѣтія.

Повѣтовая реформа 1565—1566 годовъ и ея значеніе. Воеводства и повѣты, созданные реформою. „Списанье поветовъ и границъ“, сохранившееся въ Литовской Метрицѣ, и „Попись“ 1567 года. Установленіе границъ новыхъ повѣтовъ и разрѣшеніе вопросовъ, съ нимъ связанныхъ. Измѣненія въ составѣ повѣтовъ отдѣльныхъ воеводствъ послѣ реформы 1565—1566 годовъ. Люблинская Унія 1569 года и воеводства и повѣты Великаго Княжества Литовскаго послѣ нея. Вопросъ о границахъ Литовско-Русскихъ повѣтовъ, смежныхъ съ Польшею. Смоленское воеводство. Просьбы Литовско-Русскихъ повѣтовъ объ измѣненіи отдѣльныхъ сторонъ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ. Опредѣленіе центровъ для новыхъ повѣтовъ. Вопросъ о повѣтовомъ центрѣ Жомойтской земли. Перенесеніе повѣтоваго центра Упитскаго повѣта изъ Упиты въ Поневѣжь. Созданіе временныхъ повѣтовыхъ центровъ. Господарскіе дворы и замки, какъ мѣсто функціонированія повѣтовыхъ урядовъ. Повѣтовый дворъ и „изба судовая“. Новый повѣтъ въ значеніи шляхетскаго округа и шляхетской корпораціи. Новый повѣтъ въ значеніи единицы областного дѣленія Великаго Княжества Литовскаго. Итоги изученія новаго повѣта. Подляшье въ XVI столѣтіи и его строй до присоединенія Подляшской земли къ Польшѣ въ 1569 году.

Къ шестидесятымъ годамъ XVI столѣтія въ Литовско-Русскомъ государствѣ ясно обнаружилась потребность реформы суда, военнаго дѣленія земскаго войска, шляхетскаго представительства на сеймѣ и, наконецъ, областной администраціи. Для своего осуществленія эта реформа требовала новаго областного дѣленія и измѣненія предѣловъ компетенціи старыхъ урядовъ, вѣдавшихъ судъ и управление въ областяхъ Литовско-Русскаго государства и ихъ подраздѣленіяхъ. Первое было совершено Виленскимъ сеймомъ

1565—1566 годовъ¹⁾; второе оказалось возможнымъ послѣ Бѣльскаго сейма 1564 года, на которомъ должностныя лица, занимавшія въ это время уряды, соединенные съ областными судомъ и администраціей, сами отказались отъ прежнихъ правъ, принадлежавшихъ этимъ урядамъ²⁾. На Бѣльскомъ сеймѣ 1564 года всѣ воеводы, земскіе урядники, старосты и державцы, „и которыхъ кольвекъ владности судовые“ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ „переказали и впередъ переказати бы могли“ проекту II-го статута „и порядку а засаженью судовъ, въ немъ постановенному и описаному, пришедши“ и ставши передъ господаремъ „обличне. . . . , суды свои зо всеми владностями и пожитъки, которыи по звирхности судовъ“ великаго князя „не мней на нихъ належали и зъ обычаю перво помененого, и водлугъ статуту старого, выпустили“ и всѣхъ своихъ правъ по судебному значенію своихъ урядовъ, „и тежъ водле звычайу права Корунного вецовъ, судовъ и справъ всихъ воеводскихъ отъступили и вырекли наконецъ“. Этого мало. Воеводы, урядники, князья, паны, маршалки и вся шляхта, „никого не выймуючи, почонъ отъ старшого“ по великомъ князѣ, „ажъ до наменьшого, такъ духовныи, яко и светскіи, великого [а] малого роду, — вси обыватели Великого Князьства на томъ сойме великомъ вальномъ Бельскомъ въ одно ровное право, въ однакій и не инакшій судъ и моць а властность и поступъки судовые, и въ послушеньство а въ порядокъ врядовъ, на судъ выбранныхъ и высажонныхъ, сами и съ потомки своими поддали и поддають“. Такимъ образомъ уничтожалось главное препятствіе къ реформѣ областного суда, которой уже не одно десятилѣтіе добивалась шляхта Литовско-Русскаго государства: 1) сами обладатели урядовъ, соединенныхъ съ правами суда надъ шляхтою, отказались отъ этихъ правъ и 2) лица, которыя не подлежали повѣтовому суду³⁾, добровольно признали свою ему подсудность. Но Литовско-Русская шляхта получила на Бѣль-

1) М. К. Любавскій. Литовско-Русскій сеймъ. Стр. 719 и сл.

2) Бѣльскій привилей 1564 года. Временникъ Императорскаго Московскаго Общества исторіи и древностей Россійскихъ, XXIII, Статутъ 1566, стр. 4—11. Тотъ же привилей изданъ М. К. Любавскимъ — приложение № 48 къ изслѣдованію „Литовско-Русскій сеймъ“.

3) См. выше, стр. 18.

скомъ сеймѣ не только это. Ей было гарантировано, что при новой организаціи областного суда, въ общемъ похожей на Польскую, воеводы не получаютъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ того значенія, которое имъ было удѣлено строемъ областного суда Польши, въ которой надъ повѣтовыми судами въ эту эпоху стояли судебныя вѣча съ воеводами и каштелянами во главѣ¹⁾. Такимъ образомъ Литовско-Русская шляхта сумѣла пріобрѣсти крупныя уступки отъ стоявшихъ надъ нею пановъ и князей. Лишь послѣ всѣхъ этихъ пріобрѣтеній шляхты открывалась возможность созданія Литовско-Русскаго повѣта въ томъ его значеніи, въ которомъ онъ существовалъ со времени утвержденія II-го статута все послѣдующее время жизни Великаго Княжества Литовскаго — и въ немногіе послѣ этого годы его совершенно самостоятельнаго существованія до Уніи 1569 года, и потомъ въ эпоху „спольной“ Польско-Литовской Речи Посполитой, вплоть до ея раздѣловъ XVIII столѣтія. Новый повѣтъ явился единицею значенія военнаго, судебного, политическаго и административнаго. Необходимость этой новой единицы ясно чувствовалась въ серединѣ XVI вѣка, и мы уже видѣли, что намѣчался и путь, которымъ она должна была создаваться. Этотъ путь — реформа военнаго дѣленія народа-шляхты; новое дѣленіе должно было и могло создать округи, на которые народъ-шляхта распадется и по границамъ территорій которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ распределятся земли господскія и владѣльческія, всѣхъ ихъ видовъ. Областное дѣленіе государства складывалось на основѣ раздѣленія на округи той части его населенія, которая была признана его „народомъ“, т. е. шляхты. На первый взглядъ можетъ показаться, что при введеніи новаго повѣтоваго дѣленія имѣлось въ виду главнымъ образомъ созданіе судебныхныхъ округовъ для новыхъ судовъ²⁾. Но въ дѣйстви-

1) О судебныхныхъ вѣчахъ Польши см., напр., Dr. Oswald Balzer, *Geneza Trybunału Koronnego — studjum z dziejów sądownictwa Polskiego XVI wieku* (Warszawa 1886, str. 18). На русскомъ языкѣ — указанный уже выше Очеркъ исторіи общественно-государственнаго строя Польши д-ра Станислава Кутшебы, въ переводѣ подъ редакціей Н. В. Ястребова (стр. 119—120).

2) Н. А. Максимейко. Сеймы Литовско-Русскаго государства до Люблинской Уніи 1569 г. (Харьковъ 1902), стр. 103: „раздѣленіе Ли-

тельности новый повѣтъ вводился отнюдь не въ цѣляхъ одной судебной реформы. Онъ долженъ былъ служить дѣлу всѣхъ четырехъ указаныхъ выше реформъ одновременно. Правда, что въ глазахъ шляхты выступала на первый планъ судебная сторона значенія новаго повѣта. Съ судомъ и его книгами шляхта имѣла дѣло постоянно, чѣмъ и объясняется ея интересъ именно къ этой сторонѣ значенія новаго дѣленія. Государскіе листы въ повѣты, тотчасъ по ихъ учрежденіи, также иногда ставятъ судебное значеніе реформы на первый планъ¹⁾. Но государскіе же листы сразу указываютъ и на другія стороны значенія новаго повѣта, какъ округа съ военнымъ, политическимъ и административнымъ значеніями. Повѣтъ сталъ единицею дѣленія государственной территоріи и единицею дѣленія народа — шляхты на корпораціи по мѣсту осѣлости, служенію земской военной службы подъ одного хоругвью, по сеймикованью какъ корпораціи этой хоругви, по присуду и по администрации. Мы видѣли выше, какъ эти стороны реформы намѣчались и какъ утверждалась необходимость ихъ осуществленія въ предшествующее время. Новый повѣтъ и его устройство и были этой реформы осуществленіемъ. Если для шляхты повѣтовый судъ стоялъ на первомъ планѣ, то для центральной власти не менѣе важнымъ должно было представляться преобразование военного дѣленія земскаго войска, особенно необходимое въ тѣ годы тяжелой войны съ Москвою, которые переживало Литовско-Русское государство въ эпоху утвержденія II-го статута. И шляхта, и ея государь сознавали, что главная задача государственной власти „оборона и справедливость“, онѣ — „фундаментъ покою посполитого“²⁾. Только шляхта въ своихъ повседневныхъ дѣлахъ и заботахъ ближе чувствовала нужду въ реформѣ областного суда, а центральная власть сознавала потребность въ общихъ реформахъ и даже, быть

товско-Русскаго государства на повѣты было произведено въ 1564—1565 г. г. ради судебныхъ цѣлей“.

1) Ср. универсалъ Сигизмунда Августа, выданный 28 января 1566 года въ Пинскій повѣтъ — Журн. Мин. Нар. Пр. 1908, I, стр. 53—55.

2) Журн. Мин. Нар. Пр. 1897. VI. Стр. 263. См. также ниже, Приложенія, стр. 98, 113.

можетъ, больше въ военной, чѣмъ въ судебной. Реформа шляхетскаго представительства и вальнаго сейма назрѣла также. Наконецъ, назрѣла и реформа областной администраціи. Необходимость всѣхъ этихъ реформъ явилась результатомъ не только внутренняго роста государства и развитія его жизни, но и результатомъ наклона этого развитія въ сторону шляхетскаго начала, которое получило полное признаніе въ серединѣ XVI столѣтія.

Виленскій сеймъ 1565—1566 годовъ раздѣлилъ все Литовско-Русское государство на 30 повѣтовъ, которые составили 13 воеводствъ. Число повѣтовъ въ отдѣльных воеводствахъ не было одно и то же. Оно колеблется между пятью и однимъ повѣтомъ. Виленское воеводство получило пять повѣтовъ: Виленскій, Ошменскій, Лидскій, Вилькомирскій и Браславскій. Троцкое — четыре: Троцкій, Городенскій, Ковенскій и Упитскій. Волынское, Новгородское и Подляшское — по три. Повѣтами Волынскаго воеводства были: Луцкій, Владимірскій и Кремянецкій; Новгородскаго — Новгородскій, Слонимскій и Волковыійскій; Подляшскаго — Дорогицкій, Мельницкій и Бѣльскій. По два повѣта получили четыре воеводства: Кіевское, Витебское, Берестейское и Минское. Повѣты Кіевскаго — Кіевскій и Мозырскій, Витебскаго — Витебскій и Оршанскій, Берестейскаго — Берестейскій и Пинскій, Минскаго — Минскій и Рѣчицкій. Наконецъ, четыре воеводства имѣли въ своемъ составѣ лишь по одному повѣту: воеводства Полоцкое, Мстиславское, Браславля Подольскаго и староство Жомойтское. Изъ перечисленныхъ сейчасъ тринадцати воеводствъ восемь существовали до Виленскаго сейма 1565—1566 годовъ, пять были учреждены на немъ — Волынское, Берестейское, Мстиславское, Браславля Подольскаго и Минское. Но, существуя до реформы 1565—1566 годовъ, восемь старшихъ воеводствъ, конечно, измѣнили свои предѣлы съ введеніемъ реформы, такъ какъ изъ нихъ были выдѣлены пять воеводствъ новыхъ.

Мы имѣемъ два официальныхъ документа, говорящихъ о распредѣленіи старыхъ повѣтовъ между тридцатью новыми, которые они образовали своимъ слияніемъ. Эти документы — „Списанье поветовъ и границъ“, сохраненное VII-ю книгою Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Литовской

Метрики, и „Попись“ земскаго войска Великаго Княжества Литовскаго, составленный въ 1567 году. „Списанье поветовъ и границъ“ находится въ VII-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ между документами 1566 года, на листахъ 117—125 книги¹⁾. Передъ этимъ документомъ въ книгѣ Метрики записана „наука и злецене з росказанья его кролевское милости поселъства на соймикъ поветовой Мельницкй, зложоный въ тыхъ часехъ передъ кветною неделею за тыйдень року²⁾ шестьдесятъ шостого“³⁾. Послѣ „Списанья поветовъ и границъ“ въ книгу внесена запись разсылки господарскихъ листовъ, со слѣдующимъ заголовкомъ: „року 66, м[е]с[я]ца октября 18 дн[я], з Варшавы розсылано листы соймовые и иные“⁴⁾. Такимъ образомъ мѣсто въ ряду записей книги Литовской Метрики, на которомъ сохранился текстъ „Списанья“, не имѣющаго даты въ оригиналѣ, вмѣстѣ съ соображеніями о необходимости составленія подобнаго документа при утвержденіи II-го статута, а также и изученіемъ подробностей содержанія этого „Списанья“ заставляють считать несомнѣннымъ его составленіе именно въ 1565—1566 годахъ, въ эпоху начала осуществленія повѣтовой реформы.

„Списанье поветовъ и границъ“ говоритъ, что „къ хоругви до Вилни тые мають быти прилучоны: Керновская, Курклевская, Кгедроитская, Судеревская, Неменьчинская, Мойшакгольская, Рудоминьская, Мемежьская“⁵⁾. Вилкомирскй повѣтъ, согласно тому же документу, принимаетъ въ себя „меньшіе поветы“ — Оникштенскй, Пенянскй и Курклевскй; къ Ковенскому — „прилучоны“ хоругви Дорсунишская, Бирштанская, Пуни и Стоклишская; къ Троц-

1) Издано М. К. Любавскимъ — Приложенія къ книгѣ „Литовско-Русскй сеймъ“, № 55 (въ передачѣ заголовка къ этому документу вкрался недосмотръ: „Описанье“ вмѣсто „Списанье“).

2) Въ оригиналѣ описка: „рош“.

3) Л. л. 115 об. — 117. Издано М. К. Любавскимъ (Литовско-Русскй сеймъ. Приложенія. № 57) и Н. А. Максимейкомъ (Сеймы Литовско-Русскаго государства. Приложенія. Стр. 157—159).

4) Л. 125. Эта запись издана также М. К. Любавскимъ (Op. cit., № 60) и Н. А. Максимейкомъ (Op. cit., стр. 166 и сл.).

5) Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 117. Въ изданіи М. К. Любавскаго стр. 156.

кому — „прилучоны“ хоругви Сомилишская, Жижморская, Высокодворская, Лепуньская, Волкиницкая, Довговская, Перелайская и Меречская, Олитская и Немоноитская. Но, соединяя нѣкоторые старые повѣты, „Списанье“ другіе оставляетъ въ ихъ прежнихъ предѣлахъ. Прямо это документъ говоритъ о повѣтахъ Упитскомъ и Браслава Подольскаго: „поветъ Упитскій самъ въ себе заставаеъ, котораго естъ миль 17“¹⁾ и „Браславль и Веница такъ, яко на тотъ часъ естъ у своихъ границахъ, застало“²⁾. О другихъ повѣтахъ „Списанье“ не говоритъ прямо, что они остаются въ своихъ прежнихъ границахъ, но не говоритъ и о присоединеніи къ нимъ другихъ старыхъ повѣтовъ-хоружествъ. Это заставляетъ думать, что крупныхъ перемѣнъ въ ихъ предѣлахъ оно не предполагаетъ.

Другой документъ оффиціального происхожденія, который былъ названъ нами выше, — „Пописъ“ земскаго войска Литовско-Русскаго государства въ Молодечнѣ въ 1567 году. Городенскій сеймъ своимъ „речесомъ“, датированнымъ 6-го января 1567 года, установивъ размѣры земской военной службы, установилъ и созывъ земскаго войска въ посполитомъ рушеньѣ листами господаря или великаго гетмана, когда это будетъ необходимо по ходу военныхъ дѣйствій Московской войны³⁾. 15 апрѣля 1567 года изъ Петркова были выданы Сигизмундомъ Августомъ въ Великое Княжество Литовское военные листы, назначающіе для сбора земскаго войска Молодечно мѣстомъ и Седьмую Субботу днемъ⁴⁾. День Седьмой Субботы послѣ Пасхи падалъ въ

1) Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 118 об. Въ изданіи М. К. Любавскаго стр. 158.

2) Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 123 об. Въ изданіи М. К. Любавскаго стр. 163.

3) Док. М. Архива Мин. Юстиціи. I. Стр. 463.

4) „Року [15]67 писаны листы военныя по панъству его кролевское милости, Великому Князству Литовъскому, складаючи рокъ збиранью войска у Молодечне на день Семое Суботы, теперешнего пришлого свята, и розосланы тые листы з Петркова м[е]с[я]ца апреля 15 дня“. Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 145. Запись разсылки этихъ листовъ находится въ той же книгѣ Метрики на л. л. 145—147. Какъ образецъ этихъ военныхъ листовъ приведенъ листъ господарскому писарю, державцѣ Свислочскому, пану Михаилу Гарабурдѣ. Въ этомъ листѣ, послѣ указанія на дѣйствія

1567 году на 17 мая¹⁾. Но земское войско собралось къ этому дню въ Молодечно далеко не въ полномъ составѣ²⁾, что вызвало разсылку новыхъ господарскихъ листовъ, требовавшихъ на основаніи постановленія Городенскаго сейма, чтобы обязанные служить земскую военную службу ѣхали со своими почтами „до Молодечна днемъ и ночью, яко на кгвалтъ поспешающися“³⁾.

Но и этотъ второй призывъ Сигизмунда Августа, датируемый уже 13 іюля 1567 года, т. е. почти черезъ два мѣсяца послѣ истеченія назначеннаго срока для сбора земскаго войска въ Молодечнѣ, очевидно, не достигъ своей цѣли, такъ какъ 1 августа 1567 года вновь были выданы великимъ княземъ листы, требующіе того же⁴⁾. Изъ всего этого ясно, что „попись“ земскаго войска, составленный въ Молодечнѣ въ 1567 году, не можетъ считаться полной пере-

Московского великаго князя и ссылки на постановленіе Городенскаго сейма, Сигизмундъ Августъ назначаетъ мѣсто „збиранью“ войска въ Молодечнѣ и предписываетъ Гарабурдѣ „тягнуть“ туда съ его почтомъ и стать тамъ „на день Семое Суботы“. Дата листа: Петрковъ, 14 апрѣля 1567 года. Подпись: „Матысь Савицкій, писарь“ (л. л. 147 об. — 148 книги).

1) Н. Горбачевскій. Археографическій Календарь . . . Вильна. 1869. Таблица № 9. О „Семой Суботѣ“ см. стр. 328 Словаря древняго актовaго языка Н. Горбачевскаго.

2) Ср. Литовско-Русскій сеймъ М. К. Любавскаго, стр. 779—780.

3) Какъ образецъ этихъ листовъ въ VII-ой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ Метрики приведенъ листъ Сигизмунда Августа, адресованный „маршалъку нашому паву Ивану Воловичу, хоружому, земляномъ и двораномъ нашимъ и всему рыцарству-шляхте, тымъ, которые имена свои въ повете Городенскомъ мають“. Листъ этотъ предписывается огласить въ мѣстахъ, при костелахъ и на торгахъ. Дата листа: Кнышинъ, 13 іюля 1567 года. Заголовокъ его въ книгѣ: „тые листы такъ писаны о показанью се на войну, яко до potrzeby, въ Молодечне“. Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. 151.

4) „Року [15]67, м[е]с[я]ца августа писаны листы военныя до всихъ поветовъ, абы ку попису до Молодечна днемъ и ночью поспешали; и розослано тые листы з Городна того жъ м[е]с[я]ца августа“. Какъ образецъ этихъ листовъ въ VII-ой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ Метрики вписанъ листъ Сигизмунда Августа къ „княземъ, паномъ, воеводамъ, кашталянномъ, старостамъ, державцамъ, вранникомъ поветовымъ, хоружому, земляномъ и двораномъ нашимъ, всимъ тымъ, которые именья и оселости свои въ повете Троцкомъ мають“. Дата листа: Городна, 1 августа 1567 года. Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. л. 151—152.

писью всѣхъ обязанныхъ служить земскую военную службу въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Но онъ можетъ дать и дѣйствительно даетъ указанія на составъ новыхъ повѣтовъ въ ихъ сравненіи со старыми, такъ какъ, будучи первымъ „пописомъ“ послѣ повѣтовой реформы, онъ долженъ былъ считаться съ переходомъ стараго повѣтоваго дѣленія въ новое, созданное Виленскимъ сеймомъ 1565—1566 годовъ и утвержденное на этомъ сеймѣ II-мъ статутомъ.

„Попись“ 1567 года¹⁾ указываетъ слѣдующія старыя

1) Заглавіе этого „Пописа“ въ рукописи его слѣдующее: „Лѣта Божего Нарожения 1567 року. Попись войска земьского Великого Князства Литовьского, которые збиралися за уфалою сойму Городенского на мѣсто, черезъ листы короля его милости назначеное, къ Молодечну. Которому збиранью часть былъ од короля его милости зложонъ на Семую Суботу, недавно прошлую; а почали збирати и пописыватися въ Красномъ Селе передъ его милостью паномъ гетманомъ, паномъ Григоремъ Александровичомъ Ходкевича, паномъ Виленскимъ, гетманомъ наивышшимъ Великого Князства Лит[о]вского, старостою Городенскимъ, державцю Могилевскимъ, черезъ мене, служебника его милости, Стефана Якимовича списано“. Рукопись „Пописа“ 1567 года, не имѣя старинной пагинаціи, имѣетъ двойную пагинацію новую (цифрами): наверху листовъ и внизу ихъ. Нижній счетъ начинается съ 17 листа. Эти пагинаціи начинаютъ расходиться съ 18 листа. Причина различія въ счетѣ: чистые листы книги, которые не принимаются въ расчетъ верхней пагинаціей и считаются пагинаціей нижней. Имѣются въ книгѣ и попытки исправлять верхнюю пагинацію счетомъ нижней (такъ, зачеркнуто цифра 17 и рядомъ написано 18, зачеркнуто 26 и рядомъ написано 29). Такъ какъ число чистыхъ листовъ, находящихся въ книгѣ между листами исписанными, все растетъ по мѣрѣ удаленія отъ ея начала, то и разница въ нижней и верхней пагинаціяхъ постоянно увеличивается съ приближеніемъ къ концу книги: 18 наверху соотвѣтствуетъ 19-ти внизу, 26—29-ти, 39—42-мъ, 40—46-ти и т. д., 352—382-мъ. Послѣдняя цифра нижняго счета — 412 (наверху 378). Далѣе нижній счетъ листовъ прекращается, возобновляясь, однако, время отъ времени: 421 (наверху 378), 677 (наверху 643) и еще не однажды. Послѣдній листъ текста — 860-й по верхней пагинаціи, 911 по нижней. Рукопись „Пописа“ 1567 года принадлежитъ Несвижскому архиву князей Радивиловъ. Мы имѣли возможность ознакомиться съ нею, благодаря любезному разрѣшенію Императорской Археографической Коммиссіи, которая въ настоящее время издаетъ „попись“ 1567 года вмѣстѣ съ „пописомъ“ 1565 года и „ухвалою“ 1528 года. За это разрѣшеніе приносимъ глубокую благодарность Императорской Археографической Коммиссіи, а равно и ея дѣлопроизводителю Василію Григорьевичу Дружинину, любезность котораго облегчила намъ работу надъ этою рукописью. Какъ выше было

хоружества-повѣты „прилучонными“ къ другимъ для образованія новыхъ повѣтовъ: къ Ошменскому повѣту — хоругви Кревскую, Свирскую и Гераноинскую¹⁾, къ Вилкомирскому — Пенянскую²⁾, къ Троцкому — Довговскую и Перелайскую, Жижморскую, Сомилишскую, Высокодворскую, Олитскую, Лепунскую и Меречскую³⁾ (часть шляхты послѣдней хоругви была присоединена, однако, къ повѣту Городенскому)⁴⁾, къ Ковенскому — шляхту кола Пунскаго съ его хоружимъ (Янъ Соболевскій), кола Дорсунишскаго, кола Бирштанскаго и кола Стоклишскаго⁵⁾, къ Лидскому — хоругви Вейшишскую, Васишишскую, Радуньскую и Остринскую⁶⁾. Берестейскій повѣтъ показанъ слитымъ изъ трехъ

указано (стр. 8, прим. 1), мы пользовались уже отпечатанными 24-мя листами изданія. Въ ссылкахъ на изданную часть „Пописа“ въ этихъ листахъ (стр. 431—768 изданія) мы указываемъ столбцы изданія и листы книги по верхней пагинации. Въ ненапечатанной еще на этихъ столбцахъ изданія части книги ссылки дѣлаемъ на листы книги по верхней же ея пагинации. Эта послѣдняя предпочтена нами, какъ не прерывающаяся.

1) „До того жъ повѣту Ошменского прилучона хоруговъ Кревская и Свирская“ (л. 123 об., ст. 593 изданія). „Къ тому жъ повѣту Ошменскому прилучона хоруговъ Кгераноинская“ (л. 128, ст. 597 изданія).

2) „До тое жъ хоругви Вилкомирское прилучона хоруговъ Пенянская“ (л. 163 об., ст. 630 изданія).

3) „До того жъ повѣту Троцкого прилучона хоруговъ Довговская и Перелайская“ (л. 176, ст. 644 изданія). „До того жъ повѣту Троцкого прилучона хоруговъ Жижморская“ (л. 178, ст. 646 изданія). „До того жъ повѣту Троцкого прилучона хоруговъ Сомилишская“ (л. 182, ст. 652 изданія). „До того жъ повету Троцкого прилучона хоруговъ Высокодворская“ (л. 188, ст. 658 изданія). „До того жъ повѣту Троцкого прилучона хоруговъ Олицкая“ (л. 191 об., ст. 663 изданія). „До то[го] жъ повѣту Троцкого прилучона (въ оригиналѣ стоитъ: „прулучона“) хоруговъ Лепунская“ (л. 195, ст. 667 изданія). „До того жъ повѣту Троцкого прилучона хоруговъ Меречкая“ (л. 197, ст. 670 изданія).

4) „Шляхта хоругви Меречкое, которые именья свои мають поблизу Седре и около Весе и Берзинькъ, которые въ поветъ Городеньскій прилучоны“ (л. 238, ст. 710 изданія).

5) „Шляхта кола Пунскаго“ (л. 270, ст. 741 изданія). „Шляхта кола Дорсунишскаго“ (л. 271 об., ст. 742 изданія). „Шляхта кола Бирштаньскаго“ (л. 273, ст. 745 изданія). „Шляхта кола Стоклишскаго“ (л. 274, ст. 746 изданія).

6) „До того жъ повѣту Лидскаго прилучона хоруговъ Вейшишская“ (л. 280 об., ст. 755 изданія). „До того жъ повѣту Лидскаго прилучона хоруговъ Васишишская“ (л. 295). „До того жъ повѣту Лидскаго при-

старыхъ повѣтовъ: Берестейскаго, Каменецкаго и Кобринскаго¹⁾. Что касается повѣта Виленскаго, то „прилучеными“ къ нему показаны лишь хоругви Рудоминская, Керновская и Судеревская²⁾. Сравнивая хоружества, которыя показываетъ „Попись“ 1567 года, какъ присоединенныя къ другимъ для образованія новыхъ повѣтовъ, съ показанными въ такомъ же положеніи присоединенными „Списаньемъ поветовъ и границъ“, легко отмѣтить большую полноту указаній перваго по сравненію съ послѣднимъ. „Списанье“ упустило отмѣтить хоругви Кревскую, Свирскую, Геранонскую, Ейшишскую, Василишскую, Радунскую, Остринскую, Каменецкую и Кобринскую. Правда, что и „Попись“ 1567 года упускаетъ назвать хоругви Курклевскую, Гедройтскую, Неменчинскую, Мойшагольскую, Мемижскую, Онкштенскую, Волкиницкую и Немонитскую, но объяснить этотъ пропускъ можно и неполнотою его рукописи, и невѣкою къ „попису“ нѣкоторыхъ хоругвей.

Уже неполнота въ перечисленіи хоружествъ, слитыхъ реформою 1565—1566 годовъ въ новые повѣты, отмѣчаемая въ „Списаньѣ“, заставляетъ относиться съ извѣстною осторожностью къ этому документу. Но изученіе его даетъ еще и другое основаніе для того, чтобы эта осторожность усилилась. „Списанье поветовъ и границъ“ говоритъ, что въ рядѣ повѣтовъ повѣтовые земскіе суды отправляютъ свои сессіи не въ одномъ центральномъ пунктѣ повѣта, а въ нѣсколькихъ его городахъ и господарскихъ дворахъ, которые имѣютъ и свои особыя земскія книги. Въ Виленскомъ повѣтѣ „одны книги и судьи у Вильни, другі[е] книги въ Кернове, а судьи тѣ же будутъ судити“. Въ Ковенскомъ повѣтѣ „книги головныя“ должны находиться въ Ковенскомъ замкѣ, но сессіи

лучона хоруговъ Радунская“ (л. 302 об.). „До того жъ по[вѣ]ту Лидскаго прилучона хоруговъ Остриньская“ (л. 307).

1) „Повѣтъ Берестейскій, Каменецкій и Кобринскій, надъ которыми повѣты хоружій одинъ — панъ Кирѣдѣй Кричевскій, судья Берестейскій“ (л. 675).

2) „До того жъ повѣту Виленскаго прилучона хоруговъ Рудоминская“ (л. 84, ст. 551 изданія). „До того жъ повету Виленскаго прилучона хоруговъ Керновская“ (л. 87 об., ст. 557 изданія) „До того жъ повету Виленскаго прилучона хоруговъ Судеровскую“ (л. 94, ст. 566 изданія).

земскаго суда отбываются по двѣ недѣли въ Ковнѣ и въ Пуняхъ, причемъ эти сессіи (роки) „мають быти четверы до году“. Въ Троцкомъ повѣтѣ: одни роки и книги въ Трокахъ, другіе — въ Меречи; сессіи земскаго суда также обозначены по четыре раза въ году. Въ Мстиславскомъ воеводствѣ роки и книги предположены въ Мстиславлѣ и Радомлѣ, въ Витебскомъ — въ Витебскѣ и Оршѣ. Говоря о распределеніи сессій земскихъ судовъ и ихъ книгъ по повѣтамъ, „Списанье“ уже само обнаруживаетъ, что оно дѣлаетъ это лишь предположительно. Послѣ описанія границъ Опшменскаго повѣта стоитъ: „книги перьвіе у Опшене, другіе въ Мяделе, третіе у Швинтанехъ, естлибы потреба; суды того повету напервей мають починати въ Опшмене, а потомъ въ Мяделе, а на конецъ въ Швинтанехъ“¹⁾. Статутъ 1566 года и дѣйствительная организація земскихъ судовъ въ Литовско-Русскихъ повѣтахъ обнаруживаютъ, что это предположеніе „Списанья“ устроить сессіи земскихъ судовъ въ нѣсколькихъ пунктахъ одного и того же повѣта, съ особыми книгами для этихъ пунктовъ, на самомъ дѣлѣ не осуществилось. Статутъ знаетъ только однѣ книги земскаго суда для цѣлаго повѣта: „установемъ тежъ, хочечы то мѣти, и приказуемъ, абы въ каждомъ таковомъ повѣтѣ, гдѣ судъ земскій будетъ, въ замку албо у дворѣ нашомъ, судья, подсудокъ и писарь земскій посполъ зъ шляхтою выбрали, збудовали и [о]патрыли таковое мѣсто, гдѣ бы завжды книги земскіе безпечнѣ отъ всякое пригоды были захованы“²⁾. Статутъ говоритъ лишь объ одномъ мѣстѣ храненія земскихъ книгъ для цѣлаго повѣта, о нахожденіи ихъ только въ одномъ пунктѣ повѣта. Что касается сессій или „роковъ“ земскихъ судовъ, то статутъ 1566 года устанавливаетъ

1) О Кіевскомъ повѣтѣ („воеводство Кіевское“), „Списанье“ говорить: „книги абы были розложены на трехъ мѣстахъ для далекости дороги и тежъ, ижъ не естъ шляхъта частая — перьвіе книги въ Кіеве, другіе въ Житомири“. Если не считать пропускъ третьяго пункта, предназначеннаго для сессій земскаго суда и храненія его книгъ, погрѣшностью рукописи, то въ этомъ пропускѣ можно видѣть еще указаніе на предположительный характеръ „Списанья“, не имѣвшего еще возможности установить третій пунктъ для отправленій земскаго суда въ Кіевскомъ повѣтѣ.

2) II ст., IV, 11.

число ихъ въ году не четыре, а три: Троицкая (весенняя), Михайловская (осенняя) и Трикрольская (зимняя)¹⁾. Статутъ 1588 года не измѣняетъ этихъ постановленій²⁾, а акты-вые книги земскихъ судовъ доказываютъ, что они дѣйствительно вступили въ силу³⁾.

Таковы замѣчанія, которыя вызываетъ текстъ „Списанья поветовъ и границъ“, сохранившійся въ 7-ой книгѣ Литовскихъ Публичныхъ Дѣлъ Метрики Литовской. На основаніи изложенныхъ выше наблюденій нельзя признать этотъ текстъ получившимъ официальное утвержденіе на Виленскомъ сеймѣ 1565—1566 годовъ. Надо думать, что „Списанье“ было лишь проектомъ, который затѣмъ былъ сданъ въ государственный архивъ Великаго Княжества Литовскаго, а потомъ при составленіи 7-ой книги Публичныхъ Дѣлъ былъ внесенъ въ нее вмѣстѣ съ документами и актами, имѣвшими санкцію правительственной власти. Организация земскаго суда въ этомъ проектѣ предполагалась ближе къ устройству того же суда въ Польшѣ, и статутъ 1566 года внесъ отмѣну нѣкоторыхъ предполагавшихся къ введенію сторонъ Польскаго земскаго суда. Въ Польшѣ дѣйствительно судья и подсудокъ земскаго суда были судебными урядниками, которые творили судъ, лично или черезъ своихъ замѣстителей, въ опредѣленныхъ пунктахъ поочередно⁴⁾.

Границы новыхъ повѣтовъ въ общемъ должны были быть опредѣлены Виленскимъ сеймомъ 1565—1566 годовъ, хотя сохранившееся и извѣстное уже намъ ихъ „Списанье“ и не можетъ быть признано ихъ точнымъ и законченнымъ

1) II ст., IV, 27. Троицкіе роки начинаются на другой день послѣ „святое Троицы, Рымского свята“, Михайловскіе — „на завтрее“ послѣ дня „светого Михайла, Рымского жъ свята“ (день св. Михайла — 29 сентября), Трикрольскіе — „о Трехъ Кролехъ, свята Рымскомъ“, также на другой день послѣ этого праздника (день Трехъ Кролей — 6 января).

2) О земскомъ судѣ Великаго Княжества Литовскаго въ концѣ XVI вѣка см. Журн. Мин. Нар. Пр. 1897, VI, стр. 263—294.

3) А. Вил. XXII. Стр. 302 и сл.

4) Stanisław Kutrzeba. Sądy ziemskie i grodzkie w wiekach średnich. Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Hist.-Filoz. Serya II. Tom XV. Str. 304. Serya II. Tom XVII. Str. 81, 145. Д-ръ Станиславъ Кутшеба. Очеркъ исторіи общественно-госуд. строя Польши (переводъ подъ ред. Н. В. Ястребова). Стр. 117—118.

установленіемъ. Не только отмѣченный выше характеръ этого документа, какъ проекта, заставляетъ это утверждать — самый текстъ „Списанья“ говоритъ объ еще только предстоящемъ точномъ опредѣленіи границъ повѣтовъ. Этотъ текстъ заканчивается слѣдующими словами: „ты границы мають быти черезъ кашталяна и увесь врадъ кожъ-дого повету выпростованы и копцами засыпаны водле на-болшого уважаня, яко наслушной быти розумеючи, водами живыми и дорогами, а где не можетъ быти, тогда копцами осыпывати ихъ“. Такимъ образомъ, границы повѣтовъ еще ожидали своего точнаго опредѣленія на мѣстѣ и по словамъ „Списанья“.

Надо думать, однако, что не для всѣхъ повѣтовъ точныя границы установились сразу. О томъ, что Кіевскій повѣтъ не имѣлъ еще, по крайней мѣрѣ, до зимы 1566 года исполнѣ опредѣленно обозначенныхъ границъ съ другими повѣтами, совершенно ясно говоритъ универсалъ о созывѣ Берестейскаго сейма на 1 декабря 1566 года, выданный въ этотъ повѣтъ Сигизмундомъ Августомъ изъ Варшавы 15 октября 1566 года. Въ этомъ универсалѣ отъ имени великаго князя говорится: „при томъ бачечи тежъ мы быти и того потребу, абы границы поветовъ помешанья не терпели, для того хоче[мъ] м[е]ти, абы, з ведомостью пана воево[ды] Кіевскаго, подоко[мо]рныи Кіевскій з судьею и подсудькомъ тамошними Кіевъскими, обославшиися з ыными вранниками другихъ поветовъ прилеглыхъ, объехати спольне границы, покуля тотъ поветъ Кіевскій замеренье свое во прахъ судовыхъ маеть мети; где бы потреба знаки новые положить, менуючи урочишчами, то бы есте все, меновите списавши, черезъ послы на съемъ до насъ послали; а мы, намовивши около того съ паны радами нашими ихъ милостью, учинимъ съ тымъ и отправить кажемъ такъ, яко ся намъ г[о]с[по]д[а]ру наслушной будетъ видети“¹⁾. Можно ду-

1) Лит. Метр. $\frac{\text{III A}}{7}$ л. л. 127 об. — 128 об. Заголовокъ этого документа такой: „Универсалъ о сойме, у Берести зложомомъ. Тыє листы такъ писаны“. Въ приведенномъ книгоу въ качествѣ образца листѣ въ Кіевскій повѣтъ Сигизмундъ Августъ обращается къ „княземъ, паномъ, старостамъ и всимъ вранникомъ дворнымъ и земъскимъ и поветовымъ, земляномъ и двораномъ нашимъ, тымъ, которые мають именья свои въ повете Кіевскомъ“. См. Л.-Р. сеймъ М. К. Л ю б а в с к а г о, Прилож. № 60.

мать, что такого же содержания листы были посланы въ октябрѣ 1566 года и въ другіе повѣты Великаго Княжества Литовскаго ¹⁾.

Вальные сеймы Литовско-Русскаго государства, собиравшіеся въ ближайшее время послѣ повѣтовой реформы 1565—1566 годовъ, постоянно выдвигали вопросы о болѣе точномъ опредѣленіи или измѣненіи границъ новыхъ повѣтовъ. На Берестейскомъ сеймѣ 1566 года послы Витебскаго повѣта въ числѣ „отказовъ“ Сигизмунда Августа получили такой: „также и для достаточнейшаго ограниченья оногo повету рачыть его кор. милость тамъ нѣкоторыхъ пановъ радъ и врадниковъ земскихъ зослати и тотъ поветъ ограничити росказати“ ²⁾. На Городенскомъ сеймѣ 1568 года Виленское воеводство просило, чтобы „для иславы того воеводства, або земли Виленское, яко столицы его милости господарское“, великій князь „рачилъ ее въ границахъ поширити и прибавити“. На томъ же сеймѣ Троцкое воеводство просило объ исправленіи границъ Троцкаго повѣта съ Городенскимъ и Ковенскимъ, причемъ послы его представили господарю „на писме то“, по какимъ бы „врочищамъ границы того округу земли Троцкое мети хотели“. Кромѣ того Троцкое воеводство хлопотало о возвращеніи „въ присудъ воеводства Троцкаго“ шляхты хоружествъ Ейшипскаго, Радуньскаго, Коневскаго ³⁾, Дубицкаго, Васишипскаго и Острынскаго, „которыя съ теперешняго новаго постановеня суть обернены въ присудъ повету Лидскаго“. Всѣ эти просьбы Виленскаго и Троцкаго воеводскихъ повѣтовъ были, однако, отложены Сигизмундомъ Августомъ до другаго сейма съ оставленіемъ пока этихъ дѣлъ „водле першаго постановеня и розграниченья зъ сойму Виленскаго“ 1565—1566 годовъ ⁴⁾. На томъ же сеймѣ Мельницкій повѣтъ хлопоталъ о присоединеніи къ нему ряда имѣній и парафій, не вошедшихъ въ него по новому раз-

1) Заголовокъ къ тексту этого листа въ VII-ой книгѣ Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ (см. предшествующее примѣчаніе) даетъ право это думать.

2) Док. Моск. Архива Мин. Юст. I. Стр. 203.

3) Въ изданіи стоитъ: „Ковенскаго“.

4) Док. Моск. Архива Мин. Юст. I. Стр. 486.

граниченію повѣтовъ¹⁾. Наконецъ въ 1569 году, на Люблинскомъ сеймѣ былъ поднятъ вопросъ о части Опшменскаго повѣта: Виленскіе послы хлопотали о присоединеніи ея къ Виленскому повѣту, Опшменскіе — о томъ, „жебы ни въ чомъ не зменшано того повету Опшменскаго, а ни до повету Виленскаго прилучено“. Сигизмундъ Августъ „комисаре певныя зеслать границы тыхъ поветовъ объехати и огледати росказати рачилъ“ и, когда эти комиссары ему „дадутъ справу, на онъ часъ его королѣвская милость о томъ постановеніе слушное вчинити хочеть на пришломъ сойме“²⁾. О неуменьшеніи своихъ границъ хлопоталъ на этомъ сеймѣ и Берестейскій повѣтъ³⁾.

Вопросъ о границахъ того или другого повѣта поднимался и впослѣдствіи. На мѣстѣ могли возникать и дѣйствительно возникали споры и недоразумѣнія по поводу того, къ какому повѣту принадлежитъ мѣстность, лежащая на границѣ двухъ повѣтовъ. Такой вопросъ, напримѣръ, былъ поднятъ въ концѣ XVI столѣтія Пинскимъ сеймикомъ, что вызвало приказаніе Сигизмунда III-го Новгородскому и Пинскому подкоморіямъ съѣхаться на границѣ этихъ повѣтовъ и опредѣлить точно предѣлы того и другого⁴⁾. Дѣло о границахъ Полоцкаго и Витебскаго повѣтовъ было представлено рѣшенію Стефана Баторія во время Торунскаго сейма 1576 года. Витебскій воевода⁵⁾ и земскіе урядники

1) Ibidem. Стр. 491—492.

2) Ibidem. Стр. 500—501.

3) Ibidem.

4) Въ записи листа Сигизмунда Августа въ Пинскій повѣтъ отъ 28 января 1566 года о введеніи въ немъ новыхъ повѣтовыхъ судовъ, сдѣланной въ Пинскихъ градскихъ книгахъ 20 января 1662 года (въ видѣ выписи изъ Пинскихъ градскихъ же книгъ отъ 3 іюня 1615 года), послѣ окончанія текста этой выписи стоитъ: „а прыписокъ на томъ выписе тыми словы — якожь и король его милость Жыкгъмунтъ Третій въ року тисеча пятьсотъ деведьдесятъ шосьтомъ, мая шостого дня пише до подкоморого Новгородскаго Адама Хрепътовича, же доношоны были прозбы отъ посъловъ з ѳынѣструкыццы, абы съ подкоморымъ Пинскимъ, на границу ихъ зехавшы, усьпокоили, окъружыли, што до которого повету належыть, абы поветъ Пинскій ублизея и шъкоды не мель“. Виленскій Центральный Архивъ, № 13014 (Пинскаго градскаго суда № 27). Стр. 358.

5) Панъ Станиславъ Паць.

и шляхта Витебскаго повѣта принесли жалобу королю на нарушеніе урядниками и шляхтою Полоцкаго воеводства „заграниченья повѣту Витебскаго“¹⁾. Только что вступившій на Польско-Литовскій престолъ и еще не вполне знакомый со строемъ соединенной Речи Посполитой, король Стефанъ получилъ по поводу этого дѣла отъ пановъ-рады Княжества „певную справу и вѣдомость, ижъ не только воеводство Витебское съ Полоцкимъ, але и все Великое Княжество Литовское, на томъ вальномъ соймѣ“²⁾, около росписанья повѣтовъ и воеводствъ въ новый порядокъ приведено и такъ постановлено, абы, яко къ справедливости людской суды кгородскіе и земскіе въ повѣтѣхъ были засажоны, такъ и каждому стану, гдѣ бы найближе, въ повѣтѣ позывати и судитися быти могло“. Баторій призналъ для себя невозможнымъ „ни въ чомъ порядку и постановенья продка“ своего „рушити“. Онъ „во всемъ“ его хранить „при mocy“, а потому и запретилъ Полоцкому воеводѣ и его Лепельскому намѣстнику³⁾ „черезъ тѣ границы вступоватися“, посылать за нихъ позвы, листы и возныхъ изъ Полоцкаго воеводства и принуждать къ отбыванію какихъ-либо „повинностей“ шляхту, которой имѣнія лежать „за тѣми границами“. Не безынтересной является въ листѣ короля Стефана и мотивировка этого приказанія: „бо, естли быхъ мы тое заграниченье межи воеводствы Полоцкимъ и Витебскимъ взрушили, тогда бы и вси воеводства и повѣты въ Великомъ Князствѣ Литовскомъ мусили ся порушити, чого быхмо не рады видѣли, абы таковыя sprawy, которые въ порадное постановенье пришли, мѣли зася рушоны быти“. Можетъ быть указанъ и Берестейскій повѣтъ, какъ примѣръ повѣта, о границахъ котораго поднимались на мѣстѣ вопросы. Въ 1578 году Берестейскій староста, панъ Остафій Воловичъ⁴⁾ обратился къ королю Стефану съ просьбою

1) А. З. Р. III. № 74.

2) Имѣется въ виду Виленскій сеймъ 1565—1566 годовъ.

3) Въ годы, когда Полоцкъ послѣ взятія его Москвою въ 1563 году еще не былъ возвращенъ Великому Княжеству Литовскому Стефаномъ Баторіемъ, замковый урядъ Полоцкаго воеводства находился въ Леплѣ. И. И. Лапко. Великое Княжество Литовское. I. Стр. 629—630.

4) Панъ Троцкій, подканцлеръ Великаго Княжества Литовскаго, староста Берестейскій и Кобринскій. Въ пяти новыхъ воеводствахъ,

о выдачѣ ему „видимуса“, т. е. копіи, съ листа Сигизмунда Августа, выданнаго въ 1566 году въ Берестейскій повѣтъ съ описаніемъ его границъ и повелѣніемъ о началѣ дѣятельности новоучрежденныхъ повѣтовыхъ судовъ. Этотъ „видимусъ“ былъ нуженъ Берестейскому старостѣ „для оказанья его на велью местцахъ, звлаца пры границы оного воеводства“¹⁾.

Съ вопросомъ о границахъ повѣтовъ приходилось считаться и органамъ повѣтовой администраціи, и органамъ повѣтоваго суда, и органамъ военного управленія повѣта. Для всѣхъ ихъ необходимо было точно знать границы территоріи, на которую простирается ихъ компетенція. Для разрѣшенія споровъ о границахъ шляхетскихъ имѣній статутъ 1566 года создалъ въ повѣтахъ урядъ подкоморія²⁾, до этого времени существовавшій только въ Подляшьяхъ³⁾.

учрежденныхъ въ 1566 году (Волынское, Берестейское, Мстиславское, Браславля Подольскаго и Минское) во главѣ администраціи и замковаго суда центральныхъ повѣтовъ воеводствъ стояли не воеводы, а старосты (И. И. Лаппо. *Op. cit.* Стр. 591 и сл. М. К. Любавскій. *Литовско-Русскій сеймъ.* Стр. 726). Поэтому и съ просьбою о выдачѣ этого „видимуса“ къ Баторію обратился не воевода Берестейскій (Гаврила Ивановичъ Горностаѣ), а Берестейскій староста.

1) Лит. Метр. ^{1 A}/₅₉ л. л. 92 об. — 98 об. „Стефанъ, Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій. Ознаймуемъ симъ листомъ нашимъ. Покладаль передъ нами панъ Троцькій, подканцлерый Великого Князства Литовьского, староста Берестейскій и Кобыньскій, панъ Остафей Воловичъ листъ продка нашего, славное памяти короля его милости Жыкгимоньта Августа, даный княжатоу, панятоу, шляхтерьперству и всимъ обователемъ воеводства Берестейского, въ которомъ то описуетъ: напередъ около границъ стеганья и влады того воеводства, потомъ около порядку судовъ и вравовъ судовыхъ оного воеводства ведлугъ объясненья статуту Великого Князства Литовьского и о иныхъ речахъ, которые шырей въ томъ листе суть поменены. И просилъ насъ, абыхмо видимусъ того листу для оказанья его на велью местцахъ, звлаца пры границы оного воеводства, дати его милости велели. А такъ мы, огледавшы того листу продка нашего, рассказали есмо его слово отъ слова въ сеь нашъ листъ вписати, который такъ се въ себе маеть“. Далѣе слѣдуетъ текстъ самаго листа Сигизмунда Августа. Дата этого „видимуса“: Варшава, 13 апрѣля 1578 года. Его заголовокъ въ книгѣ Метрики: „Видимусъ около границъ воеводства Берестейского и о порядку судовъ и иныхъ речахъ“.

2) II ст., IV, 70.

3) Журн. Мин. Нар. Пр. 1899. VIII. Стр. 346—347.

Назначеніемъ этого уряда и явился разборъ споровъ во „всякихъ розницахъ земельныхъ и граничныхъ“. Статутъ предвидитъ при разборѣ дѣль въ подкоморскомъ судѣ возможность возникновенія вопроса и о границахъ смежныхъ повѣтовъ. На такой случай онъ постановляетъ: „гдѣ бы тежь розницы въ кгрунтахъ придалися на границы сполной дву повѣтовъ, тогда не одинъ который подкоморій, але оба два зъ обу-дву повѣтовъ на такой кгрунтъ певный выѣхати мають“¹⁾. Статутъ 1588 года, вообще болѣе подробно излагающая дѣятельность подкоморскаго уряда²⁾, больше останавливается и на случаѣ возникновенія передъ нимъ дѣла, связаннаго съ разрѣшеніемъ вопросовъ о границахъ смежныхъ повѣтовъ. Развивая и дополняя установленное въ этомъ отношеніи II-мъ статутомъ, статутъ 1588 года, между прочимъ, говоритъ отъ имени господаря: „кождый подкоморій повиненъ границы повету своего съ канцлерей нашею на письме за печатью нашою у себе мети, и канцлерей наша маеть имъ то выдавати“. Если въ выясненіи границъ смежныхъ повѣтовъ соглашенія съѣхавшихся ихъ подкоморіевъ не послѣдуетъ, „тогда каждый зъ нихъ всю справу, яко се точити будетъ, и прытомъ зданье свое достаточне выписавшы, мають съ тымъ“ отослать тяжущихся, въ дѣлѣ которыхъ возникъ этотъ вопросъ о границахъ повѣтовъ, въ трибуналь. Послѣдній высылаетъ для разрѣшенія этого вопроса комиссаровъ, указавъ при этомъ имъ, которое изъ мнѣній подкоморіевъ трибуналу представляется болѣе правильнымъ. Статутъ при этомъ выговариваетъ право апелляціи для тяжущихся даже въ томъ случаѣ, если подкоморіе смежныхъ повѣтовъ въ такомъ дѣлѣ не разошлись въ своемъ опредѣленіи границъ³⁾. Законъ, такимъ образомъ, весьма озабоченъ сохраненіемъ неприкосновенными повѣтовыхъ границъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это развитіе и дополненіе статутомъ 1588 года постановленій II-го статута было вызвано практикою⁴⁾, которая должна была

1) II ст., IV, 70 — отдѣлъ артикула, озаглавленный „Справа урядовая“.

2) III ст., IX.

3) III ст., IX, 8 (Артикуль озаглавленъ: „О розницы въ такихъ кгрунтахъ, которые бы были на границы спольной двухъ поветовъ“).

4) О составленіи III-го статута см. И. И. Лаппо, *op. cit.*, стр. 189—218 и баронъ А. Э. Нольде, *Очерки по исторіи кодификаціи мѣ-*

выдвинуть много отдѣльныхъ случаевъ разногласій и споровъ о границахъ повѣтовъ, что подтверждается и приведенными выше отдѣльными указаніями источниковъ на такіе споры и разногласія. Акты подкоморскихъ судовъ не только сохранили изложеніе того, какъ подкоморіе исполняли требованіе закона о выясненіи ими границъ смежныхъ повѣтовъ, но указываютъ, что описанія границъ своихъ повѣтовъ, выданныя изъ канцеляріи Княжества, подкоморіе имѣли и до времени изданія III-го статута. Въ записи разсмотрѣнія подобнаго дѣла Троицкимъ¹⁾ и Ковенскимъ²⁾ подкоморіями, сдѣланной въ Троицкихъ подкоморскихъ книгахъ подъ 10-мъ декабря 1590 года³⁾, читаемъ, что эти подкоморіе втеченіе четырехъ дней ѣздили по спорнымъ мѣстамъ, „приспатрующіеся границамъ межы поветы и у шляхты околичное, у людей ведомыхъ, доведующіеся“. Смотрѣли Троицкій и Ковенскій подкоморіе и по „описаню границъ“, которое было выдано „на писме“ Троицкому подкоморію изъ „канцлярыи его королевской милости“ подъ печатью и за подписью „руки его королевской милости славное памяти Стефана“. Такимъ образомъ, „описанія“ границъ повѣтовъ были подкоморіямъ выданы въ имѣющихъ офиціальное значеніе выписяхъ еще въ эпоху до утвержденія статута 1588 года.

Послѣ реформы Виленскаго сейма 1565—1566 годовъ Литовско-Русское государство, какъ мы видѣли выше, было раздѣлено на тринадцать воеводствъ, которыя распались на тридцать повѣтовъ. Центральные повѣты иногда называются „воеводствами“, рядомъ съ именованіемъ ихъ повѣтами⁴⁾, что нарушаетъ выдержанность терминологіи источ-

стныхъ гражданскихъ законовъ при графѣ Сперанскомъ, выпускъ I — Попытка кодификаціи Литовско-Польскаго права, СПБ. 1906 (и въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1906—1907 г. г.), стр. 21.

1) Богданъ Огинскій съ Ковельска, подкоморій Троицкій, державца Дорсунишскій.

2) Каспоръ Матушевичъ Гедройть, подкоморій Ковенскій.

3) А. Вил. XXX. № 18. Ср. Журн. Мин. Нар. Пр. 1899, VIII, стр. 382.

4) Примѣровъ акты даютъ очень много. Вотъ нѣсколько: земскія книги Минскаго воеводства (Описаніе документовъ архива Западно-русскихъ униатскихъ митрополитовъ, томъ первый, СПБ. 1897, стр. 58), книги земскія „справъ судовыхъ земли воеводства Полоцкаго“ (Описаніе рукописнаго отдѣленія Виленской Публичной Библіотеки, выпускъ пятый,

никовъ, не давая никакой другой основы для пріурочиванія названія „воеводства“ къ центральнымъ повѣтамъ кромѣ той, что имя даннаго повѣта совпадало съ именемъ его воеводства.

Въ распредѣленіи повѣтовъ по воеводствамъ произошли вскорѣ послѣ реформы середины шестидесятыхъ годовъ XVI столѣтія нѣкоторыя измѣненія. „Списанье поветовъ Великого Князства Литовского и вриадниковъ въ нихъ“, сохраненное Литовскою Метрикою и составленное, повидимому, при началѣ осуществленія повѣтовой реформы, Лидскій повѣтъ относитъ къ числу повѣтовъ Троцкаго воеводства¹⁾, между тѣмъ какъ акты и записи уже ближайшаго времени послѣ утвержденія II-го статута относятъ его къ составу воеводства Виленскаго²⁾. Находясь на границѣ

Вильна 1906, Приложенія, стр. 35), книги судовыя земскія воеводства Витебскаго (А. Вил. XIII, стр. 9) и т. д. Повѣты Минскій, Полоцкій, Витебскій, Виленскій и т. д. см., напр., на стр. 182—183 Приложеній къ Литовско-Русскому сейму М. К. Любавскаго. Именованіе центральныхъ повѣтовъ и воеводствами, и повѣтами см. ниже — Приложенія, стр. 31—32, 116—118, 121—122 и др.

1) Лит. Метр. $\frac{III A}{7}$ л. л. 197 об. — 203 об. Это „Списанье“ издано М. К. Любавскимъ (Литовско-Русскій сеймъ. Приложенія. № 79). Въ спискѣ повѣтовъ на л. л. 162—162 об. 9-ой книги Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ Метрики Лидскій повѣтъ также относится къ составу Троцкаго воеводства. Вотъ этотъ списокъ: „Поветы — Виленскій, Ошъменскій, Вилкомерскій, Браславскій, Троцкій, Городенскій, Ковенскій, Лидскій, Упитскій, Кіевскій, Мозырскій, Луцкій, Володимерскій, Кремянницкій, Новгородскій, Слонимскій, Волковыскій, Витебскій, Оршанскій, Дорогицкій, Мелницкій, Белскій, Берестейскій, Пинскій, Мъстиславскій, Браславскій, Веницкій, Менскій, Речыцкій“. Въ книгѣ Метрики этотъ списокъ находится между записями 1569 года.

2) „Воеводство Виленское — поветы Виленскій, Ошъменскій, Лидскій, Вилкомерскій, Браславскій; воеводство Троцкое — поветы Троцкій, Ковенскій, Городенскій, Упитскій; воеводство Кіевское — поветы Кіевскій, Речыцкій, Мозырскій; воеводство Новгородское — поветы Новгородскій, Слонимскій, Волковыскій; воеводство Витебское — поветы Витебскій, Оршанскій; воеводство Мъстиславское — поветы тамошніе; воеводство Берестейское — поветы Берестейскій, Пинскій; воеводство Менское — поветъ тамошній“. Лит. Метр. $\frac{III A}{9}$ л. л. 186 об.—187. Списокъ этотъ помѣщенъ въ книгѣ Метрики между записями 1569 года. Городенскій сеймъ 1568 года знаетъ Лидскій повѣтъ въ составѣ Виленскаго воеводства (Док. Моск. Архива Мин. Юст. I, стр. 485). Для времени послѣ Люблинской Уніи см. ниже, Приложенія.

обоихъ старыхъ воеводствъ, Виленскаго и Троцкаго, округъ Лиды, по своему географическому положенію, могъ быть отнесенъ къ обоимъ этимъ воеводствамъ послѣ ихъ преобразованія, и, можно думать, что имѣло мѣсто колебаніе въ рѣшеніи вопроса о включеніи преобразованнаго Лидскаго повѣта въ составъ того или другого изъ этихъ воеводствъ. Колебаніе, можно полагать, было тѣмъ умѣстнѣе, что къ новому Лидскому повѣту послѣ реформы оказались „прилучеными“ хоругви Ейшишская, Василишская, Радуньская и Острынская¹⁾, которыя всѣ до реформы входили въ составъ Троцкаго воеводства²⁾. Но, очевидно, значеніе Виленскаго воеводства, какъ занимающаго первое мѣсто въ ряду всѣхъ остальныхъ воеводствъ, имѣющаго своимъ центромъ столицу всего государства, „столичное мѣсто Виленское“, заставило отнести въ концѣ концовъ вновь образованный повѣтъ къ нему, а не къ воеводству Троцкому, хотя этотъ повѣтъ и составилъ изъ одного лишь хоружества (Лидское), входившаго до реформы въ округъ Виленскаго воеводы, и четырехъ (Ейшишское, Василишское, Радуньское и Острынское), входившихъ въ составъ округа воеводы Троцкаго. Такимъ образомъ Виленское воеводство получило пять повѣтовъ (Виленскій, Опшменскій, Лидскій, Вилькомирскій и Браславскій), а Троцкое четыре (Троцкій, Городенскій, Ковенскій и Упитскій), и число повѣтовъ этихъ воеводствъ оказалось соответствующимъ и мѣстамъ ихъ на лѣствицѣ почетнаго значенія одного по отношенію къ другому, а также и въ ряду остальныхъ воеводствъ, изъ которыхъ ни одно не имѣло болѣе трехъ повѣтовъ въ своемъ составѣ.

Другимъ повѣтомъ, перечисленнымъ изъ одного воеводства въ другое, оказался повѣтъ Мозырскій. При введеніи новаго повѣтоваго дѣленія онъ входилъ въ составъ Кіевскаго воеводства, которое дѣлилось на два повѣта — Кіевскій и Мозырскій. Но въ 1569 году Кіевское воеводство вмѣстѣ съ Подляшскимъ, Волынскимъ и Браславля Подольскаго было оторвано отъ Литовско-Русскаго государства во время Люблинскаго сейма и присоединено къ Польшѣ. Однако Мозырскій повѣтъ остался въ составѣ Великаго

1) См. выше, стр. 63.

2) См. выше, стр. 9 и 31.

Княжества Литовскаго и былъ присоединенъ къ пограничному съ нимъ Минскому воеводству, которое черезъ это увеличило число своихъ повѣтовъ съ двухъ (Минскій и Рѣчицкій) до трехъ¹⁾.

Послѣ Люблинской Уніи 1569 года въ составѣ Великаго Княжества Литовскаго было девять воеводствъ вмѣсто тринадцати, созданныхъ реформою 1565—1566 годовъ. Четыре воеводства, какъ сейчасъ было отмѣчено, были присоединены къ Польшѣ. Число Литовско-Русскихъ повѣтовъ со времени Люблинской Уніи уменьшилось съ тридцати до двадцати двухъ. Все раздѣленіе Великаго Княжества Литовскаго на воеводства и повѣты въ 1569 году получило слѣдующій видъ: 1) воеводство Виленское — повѣты Виленскій, Ошменскій, Лидскій, Вилькомирскій и Браславскій; 2) воеводство Троцкое — повѣты Троцкій, Городенскій, Ковенскій и Ушитскій; 3) земля Жомойтская; 4) воеводство Полоцкое; 5) воеводство Новгородское — повѣты Новгородскій, Слонимскій и Волковыскій; 6) воеводство Витебское — повѣты Витебскій и Оршанскій; 7) воеводство Берестейское — повѣты Берестейскій и Пинскій; 8) воеводство Мстиславское; 9) воеводство Минское — повѣты Минскій, Мозырскій и Рѣчицкій²⁾.

Мы видѣли выше³⁾, что границы Литовско-Русскихъ повѣтовъ возбуждали вопросы и что Литовско-Русскій кодексъ внесъ даже въ свои артикулы опредѣленные указанія на способъ ихъ точнаго выясненія. Границы повѣтовъ, присоединенныхъ въ 1569 году къ Польшѣ, и границы смежныхъ съ ними повѣтовъ Великаго Княжества Литовскаго также не всегда были безспорны. Возникалъ и тутъ

1) О составѣ и происхожденіи Минскаго воеводства въ трудахъ, посвященныхъ исторической географіи Речи Посполитой и вышедшихъ даже въ недавнее время, существуютъ совершенно превратныя представленія. Вотъ выписка изъ одного изъ нихъ — Ягайло „na sejmie horodelskim г. 1413 utworzył województwo Mińskie, w pewnych granicach ustalone, które jednak dopiero około roku 1500 zostało ostatecznie urządzone i podzielone na wielkie trzy powiaty: Miński, Mozyrski i Reczycki“ (Zygmunt Gloger. Geografia Historyczna ziem dawnej Polski. W Krakowie 1900. Str. 316).

2) См. ниже, Приложенія, стр. 72.

3) Стр. 67 и сл.

рядъ вопросовъ о принадлежности пограничной земли къ тому или другому повѣту. Но разрѣшеніе такихъ вопросовъ было сложнѣе, такъ какъ они не были уже внутреннимъ дѣломъ Княжества. Люблинская Унія 1569 года не слила въ дѣйствительности Польшу и Великое Княжество Литовское въ единое государство, хотя ея актъ и говоритъ объ этомъ¹⁾. Княжество и послѣ Люблинскаго соединенія остается такимъ же „панствомъ“, т. е. государствомъ, какимъ была и Польша или Корона, съ которою оно вступило въ договорную унію. „Речь посполитая“ Литовско-Русская продолжала существовать и послѣ образования въ 1569 году соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой²⁾. Въ виду такого значенія Княжества и Короны въ соединенномъ государствѣ, вопросы о границахъ ихъ требовали соответствующихъ способовъ разрѣшенія. Подкоморіе смежныхъ повѣтовъ въ такихъ дѣлахъ не могли уже признаваться компетентными, и для разрѣшенія ихъ назначались комиссары изъ обоихъ „панствъ“. Во время Турунскаго сейма 1576 года паны-рада и земскіе послы Великаго Княжества Литовскаго, по порученію обывателей Княжества, говорили о томъ, чтобы не дѣлалось уменьшенія границъ воеводства Берестейскаго. Дѣло было въ томъ, что шляхетный Каспаръ Дембинскій, державца Рознишовскій, считалъ себя подсуд-

1) „Iz iuz Korona Polska y Wielkie Xięstwo Litewskie iest iedno nierozdzielne y nierozne ciało, a także nie różna, ale iedna spolna Rzeczpospolita, która się ze dwu Państw y narodow w ieden lud zniosła y spoila“. Цитируемъ привидей на Унію по изданію его въ Volumina Legum (Том II. Petersburg 1859. Str. 89).

2) См. ниже, Приложенія, стр. 149. Выраженіе „речь посполитая“ понимается языкомъ Литовско-Русскихъ актовъ нѣсколько иначе, чѣмъ его понимаютъ обыкновенно въ нашемъ современномъ языкѣ. Это выраженіе не обозначало „государства“, а обозначало понятіе общаго интереса, общаго дѣла, какъ цѣлаго государства („панства“), такъ и его частей, имѣющихъ значеніе болѣе или менѣе самостоятельныхъ единицъ. Рядомъ съ речью посполитою „панства Великаго Князства Литовскаго“ (нпр., А. Ю. и З. Р. I. № 148) можетъ быть речь посполитая и отдѣльнаго города, имѣющаго самоуправленіе („то все на ратушъ Меньскій ку пожитку речи посполитое мѣстское вѣчне давано и оборочано быти маеть“. А. Ю. и З. Р. I. № 204). Повѣтовый сеймикъ Жомойтской земли въ 1573 году разсуждалъ, между прочими дѣлами, и о „пильныхъ потребахъ речи посполитое земли Жомойтское“ (Вил. Арх. Сб. IV, стр. 11).

нымъ по имѣніямъ своей жены судамъ Подляшскаго, а не Берестейскаго воеводства. Послы нѣкоторыхъ Коронныхъ воеводствъ и самъ Дембинскій доказывали Стефану Баторію, что эти имѣнія входятъ въ составъ территоріи Подляшья. Этого мало. Они заявляли, что и „добра“ господарскія Ломазы, Войнь и Каденець имѣли быть присоединенными къ Коронѣ Польской Сигизмундомъ Августомъ. Паны-рада и послы Княжества „бралися“ доказать привилеями и „доводами“, что и эти господарскія „добра“, и имѣнія Каспара Дембинскаго никогда не входили въ составъ Подляшья и далеко находятся отъ границъ послѣдняго. Каспаръ Дембинскій, со своей стороны, „брался“ доказать документами, что спорныя имѣнія входили въ составъ не Берестейскаго, а Подляшскаго воеводства. Для разрѣшенія этого дѣла Стефанъ Баторій назначилъ комиссаровъ. Со стороны Польши были имъ „депутованы“: 1) Подляшскій воевода, панъ Миколай Кишка, 2) Бѣльскій каштелянь, панъ Сигизмундъ Чижевскій и 3) Варшавскій каштелянь, панъ Войтехъ Ренчайскій; со стороны Княжества — 1) Полоцкій воевода, панъ Миколай Дорогостайскій, 2) Смоленскій каштелянь, панъ Доминкъ Паць и 3) крайчій Великаго Княжества Литовскаго, панъ Янь Кишка. Эти комиссары, разобравъ дѣло на мѣстѣ, должны представить королю письменный докладъ, и на основаніи этого доклада король разрѣшить вопросъ о границахъ Подляшья и Берестейскаго воеводства, обсудивъ его съ панами-радою. Рассмотрѣніе даннаго дѣла комиссарами признается весьма важнымъ. Если кто-либо изъ назначенныхъ въ комиссію шести лицъ не будетъ имѣть возможности явиться для исполненія возложеннаго на него порученія, король замѣнитъ его другимъ лицомъ¹⁾.

1) Задача этихъ комиссаровъ опредѣляется такъ: „a ci mianowani komisarze nasi, zgodziwszy się między sobą, mają się zjechać na pewny czas, to jest we czterech niedzielach po Wielkiej Nocy, y na pewne miejsce w Miedzyrzeczu; a iako wywodów y obron szlchetnego Kaspra Dembinskiego wysłuchać, także y z Wielkiego Xienstwa Litewskiego a starostwa Brzeskiego, iako dowody o granice, który ziemię Podlaską z starostwem Brzeskim dziela, będą pokazywać, tak y wszelakie dowody mają, obaczywszy y oglądawszy y wysłuchawszy, w tey sprawie mają na piśmie ku wiadomości naszej odesłać; a my potem, z radami naszymi wyrozumiawszy, tak zastanowimy, iakoby każde wojewodztwo w swych zwykłych granicach za-

Въ 1578 году вновь встрѣчаемся съ вопросомъ о разграниченіи Подляшья и воеводства Берестейскаго¹⁾. На Варшавскомъ сеймѣ этого года послы Берестейскаго сеймика просили о недопущеніи нѣкоторымъ Берестейскимъ шляхтичамъ выхода съ ихъ имѣніями изъ подъ юрисдикціи и уряда ихъ повѣта. Съ другой стороны и Мельницкій повѣтъ Подляшья представилъ свою просьбу о несокращеніи территории его повѣтовой юрисдикціи. Иными словами, опять былъ поднятъ вопросъ о точномъ опредѣленіи границъ Берестейскаго воеводства и Подляшья. Разрѣшеніе этого вопроса вновь было возложено на комиссаровъ, причемъ составъ этой комиссіи²⁾ былъ еще больше, чѣмъ составъ комиссіи 1576 года.

Однако дѣло точнаго опредѣленія границъ Короны и Княжества, несмотря на эти постановленія, подвигалось туго. Сеймъ 1589 года внесъ въ свою конституцію постановленіе о разграниченіи пограничныхъ воеводствъ Польши и Великаго Княжества Литовскаго. Коммиссары должны, согласно этому постановленію, въ первый понедѣльникъ послѣ дня св. Бартоломея (т. е. 28 августа 1589 года)

chowane bylo; a do tego czasu y zeznania naszego szczerosci twoiey, panie Trocki, rozkazuiemy, abyś na dobra y imiona dziedziczne Kozniszowskiego prawnych postępkow nie ściagal y powiatu nie ruszal aż do uznania naszego, ku ktoremu wojewodztwu te imiona pani Dembinskiey należą". Листъ этотъ подписалъ Стефанъ Баторій своею рукою и приказалъ приложить къ нему печать Короны и печать Великаго Княжества. Дата документа: Торунь, 13 декабря 1576 года. Документъ начинается титуломъ Стефана Баторія. Въ рукописной книгѣ Библиотеки Главнаго Штаба онъ имѣетъ такой заголовокъ: „Deputantur comisarii ad constituendos fines et terminos inter Magnum Ducatum Lithvaniae et Palatinatum Podlachiae“. Библиотека Гл. Штаба, Akta Historyczne, № 2901, XI.

1) Acta Historica, Res Gestas Poloniae Illustrantia. Tomus XI. № CV.

2) 1) Бискупъ Перемышльскій Войтехъ Старозребскій, 2) Николай Кишка на Техановцѣ, воевода Подляшскій, староста Дорогицкій и Бѣльскій, 3) Гавріиль Горностай, воевода Берестейскій, староста Минскій и Каменецкій, 4) Павелъ Щавинскій, каштелянъ Ленчицкій, староста Сохачевскій и Варецкій, 5) Янъ Гайко, каштелянъ Берестейскій, державца Трабскій, 6) Янъ Дульскій, каштелянъ Хелминскій, староста Бранскій, Суражскій и Рогозинскій, 8) Янъ Глѣбовичъ, каштелянъ Минскій, староста Овинуштенскій и Радошковскій, 9) Николай Лысаковскій, каштелянъ Хелмскій, 10) князь Александръ Пронскій, стольникъ Великаго Княжества Литовскаго, 11) Адамъ, судья и поборца земли Берестейской.

сѣхаться и, не разѣзжаясь, совершить разграниченіе пограничныхъ воеводствъ и повѣтовъ на вѣчныя времена¹⁾. Несмотря на неоднократныя возобновленія послѣдующими сеймами постановленія о совершеніи наконецъ этого дѣла, XVI-й вѣкъ такъ и не увидѣлъ его исполненія, передавъ его XVII-му столѣтію, хотя неудобства отъ отсутствія точнаго опредѣленія границъ двухъ „панствъ“, соединенныхъ Люблинскою Уніей, конечно, постоянно давали себя чувствовать.

Въ числѣ воеводствъ Великаго Княжества Литовскаго считалось одно, которое въ дѣйствительности не входило въ составъ Княжества. Это — воеводство Смоленское. Въ началѣ великокняженія Сигизмунда Стараго Смоленскій намѣстникъ былъ переименованъ въ Смоленскаго воеводу²⁾, что дало возможность и Смоленскую землю называть Смоленскимъ воеводствомъ³⁾. Но въ 1514 году Смоленскъ былъ утраченъ Литовско-Русскимъ государствомъ и отошелъ къ Москвѣ, оставаясь за нею до 1611 года. Тѣмъ не менѣе воеводъ Смоленскихъ имѣло Великое Княжество Литовское и во вторую половину XVI столѣтія, но, конечно, эти воеводы имѣли лишь титулярное значеніе, не держа въ своихъ рукахъ дѣйствительной воеводской власти, хотя этотъ титулъ и давалъ носителямъ его мѣсто въ „лавицѣ“ пановъ-

1) Volumina Legum II. Petersburg 1859. Str. 287 (O rozgraniczeniu Woiewodztw, Ruskiego, Wołyńskiego, Podolskiego, Belskiego, Lubelskiego, Braclawskiego, y Kiiowskiego, także y W. X. L. z Podlaszem, y Mazowsza z Podlaszem, Nurskiego Powiatu z Kiiowską Ziemią). Ср. С. Шолковичъ, О границахъ Польской короны и Великаго княжества Литовско-Русскаго, стр. 70 и сл. въ изданіи этой статьи въ VIII-мъ выпускѣ Памятниковъ Русской старины въ западныхъ губерніяхъ, изд. съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ (СПб. 1885) и стр. 71 и сл. въ изданіи ея во II-мъ выпускѣ Сборника статей, разъясняющихъ Польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи (составилъ и издалъ С. Шолковичъ. Вильна 1887).

2) I. Wolff. Senatorowie i Dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego. Str. 51.

3) „Воеводство“ Смоленское см., нпр., Приложение № 24 къ Областному дѣленію и мѣстному управленію М. К. Любавскаго (1514 г.), Вил. Арх. Сб. I. № 55 (1580 г.). Но названіе „земля“ продолжаетъ употребляться для обозначенія Смоленскаго воеводства — нпр., П. С. Р. Л. XVII, ст. 407. См. также то же 24-ое приложение къ труду М. К. Любавскаго.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ЮРЬЕВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

выходятъ съ 1893 г. въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученыя Записки распадаются на два отдѣла: оффиціальнѣй и научнѣй.

Въ оффиціальномъ отдѣлѣ помѣщаются годовоі отчетъ Университета, актовыя рѣчи, отзывы о диссертаціяхъ, обзорныя лекціи и т. п.

Въ научномъ отдѣлѣ помѣщаются работы преподавателей Университета; изъ студенческихъ же работъ печатаются (по возможности въ извлеченіи) лишь сочиненія, удостоенныя золотоі медалі.

Научныя статьи **Ученыхъ Записокъ** печатаются какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на одномъ изъ болѣе распространенныхъ западно-европейскихъ языковъ, а также на латинскомъ, по выбору автора.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб. въ годъ.

Редакторъ **Д. Кудрявскій.**
